

Мститель

Эдуард БОРНХЁЭ

Мир приключений

Эдуард БОРНХЁЭ

Мститель

Мир приключений

Эдуард БОРНХЁЭ

Мститель

Борьба Виллу

**Князь Гавриил,
или Последние дни
монастыря Бригитты**

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

МОСКВА · ИЗДАТЕЛЬСТВО « ПРАВДА »

1989

84 Эст

Б 82

Переводы с эстонского

Послесловие

Э. Нирка

Иллюстрации художника

Б. Пашкова

Б $\frac{4702700100-1811}{080(02)-89}$ 1811—89

Мститель

ПОВЕСТЬ
ИЗ ДАЛЁКОГО ПРОШЛОГО
ЭСТОНСКОГО НАРОДА

1

Зияющая пропасть веков отделяет нас от той эпохи, когда происходили описываемые здесь события. За этот долгий период в нашей стране, как и повсюду в мире, многое кануло в вечность, и тому, кто хотел бы вновь воскресить эти легендарные времена, не удастся вернуть их своими вздохами; возникли новые условия, хоть их и нельзя назвать превосходными. Изменчивый облик мира стал в общем более юным, более приветливым; шестьсот лет тому назад лицо его, если сравнить с нашим временем, было старым и суровым. Особенно для нашей страны.

Позволь мне, читатель, несколькими легкими штрихами нарисовать тебе это отталкивающее лицо. Когда картина имеет свой основной тон, то легче и образам ее придать нужные краски и расположение.

В начале тринадцатого столетия эстонец оказался окруженным весьма своеобразными соседями. Говорят, будто с соседями вообще трудно жить в мире и дружбе. Но у эстонцев в те времена соседи были совсем свирепые, один хуже другого. Они его, бедного грешного язычника, обирали догола, чтобы солнце Рима могло беспрепятственно освещать его темную душу, они избивали его до полусмерти, чтобы он мог как следует вкушать благодати Христовой, превращали его в рабочий скот, чтобы сделать его способным нести на своем горбу блага средневековой культуры. Они заставляли его работать на поле, которое испокон веков принадлежало ему самому; здесь кнут надсмотрщика учил его почитать права новых хозяев, приобщал к просвеще-

нию и католической вере и внушал ему презрение к прохладным рощам языческих богов.

Такими милосердными соседями, учившими эстонца всему этому, были датчане и немцы.

Остальные его соседи — шведы, русские, латыши, литовцы — не скрывали хищный оскал зубов под личиной кротости, а показывали зубы с откровенной прямо-той, когда имели к тому возможность. Они частенько присаживались за скудный стол эстонца, но, наевшись досыта, а также если дубинка хозяина оказывалась покрепче, непрощеный гость отправлялся восвояси, оставляя язычников в их языческой вере.

В первых битвах «во славу веры и просвещения» датский король захватил земли Харью и Виру. Остальные земли эстонцев стали собственностью Ливонского ордена и епископов.

Когда вслед за войнами на время наступало затишье, немцы и датчане устремлялись в покоренную страну, каждый захватывал себе кусок земли и становился собственником тех крестьян, которые жили на ней. На первых порах эстонец не был еще крепостным рабом, а оставался почти свободным издольщиком. Но чем больше росло число чужеземцев, а вместе с тем и их власть, тем большего требовали они от крестьянина. Через сто лет после покорения страны датский король Христоф II отдал крестьян-эстонцев в полную собственность своим вассалам — датчанам и немцам — на вечные времена.

Впрочем, в этом и не было нужды, так как крепостное рабство уже давно вошло в полную силу. Невыносима была жизнь крепостного крестьянина еще и в наш просвещенный век, но еще более жестоким было иго рабства в суровые времена средневековья, с его опустошительными войнами, суевериями и темнотой. Не приносила умиротворения и религия, так как ее никто не проповедовал в народе. Не достигали вопли и стоны поработленного крестьянина и слуха королей: короли были далеко и к тому же всегда по горло заняты своими междоусобицами. Они, правда, держали в Таллине своих наместников, но с теми владельцы поместий так мало считались, что сами устанавливали законы и не раз предлагали Ливонскому ордену взять страну под свое управление.

Эстонец стал агнцем небесного стада, однако шерсть с этой овечки стригли только чужеземцы.

О тех временах автор исторической хроники немец Кельх пишет: «Земли эстов и ливов для помещиков подобны небесам, для попов они суший рай, для чужеземцев — золотое дно, но для крестьянина — ад».

2

В северной части Харьюмаа, недалеко от Таллина, среди векового бора, вдалеке от дорог (поскольку в те времена вообще могла идти речь о дорогах), стояла одинокая усадьба. Ее называли «Метсаталу»¹, так как она была со всех сторон окружена лесом. Принадлежала она, как это ни странно, крестьянину по имени Тамбет, который правил здесь, точно какой-нибудь «курляндский король».

Каким же образом человек этот стал хозяином усадьбы, в то время как почти все эстонцы были уже крепостными?

Это мы сейчас узнаем.

Отец Тамбета был некогда рабом таллинского епископа. Епископу принадлежало много земель и лесов, куда он, несмотря на свою тучность, часто выезжал на охоту. Вахур, отец Тамбета, был высокий, крепкий парень, его огромное тело было налито не только железной силой, но и свинцовой ленью. Он был силен как медведь, но и так же ленив. Но кожа у парня была куда нежнее, чем у медведя, и бесчисленные побои, которые доставались Вахуру за его леность, под конец так ему надоели, что он убежал от своего господина и скрылся в лесу. Епископу было жаль терять такого сильного работника; он поклялся во что бы то ни стало изловить беглеца. Выслав вперед слуг, он взобрался на свою откормленную кобылу и поскакал в лес. Здесь он, правда, заблудился, зато разыскал неверного слугу; тот спокойно спал в тени векового дуба.

— Погоди-ка, сейчас я тебя разбужу! — прошипел епископ, слезая с лошади; он поднял хлыст и — бац!..

¹ Metsatalu (эст.) — лесная усадьба.

Преступник, разбуженный таким «нежным» способом, вскочил как ужаленный и, охая, стал потирать обожженное хлыстом место.

— Ах ты, чертов приспешник! Негодяй этакий, злодей! Вот ты как? Эй, люди, сюда! Вот тебе еще раз!

Духовный владыка снова замахнулся, и злобный свист хлыста возмутил душу «чертова приспешника».

Но тут лошадь с громким ржанием вырвала поводья из рук епископа и во весь опор помчалась в чащу. Вблизи раздался глухой рев, и внезапно появился большой зверь. Он, казалось, соображал, стоит ли ему подойти поближе и познакомиться с двуногими пришельцами.

— Медведь! — вскричал святой отец и уронил хлыст.

— Ну и громадина! — пробормотал слуга.

— Гоподи боже, что же теперь делать?

Слуга пожал плечами и, не говоря ни слова, уселся на землю.

— О Иисус и Мария! Ты что, с ума сошел? Ведь тут нам и конец! Погибнуть у этого дьявола в когтях! Дурак, мужичье, вставай, бросайся на него — ты же и сам как медведь... Вахур, милый, задуши его, разорви... Смотри, он все ближе... о мать божья!.. Вахур, помоги, спаси меня, спасителя души твоей!

Вахур серьезно покачал головой.

— Лучше околеть в когтях хищника, чем под кнутом палача.

Медведь все приближался. Епископ переминался с ноги на ногу.

— Ты оставайся здесь, а я убегу!

И епископ хотел удрать.

Но Вахур встал и спокойно промолвил:

— У меня ноги длиннее, чем у господина епископа.

— Я не буду тебя пороть...

Слуга усмехнулся.

— Я отпущу тебя на волю...

Слуга прислушался внимательнее.

— Я дам тебе земли... ай-ай-ай! Господи помилуй... смотри!

Медведь, рыча, поднялся на задние лапы в трех шагах от людей.

— И господин даст мне землю в полную собствен-
ность?

— Дам, ей-богу, дам!

— Клянётесь в этом?

— Клянусь, клянусь, клянусь!

Слуга выхватил у епископа из-за пояса охотничий нож и шагнул навстречу медведю, пристально глядя на него. Тот сердито рычал... С минуту Вахур вертелся вокруг зверя и вдруг схватил его за горло своими железными пальцами и глубоко вонзил нож ему в грудь. Но смертельно раненный хищник крепко обхватил лапами своего противника. Человек и зверь катались по земле. Трещали сучья, вздымалась песчаная пыль, слышалось приглушенное рычание... и вот, наконец, человек победил. Он поднялся на ноги, весь исцарапанный, в разорванной одежде, и торжествующим взглядом посмотрел на огромное тело поверженного врага, бьющегося в предсмертных судорогах.

«На крови этого хищника взойдет цветок моей свободы», — сказал он себе.

Он не ошибся. Епископ сдержал свое слово: он отпустил беглого раба на свободу и дал ему в полную собственность участок леса на окраине земель, окружавших замок Лодиярве; замок этот впоследствии во время войн исчез с лица земли. Вахур был обязан помогать епископу только в случае войны.

Могучий Вахур построил себе в лесу домик, но оказался слишком ленивым, чтобы пахать землю. Он бродил по лесам и добывал себе пропитание охотой. Самой большой утехой для него было истреблять хищных зверей. Своей необычайной силой он прославился по всей округе, а его имя и его подвиги, во сто крат преувеличенные людской молвой, долго жили в народной памяти. Рассказывали, будто он когда-то голыми руками передумил целую стаю волков, в жестокий мороз напавших на него, содрал с них шкуры, а тушки развесил на елке, точно рождественские подарки; оттуда их потом из жалости стащили голодные волчьи сородичи и добросовестно упрятали в свои пустые брюха; будто однажды, узнав от более просвещенных людей, что в древности жил некий силач, не то Симсон, не то Самсон, который связал вместе за хвосты сто волков или медведей, Вахур изловил буйвола, медведя,

волка, кабана и еще каких-то диких зверей, укротил их, всем на диво, и, ведя за собой это адское стадо, ходил по деревне; будто бы он вырвал из земли ели вместе с корнями, обломал корни и ветки, а потом из стволов построил себе дом. Много таких рассказов о могучем Вахуре передавалось в народе из уст в уста. У молодых парней, когда они их слышали, загорались глаза, а пожилые крестьяне еще больше сгибали свои натруженные спины, и взгляд раба, устремленный в землю, словно говорил: «Он это делал. А нам не под силу... мы должны терпеть».

Некоторое время могучий Вахур одиноко бродил по лесам; наконец ему это наскучило. У владельца замка Лодиярве он за волчьи шкуры выменял миловидную девушку себе в жены, а ее брата взял в работники. Жену он баловал, землю пахать поручал работнику, сам же был грозой для диких зверей. Умер он в глубокой старости и перед смертью своему сыну Тамбету, который и сам уже был отцом семейства, завещал следующее:

— Ты знаешь, сын, что я получил свободу и землю благодаря своей силе и сохранил их также благодаря своей силе. Ты хоть и рослый парень, но у тебя длинная шея, узкие плечи и тощие бедра. Выкорчевать молодое дерево или убить дикого кабана тебе не под силу. Но у тебя живой ум, и, может быть, ты хитростью добьешься того, чего я достигал силой. Смотри же, береги свободу, которая так легко нам досталась, воля слаще меда, но и тает как мед: ты и оглянуться не успеешь, как она растает у тебя на устах и ты будешь вкушать горечь рабского пота. Возведи высокую стену вокруг нашего дома, купи себе побольше работников, обрабатывай землю, накапливай добро. Сторонись господ, презирай их непонятную веру, молись небесному отцу...

Тут у Вахура прервалось дыхание, он выпил глоток сладкого меда и добавил:

— Я познал рабство, я видел бедствия нашего народа, но я мог только скрежетать зубами. В одиночку ничего не сделаешь. Люди только бормочут проклятия сквозь зубы, а укусить не решаются... Душа народа подавлена и стонет, поверженная к ногам угнетателей... Но ты ищи тех, кто не плачется, буди их, помо-

гай им, призывай и других к этому... и когда грозный гул пронесется по всей стране, беритесь за оружие, и пусть звон его, дойдя до самых небес, разорвет тучи и пробудит скорбящих богов!

Старый Вахур умолк. Душа покинула его дряхлое тело.

Перед смертным одром стояли, проливая слезы, его жена, сын Тамбет со своей женой и их сын Яанус,¹ которому в то время было восемь лет. Вдова Вахура спустя несколько месяцев сошла в могилу вслед за своим любимым мужем. Через два года умерла и жена Тамбета.

Тамбет был живой и деятельный человек, он охотно работал и копил добро, но о страданиях своей родины не задумывался. Он купил еще трех молодых работников, срубил просторный дом с хозяйственными постройками, огородил двор бревенчатой стеной и заложил за нею сад. В подходящем месте, чуть поодаль от жилого дома, он вырубил лес и начал обрабатывать большие участки земли. Немцев, вопреки завету Вахура, он не чуждался, а уже смолоду изучил их язык, часто ездил в Таллин и в замок Лодиярве торговать и закупать нужные ему товары. Своего сына Яануса он тотчас же после смерти Вахура отдал в учение в таллинский монастырь братьев-черноризников². Он стремился воспитать сына в господском духе и обучить его грамоте. О последних наставлениях Вахура он совсем забыл.

Но Яанус о них помнил. Мужчина вообще сохраняет мало воспоминаний о своем детстве: в годы возмужания внезапно пробуждающийся ум считает все составлявшее для ребенка его мирок настолько малозначимым, что вместе с участием в этом мире детства исчезает и воспоминание о нем, и дух как бы рождается заново. Однако отдельные события, в детстве глубоко поразившие сердце человека, припоминаются ему и в зрелом возрасте, приходят на ум в часы одиночества даже в глубокой старости, вызывая то радостные, то печальные воспоминания.

¹ Яанус — имя Яан, измененное на латинский лад, как это делалось в средние века. (Прим. авт.)

² Этот монастырь стоял на том месте, где сейчас находится католическая церковь. (Прим. авт.) Речь идет о монастыре доминиканцев.

Когда Янус в первый раз въезжал в Таллин через узкие, темные Харьюские ворота, он, вольный сын зеленых лесов, смотрел полуиспуганно, полупечально на каменные здания огромной высоты, за решетчатыми окнами которых мелькали чужие, угрюмые лица. У Януса было такое чувство, будто кто-то сдавил ему горло. «Береги свободу!» — звучали у него в ушах последние слова Вахура. Но он свыкся с городом и зимой усидчиво и прилежно изучал монастырскую премудрость, которая в то время была почти единственной наукой. Летом же он с наслаждением бродил по родным лесам.

3

Янусу было десять лет, когда он в первый раз вместе с отцом поехал в замок Лодиярве, на окраине земель которого, как уже говорилось выше, стояла усадьба Тамбета.

Тогдашний владелец замка, рыцарь Конрад Раупен, был разумным господином; ему нравился умный и ловкий Тамбет. Рыцарь часто вызывал Тамбета в замок, чтобы посоветоваться с ним.

Тамбет вошел в замок, а Янус остался один на дворе с лошадьми. Он сел на кучу досок, скрестил руки на груди и стал с любопытством осматриваться. Стена, окружавшая двор, по сравнению с городскими стенами казалась ему низкой, а серая сторожевая башня напоминала наседку, сидящую на яйцах. Посередине двора стояло главное здание замка со множеством башенок, шпилей и труб, которые вздымались к синему небу, словно угрожающе поднятые каменные пальцы. В узких окнах мелькали люди, хлопотливо сновавшие туда и сюда. По двору лениво бродили краснорожие и синеносые наемные воины; они перебрасывались плоскими шутками со служанками, пришедшими по воду к колодцу, и девушки то и дело хихикали в кулак. В окошке сторожевой башни виднелся заржавленный шлем старика-привратника и его такой же ржаво-красный нос, сиявший, точно луна, над белым облаком его бороды. Янус с настойчивостью, присущей подобным мальчуганам, пытался отыскать у этого человека, кроме

носа, бороды и шлема, еще и глаза, но напрасно. Ничего, кроме белой бороды, красного носа и ржавого шлема. Мальчик искал, поглядывал иногда по сторонам, потом снова и снова принимался искать.

Вдруг он почувствовал, как что-то, подобно молнии Таары¹, с треском ударилось у его ног, и звонкий голос крикнул: «Ищи, Тарапита, ищи!» Какое-то страшное черное существо с разбегу так порывисто толкнуло головой нашего друга, что он, бедняга, кувырком перелетел через доски.

Раздался громкий взрыв хохота, и дети владельца замка — мальчик лет десяти и девочка чуть поменьше — подбежали к месту происшествия. Наш паренек только что поднялся на ноги; он теперь понял, что с ним случилось. Его гневный взгляд упал на большую собаку по кличке Тарапита: она, по приказанию своего хозяина погнавшись за обручем, так неловко пыталась его поймать. Собака, казалось, нисколько не чувствовала себя виноватой — она прыгала вокруг с обручем в зубах. Но у девочки лицо омрачилось: она подошла к Янусу и участливо спросила, не ушибся ли он.

Янус, глядя на девочку, показавшуюся ему необыкновенно красивой, пробормотал что-то вроде: «Ничего, не беда».

— Вот это было ловко! — расхохотался маленький рыцарь, похлопав по спине Тарапиту, которая вертелась около него, точно вьюн.

— Как тебе не стыдно, Одо! — серьезно и укоризненно сказала маленькая барышня. — Он из-за нас больно ушибся, а ты еще насмехаешься над ним. Разве это хорошо?

— Хорошо, так и надо! — воскликнул Одо. — Сам виноват, пусть смотрит в оба. Трах! — и его словно ветром сдуло! Ой, Тарапита, как это ловко вышло! Ха-ха-ха!

Тут Януса взорвало.

— Это шутка плохая — натравливать на людей собаку, — выпалил он гневно. — Ты глупый мальчишка и больше ничего!

С этими словами Янус снова сел, сложил руки на груди и, нахмутив брови, стал смотреть в сторону.

¹ Таара — главный языческий бог древних эстов. (*Прим. перев.*)

Его маленькая защитница глядела на него с ласковой улыбкой.

Мы должны тут шепнуть читателю, что Янус был красивый, статный паренек и сегодня был одет в свое лучшее платье — настоящее «господское дитя».

Одо покраснел, топнул ногой и сжал кулаки.

— Как ты смеешь называть меня глупым мальчишкой? — крикнул он, сверкая глазами.

— Сам знаешь, за что. Для тебя это самое подходящее название. Твоих кулаков я не боюсь, у меня и свои есть.

И Янус показал, что у него тоже имеются кулаки.

— Я натравлю на тебя Тарапиту — она тебя на куски разорвет!

Но, хотя Тарапита зарычала, показывая этим свою готовность исполнить приказание хозяина, Янус и не шевельнулся, только бросил холодно:

— Попробуй!

Может быть, Одо и попытался бы осуществить свою угрозу, но в эту минуту между противниками, жаждавшими кровопролития, встала маленькая посредница, пытавшаяся их примирить.

— Стыдись, Одо! — стала она увещевать брата. — Разве рыцари так поступают? Ты хочешь натравить собаку на беззащитного человека, перед которым сам же виноват. Отец этого не сделал бы. Бери пример с отца. Он скорее попросил бы извинения, а Тарапита за свою глупую выходку была бы наказана. Стыдись, Тарапита, стыдись, ты ничуть не лучше самой простой собаки! Вот как ты платишь мне за то, что я тебя воспитывала! Убирайся, я и видеть тебя не хочу!

Этот выговор возымел свое действие. Тарапита перестала ворчать, а Одо ответил хоть и сердито, но уже более по-рыцарски:

— Тогда он должен со мной биться. Так велит моя честь.

— За мною дело не станет, — храбро заявил Янус и встал.

— Вы ужасно упрямы, — с грустью заметила маленькая барышня, печально вглядываясь в лица противников и ища в них хоть малейших признаков, которые говорили бы о склонности к примирению. Но, увидев на этих лицах только выражение злобы и заносчиво-

сти, она взяла обоих мальчиков за руки и огорченно сказала:

— Не можете же вы биться здесь, у всех на глазах. Пойдемте в сад!

Они пошли в сад. Полем битвы избрали место с мягкой песчаной почвой, среди густых кустов малины, и противники стали друг против друга, готовые вступить в жаркий кулачный бой. Но тут маленькая посредница сделала последнюю попытку покончить дело миром. Горячо сжимая руки противников, она стала их упрощать мягко и ласково:

— Мальчики, милые, я чуть не плачу... зачем вы меня так огорчаете? («Милые мальчики» почувствовали, что гнев их уменьшился на добрую треть.) Милый чужой мальчик, мой брат такой добрый, такой славный, только сегодня он немножко вспылел, совсем капельку! Право, он очень хороший брат, я другого и не хотела бы... (Одо невольно улыбнулся.) Милый брат, мой новый знакомый — тоже славный, хороший мальчик. (Янус невольно улыбнулся.) Вы будете добрыми друзьями (мальчики глядели исподлобья, но уже не так злобно, как прежде), право, вы будете добрыми друзьями, а я буду другом вам обоим. Я люблю вас обоих (тут она опять сжала их руки). Мы будем крепко любить друг друга все трое... до самой смерти. Правда?

При этом девочка соединила их руки, сжала их своими ладонями и с боязливой улыбкой заглянула в глаза противникам.

Стыдно признаться, но это действительно так: мужское сердце под мягким женским взглядом быстро оттаивает, как снег под лучами солнца. Со стыдом признаюсь, что спустя несколько минут драчуны уже дружески пожимали друг другу руки, и теперь Эмми — так звали примирительницу — подтрунивала и смеялась над ними, как и полагается шаловливой девочке.

Со стыдом должен я также упомянуть, что теперь на долю неразумной твари — Тарапиты выпало счастье расплатиться своей собачьей шкурой за грехи разумных людей. Во-первых, вполне взрослой и породистой Тарапите пришлось выслушать от малого ребенка Эмми внушительный выговор за плохое поведение. Во-вторых, Тарапиту заставили в честь гостя и для развлечения всего общества проделывать всякие фокусы. Она

была отлично выдрессирована и умела выделять такие штуки, что новые друзья смеялись до колик и хвалили создателя Тарапиты, наделившего ее такими замечательными способностями.

Однако кличка ее Янусу совсем не понравилась. Он еще по рассказам Вахура знал предания о древних богах эстонцев и считал с полным основанием, что дать собаке такое имя — это надругательство над Таарой, отцом небес. Янус спросил, кто дал собаке такую кличку.

— У Тарапиты раньше была кличка Балбес, — со смехом пояснил Одо, — но собака была такая умная и ловкая, что нам стало стыдно называть ее так и захотелось дать ей более подходящее и звучное имя. Но так как мы не могли ничего придумать, то спросили совета у кубьяса¹, и тот сказал: «Я знаю, что крестьяне, когда верили в своих старых языческих богов, называли главного бога Таарой; да они и теперь еще продолжают тайно поклоняться ему. Для устрашения мужиков дайте Балбесу кличку «Тарапита», ведь на немецком языке вместо «Таара» говорят «Тарапита». И с тех пор мы Балбеса зовем Тарапитой.

— Кто этот кубьяс? — спросил Янус.

— Как кто? Наш кубьяс.

— Нет, я спрашиваю, что это за человек — эстонец или немец?

— Бес его знает! Наверно, какой-то выродок. Он говорит на странном языке — вместо «бауэрхунд» — «пауэрунт», а когда бранится, кричит: «Ха, ту тейвел! Ха, ту тейвел!»²

Янус на это ни слова не ответил; но он ни разу не назвал Тарапиту ее кличкой и хмурил брови, когда другие ее так называли.

Одо этого даже не заметил. Он был с псом в большой дружбе и играл с ним, как с братом. Они гонялись один за другим, боролись, обхватив друг друга, катались по земле, кувыркались и проделывали всякие шту-

¹ Кубьяс — надсмотрщик в поместьях прибалтийских баронов. (Прим. перев.)

² Кубьяс коверкает немецкие слова: «Bauerhund» («мужицкое отродье») и «du Teufel!» («ты, черт!»). (Прим. перев.)

ки. Наконец Одо встал на голову, вытянул ноги кверху и крикнул:

— Прыгай, Тарапита!

И стройное, гибкое тело Тарапиты, как стрела, пролетело между его ногами.

— Попробуй-ка ты сделать так же,— сказал Одо Янусу.

Янус встал на голову, расставил ноги и крикнул:

— Прыгай, Балбес!

Но собака высунула язык, кончик которого извивался, как змея, глянула, виляя хвостом, своими желтыми глазами на хозяина и скрылась за кустом.

Янус встал на ноги.

— Ха-ха! — засмеялся Одо.— Тарапита рассердилась, что ты назвал ее Балбесом. Почему ты не крикнул — «Тарапита»? Иди сюда, Тарапита!

Тарапита показалась из-за куста, виляя хвостом. Мальчик и собака легли на землю, Тарапита вытянула лапы, закрыла глаза; казалось, она спит. Вдруг Одо шепнул: «Смотри — кошка!» — и собака вскочила и помчалась как вихрь, а молодой рыцарь за ней.

Когда Одо и собака скрылись, Янус тихо сказал Эмми, которая поймала на листочке божью коровку и смотрела, как та ползает по ее белым пальчикам:

— Мне пора идти во двор. Отец, наверно, уже ищет меня.

Эмми осторожно сжала пальцы, так что божья коровка оказалась в плену, с сожалением взглянула на Януса и хотела что-то сказать. Но в эту минуту Тарапита выскочила из-за кустов и так неловко задела руку девочки, что пальцы ее разжались и божья коровка упала в траву.

— Ах ты, глупая! Балбес! — воскликнула Эмми и с улыбкой посмотрела на Януса. Взгляды детей встретились. Глаза мальчика, отражавшие то, что звучало в его сердце, говорили: «Что за умница! А какая добрая, и ласковая, и красивая, и милая...»

А что было в сердце маленькой женщины, я, как мужчина, не осмеливаюсь прочесть.

Садовые ворота скрипнули, показался кубьяс и позвал детей владельца замка. Одо и Тарапита наперегон-

ки бросились к воротам. Тут Тарапита ясно показала, насколько она следует наставлениям Эмми, убеждавшей ее исправиться и вести себя прилично. Одо пришла в голову сумасбродная мысль натравить своего четвероногого друга на кубьяса, и Тарапита с громким лаем, прыгая взад и вперед, начала осаждать беднягу. Тот отбивался от собаки руками и ногами, его худощавое тело смешно изгибалось, он крутился, кряхтел и кричал: «Пошла вон!» Да разве злой враг послушается! Трр! — и в зубах наглого пса уже болтается кусок полу, который он гордо несет хозяину, ликуя, точно вояка после победы. А хозяин держится за живот, покатываясь со смеху, и не обращает внимания на упреки Эмми, тоже прибежавшей сюда вместе с Янусом.

Кубьяс с жалостным видом ощупывал разодранную полу своего кафтана и визжал:

— Тарапиту действительно надо бы проучить. (Его взгляд, исподлобья брошенный на собаку, говорил: «Я бы шею тебе свернул, падаль этакая!») Смотрите, что она наделала! Вся пола разодрана! Канц фей ер-райст! Почему молодой барин не отозвал ее, она чуть не разорвала мне штаны, канц фи айне альте зак! Ха, ту тейвел! Ха, ту тейвел!¹

— О Тарапита, дорогая Тарапита! — кричал Одо между приступами смеха. — Своего крестного отца, и вдруг... хватить за полу! Ха-ха-ха... Ах, ту тейвел, ту тейвел!

Янус оглядывал человека, которого видел впервые, и чувствовал, что какая-то безотчетная злоба наполняет его сердце. Ему казалось, что он должен был бы схватить этого человека за грудь и бросить ему в лицо: «Подлец!». Но и кубьяс следил за ним исподлобья, и когда они через садовые ворота вошли во двор, тихо спросил у Одо:

— Кто этот юнкер?²

— Да, кто он такой? — повторил Одо и сам удивился, как ему не пришло в голову узнать имя своего нового друга.

¹ Искаженное немецкое «gans verreisst» — совсем порвана; «ganz wie ein alter Sack» — совсем как старый мешок.

² Юнкерами называли молодых рыцарей.

— Послушай, как тебя зовут? — спросил он, когда они шли через двор к входу в замок.

— Мое имя Яанус, — последовал ответ.

— Чей ты сын? — спросил кубьяс с неожиданной смелостью.

Яанус сделал вид, будто и не слышал вопроса. Голос кубьяса был ему неприятен.

— Слышишь, я тебя спрашиваю, кто ты и что тебе тут надо? — повторил кубьяс. Крестьянское имя Яанус, а также то, что молодой господин его еще не знал, вдруг придало этому наглецу смелости. Добился бы он на этот раз ответа или нет — неизвестно, так как в этот момент хлыст Одо, просвистев в воздухе, обрушился на кубьяса.

— Как ты смеешь, негодяй, так разговаривать с моим другом? — крикнул Одо, весь покраснев.

— Ай, ай, откуда же я знал, что он друг молодого барина! — лепетал кубьяс. — Я думал, это какой-нибудь бродяга... пауэрунт... ай, ай, молодой барин, я не так сказал, простите меня, милостивый юнкер!

Кубьяс извивался под кнутом милостивого молодого господина.

— Убирайся, бездельник! — приказал Одо и отпустил кубьясу напоследок еще удар.

— Ты тоже сын рыцаря? — спросил он Яануса.

— Я сын свободного человека, — гордо ответил Яанус.

— Ты живешь в таком замке, как мы? — расспрашивала Эмми. — У вас тоже есть сад и двор?

— Нет, мы не живем в таком замке, но у нас есть собственный дом.

— И сад тоже?

— Сад тоже есть.

— Есть у вас и лошади, и слуги? — спросил Одо.

— Да, есть и хорошие лошади, и отличные работники. Но кубьяса нет.

Рыцарь Раупен и Тамбет как раз в это время вышли из дверей замка на лестницу. Увидев детей, рыцарь спросил:

— Откуда у вас взялся новый приятель? Кто он такой?

— Это наш друг Яанус, — в один голос ответили Одо и Эмми.

— У него тоже есть замок, и лошади, и слуги, — добавил Одо.

— У него есть и сад, и двор, — прибавила Эмми.

— Вот как! — рассмеялся рыцарь. — Какой у вас богатый друг! Кто же он?

— Это мой сын Янус, — пояснил Тамбет улыбаясь. Ему очень льстило, что дети владельца замка подружались с его сыном.

— Да? Это, значит, твой сын? — Владелец замка имел обыкновение, говоря с простолюдином, повторять слова его ответа. — Будьте добрыми друзьями, дети, если будете встречаться. Учился ли он где-нибудь?

— Он две зимы учился в монастыре.

— Две зимы учился в монастыре? Вот как! Это похвально. Ну, будьте послушными детьми! До свидания, метсаский Тамбет, до свидания!

В ответ на низкий поклон Тамбета рыцарь слегка кивнул головой. Янус с сожалением расстался с тремя друзьями — третий был четвероногий. Они сговорились вскоре опять встретиться и поиграть вместе. Затем Тамбет и его сын вскочили на лошадей и выехали за ворота.

По дороге Тамбет спросил:

— Хочешь и в следующий раз поехать со мной в замок?

— Хочу.

Проехав еще немного, Тамбет снова спросил:

— Господские дети были с тобой ласковы?

— О да! Но они все же не такие, как мы.

Когда они уже приближались к дому, Янус сказал:

— Можно мне иногда одному выезжать на гнедом?

— Куда же ты на нем хочешь ездить?

— В лес... просто покататься.

— Может, и в замок?

— И туда иной раз.

— Ладно, тогда можно.

4

С разрешения отца Янус стал часто ездить в замок, под конец почти каждый день. Ездил он и развлекаться, и учиться. Между детьми завязалась

крепкая дружба, та юношеская дружба, которая бывает самой долговечной, но, раз нарушенная, редко снова восстанавливается. А уничтожить ее легко. Стоит ее опоре чуть пошатнуться, как все рушится.

Янусу исполнилось пятнадцать лет. Однажды в летний день он сел на коня — взамен гнедого Янус получил в подарок к своему пятинадцатилетию прекрасного серого жеребца — и поскакал один по направлению к замку. Невдалеке от замка ему повстречались два всадника — юнкер Одо и барышня Эмилия. Дети рыцаря ехали на тихих, смиренных кобылках: у Одо была черная, у Эмми — белая.

Тарапита бежала на своих четырех.

— Смотри, Янус! — еще издали закричал Одо. — Смотри, на каком бревне я должен ездить! И хлыст измочалил, и шкуру ей исполосовал, а быстрее эта падаль не двигается. Хромая корова, да и только! Но-о! Но-о! Но-о!

Свистя, щелкая языком и хлопая хлыстом, юнкер стал понукать свою кобылку. Та изо всех сил старалась бежать быстрее, но это ей плохо удавалось, так как земля здесь была покрыта буграми и кочками. Эмми было жаль хлестать свою лошадь, поэтому она немного отстала.

— Куда вы едете? — спросил Янус, ловко осаживая своего жеребца.

— О Янус! — жалобным тоном произнес Одо, останавливаясь. — Если бы ты знал, какую глупость я сделал сегодня утром. Я поспорил с Эмми — кто из нас лучше ездит верхом. Подумай, с Эмми! Она ведь свою лошадь и тронуть жалеет!

— Ты хвалился, что ты и на корове обгонишь меня с моей кобылкой, — заметила Эмми, тоже подъехав к ним.

— Какое же может быть сомнение? — усмехнулся Одо. — Так вот, мы поспорили, а в судьи позвали кубьяса.

— Лучшего судьи найти не могли! — насмешливо заметил Янус.

— Остальные ничего не смыслят! Пугаются, если с ними заговоришь. Настоящие бараны! «Почем я знаю, юнкер?» — отвечает один, если его спросишь, баран он или овца. «Молодые господа оба ездят верхом, как ан-

гелы», — отвечает другой. Тьфу! (Одо сплюнул.) Я должен ездить, как ангел! А спроси у старого привратника, тот забормочет в свою лохматую бороду: «Что вы носите, как жеребцы!» Кубьяс же — человек дельный, будь он хоть какой угодно плут. У него всегда готов ответ. Он сказал: «Возьмите одинаковых лошадей, наметьте какое-нибудь определенное расстояние, да и пускайтесь в путь оба разом, тогда и увидите, кто раньше достигнет цели». Я от радости огрел кубьяса хлыстом по ногам, так что он заплясал, потом я побежал на конюшню и хотел выбрать самых горячих жеребцов, да разве Эмми позволит! Она, трусиха, потребовала, чтобы мы сели на этих кляч, о других и слышать не хотела.

— Я боялась за тебя почти так же, как и за себя, — спокойно сказала Эмми. — Ты ведь еще не такой искусный наездник, чтобы скакать на ретивом коне.

— Искусный наездник! — сердито передразнил ее Одо. — Знаешь ты, что такое искусный наездник! Был бы подо мною сейчас тот горячий жеребец, которого я хотел взять, меня бы и птице не догнать! Я сам лечу, как птица! Фюить!

Одо, увлекшись, так хлестнул свою лошадь, что бедная кобыла от испуга запрыгала. Янус и Эмми обменялись взглядом, говорившим о том, что оба не одобряют слов и поступков Одо.

— Кончилось уже ваше состязание или я вам помешал? — спросил Янус.

— Это не беда, — поспешно ответила Эмми. — Мы, правда, еще только на полпути, но можем отсюда снова поскакать наперегонки. Мы хотели доехать до пещеры старого Пярта-пророка.

— Еще бы, конечно, ты помешал! — с досадой перебил ее Одо. — Я был впереди на порядочный кусок и наверняка выиграл бы.

— Но раньше ты загнал бы лошадь до смерти и сломал бы себе шею, — серьезно сказал Янус.

— Даже если бы эта кляча издохла, я все равно выиграл бы.

— Как так?

— Я сел бы верхом на Тарапиту.

— И все равно пришел бы первым?

— Да, я так думаю. Что ты скажешь, Тарапита?

Тарапита запрыгала, давая этим понять, что действительно «тронута» доверием хозяина.

— Слушай, Одо, давай лучше оставим на этот раз состязание, — начала Эмми и, так как Одо собирался возражать, поспешно добавила: — Славу победителя я оставляю за тобой. Зато мы можем втроем поехать к пещере Пярта-пророка. Правда, Янус, ты ведь поедешь с нами?

Янус хотел было с радостью выразить свое согласие, но вмешался Одо:

— Я не хочу больше ехать на этом чучеле, ни единого шага.

— Но, Одо...

— Не поеду. Лучше вернусь домой на четвереньках.

— Нам ведь некуда торопиться! — уговаривал его Янус. — Мы поедem все вместе шагом и поболтаем.

— Я понимаю, — ворчал Одо, — тебе-то хорошо ехать шагом. Твой жеребец одним скачком перемахнет через меня и мою лошадь. Но вот что: у меня есть хорошее предложение, хочешь послушать?

— Слушаю.

— Вот что я предлагаю. Ты возьми мою лошадь, а я сяду на твоего жеребца, и тогда поедem шагом, если хочешь.

Янус нахмурился. Он, по-видимому, втайне надеялся похвастаться перед Эмми своим прекрасным коном и ловкой ездой и сейчас боролся с собой, решая, что лучше — уступить ли требованиям «бессовестного мальчишки» или нет. Ища помощи, он взглянул в кроткие глаза Эмми и увидел в них что-то вроде просьбы. Этого было достаточно. Но ему захотелось еще раз попытать счастья, уже иным способом.

— Послушай, Одо, мой жеребец очень норовистый, он не терпит хлыста. Я боюсь...

— Ты боишься, что он меня сбросит?

— Сядем на него вдвоем...

— Как галки на церковной крыше?

— Мы поедem шагом, конечно.

— И Янус расскажет нам про своего дедушку, — поддержала его Эмми.

— И ты будешь держаться за гриву, а я за хвост? Кого вы хотите выставить на посмешище? Давай я сяду

на твоего жеребца, а ты бери мою кобылу, не то я сейчас же уезжаю домой.

И, осуществляя свою угрозу, он рванул поводья. Яанус опять посмотрел в глаза Эмми, ища совета и успокоения, — и упрямый юнкер добился своего. Яанус со вздохом сошел с коня и помог Одо взобраться в седло, сам же сел на смирную кобылу. Дружеская улыбка Эмми заставила утихнуть вскипевшую было в нем досаду.

— Милый Одо, — ласково попросила девочка, — оставайся с нами, поедемте все вместе. И ты расскажешь нам о своем дедушке, хорошо, Яанус?

— Расскажи, как он перебил целую стаю волков и повесил их на дерево, — потребовал Одо, поглядывавший на спутников свысока, с царственным видом.

Яанус поехал рядом с Эмми и стал рассказывать. При этом он, однако, время от времени озабоченно поглядывал на Одо. Сперва они ехали по лугу, покрытому травой и цветами, но дальше почва стала неровной, появились кочки и ухабы. Еще дальше начинался лес, где находилась цель их поездки — пещера Пярта-пророка.

Яанус уже довел свой рассказ до того момента, когда могучий Вахур ищет подходящее дерево, чтобы повесить волков; но тут рассказчик замолчал и нахмурил брови. Одо давно уже не терпелось пуститься вскачь, вдруг он свистнул и ударил гордого коня; тот подпрыгнул и помчался как ветер. Тарапита с радостным лаем бросилась вдогонку.

— Боже мой! — испуганно воскликнула Эмми.

— Поскачем за ним как можно скорее! — сказал Яанус и стал погонять лошадь. Но не успели они проехать и сто шагов, как норовистый жеребец вместе с Одо, прыгая через большую яму, взвился вверх, а через миг понесся дальше уже без седока и скрылся в лесу.

Они нашли Одо лежащим на земле без сознания. Тарапита лизала лицо своему недвижимому хозяину. Яанус опустился на колени около юнкера, расстегнул на нем одежду, прижал ухо к его сердцу и, вставая, сказал:

— Он только потерял сознание — должно быть, ушибся головой.

— Но он очнется, он выздоровеет? — со слезами спрашивала Эмми.

— Когда он придет в себя, у него, наверное, даже голова не будет болеть. Но сейчас надо отнести его к Пярту-пророку. Ты садись снова на лошадь и возьми кобылу за поводья. Я понесу Одо на руках. Мы его приведем в чувство.

Он поднял безжизненное тело и бодро зашагал вперед. Эмми, лошади и Тарапита последовали за ним. Они все ему верили.

5

Старый отшельник¹, которого в народе называли Пяртом-пророком (его настоящее имя было Варфоломей Лёвенклау), сидел у входа в свою пещеру на низкой деревянной скамье, обхватив руками колени. Он являл собою воплощение старости и кротости. Взгляд его выцветших, но удивительно блестящих глаз следил за движением листвы, колеблемой слабым ветром. Иногда от опушки леса налетал внезапный шквал, ветви гнулись, листья трепетали, иные, кружась, падали на землю. Они были так же свежи, как и остальные, но облетали под резким порывом ветра. Кому что суждено. И как будто удовлетворенный этой жертвой, ветер стихал, потревоженная листва успокаивалась, словно ничего и не было.

— Одни падают, другие остаются, — пробормотал старик. — Нет в мире равенства для всех. Один погибает незаслуженно, другие без сожаления дают ему погибнуть. Кто знает, когда наступит его черед? Не стоит плакать, не стоит сетовать на свои несчастья.

Старик погрузился в воспоминания.

Из тумана забвения возникли давно ушедшие времена, дни юности горделивого рыцаря. Он жил в довольстве, веселился, любил. Закованный в доспехи, на богато разубранном коне выезжал он на турниры и состязания. Его мужественный облик приковывал к себе взоры прекраснейших глаз, его могучая рука повергала

¹ Отшельники были люди, жившие праведной жизнью в одиночестве, вдали от мирской суеты. (Прим. авт.)

наземь сильных противников. А по вечерам он отдыхал в благоуханных покоех, и подобный рычанию льва клич сурового воина сменялся мягким и робким шепотом любви.

Король призвал его на войну, шедшую в дальней стране. Верный рыцарь исполнил свой долг, вырвался из объятий невесты и, унося с собой клятвы в верности, поспешил на битву. Его отряд, совершив немало подвигов, все же потерпел поражение, а сам он был настигнут копьем сильнейшего врага и бездыханным повержен на землю. Шум сражения пронесся мимо, добросердечные крестьяне подобрали раненого и отнесли в свой дом.

Несколько недель жар сотрясал его ослабевшее тело, смерть уже сидела у его изголовья, считая минуты, чтобы перерезать туго натянутую нить жизни. Но над раненым бодрствовали ласковые девичьи глаза, нежные и быстрые руки опраивали сбившееся ложе, освежали пересохшие губы сладкой влагой, целебными травами возвращали уходящую жизнь. И костлявый призрак, угрюмо спрятав за спину свою косу, с каждым днем отступал от постели все дальше к двери и наконец унесся прочь, в свою страшную обитель.

Однажды утром больной открыл глаза и встретил взгляд прекрасных глаз, которые улыбнулись ему и тотчас же исчезли.

— Не уходи, о ангел! — прошептал больной. — Ты моя Елена?

Но кроткие глаза больше не появились.

Юная сила раненого рыцаря, словно устыдившись, воспрянула и изгнала болезнь.

Через несколько дней юноша встал с постели и от всего сердца благодарил бога и своих великодушных избавителей. Потом он взял посох и, сопровождаемый добрыми пожеланиями крестьян, с легким сердцем отправился в путь. А прекрасные глаза с тоской глядели ему вслед, и бледные губы шептали:

— Он ушел к своей Елене.

Но потом в его судьбе наступил крутой поворот, о котором мудрый старец уже не скорбел более, случилась беда, не вызывавшая более его жалоб.

В Германии бушевала междоусобная война двух королей, там снова господствовало кулачное право, про-

тив которого некогда безуспешно боролся первый из Габсбургов. Рыцарь Лёвенклау нашел свою невесту в объятиях другого, свой замок сожженным, а земли разоренными и захваченными противником. Он стал добиваться справедливости, но некому было восстановить ее; он попытался действовать по кулачному праву, но для этого не хватило богатства. Он ушел в монастырь, но показное благочестие и тайное распутство монахов внушили ему отвращение к монастырской жизни. Он утратил желание жить среди людей, долго странствовал по свету, изучал природу, исследовал ее тайны. Наконец попал в Эстонию и нашел здесь желанный мирный приют.

Пещера его была низка и внутри неприглядна. Но близ нее струился светлый прохладный ручеек, в который, как в зеркало, с гордостью гляделись цветы, перешептываясь: «Ах, какие мы маленькие и тоненькие! Ах, какого мы красивого цвета, какой у нас приятный запах!» Вокруг возвышались могучие деревья, достигая облаков и маня к себе свежий ветер и благодатный дождь. И когда в их кронах шумел ветер, они весело протягивали ветви и шелестели листьями: «О ветерок, покачай нас! Покачай нежно, ласково. О, как хорошо! О-о!»

Старик глубоко знал природу, он умел использовать целебные свойства лесных трав. Он лечил бедняков из окрестных мест, и люди почитали его, как чудотворца. Он никогда не скрывал естественных свойств растений и не стремился к тому, чтобы его считали волшебником. Но крестьяне твердо верили, что он обладает сверхъестественными знаниями и общается с духами, и тем больше его уважали.

Вот какой человек был Пярт-пророк, один из светлых образов темного средневековья.

6

Янус, пыхтя под своей ношей, добрался вместе со своими спутниками — Эмми, лошадьми и Тарапитой — до пещеры отшельника и здесь опустил Одо, еще не пришедшего в сознание, на мягкую траву. Отшельнику Янус коротко рассказал о случившемся.

Старик ощупал голову, руки и ноги юнкера, скрылся в пещере и вскоре вернулся, держа в руке пузырек с прозрачной жидкостью. Пузырек он поднес к носу Одо. Как только запах этой жидкости проник в ноздри потерявшего сознание мальчика, он тотчас же зашевелился и, глубоко вздохнув, открыл глаза.

— Он приходит в себя! — воскликнула Эмми и в порыве радости обняла брата обеими руками.

— О, милый Одо!

Одо широко раскрытыми глазами, еще не совсем очнувшись, оглядел окружающих, приподнялся, сел и, казалось, силился что-то припомнить.

— Больно ты ушибся, дорогой? — спросила Эмми участливо и погладила брата по щеке.

Юнкер удивленно посмотрел на сестру и пробормотал:

— Какой ушиб? Когда я ушибся?

— Когда... когда этот глупый жеребец тебя сбросил.

— Как не стыдно! — произнес Пярт-пророк с добродушной насмешкой. — Молодой рыцарь позволяет себя сбросить наземь, да еще так скоро забывает об оскорблении! Настоящий рыцарь страдал бы от такого позора всю жизнь.

Теперь только в ушибленной голове юнкера стало немного проясняться, и, по мере того, как он припоминал происшедшее, в его мозгу словно что-то закипало. Это была острая злоба, она вдруг воспламенилась, как береста. Юнкер вскочил на ноги, грубо оттолкнул сестру и крикнул, сверкая глазами:

— Чего мне стыдиться? Перед кем? Перед вами, отребье этакое? Если захочу, все вы получите кнута, как собаки! Попробуйте тогда пристыдить меня! А если бы этот чертов жеребец попал мне в руки, я бы его так отхлестал! Я бы исколотил его в пух и прах — пусть бы издох у меня под ногами! Вот тогда бы я посмеялся! Погоди, злодей, погоди, я еще до тебя доберусь!

Юнкер заскрежетал зубами и угрожающе потряс кулаком; тут его взгляд упал на Януса — тот с недовольным и чуть презрительным видом смотрел на него. Теперь гнев юнкера обрушился на Януса. Он подался

вперед, поднял кулаки, встал перед Янусом и крикнул вызывающе:

— Ты чего, дурак, на меня уставился? Мужик, собачья шкура! Ведь этот проклятый жеребец был твой, и если я его не поймаю — прикажу выпороть тебя! (Янус, нахмурившись, напряженно глядел Одо прямо в глаза.) Смотри, собака, смотри на меня! Из милости я тебя один раз избавил от порки, теперь ты от нее не уйдешь. (Янус сжал кулаки и, побледнев, шагнул вперед, приблизившись вплотную к противнику.) Посмей только тронуть меня! И если ты еще раз покажешься в замке, я натравлю на тебя собак, чтобы они тебя разорвали, чтоб от тебя одни лохмотья остались...

Но на сей раз угрозы юнкера этим и кончились — в тот же миг перед его глазами мелькнула рука Януса, и от хлесткого удара у Одо покраснела щека, онемел язык и подкосились ноги. Эмми испуганно вскрикнула, а отшельник оттащил Януса, тихо сказав ему:

— Парень, подумай, что ты делаешь! Хочешь нарочно погубить себя?

Янус стоял как столб и молча смотрел в землю. А юнкер, пробормотав угрожающе: «Погоди, уж я тебе отомщу!» — бросился к своей лошади, вскочил на нее и помчался домой. Эмми сперва стояла в нерешительности, со страхом глядя вслед брату, потом тихо попросила отшельника, чтобы тот помог ей взобраться в седло. Старик посадил ее на лошадь и сказал:

— Будь доброй девочкой, Эмми, постарайся одновременно с Одо добраться до замка и расскажи отцу всю правду. Попытайся предотвратить несчастье, которое может случиться из-за этого злого мальчика.

Эмми молча кивнула головой, подала старику на прощанье руку и промолвила, боязливо взглянув в сторону Януса:

— Прощай!

— Прощай! — ответил тот отрывисто, не поднимая глаз.

Эмми тронула лошадь и поспешила вдогонку за братом.

Янус не двигался с места, словно в испуге следя глазами за удаляющейся всадницей. В сердце мальчика тайком закрадывалось сожаление и недовольство собой. Сожаление настойчиво шептало ему: «Ты легкомысленно растратил огромное богатство. Кончилась лучшая пора твоей жизни, ты больше никогда не увидишь друзей». А досада на самого себя бормотала: «Что ты, глупый мальчишка, еще смотришь тут, на потеху другому человеку? Беги, заберись под десяток одеял, чтоб никто твоей дурацкой рожи не видел».

Пярт-пророк несколько минут внимательно смотрел в лицо Янусу, потом положил руку ему на плечо и сказал ласково:

— Ну как, молодой друг, останешься у меня в гостях или тоже отправишься домой?

Янус провел рукой по лбу и буркнул:

— Конечно, пойду домой.

— У тебя теперь, разумеется, будет меньше развлечений, ведь в замок ты больше не сможешь ездить... или пойдешь и попросишь прощения?

— Не пойду.

— И расстанешься с друзьями?

Янус пожал плечами.

— Ну, тогда приходи ко мне. Ты мне нравишься. Я обучу тебя разным наукам и искусству владеть мечом. Хочешь?

Янус поблагодарил и собрался идти. Ему было стыдно перед стариком за свою вспыльчивость.

— Скажи мне от чистого сердца, — спросил наконец старик, — тебе эти друзья действительно были дороги?

Янус опять провел рукой по лбу, посмотрел на старика ясными глазами и сказал отрывисто:

— Да, были, но я им неровня. Не годится крестьянину водить дружбу с барами.

— Вот это умно сказано. Значит, ты не особенно и жалеешь о том, что потерял?

— Что об этом толковать? Что прошло, то прошло. Прощайте! Мне надо идти разыскивать коня.

Отшельник, которому прямодушный мальчик действительно понравился, ласково пожал ему руку.

— А ко мне придешь?

— Приду, если позволите.

— И скоро?

— Как только будет время. Прощайте!

Янус ушел. Отшельник посмотрел ему вслед и пробормотал про себя:

— Я постараюсь, чтобы из этого мальчика вышел толк.

И старик вернулся в свою пещеру.

7

Пять лет спустя, в одно прекрасное утро в конце лета, в замке Лодиярве царило большое оживление и шум. Много окрестных помещиков собралось здесь на охотничий праздник, который рыцарь Конрад Раупен устраивал для развлечения своих детей. По залу замка прохаживались молодые рыцари, внизу на дворе шатались без дела их оруженосцы и слуги.

Хотя беседы рыцарей и записаны в исторических хрониках, но мы не станем их здесь повторять. Там, где веселятся молодые люди, умных речей ждать нечего. Спустимся, читатель, во двор замка, проберемся в толпу слуг и послушаем, о чем они толкуют.

Они рассказывают друг другу о своих подвигах в сражениях с русскими и литовцами, которые в те времена отдельными отрядами нападали на ливонские и эстонские земли и разоряли их. Каждый восхваляет — не самого себя, ибо человеку, который сам себя хвалит, мало кто верит. Нет, наши почтенные воины были в этом кротки как агнцы и мудры как змии. Каждый восхвалял своего господина, который-де, подобно льву, всегда первым бросался на неприятеля, убивал две дюжины врагов, две дюжины смертельно ранил, две дюжины сбрасывал с коней и несколько дюжин обращал в бегство. И все же... тут рассказчик начинал говорить о себе. Что мог бы сделать его господин при всей своей силе и храбрости, если бы он, рассказчик, не дал ему хитрого совета, благодаря которому неприятеля удалось заманить в засаду; или если бы он, рассказчик, своим мечом не спас господина от верной смерти в толпе врагов или не рассек бы пополам самого сильного из неприятелей, после чего с остальными уже легко было справиться?

Слуги болтали и ввали так, что на губах пена накипала. И тем не менее не все в их словах было чистейшим враньем.

— Все вы знаете Куно Райнталя, — начал свой рассказ коренастый рыжий человек, которого за цвет его волос и бороды звали «Ребане-Рейн»¹. — У него в голове, хоть он и молодой, больше ума, чем в десяти других, даже еще и седобородых. А какой рубака! Поверьте, даже я... струсил бы перед ним, то есть я не удрал бы, ибо вообще ни от кого не удираю... но было бы страшно с таким сразиться.

— Ха-ха-ха! — весело захохотали слушатели при этом ловком повороте речи рассказчика и хором потребовали, чтобы он поподробнее познакомил их с подвигами рыцаря Куно фон Райнталя.

— Прошлым летом, — начал рассказчик, покручивая свои рыжие усы, — мы почуяли, что литовцы нас в этом году в покое не оставят. Когда предстоят подобные дела, у человека глаз как будто зорче становится и нюх острее.

— Да, да, глаз как у зайца и нюх как у козули, — засмеялся кто-то из слушателей.

¹ «Rebane-Rein» (ст.) — Хитрый Лис.

— Нет, я правду говорю, острее становится глаз и нюх, как будто заранее знаешь, что случится. И вот — нагрянуло! В один прекрасный день прибегают в замок двое крестьян, живших вдалеке от замка, и вопят: «Литовцы наступают!». Вот тебе и на! У всех на лице ужас, все кричат. Только я один поднял голову...

— Хотел, наверно, трясаясь от страха, за стену выглянуть, — заметил кто-то.

— Нет, нет, я правду говорю, я один поднял голову и сказал: «Пусть идут! Уж мы их встретим!». Рыцарь, который меня знает и которому известно, что я и черта не боюсь, сказал: «Иди в разведку!». Я — на кобылу и понесся как ветер. По дороге мне навстречу бежали крестьяне вместе с женами и детьми. Они кричали, выли, ругались: «Пусть же теперь рыцарь защищает своих рабов!» И с такой завистью смотрели на меня, сидящего верхом на гордом жеребце...

— На кобыле, — поправил кто-то.

— Нет, я правду говорю — они с такой завистью смотрели, как я бесстрашно, как бог войны Аристотель, скакал на гордом жеребце...

— Да что ты все о себе мелешь! — закричали из толпы. — Скажи, что твой господин сделал, а сам скачи куда хочешь.

— Подождите, расскажу, я же рассказываю! Я быстро разыскал литовцев, немедленно поскакал обратно в замок, и мы заперли ворота. Вскоре грабители появились поблизости и начали просто потехи ради убивать тех крестьян, которых мы не успели впустить. Бедняги совсем ошалели от ужаса и отчаяния: молиться они не умели, потому что веры у них, по правде говоря, и нет никакой, только ругались, а женщины блеяли попережку: «О Иисус! О ты, отец небесный! О святые пророки и апостолы!». Некоторые в смертельном страхе с разбегу стучались головой о стены замка, так что мозги брызгали во все стороны, а сами валились, как бревна.

— Хватит, хватит! — раздалось несколько голосов. — Расскажи, как вы спаслись.

— Вы точно гончие на охоте. Погодите, я все расскажу. Рыцарь Куно не вытерпел, созвал людей, вскочил на коня и вылетел через отворенные ворота прямо на литовцев. Ой, братцы, если бы вы видели, как его

меч сеял смерть и гибель среди разбойников! Но он был слишком горяч, он проник в самую гущу врагов и бился там, как дикий кабан среди своры собак. Я испугался — вдруг ему оттуда не вырваться, кровь во мне закипела, я взревел: «Иисус и Мария, помогите!» — и бросился к нему. Мы одержали победу. Шайка разбойников с криком рассыпалась, как стая гусей. Мы разили их так, что сердце в груди прыгало. А рыцарь Куно накормил и напоил уцелевших крестьян и, отправляя их по домам, сказал:

— Вы видите теперь, что сами вы не в состоянии себя защитить. Вы нас браните, а мы вас защищаем. Поэтому не будьте неблагодарными и не ропщите на господ, а почитайте их и служите им честно.

Так говорил мой мужественный и храбрый господин, а старый капеллан замка, глубоко растроганный, прибавил:

— Да, и отрекитесь также от ваших темных и злых суеверий, молитесь божьей матери, чтите наместника святого Петра и повинуйтесь тем, кого он поставил своими слугами в этом грешном мире. Если вы не будете исполнять их повелений, то здесь, на земле, истребит вас огонь, затопит вода и поразит меч, а соблазны врага рода человеческого ввергнут вас в бездну вечной гибели. Аминь. Идите с миром!

Получив такое наставление, крестьяне ушли. Ну, а теперь кто из вас посмеет не признать, что рыцарь Куно — слава и гордость всех юных рыцарей!

— Я этого не скажу! И я! Что верно, то верно! — раздался хор хвалебных возгласов.

— Он мне дал целый золотой, когда я принес ему весть о том, что Тапс, охотничья собака нашего рыцаря, оценилась.

— А за меня он заступился, когда мой хозяин хотел меня наказать — я выцедил вино из бочки.

— Он любит угощать и гостей, и слуг!

— А верхом ездит не хуже меня.

— Он доблестный рыцарь!

— Храбрец!

— Чертов парень!

Так звучали похвалы из уст почтенных слуг, и это доказывало, что восхваляемый рыцарь, если он обладал

хоть десятой долей тех качеств, какие ему приписывали, был действительно человек достойный.

— Мало того, что он силен и отважен,— снова с большим воодушевлением начал слуга рыцаря Куно,— он еще и любимец всех барышень из окрестных замков. Он красив, как блестящий новый медный шлем, голос у него сладкий, сердце доброе, он приветлив и красноречив.

— Что правда, то правда,— хором подтвердили вокруг.

К толпе слуг приблизилась тщедушная фигурка кубьяса. Заметив их оживление, он спросил на своем ломаном немецком языке:

— Нельзя ли узнать, о чем вы тут так усердно судачите?

— А, вот и кубьяс! — воскликнул Ребане-Рейн.— Здравствуй, Голиаф! Мы тут говорим о самом доблестном муже, когда-либо вскормленном грудью матери.

— Вот как, не обо мне ли вы сплетничаете?

— Ха-ха-ха! Ты ведь козел и вырос на козьем молоке. Поэтому о тебе и речи нет.

— Ах так! А ты вскормлен помоями. Я еще издали услышал, что твой поганый язык называл имя рыцаря Куно Райнталя, и тут мне пришло в голову нечто совсем особенное.

— Ну-ка, скажи, что тебе пришло в голову, мы посмеемся.

— Смейтесь, вы ведь ничего больше делать не умеете. Вы, наверно, будете смеяться и тогда, когда святой Петр вам скажет, что зубоскалов на небо не пускают. Безмозглые у вас головы. Знаете, что у вас в башке?

— Что же у нас в башке?

— Такая же ржавчина, как на ваших ленивых мечах, да пивная муть.

— Ах ты, тля этакая! — крикнул смеясь какой-то горлан.— Что от тебя останется, ежели я тебя чуточку прижму между большим пальцем и мизинцем?

— Останется столько, что у тебя большой палец совсем отнимется, а мизинец скрючится. А хотите знать, что я слышал сегодня утром?

И, заметив на лицах слуг выражение жадного любо-

пытства, кубьяс хитро улыбнулся, поднес палец к губам и сказал, понизив голос:

— Но вы должны держать язык за зубами. Тут дело касается рыцаря Куно, а я боюсь, что он шутить не станет, если его секреты откроются раньше времени.

И кубьяс стал шепотом рассказывать.

Утром в этот же день, о котором идет речь, мы могли видеть почтенного кубьяса под дверью, ведущей в комнату владельца замка; кубьяс подглядывал и подслушивал, прикладывая к замочной скважине то глаз, то ухо.

По комнате ходили рядом из угла в угол двое мужчин.

Один из них был человек высокого роста, лет пятидесяти на вид, с приветливым и открытым лицом.

Другой, лет двадцати пяти, был строен, силен и гибок. У него было бледное лицо, тонкий нос, живые карие глаза, темные волосы и усы. Молодой рыцарь вообще обладал внешностью, радовавшей взгляд.

Старший из собеседников был владелец замка Лодиярве, младший — рыцарь Куно Райнталь.

— И теперь дела ваши снова в полном порядке? — спросил владелец замка, после того как Куно ему о чем-то подробно рассказал.

— Да, благодарение богу! — ответил молодой рыцарь звучным голосом. — Разбойничий набег литовцев прошлым летом хоть и нанес мне ущерб, но зато так устрасил моих крестьян, что они теперь работают с еще большим усердием. Сам я тоже потрудился, так что почти возместил свои потери, и думаю, что от соседей своих не отстал.

Оба помолчали.

— Однако, — снова начал владелец замка, — разве вас, молодого и деятельного человека, не одолевает скука, когда вы так один, изо дня в день, работаете среди грубых простолюдинов? Я думаю, ваше рвение к труду не уменьшилось бы, если бы по вечерам молодая женушка поцелуями разглаживала на вашем челе морщины, наложенные заботами.

— Это очень приятно представить себе, но...

— Поверьте, молодой друг, женщина может превратить жизнь в цветущий сад, если только в сердце ее

не властвует суровая зима, которая губит цветы и оставляет только шипы.

— Их-то и надо опасаться.

— Против них я знаю хорошее лекарство. Как только женушка показывает шипы, муженек превращается в льдину. И тогда видишь, как среди шипов появляются цветочки и спрашивают робко: «Разве эта злая льдина не помнит, что раньше она была живительной влагой?» Однако льдина остается льдиной, пока шипы остаются шипами. Но как только все шипы станут цветочками, льдина снова превращается в воду и ласковые волны несут женушку к исполнению ее желаний.

— Ох, рыцарь, если бы женушки вас слышали!

— Боже упаси, тогда шипы никогда не извелись бы.

— И вы сами тоже когда-нибудь применяли это лекарство?

— Наивный молодой человек, лекарства можно весьма хладнокровно придумывать целыми дюжинами, но когда в них является необходимость, разве кто-нибудь может сохранить хладнокровие? К тому же мне, слава богу, никогда не приходилось прибегать к такому лекарству. Моя покойная супруга была ангел небесный, на небо она и возвратилась.

— Какое несчастье потерять такую супругу!

— Скорбь моя была велика, траур бесконечен. Но я нашел утешение в своей дочери, которая во всем похожа на мать и теперь освещает и согревает мою старость.

— Я вам завидую.

— У вас есть все основания завидовать мне. Даже невеста не всегда дарит жениха такой сердечной, бескорыстной привязанностью, какую моя Эмилия питает ко мне. Вы знаете, какое чувство овладевает путником, когда он, смертельно усталый, изнуренный жарой, вступает в прохладный сад, здесь, собрав последние силы, срывает с дерева ветку, всю красную от вишен, и опускается на траву, на мягкую благоухающую траву. Такое чувство испытывает мое старое сердце по вечерам, когда Эмилия заботливо усаживает меня в мягкое кресло, садится ко мне на колени, обвивает руками мою шею и начинает подробно расспрашивать, много ли забот было у меня за день, здоров ли я, как я себя

сейчас чувствую. Друг мой, хорошо тогда моим старым костям, я тогда счастлив, как юноша, который, стоя перед зеркалом, видит у себя на губе первый пушок, а в эту минуту как раз в комнату входит хорошенькая кузина.

— Я вижу, вы любите свою дочь больше, чем иной жених невесту.

— По-иному, правда, но еще более преданно.

— Жаль.

— Почему жаль?

— Боюсь, что вы никогда не пожелаете расстаться с дочерью.

— Расстаться? Как расстаться?

— Я думаю, что если в сердце молодой девушки... но тут это как будто вообще невозможно.

— Что невозможно?

— Чтобы в сердце такой девушки рядом с глубокой любовью к отцу могло ужиться еще и другое чувство. Простите, это нечаянно сорвалось у меня с языка.

— Я вижу, что вы заблуждаетесь, — улыбнулся старик. — Отцовская любовь не так слепа, как страсть юного существа, она зорко оберегает счастье любимого ребенка. Если моя дочь по влечению сердца выберет себе мужа, который будет достоин рука об руку с ней вступить в жизнь, — я не буду препятствовать и дам свое согласие с радостной улыбкой, хотя и с грустью в сердце.

— От всей души благодарю вас за эти слова. Вы знаете меня, знаете, каким имуществом я располагаю. Ответьте мне откровенно: если бы мне когда-нибудь удалось пробудить в сердце фрейлейн Эмилии нежное чувство к себе, сочли бы вы меня достойным рядом с ней вступить в жизнь?

Старый рыцарь остановился, с минуту поглядел на собеседника как будто встревоженно, потом сказал спокойно:

— Вы во всех отношениях прекрасный молодой человек, и глаза ваши говорят о вашем мужестве и прямоте души. Попробуйте счастья. На мою помощь не рассчитывайте, но если вам посчастливится, то — с богом!

— Благодарю вас, благодарю! — вскричал молодой рыцарь в порыве радости.

Человек, подслушивавший у замочной скважины, едва успел отскочить, как дверь отворилась и вышел рыцарь Куно. Когда звук его шагов затих, кубьяс, как кошка, прокрался во двор и поспешил поведать другим слугам только что услышанные новости.

А старый рыцарь раз-другой прошелся по комнате, приблизился к окну, медленно провел рукой по лицу, по бороде и стал задумчиво смотреть вдаль.

— Радоваться мне или печалиться? — бормотал он про себя. — Пожалуй, радоваться... это разумнее... Чему быть, тому не миновать! Мне ведь недолго осталось жить...

Легкие серебристые облака, гонимые свежим утренним ветром, плыли по небу и исчезали в лазурной дали. Старику захотелось и самому последовать за ними.

8

Часа два спустя кавалькада охотников выехала из ворот замка.

Впереди виднелась высокая фигура рыцаря Конрада. Несмотря на свой возраст, он все еще прямо и гордо сидел на прекрасном коне. Барышня Эмилия ехала рядом с отцом. Ее девичья красота сияла юной свежестью, в голубых глазах светилась радость. Она радовалась зеленеющим лесам, пронизанным золотыми лучами солнца, с наслаждением вдыхала изумительно чистый, живой воздух.

За ними следовали рыцарь Куно и юнкер Одо, беседуя между собой; но в то время как Одо с увлечением обсуждал план предстоящей охоты, рыцарь Куно, не споря, во всем соглашался с юнкером, втайне обдумывая планы совсем другой охоты: здесь наградой охотнику должно было стать сердце красавицы Эмилии.

За ними ехало множество всадников, и более и менее знатных, — все в богатых одеждах и на отличных лошадях.

Отряд замыкали оруженосцы и слуги с охотничьими собаками и соколами, одетые в грубое платье, вер-

хом на более простых лошадях; да и речи они вели более грубые, чем ехавшие впереди.

Вскоре кавалькада выехала на открытую равнину — здесь должна была начаться охота. Крестьяне, заранее посланные на поиски звериных нор, сообщили о своих находках; рыцарь Конрад попросил охотников держаться по возможности ближе друг к другу; спустили собак, и общество разделилось на небольшие группы. При такой охоте добыча не имела большого значения, главная прелесть заключалась в гонке за зверем.

Группа всадников, в которой были Эмилия и рыцарь Куно, вскоре обнаружила лисицу, и охотники с криками пустились за ней. Эмилия, не любившая бешеной скачки, отстала от других и поехала шагом. Заметив это, рыцарь Куно также остановился и подождал, пока Эмилия не поравнялась с ним.

— Я, видно, не настоящая рыцарская дочь: так загонять лошадей не доставляет мне никакой радости, — сказала девушка, улыбнувшись. — В награду за эту отчаянную скачку и разодранное платье получаешь только одно сомнительное удовольствие — видеть агонию затравленного до смерти несчастного зверя. В такой прекрасный день в тысячу раз лучше просто проехать по лесу.

Все же девушка слегка тронула свою лошадь хлыстом, и резвый конь, встрепenuвшись, рысью пошел вперед.

— А вы любите охоту? — спросила Эмилия.

— Да, люблю, уважаемая фрейлейн, — почтительно ответил рыцарь Куно, — хоть и не одобряю бесцельной скачки и безжалостной травли зверя. Но все же человек, находящийся в обществе, должен подчиняться воле общества.

— Почему же вы не поскакали вместе с остальными?

— Я сейчас нахожусь в самом приятном обществе и подчиняюсь его воле с самым большим удовольствием.

Девушка на это ничего не нашлась ответить.

А рыцарь Куно, осмелев, принялся рассказывать о своей жизни и надеждах, о своих радостях и печалях, о добрых и злых людях. Он говорил оживленно, мягким, звучным голосом, искусно оттеняя нужное слово,

говорил плавно, не требуя ответа. Его темные глаза заблестели, щеки покрыл легкий румянец; жестикулируя, он часто, как бы невзначай, дотрагивался рукой до руки девушки.

О таких молодых людях обычно говорят, что перед ними девичьи сердца долго устоять не могут.

Эмилия порою быстро, как бы боязливо, взглядывала в лицо своему спутнику. Такую живую, проникновенную и плавную речь она слышала впервые, но доходили ли до нее все эти красивые слова?

Вдруг девушка подняла голову.

Совсем близко в кустах послышался треск. Показался крупный лесной зверь, пугливо посмотрел на пришельцев и стрелой пустился бежать.

— Олень! — воскликнула Эмилия.

— Прекрасное животное, — заметил Куно. — За таким стоит погнаться.

— Скорее же скачите за ним! Чего вы ждете?

— А моя спутница?

— Ваша спутница требует, чтобы вы не осырались перед другими охотниками.

— Но у нас нет собак.

— Это не беда. Вперед, за ним!

С этими словами девушка стегнула свою лошадь, и та понеслась вскачь. Куно, искусный наездник, тотчас же догнал Эмилию. Стройное тело оленя мелькнуло между деревьев и исчезло.

— Он прыгнул в реку! — крикнула Эмилия, несясь вперед. — В этом месте река широка и глубока, но выше и ниже по течению ее легко переехать вброд. Поезжайте налево, а я поеду направо, и на том берегу мы нападём на него с двух сторон.

Она быстро повернула свою лошадь вправо. Рыцарь Куно, в душе которого страсть охотника боролась с другой страстью, подняв копьё, поскакал в противоположную сторону.

Через несколько минут перед Эмилией заблестела река. Вода с журчаньем струилась по неглубокому каменистому руслу. Это была та же река, что протекала близ пещеры старого отшельника. На берегу девушка остановила лошадь. Она хорошо знала это место. Над поверхностью воды выступали камни, по которым пешеход мог перейти через реку, не замочив ног. Девуш-

ка уже не думала об олене. «А ведь эти камни положены для меня, — вспомнила она. — Да, да, мы с Одо как-то хотели отправиться к Янусу и не смогли перейти на другой берег, пока на наш зов не явился Янус и не снес камни в реку... Я не видела его уже пять лет, в замок он ни разу не приходил. Как он теперь выглядит? Дом его тут, поблизости... Пойти навестить его... или вернуться?»

Но лошадь уже вошла в воду. Девушка переехала через реку и, как бы колеблясь, опасливо и робко пустила лошадь шагом по узкой тропинке между деревьям, которая вела к белевшему вдали бревенчатому забору.

«Янус, наверно, теперь уже большой, умный, — думала Эмилия, давая волю лошади, — он был такой приветливый, смысленный мальчик...»

Девушка прервала свои воспоминания и, выехав из лесу, круто остановила лошадь. Посреди поляны поднимался высокий бревенчатый забор. За ним, во дворе, виднелась крыша жилого дома с широкой дымовой трубой, а рядом несколько крыш хозяйственных построек. У ворот росли два раскидистых ясеня. К забору примыкали фруктовый сад и огород. Яблони и груши со спелыми плодами привлекали взгляд, под деревьями зеленели ягодные кусты, а дальше пестрели грядки овощей.

Вид этой живописной усадьбы, затерянной среди тихого бора, удивил бы любого путника, как одинокая сияющая звезда на облачном небе. Эта мирная картина наполняла душу покоем и манила к себе.

У садовой ограды Эмилия почти бессознательно, точно лунатик, сошла с седла, привязала лошадь к воротам и вступила в сад. Она прошла по песчаной дорожке, остановилась у круглой клумбы, восхищаясь искусным подбором цветов, и сорвала розу...

Но ее вдруг охватил страх.

«Что я делаю? Забралась в чужой сад и порчу чужое добро!»

Она боязливо огляделась по сторонам, но все вокруг дышало такой тишиной и уютом, что страх ее сразу исчез, уступив место чувству покоя. Эмилия пошла дальше, туда, где прохладная беседка, увитая диким виноградом, так и манила отдохнуть в ней. Однако тут

смелость покинула девушку и она в испуге остановилась.

Какой-то юноша сидел на плетеной скамье за столом и, подперев голову руками, читал рукописную книгу.

Легкий вскрик, вырвавшийся у Эмилии, заставил сидевшего поднять голову, и мягкий вдумчивый взгляд его устремился на девушку.

— Барышня!

— Янус!

Юноша вскочил. Лицо его выражало растерянность, и это вернуло девушке смелость и даже вызвало у нее улыбку.

— Прости, Янус, — сказала она, протягивая руку старому другу, — я во время охоты совсем нечаянно попала сюда. Мы не виделись уже пять лет, подумай, пять лет! Как ты изменился... Почему ты больше не приходил в замок?

На это Янус ничего не смог ответить. Девушка поняла, что задала неуместный вопрос, и тут же добавила:

— Сначала нам было очень скучно... Но как ты вырос и возмужал! Должно быть, ты стал теперь очень умным! Мы, конечно, оба постарели, но это ничего, мы ведь по-прежнему друзья, не правда ли?

Ласковый взгляд, сопровождавший эти слова, словно пронизал Януса до мозга костей, так что он смог только пробормотать, запинаясь:

— Фрейлейн, ваше желание для меня закон.

Этим Янус сделал большую глупость.

Сначала девушка онемела от изумления, потом стала серьезной и сказала, опустив глаза:

— Простите мне, господин Янус, эту постыдную ошибку. Я полагала, что найду здесь доброго старого приятеля, а попала, как дурочка, к чужому человеку. Простите меня.

Теперь Янус, бедняга, попал в тупик. Он не мог прийти в себя от удивления при виде прекрасной девушки, показавшейся ему в своей цветущей юности ангелом из иного мира, и в то же время злился, что не осмелился встретить этого ангела как друга! Вот как!.. Но разве женщину поймешь! Нельзя совсем портить дело излишней робостью.

Янус собрался с духом.

— Эмми!

Назвав ее по имени, он загладил совершенную им глупость.

— Эмми,— продолжал Янус все смелее, чувствуя, как сладко ему повторять это имя.— Эмми, ты так сильно изменилась, что я тебя почти не узнал...

Эмилия засмеялась.

— Ты думал, что я и вырасти не сумею? Посмотри, какая я большая.

Эмилия выпрямилась; она была по плечо Янусу. Глаза ее шаловливо смеялись, но весь ее облик дышал такой девственной чистотой и серьезностью, что Янус снова почти позабыл, что знал ее ребенком и дружил с ней. Все в этой девушке-ребенке было так очаровательно, так пленяло ум и сердце, так опьяняло — и в то же время все было так по-детски невинно! А эти глаза, эти большие, глубокие, лучистые глаза! Янус некоторое время вообще ничего не видел, кроме этих глаз.

— Ты действительно выросла, стала большой и... красивой,— выпалил он в ответ.

— Смотри-ка, ты подобно легкомысленным молодым рыцарям начинаешь прельщать девушек сладкими речами! А теперь садись и расскажи мне, как ты жил все это время, что мы с тобой не виделись.

С этими словами она опустилась на скамью, Янус сел рядом. Тут взгляд девушки упал на книгу, которую читал Янус. Она взяла книгу, писанную на пергаменте, и, рассмотрев буквы, удивленно воскликнула:

— Ты читаешь на латинском языке? Где ты научился?

— Я еще в монастыре начал учить его, потом отшельник, глубоко образованный человек, помогал мне, так что теперь я понимаю все, что читаю.

— Ты был настолько близко знаком с Пяртом-пророком?

— Да. Он научил меня также обращаться со всяким оружием.

— Что ты сейчас читал?

— Здесь рассказывается о Мессенских войнах.

— О Мессенских войнах? Ты любишь историю?

— Да, люблю. Но более глубоко изучить ее я не мог, для этого у отшельника, да и в монастыре, слиш-

ком мало книг. Но все же я учусь на примерах великих и мудрых людей, радуюсь вместе с теми, кто был счастлив в древние времена, горюю вместе с обездоленными. Мне тогда кажется, что я живу среди них. История вдохновляет и окрыляет на свершение подвигов.

Речь Яануса была ясной и звучной, но отличалась некоторой тягучестью — свойством, унаследованным от предков. Говоря, он смотрел перед собой на стол, где лежала его правая рука. Эмилия слушала его с участием и, когда Яанус умолк, спросила:

— Тебя, наверное, трогает стремление мессенцев к свободе, принесшее им столько несчастий. Ты ведь так увлекся чтением, что даже не слышал моих шагов.

Яанус ответил не сразу.

— Когда человек бывает в беде или считает, что попал в беду, — тихо сказал он наконец, — то и чужой крик о помощи врезается ему в сердце глубже, чем в благополучные времена. Как может не трогать меня стон страдающего и гибнущего народа, если...

Яанус замолчал и отвернулся.

— Почему ты загрустил? — с тревогой спросила Эмилия. — Что ты хотел сказать?

Яанус стал говорить о другом.

— Как счастливо жили те люди, которые во времена Перикла были гражданами цветущего города Афин! Под ногами земля, подобная раю, над головой неизменно лазурное небо, на свободных морях крылатые корабли, весь город украшен произведениями искусства, на улицах радостный, свободный народ, просвещенный всеобщим образованием и защищенный мудрыми законами. Я хотел бы жить в то время в Афинах... либо в будущем, через тысячу лет, когда, быть может, и в нашей стране просвещение и свобода превратят хмурое небо в лазурь, а можжевельник в розы.

Яанус явно старался красивыми словами скрыть свои подлинные чувства. Это поняла и Эмилия.

— Ты недоволен своей родиной, Яанус, — сказала она серьезно.

— Я люблю свою родную землю, — сказал Яанус, — я люблю ее горячо и беззаветно. Но мне тягостно, я одинок. Когда я брожу по лесу один, когда синее небо сияет над моей головой, поют птицы, журчит ручеек и таинственно шелестят деревья, мое сердце напол-

няется радостью, мне хочется обнять друзей и воскликнуть на родном языке: «Благодарите, братья, небесного отца, давшего нам такую прекрасную родину!» Но я один, вокруг ни души, некому разделить со мной мои радости и печали, да и мне некого одарить братским участием.

Эмилия, как бы опровергая своим сочувственным вниманием последние слова Януса, заметила с сожалением:

— Я теперь понимаю, как тебе бывает тоскливо с такими мыслями. Но почему ты не ищешь себе общества, почему прячешь от всех свой ум и свои знания? Ведь благодаря им ты мог бы найти и почести, и славу, и сколько угодно друзей и утешителей.

Янус покачал головой.

— Это невозможно. Родину мою я не могу покинуть, а если бы я стал искать здесь почестей и славы, то, несомненно, должен был бы перейти в стан поработителей моего народа, перенять их образ мыслей, сделаться их пособником и тем снискать себе почести и благодарность.

— Значит, ты враг датчанам и немцам? Значит, ты и мне враг?

— Кто станет называть врагом червяка, который корчится на земле под топчущей его ногой?

— Ты же не червяк какой-нибудь!

— Но какую пользу принесло бы мне или моему народу, если бы я, безвестный юноша, объявил себя врагом двух могущественных народов? Да и глупо было бы ненавидеть весь народ из-за его отдельных представителей. Я ненавижу только тех, кто угнетает мою родину, независимо от того, к какому народу они принадлежат. Но какая от этого польза? Выступить против них я не могу, помогать им не хочу ни в чем, ибо то, что выгодно им, идет во вред моим братьям. Я связан по рукам и по ногам.

— Но если бы у тебя было больше сил, если бы, например, твой народ снова поднял мятеж... начал бороться за свое освобождение, — тогда ты был бы на стороне моих врагов?

Этот чисто женский поворот разговора не понравился Яанусу. Он промолчал.

— Скажи, — снова начала Эмилия, задетая за живое, — смог бы ты злобно преследовать нас: моего отца, брата, меня? Мог бы ты перед боем молиться богу, чтобы он уничтожил нас, как твоих врагов?

При этом Эмилия положила руку на плечо Яанусу, как бы требуя клятвы, и пристально посмотрела ему в глаза. Яанус отвернулся и не сказал ни слова.

— Скажи! — повторила девушка.

Яанус попытался отделаться шуткой.

— погоди, дай мне хоть немножко времени!

— А если я дам тебе немного времени, тогда скажешь?

— Если будет что сказать.

— Сколько же тебе надо времени?

Яанус попал в тупик.

— Чтобы обдумать ответ? — спросил он.

— Да, — ответила Эмилия.

— Столько, сколько ты сама мне дашь, Эмми.

— Да? Тогда можешь думать, пока я не сосчитаю до трех.

— Ну, вот...

— Раз...— считала Эмилия.

— Брось эту пустую затею, Эмми.

— Два...

— Нет, так скоро я ничего не скажу.

— Обманщик! Да ты и не хочешь сегодня ничего говорить. Но где же я тебя еще раз увижу?

Последние слова девушка произнесла с каким-то испугом.

— Да, где? — озадаченно повторил Янус.

Наступило молчание. Эмилия опустила глаза, Янус разглядывал сустав у себя на среднем пальце, который был толще и краснее других.

Вдруг вблизи послышался топот конских копыт, и над оградой показались две головы — лошади и всадника. Это был рыцарь Куно.

Эмилия встала.

— Меня разыскивают, — сказала она торопливо, — мне надо идти. Этот молодой рыцарь — один из моих товарищей по охоте. Рыцарь Куно! — крикнула она, выходя из беседки.

Рыцарь Куно обернулся, и лицо его выразило удивление: он не ожидал найти барышню здесь, в крестьянской усадьбе.

— Фрейлейн, как вы сюда попали? — спросил он, останавливая коня.

— Случайно... Тут живут мои старые знакомые. Это мой самый любимый друг детства, — сказала Эмилия, указывая на Януса.

Молодые люди холодно обменялись приветствием.

— Ну, надо идти, я и так засиделась. Я сейчас поеду с вами, рыцарь.

Девушка хотела попрощаться с Янусом, но тот проводил ее до ворот и по-рыцарски помог ей сесть в седло. Девушка слегка оступилась и упала бы, если бы Янус ее не поддержал. Одно мгновение Янус держал ее хрупкое тело в своих объятиях, и у него словно огонь пробежал по жилам. Девушка, покраснев, вскочила на коня. Она как будто хотела еще что-то сказать Янусу, но тут к ним подъехал рыцарь Куно.

— Прощай, Янус! — сказала девушка и быстро пожала ему руку. — В другой раз поговорим обо всем подробнее.

— Счастливого пути! — ответил Янус, внешне оставаясь спокойным.

Отъехав, Эмилия оглянулась еще раз-другой. Рыцарь Куно пустил коня быстрее, и вскоре всадники исчезли из виду.

Янус несколько минут стоял неподвижно. Потом вернулся в сад, сел на скамью и опять взялся за Мессенские войны. Но буквы у него перед глазами стали прыгать и размахивать мечами, как будто сами были теми храбрыми воинами, о подвигах которых они рассказывали. Юноша бросил книгу, оперся о стену спиной, заложил ногу на ногу, обхватил колено руками и неподвижно уставился на него. Но ему чудилось, что с колена его поднимаются какие-то странные смутные образы, они мелькали, вились, колыхались и под конец приняли очертания женской фигуры. Он обнял это видение и ощутил на своей груди и руках сладостное прикосновение... Янус лег на скамью, положил руки под голову и стал смотреть на потолок. Но потолок исчез, и образ Эмилии заколыхался в вышине, в мерцающем свете... Янус повернулся на бок, лицом к стене, и зажмурился. Веки его были закрыты, но чьи-то большие, глубокие глаза по-прежнему сияли ему из темноты...

9

Янус вскочил на ноги, провел рукой по лбу и потрянул головой.

«Что такое? — пробормотал он. — Вдобавок к тоске еще и новое несчастье». Но все же он был полон счастья — о несчастье речи не было.

Он свернул книгу, сунул свиток за пазуху и, выйдя из сада, направился в лес. Красоты своего любимого леса он сегодня даже не замечал. Он всецело был поглощен своими мыслями. Они появлялись и исчезали с такой быстротой, что Янус ни на одной из них не мог остановиться. Но в мыслях этих не было грусти, об этом можно было судить по его высоко поднятой голове и легким, стремительным движениям. Янус шагал быстро и не замечал, как сухие сучья трещат у него под ногами и низко свисающие ветви задевают по лицу.

Лес поредел. Перед глазами путника, в раздумье оставившегося на опушке, желтели нивы созревающего хлеба. Среди полей чернело несколько жалких избушек. Это была деревня. Подумав немного, Янус свернул направо, прошел шагов двести по опушке леса до проезжей дороги, которая вела из замка в деревню. По этой дороге Янус направился к деревне.

Тут было почти безлюдно. Мужчины были заняты на охоте, женщины работали на полях. У дверей крайней избушки сидели две старухи и ели мучную похлебку. Янус, проходя мимо, поздоровался и пожелал им «хлеба-соли». Одна из них подняла голову, поднесла руку вместе с ложкой к глазам, чтобы лучше видеть, и, узнав Януса, прошепелявила:

— А, здравствуй, метсаский парень.

Тут и другая старуха подняла голову, тоже приложила руку с ложкой к глазам и сказала:

— Из усадьбы Метса, значит.

— Как, бабушки, поживаете?

— Слава богу! — ответила первая. — Где ты был все это время?

— Ездил в город за книгами.

— Вот как! Одуреешь ты в конце концов от этих книг.

Старухи опять принялись за похлебку.

Янус зашагал дальше по деревне. Собаки знали его и виляли хвостами, когда он, проходя, звал их по кличке. Полуголые дети в рваных, грязных рубашонках бежали ему навстречу, здоровались с ним и просились на руки. Перед самой ветхой, покосившейся лачугой Янус остановился и шагнул в низкую дверь. Ему пришлось спуститься по ступенькам, так как пол избушки был ниже уровня земли. После дневного света он сначала ничего не мог разглядеть в полутемном помещении — слабый свет проникал сюда через затянутое пузырем отверстие в задней стене. Из одного угла раздавалось блеяние ягненка и кудахтанье кур, а из другого чей-то голос прохрипел словно из-под земли:

— Кто там?

— Это я... метсаский Ян, — ответил Янус и стал пробираться к говорившему. Его глаза уже немного привыкли к темноте, и он различил перед собой постель из соломы, на которой полулежал седой исхудав-

лый старик. Рядом с ним лежал укрытый тряпьем мальчик, по-видимому, спавший.

— Тише, тише! — прошептал старик, глянув исподлобья на спавшего мальчика, и указал рукой на низенькую трехногую скамейку, стоявшую у стены. Янус пододвинул скамейку к постели и сел.

Но кудахтанье кур, очевидно, все же разбудило мальчика. Он глубоко вздохнул, пошевелился и открыл глаза.

— Черт побери! — заворчал старик. — Опять проснулся!

Янус стал ощупывать свои карманы, но не нашел никакого лакомства.

— Жаль, — сказал он огорченно, — у меня сегодня с собой ничего нет. Я зашел случайно, даже не думал сюда идти.

Мальчик, которому с виду можно было дать лет пятнадцать, услышав голос Януса, поднял голову и хотел приподняться на локте, но вдруг лицо его исказилось и он со стоном опустился на свое ложе.

— Что такое — спросил встревоженный Янус. — Маанус болен?

— Да, хороша болезнь! — злобно проворчал старик и махнул рукой.

— Боже мой, что с ним?

— Спроси у кубьяса.

— Что?

— Я ничего плохого не сделал, ничего! — со стоном проговорил мальчик и перевернулся на живот. — Ой, больно, больно!

Янус, побледнев, опустился на колени около мальчика. Осторожно отвернув легкое покрывало, Янус отпрянул назад. Рваная рубашка мальчика была вся окровавлена и во многих местах прилипла к телу, как приклеенная. Старик отвернулся и пробормотал сквозь зубы:

— Они избили его до полусмерти.

Янус, потрясенный этим страшным зрелищем, накинул покрывало на тело несчастного мальчика и дрожащим голосом спросил, когда произошло это несчастье.

— Сегодня утром он пришел домой весь исполосованный, — проворчал старик в ответ.

— Но за что?

Старик пожал плечами.

— Парнишка говорит, что назвал собаку молодого господина лютым волком, а тот приказал кубьясу ответить его на конюшню и там выпороть. Чему тут удивляться!

Маанус повернул голову и застонал от боли. Глаза его были закрыты, но губы шептали прерывисто:

— Он связал меня... и порол... кнутом... как собаку... Я ничего не сделал... я только... сказал... о-о!.. о-о!..

Сердце Яануса сжалось от сострадания.

— Есть у вас холодная вода? — спросил он старика, который лежал на постели неподвижно, как бревно, и вместо ответа только покачал головой. Яанус встал и осмотрелся кругом. В углу он нашел ведро, взял его и, велев старику поискать льняных тряпок, пошел к колодцу за водой.

Когда он вернулся, старик был уже на ногах и рылся в сундуке, бормоча что-то про себя. Яанус поставил ведро у постели, приподнял мальчику голову и стал шептать ему на ухо ободряющие слова. Мальчик вздохнул, лег ничком и стал терпеливо ждать.

— Ну, нашел? — спросил Яанус у старика, который все еще, склонившись над сундуком, перебирал разное тряпье.

— Черт побери, я не нахожу тут ни клочка, — пробурчал он.

Яанус сам подошел к сундуку, порылся в нем и нашел, наконец, кусок тонкой льняной материи.

— Будет старуха опять кричать, — прокрихтел старик и снова улегся, подперев рукой щеку. Он молча наблюдал, как Яанус промыл раны Маануса, перевязал их, заботливо помог мальчику приподняться, убрал мокрую солому и подстелил свежую. По лицу Маануса было видно, что прикосновение к его телу причиняет ему острую боль, но, понимая, что все это делается от доброго сердца, он сжал зубы и со страдальческой улыбкой глядел на Яануса.

— Теперь лежи, пока тебя оставляют в покое, — сказал Яанус, вставая. — Ты крепкий парень и скоро поправишься. Сейчас мне надо идти домой, но если я смогу, я приду вечером и принесу тебе чего-нибудь, чтобы унять боль.

Но ему не удалось выполнить свое обещание. Когда он вышел из избышки, край неба закрывали иссиня-черные тучи; подгоняемые внезапно поднявшимся ветром, они быстро заволокли весь небосвод. Яанус ускорил шаг, и едва он успел укрыться в лесу, как сверкнула первая молния и загредел первый раскат грома. Яанус пришел домой промокшим до нитки.

Весь день и всю ночь дождь лил как из ведра.

10

В течение трех дней никто из усадьбы Метса не мог попасть ни в замок, ни в деревню. В воскресенье вечером Яанус собрался навестить Маануса. Он шел лесом, пока из-за поредевших деревьев не стали видны поля. Здесь он остановился и вдруг повернул направо, к замку. Почему? Об этом он не стал думать. Он за пять лет ни разу там не был, а сейчас почему-то потянуло.

Когда вдали забелели строения замка, Яанус взял немного в сторону, где зеленел сад, памятный ему с детства. Тут он заметил, что на крыше замка развевается черный флаг. Что бы это значило? Не умер ли кто-нибудь из семьи владельца замка? Легкая дрожь испуга мгновенно пронизала тело Яануса.

Он долго пробирался вдоль стены сада и наконец нашел место, где стена была пониже. Отсюда ему был ясно виден весь замок. Яанус оперся на стену и стал прислушиваться.

Из замка доносился глухой шум.

«Там, должно быть, охотники еще в сборе, — думал Яанус, — еще пируют вовсю. Но этот черный флаг? Что это значит?»

Тут заскрипели железные ворота, ведущие из двора замка в сад, послышался гул голосов.

«Гости идут в сад погулять», — подумал Яанус и сделал несколько шагов в сторону. Теперь густой, высокий кустарник скрывал его от взоров людей, вошедших в сад. Группа молодых господ, громко разговаривая, шла по широкой песчаной дорожке. У всех, по-видимому, в голове шумело, шаг был нетвердый и язык за-

плетался. Несколько человек поддерживали друг друга под руки.

— Послушай, Одо! — сказал один. — У тебя нет ни малейших оснований ныть. В двадцать лет ты уже самостоятельный хозяин... Черт побери, будь я на твоём месте, я и от хрена не проронил бы ни слезинки.

— Верно, верно, — подтвердил другой, — я ради такого наследства отправил бы в могилу добрый десяток отцов да ещё каждый раз заплатил бы могильщику вдвасеро! Правду говорю.

— Тише, тише! — раздался голос Одо. — Не говори так громко, а то твой отец услышит... Смотрите, как он трусливо озирается по сторонам! Вот ты и доказал, что слова твои действительно идут из глубины сердца!

Вся компания рассмеялась.

— Черт побери! — уже тише проворчал человек, готовый похоронить десяток отцов. — Разве все идет из глубины сердца? Чего тут смеяться? Не все ведь идет от чистого сердца.

— А я вот говорю от чистого сердца, — начал Одо громко, — что я не ныл бы даже в том случае, если бы отец не оставил мне в наследство и хвоста от старой кобылы. Что умерло, то умерло. Я тоже должен буду когда-нибудь умереть, но мне и в голову не приходит требовать, чтобы меня оплакивали. Я просто ещё не опомнился от этого страшного испуга. Видел ли кто-нибудь такую внезапную смерть? У меня на глазах молния ударяет в дерево, конь моего отца взвизгивает на дыбы, отец падает — и голова у него разmozжена о пень. Все кончено!

Группа скрылась среди деревьев и кустарника, и шум голосов, удаляясь, затих. Янусу казалось, что он все это слышал во сне. Возможно ли! Добрый старый господин умер — и так неожиданно, так ужасно!

Песок на дорожке снова зашкрипел — медленно приближались два человека, мужчина и женщина. Янус их сразу узнал — это были рыцарь Куно и барышня Эмилия.

Эмилия была в черном платье и, насколько можно было различить в сумерках, очень бледна. Она опиралась на руку молодого рыцаря. Очевидно, она нуждалась в сочувствии, и рыцарь Куно изливался в утешениях, как и надлежит истинному рыцарю.

— Если бы вы знали, уважаемая фрейлейн,— звучал мягкий, ласкающий голос Куно,— как глубоко я разделяю ваше несчастье, вы бы с большим вниманием прислушивались к моим искренним словам. О, если бы вы знали, какая острая боль, подобно уколу кинжала, пронзила мое сердце, когда вы сегодня на похоронах отца с душераздирающим криком упали наземь! Я отдал бы десять лет жизни, если бы этим мог вернуть вашего покойного отца хоть на десять минут в этот грешный мир, чтобы он мог сказать вам, что ему теперь хорошо и что он желает вам жить долго и счастливо до вашей грядущей встречи.

Эмилия ответила печальным, усталым голосом:

— Не говорите об этом, рыцарь. Я знаю, вы добрый человек и хотите меня утешить, но ваши усилия напрасны.

Рыцарь умолк. Они тихо прошли мимо, а Янус еще долго стоял за стеной. Он был глубоко потрясен.

«Какое ужасное несчастье! — говорил он себе. — Эмилия любила своего отца больше всего на свете, это я знаю. Как тяжело теперь страдает ее доброе, нежное сердце! (Бог знает, почему Янус был так уверен, что у Эмилии доброе и нежное сердце.) Печаль может ее самое свести в могилу. Но эта мысль ужасна. Эмилия в могиле! Боже спаси!»

Янус еще раз со скорбью взглянул на замок; над ним, колеблемый вечерним ветром, весело развевался черный флаг, словно считал постыдным, хоть и был символом траура, из-за грусти предаваться ленивому покою. В замке зажглись огни, прислуга сновала туда и сюда, в саду затих пьяный гомон молодых господ. Янус вздохнул и медленно пошел по направлению к своему дому.

«Бедная, бедная девушка, — думал он, проходя темным лесом. — Почему это ужасное несчастье должно было поразить именно ее? Она еще так молода, слаба и нежна... как она теперь уживется с грубым, вспыльчивым Одо? Теперь она будет каждый день плакать одиноко в своей комнате, пока не потускнеют ее глаза и щеки не побелеют как снег. Кто теперь защитит ее? Кто утешит? О, если бы я, как раньше...»

Но тут одно воспоминание прервало течение его мыслей. Он подумал о молодом блестящем рыцаре,

который в саду утешал Эмилию такими красивыми словами, куда более красивыми, чем он, Янус, мог бы придумать. И она опиралась на его руку... Чистым, отзывчивым сердцем Януса овладело, вместе с глубокой скорбью, и какое-то другое, чуждое ему и горькое чувство. Он пытался заглушить его, хотел заставить себя думать только о несчастье милой подруги, но не мог отделаться от назойливой мысли. Себялюбие в той или иной мере свойственно каждому. Жило оно и в душе Януса, хоть и в малой мере, и сейчас подзадоривало его: «Ты глуп, Янус. Твои рассуждения наивны. О чем ты думаешь? Чтобы у Эмилии да не нашлось защитников и утешителей! У нее их целые дюжины, и каждый из них вдесятеро лучше тебя. Разве она на тебя обратит внимание? Помнит ли она, что ты вообще существуешь на свете? Ступай домой и плачь о том, что ты так жалок и убог».

Мучимый такими мыслями, утомленный больше душой, чем телом, он через час достиг дома.

Когда он вошел в комнату, старый Тамбет сидел за ужином вместе с работниками и прислугой. Янусу не хотелось ни есть, ни разговаривать; сославшись на головную боль и пожелав всем спокойной ночи, он ушел в свою комнату.

Узкое и низкое окно ее выходило во двор, как раз против калитки, ведущей в сад. Комната была сравнительно большая и высокая, все предметы обихода и кровать, стоявшая у задней стены, были простые, но чистые и имели более привлекательный вид, чем в других крестьянских домах. Окно и калитка были открыты, и свежие ночные ароматы, лившиеся из сада, наполняли комнату.

Янус сел к окну, подперев голову руками. Ветер утих, сияли звезды. Из леса донесся резкий крик совы, и снова воцарилась ночная тишина.

Безграничная горечь наполняла сердце Януса. Незнакомо и ново было для него это чувство. Он не находил ему ни имени, ни объяснения. У него разболелась голова. Он встал и, не раздеваясь, лег на кровать. Но долго не мог уснуть. Наконец веки его сомкнулись.

Но что это?

Янус как будто не лежал в своей комнате на кровати, а все еще продолжал стоять за стеной господского

сада и видел все, что там происходило. Там гуляли с надменным видом молодые господа в роскошных одеждах, и каждый из них кричал и восхвалял самого себя. Потом появилась одинокая пара, это были рыцарь и какая-то барышня. Они шли, дружески держась за руки, и часто с улыбкой заглядывали друг другу в глаза. Рыцарь, наклонившись к ушку барышни, что-то говорил мягко и ласково, глаза девушки сияли, и счастливая улыбка озаряла ее лицо. И вдруг рыцарь обеими руками обнял ее...

Янус хотел крикнуть, хотел броситься на помощь, но как будто окаменел — не мог произнести ни звука, не мог шевельнуть ни рукой ни ногой. И вдруг — о чудо! — рыцарь и девушка, которую он горячо обнимал, начали подниматься в воздух, все выше и выше... и, наконец, исчезли в облаках. Янус устремил взгляд туда, где исчезло видение, и глядел до тех пор, пока в глазах не потемнело и две тяжелые слезы не покатились по щекам. Он протянул руки и воскликнул: «Эмми, Эмми!..» Внезапно облако снова разверзлось и показалось бледное лицо мертвеца — старого владельца замка; горящими глазами посмотрел он на Януса, тощие руки его угрожающе протянулись к юноше, увядшие губы раскрылись, и раздался голос, подобный далекому раскату грома: «Оглянись, крестьянин! Оглянись, посмотри, что у тебя за спиной, о раб!» Янус повернул голову и увидел большое желтеющее поле, где сотни рабов, мужчины и женщины, жали хлеб. Горячее солнце жгло им спину, с лица ручьем катился пот. Свирепый кубьяс ходил среди них взад и вперед, бранился и хлестал тяжелым кнутом каждого, кто осмеливался хоть на минуту выпрямиться. Приглушенные стоны, свист кнута и внезапные крики боли раздавались по полю. Когда Янус посмотрел на лица рабов, ему показалось, что в каждом он узнает своего родного брата, свою родную сестру. Он закрыл глаза... Вдруг ему послышалось, что кто-то невдалеке окликает его по имени. Он открыл глаза и увидел, что кубьяс привязывает к скамье мальчика, которого Янус хорошо знал, и начинаст его беспощадно хлестать. Тяжелые удары кнута со свистом падали на спину несчастного, из ран брызгали крупные капли крови. Мальчик корчился и страшно кричал... Опять Янусу послышалось, что кто-то назвал

его по имени, он хотел с яростью наброситься на безжалостного кубьяса...

«Яанус! Яанус!» — отчетливо прозвучал в ушах Яануса жалобный голос, и он проснулся.

Юноша открыл глаза. Холодный пот покрывал его лоб. Комната была залита ярким лунным светом.

«Какой ужасный сон! — подумал он и даже удивился, что это было только сновидение, — так ясно он все видел. — Я готов поклясться, что действительно слышал свое имя».

— Яанус! Яанус! — отчетливо раздалось снова.

Это было уже наяву.

Яанус быстро посмотрел в окно и, слегка вскрикнув, вскочил.

За окном стоял человек и глядел в комнату.

— Маанус! — воскликнул Яанус, узнав мальчика. — Как ты попал сюда глубокой ночью?

— Дорогой Яанус,пусти меня! — попросил мальчик. Он был бледен как мертвец и дрожал всем телом.

— Влезай прямо сюда.

Маанус с трудом пролез через узкое окно.

В комнате он чуть не свалился от слабости. Яанус поддержал его и провел к своей кровати. Маанус бесильно опустился на нее, опершись спиной о стену и свесив голову на грудь.

— Что с тобой, Маанус? — встревоженно спросил Яанус.

— Хлеба... кусочек хлеба!.. Я голоден... — произнес мальчик прерывающимся голосом.

Яанус вышел на цыпочках, пошарил на кухне, в кладовой, нашел кусок хлеба, мяса и кувшин кислого молока. Мальчик с жадностью голодного волка набросился на еду.

— Долго ты голодал? — спросил Яанус, озабоченный тем, как бы мальчик не наделал себе вреда.

— С субботы, — пробормотал Маанус, поглощенный своим занятием, и откусил большой кусок хлеба.

— Тогда тебе нельзя съедать все сразу.

Маанус в испуге посмотрел на юношу.

— Ты себе наделаешь беды, перестань.

— Но, милый Яанус...

— Давай сюда, потом сможешь еще поесть.

Маанус с сожалением отдал оставшуюся пищу, Яанус поднял его на ноги, поправил кровать и сказал:— Сейчас мы разденемся и ляжем спать. А пока расскажи мне, если можешь, что с тобой случилось.

И пока они раздевались, Маанус рассказал сонным, но уже несколько окрепшим голосом, что кубьяс в субботу утром застал его дома и хотел наказать, как лентяя. Маанус в страхе бросился на двор, кубьяс с руганью погнался за ним. Быстрые ноги мальчика на этот раз спасли его, но вернуться домой он побоялся, так как кубьяс грозился засечь его до полусмерти. Он бродил всю ночь и весь воскресный день по лесу, пока, наконец, голод не привел его сюда.

Они залезли под одно одеяло. Маанус, свернувшись клубочком, прижался к груди Яануса и шепнул, уже засыпая:

— Делай со мной, что хочешь, я... я... ужасно... устал...

Тут силы покинули мальчика, глаза его закрылись и вскоре глубокое, мерное дыхание показало, что он уснул крепким сном.

Яанус еще долго ворочался в постели без сна, положив руки под голову. Неожиданное происшествие немного рассеяло его мысли, но какая-то странная печаль, как бы предчувствие большого несчастья, давила его сердце. Наконец, незадолго до восхода солнца, он погрузился в глубокий, тяжелый сон.

11

На другое утро Яанус проснулся поздно. Маанус еще спал. Когда Яанус одевался, со двора слышались голоса людей, о чем-то громко споривших. Он поспешил во двор. Здесь стоял старик Тамбет со своими работниками, а против него кубьяс с двумя слугами из замка. Тамбет, казалось, резко опровергал какое-то утверждение кубьяса.

— Как он мог попасть сюда? — говорил старик. — Не мог же он проникнуть через крышу! Как бы я мог его не заметить?

Тщедушный кубьяс переминался с ноги на ногу, качал головой, скалил зубы и пиццал:

— Не обманешь ты меня, братец, не обманешь! Не обманешь! Здесь он, и сейчас здесь! Ей-богу! Если ты не знаешь, то сын твой знает.

— Что я знаю? — спросил Янус, подходя ближе.

Кубьяс круто повернулся, посмотрел на Януса, щелкнул пальцами и закричал:

— А вот и он! Вот и он сам! Ну, сыночек, куда ты девал беглеца? Куда ты спрятал этого каналью? А?

Янус повернулся к нему спиной и, хотя догадывался, о чем идет речь, спросил отца:

— Что это значит?

— Черт его знает, что это значит, — ответил Тамбет с несвойственной ему резкостью. — Насколько я понял, он ищет саарского Маануса, который будто бы сбежал.

— Он здесь, я говорю, что он здесь! — снова закричал кубьяс. — Кто вечно сидел в Сааре и нянчился с мальчишкой? К кому он мог убежать, как не к своему дорогому Янусу? Не остался же он в лесу! Ну подумайте, у кого есть мозги в голове, — мог ли он остаться в лесу?

Янус нахмурился. Его чистая душа презирала ложь, но правду он сейчас никак не мог сказать. Он молчал, не зная, что ответить. Кубьяс, как ястреб, зорко следил за выражением его лица.

— Как бы там ни было, — продолжал Тамбет, — но я знаю, что здесь его нет.

— Врешь! Врешь! — закричал кубьяс, размахивая руками. — От меня не уйдете! Куда ты от меня уйдешь? Приведите его, сейчас же вытащите его за волосы, иначе я обыщу весь дом. Да, да! Ты не хочешь? Не желаешь? Идем, ребята, обшарим все до последнего угла. Но тогда берегитесь! Ох, берегите свою шкуру!

С этими словами он направился было к дому, но Янус встал в дверях и сказал, закипая гневом:

— Этот дом принадлежит свободному человеку, сюда никто не может войти без разрешения.

— Вот как? — протянул кубьяс насмешливо. — Так-то, значит? Посмотрим, надолго ли хватит вашей хваленной свободы. Небось, новый хозяин вам покажет свободу, негодяи! Погодите, погодите, скоро мы увидим кое-что новое!

Старик Тамбет, пораженный, подошел поближе.

— Новый хозяин? Какой новый хозяин?

— Ха-ха-ха! — рассмеялся кубьяс. — Ты даже и не знаешь, что старого рыцаря вчера похоронили. Вот болван!

— Боже мой! — тихо проговорил Тамбет, бледнея.

— Да, да, у нашего нового господина все будет по-другому. Этот с вами нянчиться не станет. Он умеет и приказать и заставить...

— Но каким образом...

— Каким образом? Ха-ха-ха! Уж он знает, каким образом. Ничего, скоро увидите, каким образом!

Яанусу надоели эти препирательства.

— Я знаю, как это произошло, — сказал он отцу, — я потом расскажу тебе. А твоих угроз, кубьяс, мы не боимся. Ступай своей дорогой! — И он указал ему на ворота.

— Ишь ты, какой важный! — с издевкой отвечал кубьяс. — Петух да и только! Настоящий петух! Никуда я не пойду, сыночек, пока не обыщу весь дом. И попробуй-ка мне помешать!

Кубьяс хотел взяться за ручку двери, но Яанус стал перед ним лицом к лицу, поглядел ему прямо в глаза и спросил, принуждая себя казаться спокойным:

— Ты уйдешь или нет?

Кубьяс видел, что дело осложняется.

— Хватайте его! — дрожащим голосом крикнул он господским слугам. Но те не осмелились дотронуться до Яануса.

— Я два раза сказал тебе, чтобы ты убирался подобру-поздорову, — сказал Яанус глухо. — Теперь не жалуйся, если в третий раз будет хуже. Выбросьте его за ворота! — приказал он своим работникам.

Восемь сильных рук схватили и подняли на воздух барахтающегося и визжащего кубьяса, отнесли его к воротам и швырнули так, что он покатился кубарем. Ушли и слуги, втихомолку прыскаая со смеху. Ворота заперли на замок. Яанус увел отца в дом, чтобы тот не слышал ругательств кубьяса. Юноша был немного бледен, но с виду спокоен, когда рассказывал отцу, что видел и слышал у садовой стены замка. Тамбет озабоченно покачивал головой и бормотал:

— Плохо дело... очень плохо...

Кубьяс всю дорогу бранился, осыпая слуг всевозможными угрозами. Хромая, добрался он наконец до дому.

Молодой владелец замка с толпой гостей как раз спускался по лестнице. Они только что позавтракали и все были в отличном настроении.

— Я вас так скоро не отпущу! — сказал Одо, лицо которого сияло весельем. — Вы должны помочь мне скоротать дни траура... А ты чего тут ковыляешь, старый пес? Что ты корчишь такую жалостную мину? Что за хворь на тебя напала?

Последние слова были обращены к кубьясу, который вместе со слугами подошел к крыльцу. Он так сильно хромал, что казалось, будто у него укорачивается попеременно то правая, то левая нога; при этом он охал и испускал душераздирающие стоны. Подойдя к своему господину, он сложил руки, поклонился до земли, свесил голову и стал жаловаться плаксивым тоном:

— Господину хорошо смеяться, господин может сделать со своим слугой что хочет. Но меня, господского слугу, оскорбили и избили до полусмерти.

И тощее тело кубьяса завертелось, точно коловорот.

— Кто же тебя так избил, бедный ягненочек? — рассмеялся Одо.

— Метсаский Янус.

— Кто?

— Метсаский Янус. И старый Тамбет, его отец. Меня били, а господина ругали. Ох! Ох!

Лицо молодого рыцаря, до этой минуты не терявшее веселого выражения, внезапно омрачилось.

— Что ты мелешь? — спросил он резко. — Они меня ругали? Меня?

— Ругали и поносили так, что страшно было слушать. А меня избили. Ох! Ох!

— Ты с ума сошел. За что... да как они посмели?

Гости окружили их и смеялись над кривлявшимся кубьясом.

— Они воры! — вскричал кубьяс. — Настоящие воры и разбойники! Кто знает, сколько добра они уже стащили из замка! А теперь они еще и укрыли у себя в доме беглого раба из деревни, принадлежащей господину, и не хотят его выдать. Сущие разбойники! А когда

я сегодня утром пошел и потребовал, чтобы мне вернули господское добро, они стали бранить и поносить господина, а мне переломали все кости. Ох! Ох!

Кровь бросилась в лицо Одо. Он крикнул:

— Как ты, собака, осмеливаешься мне это говорить? Почему ты сразу их не связал и не привел сюда?

— Ох, милостивый господин, что я мог сделать один против целой толпы! Я приказал вот им, — и кубьяс показал на слуг, у которых колени начали дрожать от страха, — прийти мне на помощь и не допускать, чтобы оскорбляли честь господина, но они смеялись. Только я один...

— Они смеялись?

— Да, смеялись оба, только я один...

— Эй, люди! — громко крикнул Одо и хлопнул в ладоши. Прибежало несколько слуг.

— Отведите этих негодяев на конюшню! — громовым голосом приказал молодой рыцарь. — По сто розог каждому, а потом — в самый глубокий подвал!

Дрожащих преступников увели.

Одо снова обратился к кубьясу, на лице у которого мелькнула злорадная усмешка.

— Правда ли все это?

— Все, до последнего слова! — подтвердил кубьяс, ударив себя кулаком в грудь.

— Убирайся отсюда! Удар хлыста был наградой верному слуге за защиту чести господина. Кубьяс отошел, прихрамывая.

— Что это за история? — спросил с любопытством один из гостей.

— История, конец которой еще впереди, — ответил Одо, сгибая хлыст. — Крестьяне меня оскорбили. Они избили моего слугу — это оскорбление! Клянусь богом, я этого не прощу!

— Что за вздор? Каким образом крестьяне могли тебя оскорбить? Твои собственные крестьяне? — удивленно спрашивали гости.

— Да, верно, ведь вы этого не знаете, — отвечал Одо. — Там, на границе моих земель, живет семья одного так называемого свободного крестьянина, которому какой-то полоумный епископ даровал необычные права. Отец мой благоволил к этим людям, и эти выродки настолько обнаглели, что уже ни в чем не знают

границ. Они укрыли у себя беглеца из моей деревни, избили моего слугу и этим самым, да еще вдобавок бесстыдной руганью, нанесли мне оскорбление. Скажите, как мне с ними поступить?

У молодых рыцарей щеки запылали от праведного гнева.

— Клянусь богом! — вскричал Клаус Коркенпропф, цветущий молодой господин с рыжеватым пушком на подбородке, свидетельствовавшим о его мужском достоинстве. — Подобной истории я еще не слышал! Свободный крестьянин? Это что такое? Такой гриб на нашей земле не растет, а если он вдруг где-нибудь появится, его надо тотчас же растоптать.

— Чего же мы ждем! — заявил долговязый, курносый и кудрявый юнкер Клопфлейш. — Едем туда, вздернем этих негодяев на сук, а гнездо их подожжем.

— Вот это правильно! Все ясно. Веди нас сейчас же туда, Одо! — зашумели в толпе.

— Едем! — крикнул Одо со все возрастающим возбуждением. — Я должен наказать этих собак. Пока я этого не сделаю, ни капли вина в рот не возьму!

Это решение было встречено радостными восклицаниями. Рыцари созвали слуг, сели на коней и поскакали в лес. Рыцаря Куно не было среди них, он и не знал об их намерении.

Он сидел в богато убранной комнате и развлекал красивую девушку, которая, иногда улыбаясь сквозь слезы, слушала его то серьезную, то веселую, но всегда мягкую и плавную речь.

Бедный Янус!

12

В усадьбе Метса держали совет, как быть с Маанусом. Сам Маанус сгоряча готов был уйти, убежать в лес далеко, далеко, все равно куда, лишь бы выручить из беды своих заступников. Старик Тамбет, обычно живой и деятельный, несмотря на свои годы, был ошеломлен последними событиями. Он мало говорил, больше что-то бормотал про себя и часто озабоченно качал головой. Да и у Януса было тяжело на сердце, но он и виду не подавал, стараясь подбодрить

других. По его мнению, надо было выкупить Маануса у его господина.

Но старик Тамбет покачал головой:

— О выкупе сейчас с новым владельцем замка уже и говорить нельзя. Задета его гордость, а гордость эту я знаю. С Маанусом мы как-нибудь еще уладили бы дело, но мы рассердили самого господина, а этого он не простит. Плохи дела, очень плохи!

Среди собеседников на некоторое время воцарилось молчание.

Вдруг со двора донеслись сильные удары в ворота. Все трое испуганно переглянулись. Тамбет встал.

— Яанус, ты спрячь Маануса, — сказал он, учащенно дыша, — а я пойду узнаю, что им надо.

Старик поспешил во двор. Яанус повел мальчика в кладовую, откуда вела лестница на чердак, велел ему подняться наверх и хорошенько спрятаться. Мальчик взобрался наверх. В это время на дворе поднялся сильный шум. Яанус, предчувствуя недоброе, поспешил туда и увидел, что двор полон всадников, а отец его лежит на земле, поваленный тяжелым ударом. Сердце юноши закипело страшным гневом, он готов был обрушиться на противника и разнести его в прах.

— Люди, на помощь! — крикнул он своим работникам и, подобно каменной глыбе, катящейся с горы, налетел на всадника, который сбил с ног его отца. Словно железными клещами, схватил он его за руку и за грудь, одним рывком стащил с седла и бросил себе под ноги. Остальные оцепенели от удивления и испуга. — Яанус показал мощь, достойную Калевипоэга.

Сила старого Вахура, дотоле дремавшая в теле его внука, теперь грозно просыпалась.

Прежде чем товарищи оглушенного юнкера успели прийти в себя от испуга, Яанус обнажил меч юнкера, отступил на несколько шагов и крикнул громовым голосом:

— Что вам нужно, люди? Зачем вы, как разбойники, ворвались сюда?

Побагровев от ярости, размахивая хлыстом, Одо подъехал почти вплотную к Яанусу, который не отступил, однако, ни на шаг, и крикнул:

— Ты смеешь еще огрызаться, собака?

Остальные также подъехали поближе.

— Назад! Назад! — прогремел Янус и так взмахнул мечом, что лошадь Одо со страху встала на дыбы. — Я такой же свободный человек, как и вы, и сумею отплатить за оскорбление. Я знаю, зачем ты привел сюда эту шайку убийц, бесчестный юнкер. Ты по навету своего озлобленного раба пришел в этот дом творить суд по кулачному праву. Я презираю тебя, наглый мальчишка, я презираю тебя, ты порочишь свое рыцарское достоинство.

Тем временем четверо работников с острыми топорами в руках встали за спиной Януса. Одо побледнел, но тотчас же вновь покраснел до корней волос. Губы его затряслись, голос странно задрожал.

— Как ты смеешь? — глухо пробормотал он. — Я могу приказать изрубить тебя на куски... Ты уже второй раз оскорбляешь меня...

Янус ответил спокойно:

— Если ты считаешь, что я тебя вторично оскорбил, то отомсти мне, как подобает мужчине! Но ты побоялся прийти один, привел целый отряд. Сдается мне, у тебя чувство чести не больше твоей бороды, а ее у тебя и вовсе нет.

— Молчать, собака!

— Иди-ка, попробуй заставить меня замолчать! Но один против одного, как того требует обычай свободных и честных людей.

— Сто чертей! — проревел Одо и слез с коня. — Оставьте меня, пусть никто не сует нос в наше дело! — приказал он своим товарищам и обнажил меч.

— Прежде чем мы начнем биться, еще одно слово, — сказал Янус. — Если я паду, ты можешь, делать с моим трупом, что хочешь. Но я прошу тебя, оставь в живых моего отца. Обещаешь?

— А-а? Теперь ты просишь, собака!

— Не за себя, щенок, а за своего ни в чем не повинного отца, который стонет там, на земле, израненный.

— Ладно, он будет жить, но будет гнить в самом глубоком подземелье, пока смерть не спасет его. Но ты умрешь. Издохни же, собака!

Мечи скрестились! Поединок начался.

Одо был смел, ловок и горяч. Янус был храбр, ловок и хладнокровен. Вначале Янусу стоило немало труда защитить себя от бесчисленных ударов и уколов,

следовавших один за другим с молниеносной быстротой. Мечи сверкали так, точно с клинков сыпались огненные искры.

Окружающие молча следили за поединком. Тамбет приподнялся на локте и напряженно смотрел на бойцов. Во дворе царила зловещая тишина. Слышался только раздражающий звон оружия.

Но мало-помалу Одо, чересчур рьяно вступивший в бой, стал ослабевать, удары его делались все реже и, наконец, он вынужден был перейти к обороне.

Между тем юнкер, которого Янус сбросил с коня, снова поднялся на ноги. Он с досадой вспомнил, что с ним произошло, и еще больше разозлился, когда увидел, как искусно пользуется крестьянин его рыцарским мечом. Молодой господин попросил у своих товарищей меч, чтобы наказать своего оскорбителя, но так как ни у кого не было охоты расставаться с оружием, то он поднял большой камень и заковывал к сражающимся. Его никто не удерживал, так как все видели, что положение Одо делается хуже, чем хотелось бы рыцарям.

Но вмешательство нового врага разъярило Януса. Страшным ударом перерубил он меч противника пополам и, как молния, обратился к другому врагу. Но этот герой, лишенный меча, со страхом выронил камень и показал пятки.

Остальные с криком бросились вперед и окружили обезоруженного и словно онемевшего Одо.

— Что это значит? — крикнул Янус, бледнея.

— А вот что это значит! — с насмешкой ответил юнкер Клопфлейш, направляя своего коня прямо на Януса. Тот понял, что спасения нет, и в отчаянии заскрежетал зубами:

— О, подлые обманщики, собаки!

Сильным ударом он рассек голову коню нападающего, отскочил назад, к работникам, которые и сами уже вступили в бой, и крикнул:

— Пришел нам конец, братья!

— Конец так конец, делать нечего, — был общий ответ. Один из работников повалился с разбитой головой, остальные продолжали мужественно сражаться. Под их сильными ударами пали сразу две лошади; одна придавила своего седока, другой же рыцарь едва успел

подняться на ноги, как топор работника впился ему в плечо. Рыцарь тяжело повалился на землю. Работник с такой силой рванул топор из раны, что сам отлетел к стене. Но в это мгновение чье-то копье пронзило ему шею и пригвоздило его к стене.

Копье это метнул юнкер Клопфлейш, которому удалось выкарабкаться из-под павшей лошади. Видя, как он удачно попал в цель, юнкер громко рассмеялся. Но это был его последний смех на этом свете: Янусов меч сверкнул в воздухе — и голова рыцаря оросила землю своей кровью. Янус видел, что работники защищаются из последних сил; сопротивление их ослабевало с каждой минутой, но с уст не сорвалось ни единого крика о пощаде. Они не искали спасения, они старались как можно дороже продать свою жизнь. Им не пришлось долго ждать. Один из них вскоре схватился рукой за грудь, пронзенную копьем, хрипло застонал и упал навзничь. Рыцарь, его сразивший, направил коня, топча еще содрогающееся тело, но тут последний оставшийся в живых работник взмахнул топором, и лошадь со всадником грохнула наземь.

Луч радости пробежал по лицу работника. Он искал глазами своего юного хозяина, который только что мощным ударом свалил с лошади какого-то бледного молодого рыцаря.

— Спасайся, хозяин! Я умру с радостью! — закричал работник, ловко отбивая удары нового противника.

— Нас только двое? — крикнул Янус, на миг оборачиваясь. — Так умрем же и мы, но умрем с честью!

Во время сражения Янус искал глазами виновника всех бед — Одо. Наконец он увидел его: Одо стоял близ ворот один, бледный, с опущенными глазами. В ту сторону Янус и начал прорубать себе дорогу через толпу. Удары его были страшны, меч его глубоко врезался в тело врага. Неиссякаемая, исполинская сила, казалось, была в его руках. Никто уже не осмеливался напасть на него прямо, его старались скружить железным кольцом, сжимающимся со всех сторон. Он не обращал внимания на эти попытки врагов и продолжал прокладывать себе путь.

Но тут до его слуха донесся крик — то кричал последний из его работников. Янус круто обернулся. Трое рыцарских слуг отрезали ему путь отступления.

Но он увидел, что дверь в дом раскрыта настежь и тело последнего из его людей лежит на пороге. Несчастный в смертельном страхе пытался укрыться в доме, но, распахнув дверь, получил роковой удар и свалился у входа.

При виде раскрытой двери у Яануса мелькнула новая мысль. Он был один против кровожадной стаи врагов; со всех сторон глядела на него, оскалившись, безжалостная смерть — и в юном мужественном сердце проснулась могучая жажда жизни.

С внезапным подъемом сил бросился он на противников, преграждавших ему дорогу, — одному рассек голову, другому пронзил мечом шею и, перескочив через тело убитого работника, очутился в доме.

Господа и слуги остановились в оцепенении, и каждый мог прочесть в глазах у другого: «Не хотел бы я попасть к нему в когти! Это не крестьянин и вообще не человек, а сам дьявол...»

Наконец, кто-то из них, оказавшийся побойчее, заговорил:

— Лисица сама попала в ловушку. Нам остается только поджечь гнездо и поддеть лису на копье, если она выскочит из какой-нибудь дыры.

Это предложение было принято с восторгом. Шайка окружила дом со всех сторон, чтобы ни одно живое существо не могло из него выбраться. Окно в комнате Яануса оказалось открытым, его тотчас же заделали. Никому и в голову не пришло, что в этом подобном замку крестьянском доме могут быть потайные выходы. Слуги обложили стены дома соломой и сухим хворостом и разом зажгли их. Пламя взвилось по бревенчатым стенам, коснулось высокой кровли, ворвалось через отворенную дверь в дом и со свистом заплесало в окнах. Из объятых огнем дома выбежали две перепуганные насмерть служанки с обгорелыми волосами и платьем. Их встретили грубыми насмешками и объявили военной добычей. Пламя жалобно свистело и выло, точно ему жаль было уничтожать это жилище, так долго служившее приютом счастливым людям. Поджигатели ждали, что вот-вот раздадутся вопли несчастного Яануса, преследуемого дымом и огнем, подобные уже доносившемуся из хлева мычанью скота, ждали, что вот-вот он появится, в горящей одежде,

с опаленными волосами. Но в горящем доме ничего не было слышно, только ревел огонь да искры трещали и плясали в столбах дыма, взвивавшихся к небу.

Старик Тамбет все еще лежал у ворот. Удар, нанесенный мечом плашмя по его обнаженной голове, оглушил его, он ослабел от потери крови, страшное несчастье помутило его разум. С трудом подняв голову, он пристально глядел в огонь; спутанные, окровавленные волосы покрывали его лоб, рот был открыт, нижняя челюсть отвисла и по временам судорожно вздрагивала.

Одо все еще стоял тут же, прислонившись к бревенчатому забору, скрестив руки на груди, и смотрел, сердито кусая губы, что творили его спутники. Он знал, что враг нашел свою гибель в горящем доме. Но это его не радовало! Он отомстил не так, как подобает честному человеку, эта расправа накладывала на его честь новое несмываемое пятно.

— Яанус, сын мой, где ты сейчас? — шептал старик про себя. Одо слышал это, и на лице его появилось злорадное выражение, которое, однако, сразу исчезло.

— Твой сын сейчас жарится там, в доме, — сказал он глухо.

Старик, хотя и слышал эти слова, не повернул головы и не проронил ни слова. Только тихо, еле заметно, покачал головой.

— Слышишь, старик? — повторил Одо. — Твоего сына там жарят живьем. Тебя это радует?

Тамбет опять ничего не ответил, но на этот раз легкая усмешка скользнула по его лицу. Эта усмешка говорила: «Если бы мой сын Яанус был еще в доме, он не позволил бы себя изжарить, как поросенка. Этот поросенок схватил бы сковороду и хорошенько разукрасил бы поварам головы».

Вдруг сквозь шипенье и треск огня донесся пронзительный крик. Пламя настигло бедного Маануса. Его бледное, искаженное болью лицо на одно мгновение показалось в слуховом окне. Но тут обрушилась часть крыши, узкие языки пламени заметались из стороны в сторону — и больше ни звука, только треск пожара...

Все, кто слышал крик, сбежались, и стали со страхом спрашивать один другого, не был ли это «он сам». Но люди, которые видели лицо несчастного мальчика,

ставшего жертвой пламени, молча качали головами. Все недоумевали и изумлялись. «Что он — погиб уже или так и сгорает живьем без единого звука?» — думали они.

С грохотом провалилась вся крыша. Искры рассыпались далеко вокруг, амбар и хлев тоже загорелись, пламя лизало и забор вокруг дома. Люди стали выбегать со двора. Одо наконец очнулся от своего оцепенения. Его спутники хотели бросить старика Тамбета в огонь, но Одо приказал поднять его и отнести в замок.

Весь отряд собрался на опушке леса против горевших строений. Прежнее беспечное веселье исчезло. Спасаясь от огня, уцелевшие унесли с собой убитых и раненых, и тут оказалось, что трое цветущих отпрысков рыцарского рода, бывшие утешением для своих родителей и отрадой для возлюбленных, поплатились жизнью за эту легкомысленную выходку. Кроме того, убито было трое слуг, и глубокие раны давали чувствовать многим участникам набега, что веселая затея превратилась в печальную действительность.

Медленно рушились горящие строения, пока, наконец, не превратились в груды дымящихся головешек. Высокая печная труба еще стояла и, как бы угрожая, поднимала к небу свою почерневшую, задымленную голову. До последней минуты у всех, кто смотрел на пожар, было какое-то странное чувство: им казалось, что исполинская фигура бесследно пропавшего Януса вот-вот покажется среди дымящихся развалин. Но только синий дым клубился над чернеющими углями и, поднимаясь, плыл высоко в воздухе багрово-серым облаком.

Наконец все сели на коней и медленным шагом поехали к замку. Разговоров не было слышно. Даже грубые слуги не решались хвастаться друг перед другом. Победа была бесславная.

Пожарище на месте усадьбы Метса дымилось до ночи. Наконец пошел мелкий дождь и погасил последнюю искру в куче углей. Высокая труба стояла еще долго, и вороны, не находя знакомых построек, кружили около нее с удивленным карканьем. Пришла зима и похоронила развалины под снежным покровом. Бродячий волк, изгнанный из своего логова, нашел себе убежище в пустой печи. Верхушка трубы, черная как

сажа, стала белоснежной. Вороны иногда разрушали ее убор, но зима вскоре заменяла его новым. Кирпичи в трубе обрушивались один за другим, и в конце концов сильный порыв ветра опрокинул ее с таким грохотом, что укрывавшийся в печи волк выскочил, испуганный, и больше сюда не возвращался.

13

Наступила весна. Это была весна 1343 года.

Апрель месяц, как всегда, показывал и в этом году свой капризный, изменчивый нрав. В полдень солнце тепло и ясно светило с синего неба, вечером заходило в полном блеске, и запад долго еще горел золотистыми, красными, розовыми и лиловыми красками. Люди радовались и надеялись, что завтра будет погожий день. Но едва потухали последние отблески заката, как с другой стороны небосвода поднимались черные тучи, резкий северо-восточный ветер развеивал их по всему небу, и дождь, смешанный со снегом, с шумом низвергался на землю. Утром небо было серое, ветер холодный, земля мокрая, и струи мутной воды, журча, стекались в пенистые ручейки.

Однажды ненастной ночью — это была ночь под Юрьев день — одинокий всадник остановился на высоком холме, милях в полутора от Таллина. На плечах у всадника была длинная крестьянская накидка, на голове войлочная шляпа, надвинутая низко на глаза.

Ночь была, как уже говорилось, ненастная, небо темное, но не сплошь, а местами, точно земля, покрытая кочками. В тучах то здесь, то там появлялись просветы, и тусклые лучи месяца лились на спящую землю. Ветер глухо шумел в окрестных лесах и завывал в ветвях одинокой сосны, над головой всадника.

Вдали на темном фоне леса светились окна замка Лодиярве, точно кошачьи глаза.

— Там собрались гости, — пробормотал всадник, глядя в сторону замка, — сейчас было бы легко уничтожить все это гнездо. Но пусть крестьяне делают что хотят. Я не стремлюсь ввергнуть эту семью в бедствие. Бог с ними!

Хотя на вершине холма, на ветру, вовсе не было тепло, всадник снял шляпу и несколько раз отер рукой лоб. Пелена туч разорвалась, и неверный свет месяца упал на лицо всадника. Лицо у него было еще молодое и, хотя бледное и исхудалое, но мужественное и суровое.

Всадник снова надел шляпу, вынул из-под накидки смоляной факел, зажег его и поднял стоймя, как свечу. Пламя высоко взметнулось на ветру.

И тут произошло нечто поразительное.

Далеко вокруг, насколько хватал глаз, стали загораться в темноте огоньки; они горели с минуту и снова гасли.

Человек все еще стоял под сосной, высоко подняв свой факел, и время от времени размахивал им над головой. Огоньки, не переставая, зажигались и потухали. Потом на некоторое время кругом воцарилась темнота. Потух и факел на холме.

Вдруг вдали запылал новый огонь. Но он не угасал, а рос и увеличивался с каждой минутой, пока, наконец, пламя не поднялось, как высокая башня, рассеяв ночную тьму ярким светом. Это уже не был огонек, это был пожар. Горело поместье.

Прошло немного времени — и в другой стороне кроваво-красное пламя вырвалось будто из-под земли, быстро разрослось, раздуваемое ветром, и поднялось выше первого. И тотчас же в новых двух, трех, четырех точках горизонта возникли новые пожары. Казалось, раскололась грудь эстонской земли и горящая лава бьет наружу из бесчисленных расщелин. Вокруг не было больше ночной мглы, темные провалы между огнями то исчезали, то снова расширялись, колеблясь, смотря по тому, насколько высоко поднималось пламя. В бескрайней дали, где огней уже не было видно, небо-склон покрылся кроваво-красным заревом.

Это не могло быть ни несчастной случайностью, ни совпадением отдельных поджогов — это было восстание и война!

Не было никакого сомнения в том, что горели все неукрепленные поместья в окрестности, и не только поместья, но и все дома, где жили датчане или немцы. Беспощадно угнетаемый и истязаемый крестьянин собрался с последними силами, и теперь грозный голос

его гремел, возвещая поработителям о пробудившейся в нем жажде свободы. Отсвет пожаров, пылавших в немецких поместьях, обаграл небо, а вскоре кровь угнетателей обагрила землю. И тогда они с ужасом поняли, как опасно низводить человека до положения рабочего скота, наглядно обучать его животной жестокости. Крестьянин, с которым обращались хуже чем со скотом, теперь не знал человеческой жалости и уничтожал без разбору и немедля каждого, кто принадлежал к ненавистному ему племени. Крестьяне рубили на куски мужчин, душили женщин и бросали детей в огонь. Они преследовали беглецов, как диких зверей, обыскивали все укрытия, и тех, кого находили, безжалостно убивали.

Глухой шум, звучащий страшнее, чем завывания беснующихся ночных духов, слышался со всех сторон вокруг пустынного холма. Когда порывы ветра не были так сильны, до слуха одинокого всадника, все еще стоявшего на прежнем месте, диким хором доносились торжествующие возгласы крестьян, стоны жертв, захлебывавшихся в своей крови, вопли матерей, чьих детей мятежники пронзали копьями, крики о помощи, проклятия и треск огня.

Всадник, сложив руки на груди, задумчиво глядел вдаль. Глаза его блестели, бледное лицо покрылось легким румянцем, он шевелил губами, разговаривая с самим собой.

— Начало положено — страшное, кровавое начало! Небо пламенеет пожаром восстания. Кроваво-красным восходит солнце свободы. Помоги, милосердный дух, чтобы оно не закатилось таким же... Мечта Вахура исполнилась. Чего не сделал сын, то совершил внук; грозный клич гремит по всей стране, и клич этот пробудил я!.. Пусть он умолкнет лишь тогда, когда я буду отомщен и освобожу мой народ. О надежда, как ты сладостна!.. Я охотно спас бы тех слабых и беспомощных, что сегодня ночью умирают без всякой вины, но я не могу. Железная необходимость требует, чтобы кровь чужеземцев была пролита до последней капли, чтобы и тени их не осталось на нашей земле. Только тогда к нам вернется свобода, мир исцелит измученный народ, исчезнет страх из умиротворенных сердец

и ты, о солнце просвещения, разольешь свой свет над долинами радости...

Всадник умолк. Его глаза сияли, грудь поднималась, яркое пламя на мгновение осветило его одухотворенное лицо... Взгляд его устремился вдаль, туда, где на опушке леса угадывались очертания замка Лодиярве. Там еще все было спокойно.

— Мой бедный отец! — вздохнул всадник, и голова его опустилась на грудь.

Снизу донесся приближающийся шум голосов и топот копыт. Отряд всадников собрался у подножия холма, и чей-то огрубевший голос спросил:

— Ты еще здесь, Тазуя?¹

— Я здесь. Приблизьтесь! — последовал ответ.

Вскоре отряд поднялся на холм и остановился перед одиноким всадником. Это были большей частью крестьяне из Лодиярве. Оружием служили им топоры, косы, дубины, несколько старых заржавевших пик и мечей, которыми, вероятно, сражались еще их предки. На лицах всадников отражалось страстное желание как можно скорее пустить в ход это столь разнообразное оружие.

Еще молодой, быстрый в движениях человек, которого звали Андресом, взмахнул мечом, щелкнул пальцами и сказал:

— Не пора ли начинать?

— Где вы достали таких прекрасных лошадей? — спросил Тазуя.

— Прежде чем прийти сюда, заглянули на конюшню в соседнее поместье, — с усмешкой ответил Андрес.

— Почему же вы сразу не напали на замок?

— Люди не решались начать без тебя, — объяснил Андрес, который, как видно, говорил от имени остальных.

Если бы кто-нибудь в эту минуту заглянул в глаза Тазуя, он заметил бы в них что-то вроде тайной радости.

— Я же вам сказал, когда вы избирали меня главой отряда, что в этом деле я вам помочь не могу, — сказал он глухо.

¹ Tasuja (эст.) — мститель.

Отряд молчал, но видно было, что люди не согласны со своим вожаком. Замок был лакомым куском, да и многим нужно было свести там старые счеты.

Но Тазуя пояснил:

— Теперь в замке уже подняли тревогу, там уже поняли, что происходит, и приготовились отразить нападение. Нас заставят с позором отступить, и мы бесполезно прольем свою кровь.

— Я ничего не боюсь, когда ты с нами,— горячо возразил Андрес.— Я прорвусь, будь против меня хоть дюжина чертей! Да и остальные от меня не отстанут.

Отряд шумно подтвердил его слова.

— Поймите, так будет лучше,— повышая голос, убеждал крестьян Тазуя.— Сейчас у нас людей мало, а времени достаточно. Когда соберем побольше войска, сможем начать осаду замка... «Может быть, за это время она проберется в Таллин»,— досказал он про себя свою тайную мысль.

Среди людей поднялся ропот. Одни говорили, что им стыдно перед своими братьями, которые дочиста выжгли поместья своих господ, а самих хозяев отправили на тот свет. Другие же прямо спрашивали, для чего же они выступали и что им теперь делать. Не смотреть же, сложа руки, как другие действуют!

Тазуя немного подумал.

— Люди! — крикнул он, и его громкий голос заставил утихнуть всякий ропот.— Я хорошо понимаю, что вы хотите настоящего дела. Но скоро у нас будет отличная работа. Как вы считаете, вы ведь не очень-то любите монахов и других черных воронов?

Возгласы, раздавшиеся в ответ, звучали жаждой крови; ответ этот неопровержимо свидетельствовал о том, какое ничтожное место завоевали в сердцах этих угнетенных полуязычников тогдашнее христианское вероучение и «благоедеяния» монахов.

— Я передушил бы всех этих вырожденков с их черными хламидами! — решительно заявил Андрес.

— Вот там-то нас и ждет работа,— продолжал Тазуя.— Отсюда до монастыря в Падизе всего несколько часов езды. Монастырь этот хоть и основан недавно, но трудами наших братьев уже накопил немало богатств. Говорят, что монахи стригут своих крестьян почище, чем иной помещик. Мы могли бы без большого труда

поучить святых отцов христианскому смирению, пока к ним подоспеет помощь. Вы согласны?

В толпе поднялся радостный крик:

— Пойдем, осветим попам дорогу в пекло! Они нас тащат на небо, пусть же сами черные вороны летят туда в дыму пожара. Мы им поможем!

Вскоре весь отряд промчался на юго-запад, по направлению к лесу, и исчез в темноте. Холм опустел, все стихло; только ветер шумел и завывал в ветвях одинокой сосны, точно искал убежища от тех ужасов, отзвук которых он разносил по стране.

В эту страшную Юрьеву ночь эстонец дал волю ненависти, издавна накопившейся в его душе, и несколько тысяч датчан и немцев, мужчин и женщин, стариков и детей нашли свою гибель на эстонской земле.

14

После того как в сельских местностях все чужеземцы либо были убиты, либо бежали, отряды восставших крестьян собрались под Таллином. Число осаждающих достигало десяти тысяч, и у всех было только одно желание: сражаясь за свободу, победить или умереть. Прежняя жизнь стала им настолько ненавистной, что даже смерть казалась им лучшим исходом. Они избрали из своей среды старейшин, а из их числа — четырех верховных старейшин, которых немцы в насмешку называли «королями», и отправили в Финляндию послов с просьбой о помощи. Епископ Выборгский обещал прислать восставшим корабли и людей, но за это потребовал, чтобы Таллин после падения перешел под власть шведского короля.

В городе, где число жителей сильно возросло за счет бежавших из сельских местностей, царили страх и отчаяние. Здесь опасались, что крестьяне сразу начнут штурмовать город, и тогда никому не миновать мучительной смерти. Можно было предполагать, что озлобленные крестьяне не пощадят городских жителей так же, как не щадили господ в поместьях. Тайно были посланы гонцы к магистру Ливонского ордена Бурхарду фон Дрейлебену с просьбой о помощи.

Но эстонцы не стали штурмовать город, а только осадили его. Они ждали прибытия еще одного крупного отряда, который во главе с Тазуя разгромил Падизеский монастырь, истребил монахов, помог окрестным крестьянам уничтожить их господ и поднял восстание среди жителей Ляэнемаа. Из Ляэнемаа пожар восстания перекинулся через проливы на Сааремаа, где воинственные крестьяне в один день перебили почти тысячу немцев, в том числе и наместника магистра ордена со всеми должностными лицами. Наконец отряд Тазуя прибыл под Таллин, в лагерь восставших крестьян, где был встречен восторженными криками. Тазуя знали почти все эстонцы, но его прошлое, так же как и его подлинное имя, было известно лишь нескольким повстанцам из его отряда, а тем он строго приказал хранить все это в тайне. Многие жалели, что Тазуя из-за его молодости нельзя избрать верховным старейшиной, хотя он, с его пламенной речью, знанием военного дела и умом, был как бы создан для этого. Все его начинания до сих пор увенчивались успехом.

Когда Тазуя проезжал через лагерь, направляясь к вместительному шатру, выстроенному для совета старейшин, радостные возгласы не утихали; все — и стар и млад — старались пожать руку доблестного мужа или хотя бы приветствовать его ласковой улыбкой. Разумеется, были здесь и насмешники, но когда же их в Эстонии не было?

— Смотрите, молодежь! — говорил какой-то старик. — Вот это храбрец! Мы и подумать не осмелились бы о восстании, если бы он, переходя по ночам из деревни в деревню, не созывал людей и не пробуждал в них дух свободы. Разве не подвергал он себя сотни раз смертельной опасности, разве не боролся, чтобы уничтожить в народе оцепенелую тупость и страх перед кнутом? Всякому это давно надоело бы, а он совершил невозможное.

— Я ему не верю, — возразил кто-то вполголоса. — Выдает себя за повстанца, а сам наполовину господин.

— Чем он лучше меня? — недоумевал другой.

— Говорят, господа его обобрали до нитки, — заметил крестьянин помоложе.

— А разве он когда-нибудь жаловался на это? — живо отозвался старик. — Разве он говорит о себе? Ни слова. Если его и спросишь, он начинает говорить о другом. Он так же мало думает о себе, как о прошлогоднем снеге. Он все делает только для других.

— Ну, ну, он тоже ложку мимо рта не пронесет, — с сомнением пробормотал кто-то.

— Я слышал, — возразил новый собеседник, также считавший себя осведомленным, — будто он вовсе и не из крестьян. Говорят, он сам был вольным человеком и владельцем усадьбы, но за то, что он заступался за крестьян, немцы сожгли его усадьбу и перебили всю его семью.

— Конечно, он не крестьянин, — подтвердил другой. — Он умеет читать греческие, еврейские и латинские письма, а с барами, с которыми наши люди расправляются, он говорит на чистом немецком языке. Если он не немец, то, наверно, колдун.

— Я за ним пошел бы в огонь, — прошептал какой-то юноша, и глаза его загорелись воодушевлением.

Когда Тазуя вошел в шатер, все старейшины были в сборе — здесь происходил военный совет. Годами они все были старше Тазуя, некоторые уже седовласые, но, когда он вошел, все встали и приветствовали его с особенной приветливостью, доходившей до почтительности. Затем все сели в круг. Высокий седой старик, которого все остальные почитали, как верховного старейшину, посмотрел на Тазуя и сказал:

— Тазуя, сын мой, ты возвратился с тяжелой и изнурительной работы и, вероятно, изрядно устал. Скажи, сколько времени ты хочешь отдыхать?

— Я готов приняться хоть сейчас за самую тяжелую работу, если это принесет пользу нашему делу, — просто ответил Тазуя.

Взгляд старика с видимым одобрением скользнул по стройному, сильному телу и серьезному, бледному лицу юноши.

— Ты — краса и гордость нашего народа, — сказал он, — в твои руки он мог бы смело вверить свою судьбу. Послушай, о чем мы здесь совещались, и дай нам совет — ты мудрее всех нас. Мы со дня на день ждем помощи из Финляндии и до этого не хотим штурмовать

город. Мы должны его плотно окружить, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти. Но для этого нам нужно укрепить свое собственное положение. В тылу у нас находится замок Лодиярве. Его охраняют толпы слуг, и там нашли себе убежище множество бежавших из окрестностей. Они могут нанести нам большой ущерб, так как в случае вылазки со стороны городских войск защитники замка нападут на нас с тыла, и мы очутимся между молотом и наковальней. Поэтому нам следует очистить свой тыл, то есть либо завладеть замком, либо стереть его с лица земли.

Старик на минуту умолк. Тазуя также не проронил ни слова; его серьезный взгляд был устремлен в землю.

— Я знаю, что ты родом из здешних мест, не правда ли? — спросил верховный старейшина.

— Да, — ответил Тазуя коротко.

— Значит, ты лучше всех знаешь окрестные места, наверное, хорошо знаешь и замок Лодиярве.

— Да, знаю.

— В таком случае выход найден. Хочешь ли ты со своими людьми напасть на замок? Это, собственно говоря, только укрепленное поместье. Но как бы оно ни было укреплено, я думаю, что ты со своими орлами не испугаешься. Согласен?

Тазуя ответил не сразу. Он опять в раздумье опустил глаза. Наконец поднял голову, огляделся вокруг и спросил:

— Нет ли кого-нибудь среди вас, кто взял бы на себя эту задачу? Я охотно остался бы здесь и помог бы обучать людей военному искусству.

Все старейшины молчали. Они не понимали Тазую. Людей достаточно, все вооружены и готовы к бою — к чему их еще учить? Когда Тазуя увидел, что никто ему не отвечает и что верховный старейшина хочет еще что-то разъяснить, он твердо заявил:

— Сегодня мои люди утомлены, но завтра еще до восхода солнца мы будем у стен замка.

С радостью одоббив это решение, старейшины встали и разошлись, каждый к своему отряду. Сопровождение, о важном значении которого никто не догадывался, окончилось.

Тазуя также вышел из шатра. Он глубоко вздохнул, огляделся и, встретив всюду доверчивые взгляды своих

бесчисленных собратьев, смотревших на него с приветливой улыбкой, чуть слышно произнес:

— Родина — превыше всего!

Он поправил свою шляпу, украшенную перьями, и зашагал к отряду. Не успел он еще отойти далеко, как на краю лагеря поднялся шум. Большая толпа окружила человека в рваном платье и с растрепанными волосами, который, размахивая руками, рассказывал что-то, казалось, сильно встревожившее слушателей.

— Идем к шатру старейшин! — закричали люди, и толпа, все увеличиваясь подобно снежному кому, стала двигаться к середине лагеря.

— Что случилось? — спросил Тазуя, когда шумная толпа подошла поближе.

— Рыцари идут! Правитель Ливонии идет на нас из Пайде с большим войском! — закричали ему в ответ. Толпа увлекла Тазуя за собой. На шум собрались и старейшины. Услышав тревожные вести, они вошли в шатер и позвали туда вестника.

— Попытайся успокоить народ, — сказал верховный старейшина, обращаясь к Тазуя; тот встал на камень, и его могучий голос заглушил крики и шум.

— Люди, успокойтесь! Рыцари еще не могут быть так близко, а пока они дойдут сюда, все еще может измениться в нашу пользу. Не мешайте старейшинам спокойно совещаться. Прошу вас!

После этого шум несколько утих, только глухой ропот, подобный морскому прибою, раздавался вокруг шатра. Тазуя соскочил с камня и вошел в шатер.

— Сам ландмейстер¹ с большим войском перешел границу Харьюмаа, — рассказывал вестник. Он говорил отрывисто, тяжело дыша, икая и запинаясь, как человек, который долго бежал или сильно испуган. — Я сам их видел... это было ужасно... о, как это было ужасно!.. Я и рассказать не могу. Где только находили наших людей, там и рубили их.. О, язык мой костенеет, произнося это... они рубили их мечами на куски, вешали на деревьях, топили, как котят. Вся округа в страхе и отчаянии, не от кого больше ждать ни помощи, ни совета. Мы погибли... погибли... погибли...

¹ Ландмейстер — правитель земли. (Прим. перев.)

Говоривший закрыл лицо руками и громко захныкал. Старейшины молча переглянулись. В тишине, воцарившейся в шатре, слышен был только громкий плач беглеца, звучащий как дурное предзнаменование.

— Где, по-твоему, могут быть сейчас рыцари? — спросил наконец верховный старейшина.

Беглец вытер рукой глаза, поднял голову и снова стал рассказывать:

— Я их видел... позавчера после полудня. Нас было несколько человек, мы как раз дубасили во дворе сгоревшей мызы опмана¹, которого вытащили из погребца. Вдруг из-за рощи выехало бесчисленное множество всадников, все в железных доспехах и шлемах, а копыя так и сверкали на солнце. Заметив нас, всадники налетели как вихрь. Я едва успел залезть в погребце под бочку. Остальных поддели на копыя, точно салаку на вертел. Я дрожал как осиновый лист и долго не осмеливался высунуть голову из-под бочки. Когда, наконец, я приподнял край бочки, была уже ночь и всякий шум утих. Тогда я изо всех сил пустился бежать по направлению к Таллину. Бежал две ночи, а днем прятался в лесах и болотах. Я залез бы хоть в горящую печь, лишь бы не видеть этих страшных рыцарей, — и все же пришлось мне еще раз их увидеть, когда они жгли деревню и убивали крестьян. Я бросился бежать без оглядки, как заяц от гончих, пока, наконец, от усталости не упал носом в лужу.

Рассказ этого храбреца, возбуждавший и смех и жалость, прерываемый икотой и сопровождаемый странными телодвижениями, невольно вызвал улыбку на озабоченных лицах старейшин. Первый испуг прошел, уступив место бодрости и надежде.

— Ты так и не сказал, где же, по-твоему, могут быть сейчас рыцари, — заметил верховный старейшина.

— Когда я их видел в последний раз вчера, они были приблизительно на полпути от Пайде до Таллина, — ответил рассказчик. — Я думаю, намного ближе они еще не успели подойти, так как, преследуя наши небольшие отряды и разрушая деревни, они теряют время.

¹ Опман — управляющий имением. (Прим. перев.)

— Хорошо,— сказал верховный старейшина после короткого размышления.— Выйди теперь к нашим людям и расскажи им о своем бегстве так же занимательно, как и нам. Это, наверное, возбудит у них скорее смех, чем страх. А мы, старики, посоветуемся, что предпринять.

Вестник вышел. Старейшины начали обсуждать тяжелое положение, в котором находились их войско и народ. Мнения старейшин разошлись. Только в одном все были единодушны: либо рабство должно быть уничтожено, либо — смерть. Верховный старейшина склонялся к мнению тех, кто советовал предложить Ливонскому ордену взять Эстонию под свою защиту и платить ему ежегодную дань.

Тазуя, долго молча слушавший других, встал и попросил слова.

— Верховный старейшина прав,— сказал он,— наши люди еще неопытны в ратных делах, наших сил еще недостаточно для борьбы против двух неприятелей. Я думаю, мы для видимости предложим ордену взять нас под свое управление и этим попытаемся задержать его войска, пока не обучим людей и к нам не придут на помощь финны. Тогда мы завладеем Таллином, а раз город будет в наших руках, мы сможем и с рыцарями поговорить по-другому.

— Я боюсь только,— прервал его один из старейшин,— что ландмейстер не примет нашего предложения. Рыцари слишком горды, чтобы вести переговоры с восставшими крестьянами.

Тазуя, внимательно выслушав его, продолжал:

— В этом старейшина, к сожалению, прав. У рыцарей есть еще и другие причины к тому, чтобы стать на сторону наших врагов. Они озлоблены событиями на Сааремаа и опасаются не без основания, что крестьяне во всех их владениях поступят так же, как мы сейчас. И если рыцари нас победят, то возьмут у датчан все эти земли в возмещение своих потерь. Поэтому мы не можем надеяться, что они удовольствуются одним лишь верховным управлением и данью.

— Тогда будем бороться! Будь что будет! — крикнул один из старейшин, ударяя кулаком по столу.

— Это, пожалуй, для нас единственная возможность,— спокойно подтвердил Тазуя.— Наши люди от-

важны, но руководить ими надо умело. У меня мысль такая: отправим к ландмейстеру послов; пусть они предложат ему взять нас под свое управление, как свободных, платящих дань вассалов. Может быть, он задержится еще на неделю; тем временем придут финны со своими кораблями, а вы пойдете на город приступом с суши. Я завтра на рассвете выступаю, как приказано, к замку Лодиярве и попытаюсь захватить его самое большее в три дня. Вы же обучайте людей, готовьте их к штурму. Нужна подготовка и подготовка, и пусть приказ одного будет законом! А если все же случится так, что ландмейстер подойдет сюда с войском и нападет на вас прежде, чем вы захватите город, то я со своими людьми ударю со стороны замка рыцарям в тыл, и мы с двух сторон зажмем их в клещи. Может быть, таким путем мы с ними справимся, если они дадут нам хоть немного времени. Несколько дней решают все. О, если бы у нас было время!

— Твое предложение разумно, — сказал верховный старейшина, — только одно тут вызывает сомнение. Если ты действительно завладеешь замком — а я в этом не сомневаюсь, — то можно опасаться, что ландмейстер, прежде чем явиться сюда, со всем своим войском обрушится на тебя. Тогда ты пропал, и мы напрасно потеряем наших лучших людей.

— Но раньше мы им нанесем хороший удар у замка, — уверенно сказал Тазуя, — и выиграем время, так что вы успеете лучше подготовиться. Кроме того, замок стоит среди леса и должен остаться в стороне, если рыцари будут наступать оттуда, где их недавно видели. Может быть, они нас и не заметят, пока мы сами не ударим им в тыл.

Предложение Тазуя, выраженное ясно и точно, было принято единодушно. Старейшины встали и вышли из шатра. Люди все еще слушали болтливового беглеца, без устали повторявшего свой рассказ. При появлении старейшин он замолчал. Тазуя стал на камень и объявил людям о только что принятом решении. Оно было выслушано в полном молчании.

Послами избрали четырех старейшин, и те немедленно выехали из лагеря навстречу войску ландмейстера, напутствуемые горячими пожеланиями успеха.

На другое утро в Лодиярве раздались крики: «Мятежники окружают замок!»

Число людей, находящихся в замке, как и предполагал верховный старейшина, возросло за счет беженцев. Кроме женщин и детей, здесь было около ста мужчин, способных носить оружие. Услышав эту весть, все — и мужчины и женщины, и молодые и старые — устремились на крепостную стену. Вокруг замка кишели толпы вооруженных людей.

Недалеко от ворот остановился большой отряд всадников, среди которых обитатели замка узнали многих крестьян из своего поместья. Все они были одеты в обычное крестьянское платье. Эстонцы не любили тогда рядиться в чужое тряпье, хоть его и немало попадалось им в руки в разгромленных поместьях. Только несколько шлемов и оружие были военной добычей и победно блестели в лучах восходящего солнца. Тазуя особенно выделялся среди всадников своей мужественной осанкой, великолепным конем и шляпой с развевающимися петушиными перьями.

По его приказанию один из всадников развернул белый флаг, приблизился к стене и громко крикнул: — Кто из вас владелец замка?

Одо, скрестив руки на груди и нахмурившись, поглядел на крестьян и ответил резко:

— Ты что, негодяй, не узнаешь господина? Шляпу долой!

Но посланец торжественно продолжал:

— Если ты — Одо Раупен, владелец замка Лодиярве, то выслушай требования, которые посылают тебе старейшины свободного народа этой земли. Этот замок твоей собственностью остаться не может; сдай его нам без сопротивления, и тогда ты сможешь, как и все другие рыцари, которые сложат оружие, свободно покинуть эстонскую землю и отправиться куда угодно. Но все наемные воины будут взяты в плен и останутся в плену до тех пор, пока в стране не установится твердая власть.

— Чего каркаешь, ворона? Иди-ка лучше сюда со своей шайкой бродяг, попробуй-ка взять замок! — с на-

смешкой отвечал Одо. — Собачьих плеток и соленых розог у меня для вашего брата заготовлено достаточно.

— Если ты немедленно не исполнишь волю старейшин, — продолжал всадник с непоколебимым спокойствием, — замок будет взят приступом и разрушен до основания, а все население его будет беспощадно истреблено. Такова воля старейшин, и она будет выполнена. Решай сам и дай мне ответ.

— Прочь, собака! — крикнул Одо, чей буйный нрав не терпел никаких возражений. — С мятежными рабами и разбойниками я в переговоры не вступаю!

Посланец повернул лошадь и усккал обратно к своему отряду.

На крепостную стену вышла и Эмилия. Увидев Тазуя, она испугалась, снова взглядела в него, покачала головой и обратилась к брату с вопросом:

— Ты видишь того всадника с перьями на шляпе?

Одо хотел было ответить презрительной насмешкой, но взгляд его невольно упал на Тазуя, который находился шагах в пятидесяти и как раз в эту минуту повернулся лицом к замку. Одо отпрянул и уставился на него. Тазуя, заметив это, быстро отвернулся и стал отдавать приказания своим людям.

— Если бы я не был уверен, что он тогда сгорел, я бы поклялся, что это он, — пробормотал Одо.

— Ну что? — дрожа спросила Эмилия.

— Я его не знаю... собака, как и все остальные, — проворчал Одо.

Люди, окружавшие замок, задвигались. Они спешили и разбрелись к деревьям.

Одо готов был сейчас же сесть на коня и вместе со всеми находившимися в замке обрушиться на крестьян; он считал, что их можно просто разогнать кнутом. Но рыцарь Куно, приехавший в гости еще до начала восстания и не решавшийся оставить друзей в такое тревожное время, всеми силами воспротивился этому намерению Одо. Тот в конце концов уступил и, злобно погрозив кулаком в сторону крестьян, вошел в замок. На стене стало тише, только стража ходила взад и вперед, выкрикивая насмешки и ругательства; крестьяне тоже в долгу не оставались. В течение трех дней слышно было, как в лесу рубят деревья. Осаждающие строили стенобитные сооружения и лестницы для штурма,

оттачивали оружие и пели боевые песни, издавна жившие в народе и передававшиеся из поколения в поколение. Отдельные небольшие отряды ходили вокруг замка и следили, чтобы никто не мог выйти оттуда или пробраться внутрь.

Наступил вечер третьего дня. Тучи неслись по небу, гонимые ветром. Быстро стемнело. В замке зажгли огни. Спать в эту ночь никто не мог. На стене была выставлена усиленная стража.

Тазуя тоже поставил вокруг замка дозорных. Остальные легли спать. Тазуя спать не хотелось. Он сел на пень, оперся подбородком на руку и в задумчивости стал глядеть на замок. Ветер шумел и свистел в ветвях деревьев. Его завывания звучали сегодня так жалобно, так угрожающе! Казалось, это стонут ночные духи, предвещая беду... Глаза Тазуя то и дело устремлялись к одному из окон замка, где из-за решеток сквозь белую занавеску проникал слабый свет ночника. Он был не в силах отвести глаза от этого знакомого окна. Была ли копытом сонная лошадь у него за спиной или с шумом пролетала в ветвях одинокая ночная птица — он настороженно озирался кругом, но взгляд его опять неизменно возвращался к той же точке. Иногда за освещенным окном двигалась темная тень, вдруг останавливалась, и тогда глаза Тазуя раскрывались шире, он глядел жадно, словно ждал, что тень вот-вот превратится в тело и, подобно белому призраку, выйдет из света в ночную тьму. Тогда он закрывал глаза и губы его шептали одно-единственное имя...

Глухое бормотание за его спиной заставило его снова обернуться. Андрес говорил во сне: «Мм! Мм!.. да, реви теперь... голову долой, как кочан капусты...»

Опять переведя взгляд на окно, Тазуя вдруг испугался и затаив дыхание стал пристально смотреть. Занавеска была сдвинута в сторону, и темный силуэт стоял за решеткой окна.

Если бы ночь была светлее, Тазуя мог бы увидеть, как эта темная фигура прижалась бледным лицом к холодному стеклу и искала чего-то глазами в темнеющем внизу лагере крестьян, тяжело вздыхая и что-то шепча про себя.

Силуэт вскоре опять исчез, и только прежний тусклый свет пробивался сквозь белую ткань. Наконец

погас и он; окно стало таким же темным, как и стены. Тазуя еще долго сидел на своем пне, печальные мысли угнетали его. Было далеко за полночь. Топот конских копыт отвлек Тазую от его мыслей. Он стал прислушиваться. Топот затих, слышались голоса. Минуты две спустя затрещали ветки под ногами приближающихся людей.

— Кто там? — спросил Тазую вполголоса.

Перед ним стояли двое мужчин; один из них был дозорный.

— Это ты, Тазуя? — прошептал он. — Я привел гонца, он из-под Таллина, с дурными вестями.

— Что случилось? — спросил Тазую, вставая.

— Беда, правда, еще не стряслась, — сказал гонец. — Но как знать, может быть, она себя долго ждать не заставит.

— Говори, брат!

— Вчера вечером ландмейстер с большим войском подошел к Таллину.

— Все-таки!

— Наши послы не вернулись, говорят, их повесили за ноги. Мы второй раз послали послов к ландмейстеру с предложением взять нас под свое начало. Но датчане и владельцы поместий, находящиеся при нем, всячески стараются склонить его на свою сторону. Рыцари ордена с ними заодно... Сейчас ландмейстер еще колеблется, быть может, счастье еще повернется в нашу сторону, но может быть и так, что завтра для нас наступит последний бой.

Эта весть заставила содрогнуться мужественное сердце Тазую.

— Тогда нельзя терять время! — сказал он быстро. — К утру замок должен быть в наших руках, потом мы придем к вам и либо поможем одержать победу, либо умрем вместе с вами.

Выслушав это решение, гонец ускорил шаг. Тазую поднял своих людей и сообщил им о происшедшем.

— Мы должны немедленно идти на приступ! — продолжал он. Глаза людей, сверкавшие в темноте, говорили о полном их согласии с этим решением. — Ты, Андрес, возьми двадцать человек и проберись через стену в сад. Двое или трое пусть спрячутся в кустах у стен замка, остальные пусть ждут в садовой

беседке. Когда мы пойдем на приступ со стороны главных ворот и стража на стене обернется к вам спиной, постарайтесь ее потихоньку уничтожить. Потом взбежитесь на высокую березу, что нависает над стеной, и прыгайте на стену. Если это вам удастся, я пришлю туда еще людей. А мы сейчас пойдем на штурм и попытаемся разбить ворота.

Люди задвигались бесшумно, как тени. Поднесли штурмовые лестницы, двадцать человек подняли на плечи длинное тяжелое бревно на перекладинах. Серые стены замка едва виднелись в темноте, на них выделялось черное пятно ворот. На него и было направлено бревно. По приставленным к стене штурмовым лестницам с кошачьей ловкостью поднимались черные тени. Первый громовой удар потряс ворота замка.

Но там тоже не дремали. Наверху все вдруг ожило и зашумело, точно потревоженное осиное гнездо; смоляные факелы замелькали в темноте, бросая дрожащий отсвет на лица осаждающих. Воины бежали на стену, и едва первый из людей, взбиравшихся по лестницам, поднял голову над стеной, как ему навстречу сверкнуло оружие. Размахивая мечом, он попытался вскочить на стену, но один из воинов быстрым ударом переломил его меч, другой рассек ему череп. Убитый свалился на головы своих товарищей, а воины с силой ухватились за конец лестницы и опрокинули ее вместе со всеми находившимися на ней людьми. То же самое происходило всюду, где крестьяне пытались взобраться на стену. Кто сломал себе шею, кто — руки и ноги; уцелевшие снова поднимали лестницы и устремлялись на приступ. В пылу боя у людей разгорелась кровь, они забыли о страхе; никто не дорожил своей жизнью, каждый стремился сразить противника. Грохот тарана, потрясавшего ворота, временами покрывал шум боя. Но и здесь осаждающие не могли достигнуть успеха, так как сверху на них дождем сыпались копья, стрелы и камни; люди гибли как мухи, бревно падало наземь, но его снова поднимали другие.

Более получаса продолжался безуспешный штурм; заря заалела на небосклоне, смоляные факелы полетели сверху на головы штурмующих, люди продолжали сражаться в предутренней мгле.

Тазуя, все время руководивший приступом, понял, что таким путем не добиться успеха, и отозвал своих людей назад. Осаждавшие отступили от стен замка, захватив с собой лестницы и таран. Наверху раздались радостные крики, насмешки посыпались градом.

— Мы должны соорудить защитную крышу и под ее прикрытием проломить ворота, — сказал Тазуя. — Передайте Андресу — пусть он остается в укрытии.

Люди ушли подальше в лес, чтобы в замке не догадались об их намерении. Из лесу доносились только частые удары топора. Защищавшие замок напряженно ждали, не решаясь еще предпринять вылазку.

Солнце стояло уже высоко, когда люди со стенобитным бревном снова направились к воротам, на этот раз укрытые от смертоносного оружия противника. Остальные вскочили на коней, чтобы, как только ворота падут, сразу ворваться внутрь.

От первого же мощного удара ворота сильно зашатались. Еще несколько таких ударов — и они рухнут. Хотя сверху и бросали на защитную крышу тяжелые камни и горящие факелы, она от этого не пострадала, так как была сооружена из крепких ветвей и покрыта землей и дерном.

— Мы должны сделать вылазку, — скрежеща зубами, сказал Одо, стоявший вместе с рыцарем Райнталем на стене. Тот молча кивнул головой. Одо приказал страже и гостям сесть на коней. Часть людей поспешила к конюшням. Но тут ворота рухнули со страшным треском, и толпа крестьян с Тазуя во главе шумно хлынула во двор. Стена опустела, все бросились вниз, навстречу нападающим. Начался жестокий бой. В первых рядах сражались Одо и рыцарь Куно. Тазуя увидел первого из них и устремился прямо на него. Взгляд Одо встретился на мгновение с горящими глазами противника, страшное воспоминание, как молния, пронизало его мозг, и, внезапно объятый страхом, молодой рыцарь повернул назад, пробрался сквозь толпу своих людей и взбежал по лестнице замка. В зале он повалился на пол, бледный как мертвец. Эмилия наклонилась над ним и услышала, как он дрожащими губами прошептал: «Я видел призрак...»

Во дворе люди, оборонявшие замок, сражались с отчаянной храбростью и уже начинали теснить кре-

стьян, которые могли только небольшими группами проникать через узкие ворота, спотыкаясь о трупы. Но по опустевшей стене во двор пробрался Андрес со своими людьми и с громким криком бросился на рыцарей с другой стороны; те стали медленно отступать и заперлись, наконец, в замке, забаррикадив за собой двери всевозможными предметами. Крестьяне начали ломать двери.

Тазуя, видя, что Одо от него ускользнул, сошел с коня и направился с несколькими крестьянами к южной стене замка, где низкая железная дверь вела вниз, в подземелье. Ее взломали ломami, и Тазуя с людьми спустился по каменным ступеням. Ему в лицо дохнуло затхлым воздухом и удушливой вонью. Они зажгли захваченный с собой факел и осветили узкий сводчатый коридор, где два человека едва могли разойтись. В глубине коридор был погружен в темноту. Низкие и узкие железные двери по обе стороны прохода вели в тесные камеры. Двери, оказавшиеся запертыми, взломали. Камеры были пусты. В самом конце коридора была еще одна еле заметная дверца, скорее дыра. Тазуя сам взломал ее ломом. Входя в камеру, он принужден был низко наклониться, так как высота помещения едва достигала четырех футов. Стены были сырые и при свете факела казались зеленоватыми. Пол покрывала зловонная грязь. Свет сюда не проникал, здесь царила вечная тьма.

У задней стены виднелась человеческая фигура, сидевшая на корточках. Человек этот был за шею прикован к стене железным кольцом. Одежда висела на нем лохмотьями, тело местами было обнажено. Голова его свисала на грудь, обе руки судорожно впились в грязь.

Тазуя опустился перед этим человеком на колени и осторожно приподнял его голову. Серые волосы нависали липкими прядями ему на глаза. Когда Тазуя отвел волосы с его лба и свет упал прямо на лицо узника, крестьянин, державший факел, отскочил в испуге и вскрикнул:

— Метсаский Тамбет!..

Это не было лицо живого человека, это был череп мертвеца, темный, покрытый зеленоватой кожей. Потухшие глаза были широко раскрыты и глядели из глубоких впадин пристально, страшно, неподвижно...

Тазуя несколько минут, не отрываясь, смотрел на это лицо, потом нежно закрыл мертвецу глаза и снова медленно опустил его голову.

— Конец! — прошептал он беззвучно.

Когда он поднялся, лицо его было мертвенно-бледно, но спокойно и холодно как лед. Спутники глядели на него со страхом. Лицо его не походило на человеческое. Даже разбойников, когда им во сне являются призраки их жертв, такие глаза могли бы повергнуть в ужас. Молча вышли люди из подземелья на дневной свет.

Тем временем крестьяне разбили главные двери замка и ворвались внутрь. Сражаясь и окупая кровью каждый шаг, поредевшие ряды рыцарей отступали в зал, где укрылись женщины и дети.

Тазуя только хотел подняться по лестнице в замок, как в ворота на полном скаку ворвался всадник.

— Тазуя! Тазуя! — закричал он еще издали.

Тазуя с наружным спокойствием обратился к нему взгляд и спросил:

— Какие вести ты привез?

— Я прямо из-под Таллина, — сказал всадник, тяжело дыша. — Ландмейстер со своим войском внезапно напал на нас... и наши люди в беде...

— Они еще держатся?

— Да, держатся, но просят твоей помощи, битва идет жаркая.

— Я приду, — спокойно ответил Тазуя. — Но раньше я должен здесь покончить.

Он бросился вверх по лестнице, в зал.

Здесь немцы защищались из последних сил, заслоня собой дрожащих женщин и детей. Рыцарь Куно сражался как лев; Одо, оправившийся от испуга, также рубил вокруг себя, как бешеный. Сражающиеся ежеминутно спотыкались о трупы, пол был залит кровью. Звон оружия, глухие звуки смертоносных ударов, проклятия, стоны, вопли женщин и жалобный плач детей — все это слилось в страшный хор, подобный завыванию урагана, за которым следует самое глубокое безмолвие — безмолвие смерти.

Тазуя устремился вперед сквозь ряды своих людей, встретивших его появление радостными возгласами. Одо также сразу увидел его.

— Сюда, кровавый призрак! — закричал он Тазуя. — Покажи, действительно ли ты бессмертен!

— Ты этого хочешь? — ответил Тазуя, и на его застывшем лице снова появился проблеск жизни. — Так прими же смерть от моей руки, и пусть это будет тебе возмездием за убийство моего отца!

Мечи их скрестились.

— Янус! — воскликнула Эмилия.

Но меч Тазуя сверкнул в воздухе и вонзился прямо в сердце противника. Бездыханное тело Одо упало к ногам Куно, устремившегося к нему на помощь.

— Один сражен, пусть падет и второй! — пробормотал Тазуя про себя и бросился на Куно. Но тут Эмилия упала на колени.

— Янус, пощади, пощади! — молила она, обнимая колени Тазуя.

На миг наступила тишина. Руки людей, занесенные для удара, опустились: все глаза были устремлены на Тазуя, застывшего на месте.

— Пощадить? — повторил он сурово. — А кто щадил моего несчастного отца, когда он заживо гнил в зловонном подземелье?

— Ты ведь уже отомстил, — ответила девушка с мольбой, — ты убил единственного виновника, пощади же невинного.

— Разве не виновен тот, кто проливает кровь моих братьев?

— Тогда пусть твой меч пронзит и мою грудь, о жестокий убийца! — вскричала Эмилия в отчаянии. — Я сожалею о нашей детской дружбе, сожалею впервые. Это мой жених... Я люблю его так же, как тебя ненавижу и презираю.

Глухой крик вырвался из груди Тазуя, меч его со звоном упал на пол. В эту минуту лицо его сделалось таким же безжизненным, как тогда, когда он склонялся к трупу отца. Он стоял, холодный и недвижимый, как каменное изваяние; руки его бессильно повисли, по могучему телу пробежала дрожь, холодный пот покрыл лоб.

В зале царила гробовая тишина.

Наконец прерывистое дыхание вырвалось из груди Тазуя. Он прикрыл глаза ладонями, медленно провел ими по лицу, наклонился, поднял меч, обернулся к своим людям и, ни на кого не глядя, сказал глухо:

— Наши братья в беде — поспешим к Таллину, к ним на помощь.

Твердым шагом прошел он сквозь толпу своих воинов, направляясь к выходу; остальные с молчаливым удивлением последовали за ним. Немцы, как окаменелые, смотрели вслед крестьянам, пока последний из них не скрылся за дверью.

— Что это значит? — с изумлением спросил рыцарь Куно; все остальные еще хранили молчание. — Какой удивительный человек!

— Какой удивительный человек! — повторила Эмилия, все еще стоя на коленях. — Он сейчас пошел на смерть, я это видела по его лицу, — добавила она тихо и закрыла глаза руками.

Крупные горячие слезы жалости, а может быть, и любви медленно покатались по тонким белым пальцам Эмилии.

Тазуя вскочил на коня и со своим сильно поредевшим отрядом во весь опор поскакал к Таллину. Когда он примерно час спустя прибыл туда, сражение было уже на исходе. Против рыцарей, закованных в железные доспехи и искусных в военном деле, крестьянам было не выстоять, несмотря на их численность и отвагу, — они не были в нужной мере подготовлены и не имели опытных военачальников. Рыцари прорубали кровавые просеки в их рядах и, отделив отряды друг от друга, истребляли их до единого человека. Но эти кучки людей погибали на том же месте, где стояли, не отступив ни на шаг, и тот, у кого еще были силы, умирая, убивал и противника.

Огромное большинство сражавшихся эстонцев, в том числе почти все старейшины, пали в битве, покрыв своими телами родную землю, окровавленную, обманувшую их чаяния, но все же любимую. Тазуя, теперь уже не грозный вождь повстанцев, освободитель своего народа, а несчастный, ищущий смерти крестьянский юноша Яанус, понял сразу, что здесь уже не остается никакой надежды на победу. И в его собственном сердце угасли все надежды, все было пусто, холодно и страшно.

— Братья! — воскликнул он, и его мужественный голос в последний раз прозвучал в полную силу, а глаза засверкали нечеловеческим блеском. — Братья! В этом мире нам нечего больше ждать. Нас зовет смерть... Она манит нас так ласково, так нежно... Приди же, о смерть, и принеси избавление своим сынам!

— Умрем, убивая! — прогремело в ответ.

Страшный как разгневанный бог войны, бросился Тазуя в самую гущу рыцарей, за ним устремились его товарищи. Беспощадно разила врагов его мощная рука, одного за другим предавал он смерти; он снова стал кровавым мстителем. Его воины пали, и неисчислимые полчища врагов прошли по их телам, но могучий меч Тазуя еще долго сверкал, каждым взмахом умерщвляя противников, и перья на его шляпе долго развевались в самом сердце вражеского войска. Но вот и его меч блеснул в последний раз... Его не стало, и ряды врагов сомкнулись над телом павшего героя.

Так последние лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь громады туч, озаряют берега эстонской земли и горят красным отблеском на пенных гребнях волн. Но вот солнце опускается в море, и умолкает ветер, и медленно утихают мятежные волны...

После поражения под Таллином военное счастье покинуло повстанцев. Ландмейстер преследовал их всюду, как диких зверей; тяжкая кровавая кара обрушилась на несчастный народ, совершивший смелую попытку силой вернуть себе утраченную свободу. Через год в опустошенной стране снова воцарилось спокойствие.

Два года спустя, в 1346 году, датский король продал эстонскую землю, уже ранее взятую магистром ордена в залог, за девятнадцать тысяч марок серебром Тевтонскому ордену.

Дух свободы вспыхнул среди эстонцев ненадолго. После этого они не отваживались более оказывать сопротивление, хотя железное ярмо рабства и давило их еще сильнее, чем до восстания. Эстонец, казалось, на время забыл свою народность, забыл о своих предках и их свободе и погрузился в долгий, тяжкий сон.

Борьба Виллу

Со времени событий, о которых здесь пойдет речь, минуло несколько веков, и догадливый читатель поймет, вероятно, и без наших пояснений, что героя этого рассказа давно уже нет з живых. Но если бы он сейчас еще жил на свете, мы любили бы его так же, как любила его в свое время вся земля Сакала. Врагов у него, по правде сказать, и не могло быть; а если они все же попадались, то это были люди, недостойные его дружбы.

Все старинные предания воспевают кузнеца Виллу; все свидетельствуют с единодушием, достойным подражания, что кузнец Виллу был самый рослый, здоровый, сильный, честный и веселый человек во всей Вильянди-маа. Лишь один историк — как видно, больной водяной, — считает нужным добавить, будто Виллу поддерживал свое неизменно веселое настроение крепкими напитками. Мы считаем это пустой напраслиной. Что Виллу, когда его томила жажда, пил за троих — это истинная правда; но что он потом, если была охота, с утроенной силой работал за шестерых, — еще более верно. Ему незачем было поддерживать свое хорошее настроение крепкими напитками. Такой человек, как наш Виллу, непременно должен был отличаться веселым нравом. Подумайте сами, человек от рождения полон сил и здоровья, ростом свыше шести футов, тело у него — как ствол дуба, руки — прямо-таки медвежьи лапы, ноги — как столбы, волосы — что спелая рожь, лицо свежее, черты правильные, глаза ласковые и глубокие, как летнее небо. Разве подобный человек

может обладать мрачным характером? Ну, да в таком случае и дождь мог бы хлынуть с ясного неба!

Виллу был чистейший эстонец, а жизнь эстонцев тогда была тяжелой, такой тяжелой, что мы сейчас, в наши счастливые времена, и представить себе этого не можем. И у вильяндимааских крестьян все источники радости настолько иссякли, что без Виллу люди совсем разучились бы смеяться и шутить. Они владели тяжелое ярмо рабства, каждый их шаг сопровождался свистом розог и ударами кнута. Отдых наступал лишь тогда, когда крестьяне бежали от своих жестоких господ или от нападения соседних народов в леса и болота, а там голод, мор и хищные звери облегчали им переселение в лучший мир. Неудивительно, что в те времена людям было не до шуток, и лица их, с которых горе согнало улыбку, казались почти окаменелыми. Отчаяние, подобно густой паутине, обволакивало жизнь эстонцев. Тем веселее, конечно, жилось паукам.

Но кузнец Виллу не был ни владельцем мызы — немцем или датчанином, ни орденом рыцарем или епископом, ни монахом, ни участником крестового похода — словом, Виллу не был из породы пауков, а между тем жизнь его казалась веселой и счастливой. Посмотрим, как это могло случиться.

Земли эстонцев были подвластны тогда нескольким правителям, Харьюмаа и Вирумаа подчинялись датским королям или, вернее, никому не подчинялись, так как местные владельцы поместий творили здесь все, что хотели; в Ляэнемаа властвовал лихулаский епископ, в Тартумаа — тартуский епископ; власть на острове Сааремаа делилась между Тевтонским орденом и местным епископом; остальными землями некогда свободных эстонцев владел Тевтонский рыцарский орден. Все эти властители либо сами обрабатывали земли руками своих крестьян, либо отдавали землю вместе с жившими на ней крестьянами своим вассалам или подданным, которые принадлежали, в большинстве случаев, к рыцарскому сословию и лишь изредка — к числу горожан-немцев. Впоследствии из вассалов ордена и епископов образовалось поместное дворянство Эстляндии, Лифляндии и Курляндии.

В начале XIV века эстонцы, населявшие земли Тевтонского ордена и епископов, еще не все считались

крепостными. В крепостное рабство обращали только тех, кто и после крещения чуждался христианской веры. Однако почти все эстонцы не раз снова возвращались к язычеству, так как никто не помогал им понять и полюбить христианскую веру. Таким образом, все эстонцы, за исключением, может быть, нескольких десятков человек, стали и на деле, и по записям крепостными своих вероучителей. Но и тот, кто случайно продолжал еще именоваться свободным, не имел особых причин радоваться своей свободе. В глазах чужеземных господ он все равно оставался презренным рабом, а свой народ вдобавок считал его предателем родины.

Предки кузнеца Виллу одни из первых смыли с себя воду крещения, как только крестившие их удалились. Поэтому Виллу был потомком крепостных и стал считаться крепостным владельца Вильяндиского замка. Тем не менее рабскую долю он испытал только в детстве. Он отличался силой и ловкостью, поэтому, когда понадобились воины, ему дали оружие и он вместе с орденовыми рыцарями сражался против русских, поляков, литовцев и епископов. Он был умным и храбрым воином, на его счету было немало подвигов. Своего хозяина, вильяндиского комтура¹ Госвина Герике, он однажды отбил у многочисленного отряда литовцев, но при этом сам попал в плен. Чудом спасшись из плена, Виллу бежал в Германию. Здесь он в совершенстве изучил кузнечное ремесло, вместе с войском императора Людовика совершил поход в Италию, и сторонники папы надолго запомнили тяжкие удары, нанесенные им этим северянином. Жажда странствований гнала его из одной страны в другую; как храбрый воин и искусный оружейник, Виллу мог бы навсегда остаться на чужбине и жить в довольстве. Но тоска по родине, пробудившаяся в нем, постепенно так им овладела, что кузнец вернулся в Вильянди и сам отдал себя в рабство. Комтур Герике был честный человек и умел быть благодарным. Он построил в городе кузницу и передал ее в полное распоряжение своему избавителю; отработки барщины никто от Виллу не требовал.

¹ Комтурами назывались начальники наиболее крупных замков ордена и правители окрестных земель: Госвин Герике (старший) был впоследствии ливонским ландмейстером. (*Прим. авт.*)

Но кузнец не смог жить среди высоких каменных стен; он затосковал, стал лениться. Тогда комтур велел построить ему новую кузницу в двух милях от Вильянди, среди векового бора, близ старой Пярнуской дороги.

Тут-то Виллу и работал уже пятый год; имя его прославилось далеко за пределами земли Сакала. Сам ландмейстер¹ Ливонии Эбергард фон Мангейм приезжал посмотреть кузницу, и по его заказу Виллу изготовил меч, которым, как утверждали многие, можно было и железо изрубить на куски. Кузнец выполнял самые сложные работы, но и плату брал с богатых высокую. Торг и недовольство несколько не помогали — раз уж кузнец назначил цену, то к любым уговорам снизить ее оставался глух, как череп мертвеца. Насилие, которое в те времена решало все дела в нашей стране, тут было также неуместно: кузнец и трое его подмастерьев были дюжие парни и шутить не любили, разве только если речь шла о настоящей шутке; вдобавок кузнец состоял под защитой могущественного комтура и самого ландмейстера. Для Вильяндиского замка он работал бесплатно, а если и какому-нибудь мужичку нужна была подкова или дюжина гвоздей, то он зачистую получал их от кузнеца безвозмездно, да еще и добрый глоток пива в придачу.

В самое горячее военное время кузнец вместе со своим комтуром шел воевать и превращал в наковальню вражеские головы; но с того времени, как он испытал силу своих рук на чужбине, в боях против закованных в броню воинов, борьба с полудикими литовцами не доставляла ему никакого удовольствия.

— Убивать умеет и любой негодай, — говорил кузнец по этому поводу. — Когда сильный нападает на слабого и убивает его — это уже не война, и я этого не терплю.

Таким образом, кузнец, хоть и считался крепостным, к тому же крепостным суровых господ, на деле был свободен, как никто другой в Ливонии. Он не знал ни страха перед насилием, ни тяжких житейских за-

¹ Ландмейстеров, правителей земель, в Немецком орденом государстве было всего два: один для Пруссии, другой для Ливонии и Курляндии. После главы орденового государства (гохмейстера) они считались самыми высокими сановниками. (*Прим. авт.*)

бот. Жалкая участь его народа не вызывала в нем особой скорби. Он облегчал бедствия своих сородичей, где мог, но сам жил с господами в дружбе. Его слово имело большой вес среди крестьян, но он никогда не злоупотреблял своим влиянием, не пытался стать вожаком и не помышлял о великих делах. Высшие судьбы отечества он оставлял в руках бога и правителей.

Удача и ревностный труд принесли Виллу достаток. Внешней пышности он не любил и носил крестьянскую одежду, как этого требовали от покоренных народов законы того времени. Но у него был около кузницы маленький домик, в домике — много красивых и редкостных вещей, а кроме того, искусный повар, он же эконом, которого Виллу привез из дальних стран. Почти ежегодно кузнец ездил на чужбину — частью по делам ордена, частью по своим собственным. Среди прочего добра он обычно привозил несколько бочонков хорошего виноградного вина. По-немецки он говорил вполне свободно, поэтому мог принимать в своем доме даже знатных господ и предлагать им угощение, чтобы «вспрыснуть» выполненную работу. Любовь к странствованиям в нем не убывала, хотя в то время путешествовать было много труднее и опаснее, чем теперь, и у кузнеца часто случались столкновения с разбойниками — и знатного рода, и попроще. Удовлетворив на время свою страсть к скитаниям, кузнец снова начинал горячо тосковать по родине и спешил домой, благословляя языческих и христианских богов, даровавших ему такое прекрасное отечество.

И снова содрогалась земля от его могучих ударов, шумели мехи, раскаленное железо брызгало огненными искрами, а окрестный лес отзывался звонким эхом, когда слушатели от всего сердца смеялись забавным рассказам кузнеца о его странствованиях. Кому случилось тогда увидеть Виллу, тот не мог молча пройти мимо; кто раз обменялся с Виллу приветливым словом, сразу веселел, а кто хоть раз веселился вместе с Виллу, тот оставался ему другом на веки вечные. Крестьяне толпами собирались около кузницы, чтобы порадоваться счастливой жизни своего сородича и послушать его удивительные рассказы о чужих землях и народах. Но и знатные господа, проезжая мимо, останавливались здесь, и не одна хорошенькая рыцарская дочка ради ве-

селого кузнеца забывала о том, что рассыпающиеся искры угрожают ее дорогим нарядам. Шел даже слух, будто племянница самого комтура, впервые встретившись с Виллу, на следующую ночь видела такой сон, что когда она на исповеди рассказала о нем своему духовному отцу, сей почтенный пастырь сурово покачал головой.

Если мы в заключение добавим, что кузнец Виллу был холостяк или даже старый холостяк — хотя едва ли можно так назвать тридцатидвухлетнего мужчину, — то читатель полностью представит себе его образ.

2

Однажды в середине зимы Виллу после полудня поручил всю работу подмастерьям, умылся, надел свое лучшее платье, захватил с собой бочонок самого дорогого французского вина и отправился в путь. Дорога, по которой он шел, пересекала дремучий лес и была всего-навсего узенькой тропинкой, протоптанной в глубоком снегу. Следы проходивших здесь людей можно было без особого труда отличить одни от других; они были трех видов. Одни следы были огромные и глубокие, их мог оставить только единственный человек во всей земле Сакала — сам кузнец Виллу. Недаром про него говорили, что стоит ему разок пройти по полю — и проезжая дорога готова. По вторым следам трудно было определить, принадлежат они мужчине или женщине. Но третьи следы могли быть только женские, к тому же от очень легких и крошечных женских ножек. Кузнец старательно разыскивал эти следы и осторожно обходил их. Если следы местами, казалось, исчезали, а потом вдруг опять показывались, кузнец широко улыбался. Вокруг шумел высокий еловый лес, покрывавший в старые времена большую часть Эстонии. Тропинку кое-где пересекали следы зверей, из чего можно было заключить, что лес не был безопасным местом для прогулок.

Кузнец шагал так быстро, что воздух свистел в ушах, но все же прошел целый час, пока он достиг цели. Это была крестьянская усадьба, расположенная на опушке леса, вдалеке от другого жилья, и окружен-

ная вместе с хозяйственными постройками высоким бревенчатым забором. Называлась она усадьбой Ристи¹ и имела свою особую историю.

Некогда поблизости находилась крепость древних эстонцев. Немцы штурмом овладели ею, и все защитники ее, согласно обычаям тогдашних распространителей христианства, были перебиты. Лишь один язычник так жалостно молил о пощаде, что ему даровали жизнь и крестили его. Он, правда, ничего не понимал в новой вере, но зато твердо уверовал в сверхъестественную силу и могущество тех, кто эту веру принес. В крепости был оставлен отряд немцев, и крещеный эстонец жил при них как слуга. Затем язычники снова овладели крепостью и, в свою очередь, начисто уничтожили всех немцев. Только крещеный эстонец был пощажён, так как заявил, что его силой заставили принять крещение. Человек этот правильно рассудил, что дела эстонцев ухудшаются, и тайне остался верен чужеземцам. При его пособничестве немцы опять без труда завладели крепостью и на этот раз уничтожили ее до основания. В благодарность они передали окрестные земли во владение изменнику. Он и его потомки оставались свободными подданными ордена, которому платили только десятину и во время войны служили в войске. Они упорно старались сохранить свое обособленное положение, и это им удалось. Впоследствии их не раз пытались лишить земли и свободы, но они всегда умели выскользнуть из рук захватчиков.

Лет за двадцать до событий, описываемых нами, вильяндиский комтур Герике, случайно или намеренно, затеял ссору с тогдашним хозяином усадьбы Ристи и пригрозил отобрать усадьбу, а всю семью обратить в рабство. Права на это он не имел никакого, но кто в то время считался с правом? Комтур заставил какого-то бродягу, выгнанного из усадьбы Ристи, присягнуть, будто жители Ристи совершают жертвоприношения языческим богам, капеллан замка предал их проклятию как вероотступников, и — приговор был вынесен. Владельцы усадьбы Ристи превратились теперь, согласно закону, в крепостных рабов комтура, и он мог

¹ От эстонского слова «rist» — «крест». (Прим. перев.)

поступать с ними, как хотел. На сей раз беда была велика. Только хитрость могла предотвратить насилие.

В то время в усадьбе Ристи жила молодая и на редкость красивая девица по имени Крыйт, дальняя родственница хозяина. Хозяин Ристи, бездетный вдовец, объявил ее наследницей усадьбы и послал с богатыми подарками к разгневанному комтуру просить, чтобы тот пощадил ее наследство. Правда, по законам ордена комтур не имел права держать у себя женщин, не смел поцеловать даже собственную мать или сестру; однако никто не мог ему запретить выслушать мольбы бедной миловидной сиротки и растрогаться при виде ее слез. Комтур растрогался так глубоко, что даже не отпустил от себя девицу и простил жителям усадьбы Ристи несодеянные ими грехи.

Красавица Крыйт прожила в замке полгода, затем в один прекрасный день возвратилась в усадьбу Ристи и по милостивому повелению комтура стала женой хозяина. Через какие-нибудь три месяца после свадьбы она произвела на свет близнецов, сына и дочь. Что это событие произошло так скоро, можно объяснить только чудом, но еще удивительнее было то, что ни хозяин, ни хозяйка по поводу этого чуда не сбмолвились ни единым словом. Оба казались вполне счастливыми. Но когда дети стали подрастать, а других отпрысков на свет все не появлялось, хозяин Ристи загрустил. Дети были здоровые и красивые, как куколки, и все же отец не мог смотреть на них без раздражения. Он, казалось, больше боялся их, чем любил; никогда не осмеливался он взять их на руки и приласкать. На душе у хозяина становилось все тяжелее, ибо он с каждым днем все больше убеждался, что Крыйт детей любит горячо, а его самого — весьма умеренно. Живя в замке, среди господ, Крыйт привыкла к их утонченному обхождению и заразилась их духом; эстонцев она презирала, как грубых мужиков, не умеющих ценить ее удивительную красоту, заметную еще и в зрелом возрасте. Бедный хозяин стал хворать, слег в постель; он, дрожа от страха, отгонял от себя сына и дочь, вспоминал в бреду каких-то немецких детей, проклинал себя и жену и отдал, наконец, богу свою исстрадавшуюся душу. Крыйт осталась вдовой и воспитала детей, кото-

рых любила до безумия, в страхе божьем и в преклонении перед немцами.

Близнецам было теперь девятнадцать лет. Брат Прийду был красивый, стройный юноша, с чисто немецким складом лица и вьющимися волосами, по натуре большой повеса, легкомысленный, ленивый и добродушный. Его любимым занятием было бродить по лесам и деревням, охотиться на хищных зверей и шутить с деревенскими девушками. Сестра Май (только мать звала ее всегда полным именем — Мария) была похожа на мать и так же красива, но отличалась более тонкими чертами лица и нежным сложением. Глаза у Май были ласковые, лицо серьезное и умное, кожа на руках гладкая, как шелк, ибо мать старалась беречь эти ручки для какого-нибудь зятя из немцев; более длинная и тонкая одежда, чем обычно носили крестьянские девушки, скрывала ножки Май, но, впрочем, мы уже познакомились с ними по их следам на тропинке.

Такова была усадьба, и таковы были люди, к которым кузнец спешил с таким нетерпением.

3

Виллу шел, не поднимая головы, пока не остановился перед высокими, тяжелыми воротами. Он глубоко перевел дух и выждал несколько минут, прежде чем толкнуть ворота. Убедившись, что толстый засов, похожий на бревно, изнутри задвинут, Виллу крикнул, как ему казалось, не особенно громко, но, по мнению ворон, в страхе взлетевших с ближайших деревьев, достаточно зычно:

— Эй, ристиские люди, отворите!

Со двора не слышно было ни голосов, ни шагов.

Кузнец крикнул еще раз, так оглушительно, что вороны совсем улетели в другой лес.

— Ну-ну, что ты буянишь? — раздался вдруг молодой, свежий мужской голос над самой головой кузнеца. Виллу с изумлением поднял глаза и увидел юношу, который восседал верхом на самом высоком столбе ворот и весело смеялся, показывая свои белые зубы.

— Прийду! — воскликнул кузнец. — Вон ты куда забрался, бедовый мальчуган!

— Я не понимаю, о каком мальчугане ты говоришь, — произнес Прийду; он не терпел, когда ему прямо или косвенно напоминали о том, что у него еще нет бороды. — Что у меня трезвый и вполне зрелый мужской ум, ты можешь заключить хотя бы из того, что я не стал отворять тяжелые ворота, а перелезаю, затрачивая гораздо меньше труда.

— Совсем мальчишеские выходки, — добродушно засмеялся кузнец. — Куда же ты хотел сейчас отправиться?

— Да разве я сам знаю? — беспечно ответил Прийду и с лукавой усмешкой на тонких губах добавил: — Послушай, скажи правду, какое сокровище ты так усердно искал у себя под ногами, что раньше меня не заметил?

На этот вопрос кузнец ничего не ответил, а сделал серьезное лицо.

— Что у тебя там в бочонке? — спросил Прийду.

— Отвори ворота, тогда увидишь. Мать сегодня настроена более мирно?

— Если у тебя в бочонке что-нибудь хорошее, то у матери настроение, пожалуй, исправится; но пока она очень сердита на тебя, — озабоченно ответил Прийду и исчез за забором.

Ворота захрятели и заскрипели под нетерпеливой рукой Прийду. Входя во двор, кузнец чуть не споткнулся. Причиной этому был некто, стоявший в нескольких шагах, на пороге дома; имя ему было Май, и лицо девушки в этот миг дышало такой лаской и теплотой, что Виллу почувствовал, как исчезает у него ощущение зимнего холода и в сердце воцаряется мирная нега летнего воскресенья. Кто из них первый протянул другому руку, кто раньше без всякой видимой причины начал от всей души смеяться, а затем с серьезнейшим видом болтать о пустяках — остается вопросом неразрешенным. Они стояли, взявшись за руки, глядели друг другу прямо в глаза и чувствовали себя счастливыми. В это время бочонок дорогого вина катился по скользкому двору и, пожалуй, был бы совсем предан забвению, если бы Прийду из жалости не взял его под свою опеку и не стал бы тут же вытаскивать пробку.

— Мария! Слышишь, Мария! — раздался из двери сердитый голос. Там стояла вторая Май, но лицо у нее было постаревшее, брови нахмуренные, взгляд злобный.

«О боже, неужели и у моей Май под старость будет такое лицо?» — мелькнуло в голове у кузнеца. Но стоило Виллу взглянуть в глаза Май, как ему стала ясна вся нелепость этой мысли, и он тайком пожал руку девушки.

— Мария, ты что, оглохла? — кричала ристиская Крыйт со все возрастающей злостью. — Сию же минуту отпусти руку кузнеца и иди в дом! (Май исполнила первое приказание, но не со страхом, а с тихой улыбкой.) А ты, Виллу, как ты, бессовестный, еще смеешь показываться мне на глаза? Не дальше как позавчера ты меня до смерти рассердил. Благовоспитанный господин, немец-портной Хадубранд Флитергольд является нас навестить, дарит Марии дорогой платок на шею, оказывает всем нам честь своей любезной беседой, как если бы мы были ему ровня! Сердце мое умиляется, когда я вижу, как он уважает Марию, как стремится сделать ее счастливой. И тут являешься ты, как злой дух, суешь свой глупый нос куда не следует, начинаешь подтрунивать и насмехаться над почтенным человеком и этим в конце концов заставляешь удалиться из нашего дома этого господина, которому ты сам и в подметки не годишься!

— Кто же ему велел уходить? — спросил кузнец, пожимая плечами.

— А что ж он, по-твоему, должен был сносить насмешки от такого, как ты?

— Никто и ему рот не закрывал.

— Так он должен был с тобой перебранку затеять? Он гордо и вполне справедливо заявил, что рабу отвечать надо только кнутом.

— Он, наверно, сказал это совсем тихо? — засмеялся кузнец.

— Жаль, что он не попросил у меня кнута, — небрежно добавил Прийду.

— Молчать! — крикнула мать, сверкнув глазами. — Этот дьявол настолько испортил тебя, бедного ягненка, что ты уже начинаешь огрызаться, как и он. Ты хочешь быть молодым хозяином и в то же время потворству-

ешь наглости этого человека, позорящего твой дом? О господи, помоги!.. Но я заявляю: я этого больше терпеть не хочу. Не хочу и не буду! Слышишь, Виллу? Ты к нам больше не являйся! Ты нас прямо губишь. Ты отпугиваешь самых почтенных наших друзей. Прийду превращаешь в пьяницу и бродягу, а Май забиваешь голову глупыми мыслями...

— Дорогая мама, не говори так! — попросила Май, краснея.

Но Крыут была в таком воинственном настроении, когда уговоры действуют как береста, брошенная в огонь. Крыут стала еще громче бранить кузнеца и гнать его вон. Бедный Виллу стоял, понутив голову, и не знал, как ему быть. Известно, что крикливая брань женщины больше всего пугает именно храбрецов. Могло случиться, что наш великан в конце концов обратился бы в бегство, если бы его вовремя не выручил Прийду. Он с бочонком в руках проскользнул в дом, наполнил там кружку сладким вином и поднес ее матери:

— Выпей, мать, но сначала понюхай... Правда, хорошо пахнет?

Живя у комтура, Крыйт узнала вкус лучших иностранных вин и научилась их ценить. Сладкий запах, коснувшийся ее обоняния, явно умерил ее гнев.

— Откуда ты его взял? — спросила она почти ласково.

— Выпей, тогда узнаешь, — ответил Прийду.

Крыйт отпила глоток, причмокнула губами, отпила еще, улыбнулась, отхлебнула в третий раз и похвалила вино.

— О таком вине сам ландмейстер Ливонии может лишь мечтать, — серьезно заявил Прийду и осушил кружку. — Такое вино водится только у одного человека во всей Ливонии, и это самый лучший человек в Ливонии. Вот он стоит, смиренно, как слуга, и ждет, чтобы его отблагодарили лучше, чем до сих пор.

— Такого хорошего вина у кузнеца никогда не водилось, — бросила Крыйт небрежно, но уже не так сердито.

— Такого хорошего не было, но и плохого у него никогда не было, — заявил Прийду от всего сердца.

— Эка невидаль! — насмешливо произнесла Крыйт; она всегда раздражалась, когда видела, что ее дети заступаются за кузнеца. — Кому нужно его вино? Только тебя приучает к пьянству. Нашелся великий знаток вин! Собаке под хвост! Кузнец не разбирает даже, где вино, где вода, да и вина у него никудышные.

Тут даже терпеливого Виллу взорвало.

— Это мои-то вина никудышные? — воскликнул он, загораясь гневом. — Это я-то не разбираю, где вино, где вода? Да знаешь ли ты, ристиска Крыйт, что твой язык и не стоит того напитка, которого ты сейчас отведала! Ха! Она говорит — никудышные! Ах ты, бес! Я не знаю вин! Черт побери! Если уж это вино не самое лучшее, какое только создано богом, то пусть его никто ни капли не получит! Прийду, тащи бочонок во двор! Я выплесну из него эту воду, тогда вспомните, какая она была на вкус. Давай сюда бочонок, Прийду!

Остается вечной истиной, что намерений женщины не может предугадать ни один смертный. Гнев и милость они даруют, как видно, под влиянием какой-то высшей силы, поэтому древние германцы по праву воз-

давали им почти божеские почести. Кто бы, например, мог предсказать, что злое лицо Крыйт после запальчивых слов и угроз кузнеца начнет все больше смягчаться? Видя, что кузнец действительно рассержен и что Прийду собирается войти в дом, чтобы исполнить его приказ, Крыйт схватила Прийду за полу, с лукавой улыбкой подмигнула кузнецу и проговорила ласковым и укоризненным тоном:

— А ты, Виллу, сразу готов вспыхнуть, как пакля. Разве мужчине к лицу такая горячность? Я пошутила... Послушай, у тебя еще много такого вина? Много? Май, пойди, подай к столу хлеба и меду! Может быть, кузнец захочет обогреться и подкрепиться немножко.

Крыйт скрылась за дверями, а Прийду и Май почти насильно повели кузнеца в жилую комнату. Хозяйка вместе с бочонком вина исчезла, как в воду канула. Молодежь об этом не очень-то тужила. Вскоре комната огласилась веселой болтовней и смехом. По всему было видно, что эти три молодых существа между собой очень дружны.

Ристиская Крыйт всячески старалась заманить к себе в дом менее знатных немцев из окрестных мыз и города Вильянди, чтобы ее дети подружились с их детьми. «Антверки»¹, правда, иногда заглядывали к зажиточной хозяйке, угощались у нее и получали подарки, но продолжали смотреть свысока на «свободных крестьян» и никогда не приглашали их к себе в гости. Прийду и Май это давно поняли и сами никого из «антверков» к себе не звали. У Май было немало поклонников, но молодые господа из немцев заигрывали с ней только ради ее красивого личика, а крестьянские парни пресмыкались перед ней, как червяки, прельщенные тем, что она богата и числится свободной. Один только кузнец Виллу любил ее как равного себе человека и как красивую, умную девушку. Понимала это Май или нет — неизвестно; известно только, что когда кузнец приходил в гости в усадьбу Ристи, Май становилась, по мнению матери, слишком оживленной, а иногда и шаловливой... Прийду считал кузнеца самым приятным человеком из всех известных ему в этом мире;

¹ Искаженное немецкое «Handwerker» — «ремесленник» (Прим. авт.)

юноша целыми днями валялся в кузнице на скамье и глядел с почтительным удивлением, как спорится работа в руках у кузнеца; иной раз даже у Прииду появлялось желание взяться за работу, которую он вообще ненавидел и презирал, как ядовитое снадобье. У кузнеца же, как сказано, полмира состояло в друзьях, но ни к кому он не устремлялся таким быстрым шагом, как в усадьбу Ристи.

Когда люди счастливы, они не любят говорить о великих делах и разных премудростях. Поэтому и беседа наших друзей была такой пустой, их радость могла серьезному человеку показаться такой ребяческой, что о них подробно и рассказывать не стоит. Болтовня и смех звучали до тех пор, пока хозяйка опять не появилась в комнате. Глаза Крыйт оживленно блестели без всякой видимой к тому причины, язык слегка заплетался. Сперва настроение у нее было довольно хорошее, но сразу же испортилось, как только онаглянула на кузнеца и Май: они сидели так близко друг к другу, что и самый худощавый немец-портной между ними не поместился бы.

— Бу-будет вам ржать! — закричала хозяйка. — Стыдно тебе, Мария! Ступай сейчас же, посмотри, как работает ткачиха!

Май послушно встала и вышла в другую комнату.

— Почему вы все время болтаете по-эстонски? — продолжала браниться хозяйка. — Хоть бы та польза была от этого Виллу, чтобы он учил моих детей немецкому языку! Вы же все понимаете по-немецки, почему же никогда на этом языке не говорите?

— Мы ведь не немцы, — проворчал Прииду.

— Не немцы! — передразнила Крыйт. — Ишь какой умник выискался! Ты-то много знаешь, кто ты таков! Если бы ты говорил по-немецки, все сразу видели бы, что ты не крепостной.

— В Германии все крепостные — немцы, — заметил кузнец. Жаль, что он так сказал: теперь у Крыйт была причина напасть прямо на него.

— Видали вы великого знатока Германии! Гордишься, видно, что бродяжничал по белому свету? Что ты, собственно, возомнил о себе? А? Ты жалкий раб, рабом и останешься. Из милости дали ему поблаж-

ку — так он теперь важная персона! Вот тебе! Ты и глаз не смеешь на нас поднять — мы люди свободные!

— Послушай, мать, без тебя мы тут очень приятно проводили время, — сказал Прийду, зевая.

— Молчать! — крикнула мать. — Ты всегда за него заступаешься, а о том не думаешь, что он твой злой дух. Если бы не он, ты бы давно подружился со всеми благородными молодыми господами, а Мария стала бы невестой знатного антверка. Что он тут высматривает? Что тебе от нас нужно, кузнец? Неужели ты действительно такой болван, что надеешься заполучить себе Марию?

— Я действительно такой болван, — смиренно ответил кузнец.

— Ну, так и оставайся болваном! — взвизгнула Крыт. — Ты, бродяга, осмеливаешься издеваться над немцем-портным? Да знаешь ли ты, что это значит: немец-портной? Стоит ему только на тебя пожаловаться — и тебя заставят таскать раскаленное железо, а потом вздернут на виселицу. Ты должен на коленях просить у него прощения, что разгневал его.

— Если бы он этого потребовал, я, может, и попросил бы, — улыбнулся кузнец.

— Но он задал тягу, — добавил Прийду.

Крыт была так обозлена, что на несколько минут онемел даже ее острый язык. Но так как женщина, рассвирепев, обязательно должна что-нибудь делать, то Крыт схватила стоявшую в углу метлу, шагнула к кузнецу, пытаясь одним взглядом испепелить его заживо, и как только язык у нее снова задвигался, завопила истошным голосом:

— Проваливай отсюда, и чтоб ноги твоей здесь больше не было!

— Лучше не задирай мужчину, — сердито сказал кузнец и так резко оттолкнул метлу, угрожавшую его носу, что и метла и разъяренная хозяйка описали в воздухе круг. Затем кузнец надел шляпу и вышел, не сказав ни слова. Прийду хотел бежать за ним, но мать не пустила. Вскоре со двора донесся скрип ворот, а из горницы тихое всхлипывание...

Наступали сумерки. Кузнец Виллу шагал по знакомой тропинке к своему дому. Его ноги уже не были подобны крыльям, а двигались тяжело и лениво. Он

хотя и смотрел перед собой в землю, но уже не искал крошечных следов и не улыбался, когда один из них вдруг попадался ему на глаза.

Прошагав так минут десять, он услышал за спиной звук быстрых, легких шагов, обернулся и увидел, что его догоняет Май.

— Виллу! — воскликнула девушка слабым голосом и замедлила шаг.

Кузнец не двигался с места.

Май приблизилась медленно, боязливо. Когда она остановилась перед Виллу, тот, несмотря на сумерки, увидел, что у девушки глаза красные и заплаканные.

— Что тебе взбрело в голову — на ночь глядя бежать в темный лес? — сурово спросил Виллу.

— Я хотела узнать, не рассердился ли ты, — ответила Май, робко улыбаясь и ища, как обычно делают женщины, подлинного ответа в глазах мужчины.

— Рассердился, да, — буркнул Виллу. — Я не собака, чтобы меня гнать из дому палкой.

— Не сердись, Виллу, — умоляюще сказала Май. — Мать вовсе не такая злая, какой кажется. Зато когда ты в другой раз придешь, она будет тем приветливее.

— Больше я не приду.

— Не придешь?

— Ноги моей у вас не будет.

— Значит, ты действительно рассердился?

— Да.

— И на меня тоже?

— Нет, на тебя — нет, но... не знаю, как сказать... ты мне сейчас не так мила, как обычно. Видишь ли, ты лицом настолько похожа на мать, что это вызывает у меня разные думы. Когда я сегодня увидел ее злое лицо и услышал ее недостойную брань, у меня явилась странная мысль — будто это ты, будто ты тоже можешь сделаться такой. Бес вас, женщин, знает! Я даже испугался так, что сердце заболело. И сейчас еще болит, а голова полна грустных мыслей. Я до сих пор не делал никакой разницы между немцами и эстонцами, а ваша мать каждый день твердит вам, что, мол, только немцы — люди, а мы просто скот; может, это в конце концов повлияет и на тебя, и на Прииду, и вы тоже начнете меня презирать.

— Ты меня уже не любишь? — спросила Май голо-
сом умирающей.

— Я и сам не могу сказать, — ответил кузнец в раз-
думье.

— Ну, тогда прощай.

— Прощай.

Никто из них не хотел первым двинуться с места.
Несколько минут царила глубокая тишина. Оба сто-
яли, словно оцепенев, и глядели куда-то в темноту ле-
са. Тишина стала страшной, мучительной...

— Спокойной ночи, Виллу!

— Спокойной ночи, Май!

Снег чуть скрипнул, как будто кто-то сделал легкий
шаг. Дрожь прошла по телу кузнеца. Через миг он
прижал к своей груди теплое трепетное тело и мягкие
руки, точно гибкая и гладкая змея, обвилились вокруг его
шеи...

На небе уже погас последний отблеск зари и густая
тьма покрывала лес, когда кузнец Виллу и его Май,
держась за руки, возвращались к усадьбе Ристи. Расста-
лись они на опушке леса.

— Чтобы ты не возненавидел меня, глядя на лицо
моей матери, лучше ты к нам подольше не приходи, —
сказала Май, в десятый раз прощаясь с Виллу.

— А как же я с тобой буду видеться? — глухо спро-
сил кузнец.

— Придется мне приходить к тебе, — со счастливой
улыбкой ответила Май.

На мгновение они прильнули друг к другу так тес-
но, что в темноте их можно было принять за одного
человека. Потом черный силуэт снова разделился на
два; высокая темная фигура исчезла в лесу, а маленькая
тень осталась на месте, прислушиваясь к звуку шагов,
затишающему вдали.

4

Прийду, как обычно, бродил по лесам
и деревням. Однажды он случайно оказался в большой
деревне Йыэмэя, где крестьяне как раз собрались на
важную сходку.

Несчастные жители Вильяндимаа в этом году уподобились баранам, с которых хотят содрать несколько шкур сразу. Первая шкура досталась небесам, которые градом и дождем уничтожили всходы на полях; вторую шкуру забрали владельцы поместий, третью — Римская церковь, четвертую — грабители-литовцы. Под конец явился вильяндиский комтур и потребовал пятую шкуру — десятину с урожая, которую крестьяне должны были отвезти в замок к Фомину дню. Каким-то необъяснимым образом в некоторых деревнях все же нашлась пятая шкура, и ее свезли в Вильянди. Ййэмяэ принадлежала к числу тех деревень, которым везти было нечего. Может быть, у иного крестьянина и оставалась на дне закрома горсточка зерна, которой он пожертвовал бы ради сохранения своей жизни и здоровья, но тут как раз в деревню явился Прийду; он произнес перед крестьянами громовую речь и доказал им, что пять шкур не дерут даже с барана. Поэтому крестьяне ничего господам не повезли и послали ходяков к комтуру просить прощения. Прошло несколько дней, а посланцы не возвращались. Крестьяне были в большой тревоге за них, да и за самих себя, и стали совещаться, что теперь делать. Прийду все это не касалось, но он горячо обсуждал дело вместе со всеми.

— Люди, — кричал Прийду во все горло. — Зайцы вы, что ли? Почему сердца ваши полны страха? Подите, призовите сюда самого комтура, пусть убедится, что вы не лгали, говоря о своей нищете. Наказать он вас не может, есть ведь еще справедливость на свете! Никто не должен терпеть над собой насилие; кто терпит насилие, тот приносит больший вред, чем совершающий насилие. Для чего бог дал человеку руки и вырастил на деревьях крепкие дубинки? Нападут на вас — отбивайтесь! У вас в одной деревне больше мужчин, чем в Вильяндиском замке войска...

— А что с нами потом будет? — перебил его какой-то старик.

— Пусть будет что будет, но вы все же докажете, что вы настоящие мужчины. Чужеземцы должны понять, что они с нашим народом в нашей собственной стране не смеют поступать как им вздумается.

Прийду произнес еще несколько речей примерно такого же содержания, и видно было, что его слова

оказали свое действие на молодежь. Юноши замахали кулаками и подняли страшный шум.

— Пороть себя мы не позволим! — гремело всюду. Старики попытались успокоить молодых, но это лишь ухудшило дело. Шум настолько усилился, что никто уже не мог разобрать, что говорит другой.

Вдруг среди бушующей толпы появился какой-то высокий монах, приближения которого никто не заметил, и произнес громким, густым голосом на чистом эстонском языке:

— Мир вам!

С испугом и изумлением смотрели люди на рослого монаха; пришельца никто не знал, но его мужественный вид и гордое, строгое лицо внушали всем невольное уважение. Многие почувствовали страх и тайком перекрестились. Прийду, которому робость и страх были неведомы, подошел к монаху и начал оглядывать его с головы до ног, как какую-нибудь диковинную заморскую птицу.

— Возлюбленные братья, берегитесь беды! — заговорил монах, когда все замолкли в ожидании. — Подумайте, что вы собираетесь делать! Вы хотите одни восстать против всего Немецкого ордена. Этим вы, правда, показываете, что вы мужественные люди, но безрассудная храбрость не может принести ничего, кроме вреда. Вы не осилите вооруженных воинов голыми руками, и ваша безумная попытка кончится тем, что всех вас изрубят на куски. Правда, мужчина не должен бояться смерти, но подумайте, что будет с вашими несчастными женами и детьми?

— Что знает монах о женах и детях? — насмешливо вставил Прийду.

Монах беззлобно посмотрел на него и сказал, понизив голос:

— Верно, иной мальчуган умеет о них сказать и побольше, но одними его речами бедняги еще не будут сыты и одеты... Не думайте, люди, что я призываю вас к трусливому смирению перед лицом насилия. Совсем нет. Я лишь напоминаю вам, что вы причините вред не только себе и своим семьям, но и всему народу; если будете попусту раздражать рыцарей. Ваша жизнь сейчас действительно тяжела, но чужеземцы используют малейшее проявление непокорности с вашей стороны

для того, чтобы сделать иго еще более тяжким и окончательно подавить силы народного сопротивления. Будет лучше, если силы эти спокойно созреют и потом весь народ разом поднимется на борьбу. Вот тогда и настанет время показать свою отвагу, тогда стоит поставить на карту свою жизнь и имущество ради свободы и счастья; тогда будет и надежда, что борьба принесет победу, какой добился недавно маленький народ германского племени, живущий высоко в горах¹.

Глаза монаха странно блеснули, когда он произносил эти слова. Люди с изумлением глядели на монаха, не понимая — призывает он их к спокойствию или к борьбе. Никто не ответил ни слова. И вдруг в тишине, царившей вокруг, послышался приближающийся конский топот. Вскоре из-за леса показался большой отряд всадников. Впереди ехали орденские рыцари в белых одеяниях с черными крестами на груди; за рыцарями следовали воины в железных доспехах и слуги; пики и обнаженные мечи ярко сверкали на солнце.

Крестьяне, побледнев, переглянулись. По лицу монаха скользнула тень. Никто не осмеливался вымолвить слово, но многие поглядывали в сторону спасительной лесной чащи — они, казалось, охотно в ней укрылись бы. Но так как никто не решался бежать первым, то все остались на месте и сгрудились тесной толпой. Всадники на полном скаку приблизились к крестьянам и окружили их со всех сторон.

Вильяндиский комтур, седобородый, почтенного вида старик, произнес грозно, на ломаном эстонском языке:

— Вы, собаки, осмеливаетесь противиться моим приказам и законам ордена? Уж я вам покажу! Десятину не хотите платить? Погодите, я вас проучу! Кто вас подстрекал к неповиновению? Кто ваши вожаки? Выдайте их сейчас же!

Крестьяне стояли молча, понутив головы. Убедившись, что ответа не последует, комтур приказал вытащить из толпы какого-то перепуганного старика и пытаться его, пока он не назовет зачинщиков. Но едва ста-

¹ Монах говорит тут о швейцарском народе, который за тридцать лет до описываемых нами событий сбросил тяжкое иго Габсбургов и мощной рукой защищал свою свободу. (Прим. авт.)

рик успел закричать от боли, как перед комтуром предстал Прийду и воскликнул смело:

— Я один виноват!

Комтур не знал Прийду в лицо, но красивый, стройный юноша, как видно, ему понравился.

— Так молод и уже так строптив? — сказал комтур почти ласково. — Известно ли тебе, что ты, как подстрекатель народа, должен будешь умереть?

— Если на то пошло, могу и умереть, — ответил Прийду со своей обычной небрежностью. — Но от моей смерти вам толку будет мало. Все равно останется жив другой, куда более злостный подстрекатель, которому ваши суровые законы нипочем. Вот если б вы его уничтожили — тогда наступил бы мир и для господ, и для рабов.

— Кто этот подстрекатель? — спросил комтур.

— Насилие и нужда, — ответил Прийду.

— А, ты, оказывается, большой шутник, — улыбнулся комтур. — Будем надеяться, что в подземелье замка ты перед смертью нас еще немало позабавишь. Вяжите его!

Слуги набросились на Прийду.

— Неужели вы позволите меня связать и так ни слова и не скажете, и пальцем не шевельнете? — с упреком обратился Прийду к крестьянам. Те глядели на него горестно, но молчали.

Затем комтур приказал нескольким крестьянам, казавшимся наиболее сильными и смелыми, выступить вперед и снять верхнюю одежду. Пока они стояли, обнаженные до пояса, стуча зубами и дрожа на морозе, комтур обратился к ним с несколькими назидательными и укоризненными словами и под конец велел запомнить, что всех, кто не будет покорно терпеть положенное число ударов, привяжут к дереву, прибьют им уши гвоздями к стволу, как беглым рабам, и затем будут продолжать порку. Женщины и дети, сбежавшиеся на шум и окружившие мужчин, услышав слова комтура, начали ломать руки и громко рыдать. Но их загнали в дома и пригрозили, если они осмелятся выйти, тоже больно высечь розгами.

Избиение должно было вот-вот начаться. Тут высокий монах — его, по-видимому, никто из немцев не

знал и на присутствие его никто не обратил внимания — предстал перед комтуром и сказал по-немецки:

— Вы причините вред ордену и всем чужеземцам, если будете раздражать крестьян незаслуженными наказаниями. Крестьяне ничем не провинились, и никто их не подстрекал; только тяжкая нужда заставила их на этот раз задержать доставку обоза.

— Их наказывают за строптивость и для устрашения остальных, — сердито сказал комтур. — Нужды у них никакой нет, это все ложь, а вы, монахи, учите крестьян лгать.

— Мы учим их истинной вере и праведной жизни, вы же делаете для них христианскую веру ненавистной и учите их языческой дикости, — воскликнул монах, сверкая глазами. — Вы хотите превратить их в послушный рабочий скот, а сами обращаетесь с ними как с дикими зверями. Вы их, беззащитных, ни от кого не защищаете, но сами грабите несчастных догола, да еще караете тех, у кого уже нечего взять.

Для пояснения здесь следует заметить, что между орденскими рыцарями и епископами, которым были подвластны и монастыри, постоянно царила скрытая вражда, часто переходившая в открытые столкновения. Одни завидовали могуществу других, захватывали друг у друга земли, подавали папе и императору жалобы, возводя друг на друга тяжкие обвинения, от которых им потом удавалось отделаться лишь при помощи лжи и крупных денежных пожертвований. Одной из причин вражды было то, что священнослужители и монахи пытались хоть немного просвещать и обучать народ, в то время как орденские рыцари и их вассалы из всех сил препятствовали просвещению народа. Насилие, как с одной, так и с другой стороны, было обыденным явлением; особенно рыцари, как более сильные, всегда были готовы напасть на монахов и подданных епископов. Поэтому следует удивляться мужеству неизвестного монаха, осмелившегося выступить в одиночку против могущественного комтура. Можно было предвидеть, что это добром не кончится.

— Дерзкий монах! — гневно воскликнул комтур. — Уж я тебе покажу, как оскорблять орден и рыцарей! Свяжите его!

Монах побледнел; он, видно, понял, что зашел слишком далеко. Одним движением руки он оттолкнул трех слуг, напавших на него, и воскликнул угрожающе:

— Комтур! Комтур! Не навлекайте беду на себя и весь орден! За мной стоят архиепископ рижский и сам святейший отец.

— И прежде всего — твоя собственная спина, которая и должна поплатиться за твои дерзкие слова, — насмешливо ответил комтур. — Слуги, живо!

Монах, сохраняя внешнее спокойствие, позволил себя связать. Два человека были поставлены сторожить его и Прийду, остальные принялись за работу...

Выбранных наугад обвиняемых избивали долго, очень долго. Страшная угроза удерживала несчастных от бегства; они отчаянно кричали, подсакивали, прыгали с ноги на ногу, падали навзничь в снег, снова вставали, а тяжелые удары все обрушивались на их спины, рождая кровавый дождь.

По нашим понятиям, такое наказание ужасно и отвратительно, но мы не должны требовать от людей средневековья чувств, схожих с нашими. Наказания в давние времена были крайне жестокими, но люди так с ними свыклись, что никто не роптал. Поэтому и мы не должны думать, что комтур и его спутники были особенно черствыми и кровожадными людьми и без всякой жалости мучили других людей. По понятиям того времени, они были справедливыми и даже великодушными судьями, если не лишали виновного жизни и не причиняли ему увечий. Не должны мы также обвинять и тех крестьян, которым удалось избежать наказания и которые сейчас хотя и с грустными лицами, но не без тайной радости смотрели, как страдают другие.

Все, что здесь происходило, потрясло Прийду, видевшего подобное зрелище впервые. Его лицо стало белым как снег и судорожно исказилось. Глаза, полные ужаса, широко раскрылись. Время от времени он пытался разорвать свои узы и так сильно напрягал мышцы, что кровь бросалась ему в голову. Монах был тоже бледен, но внешне спокоен. Он потихоньку придвигался все ближе и ближе к Прийду, пока их связанные за спиной руки не соприкоснулись. Слуги этого не заме-

тили, так как их внимание было поглощено происходящим наказанием.

Наконец, когда избиваемые совсем ослабели, комтур приказал прекратить порку. Он еще раз предупредил крестьян, чтобы они не слушались подстрекателей и сегодня же исполнили свой долг, ибо в случае неповиновения их ждет «суровое наказание».

Но не успел комтур окончить свою речь, как у него за спиной поднялся сильный шум: Прийду каким-то образом высвободил свои руки, с быстротой молнии вскочил на стоявшего рядом коня и поскакал к лесу.

— Ловите его! — закричал комтур на своих слуг.

Три-четыре человека вскочили на лошадей и погнались за Прийду. С остальными комтур направился в соседнюю деревню, над жителями которой должен был совершиться такой же суд. Монаха привязали веревкой к седлу самого сильного воина и увезли с собой.

А наказанные обитатели Йыэмяз тихо разбрелись по своим хижинам, и долго еще доносились оттуда жалобные стенания женщин и бессильные проклятия мужчин.

5

Виллу с тремя подмастерьями усердно трудился в своей кузнице, как вдруг мимо них во весь опор промчался всадник.

— Хорош у меня конь? — крикнул Прийду (ибо это был он) и, не останавливаясь, пролетел мимо. — Не говорите, что видели меня! Рыцари...

Больше из его слов ничего не удалось расслышать. Кузнец покачал головой и пробормотал что-то о «сумасшедшем мальчишке» и «нелепых выходках». Немного погодя к кузнице подъехали слуги комтура, посланные в погоню за Прийду, и спросили, не проскакал ли здесь всадник. В пояснение они прибавили, что это, мол, подстрекатель и конокрад и что они в лесу гнались за ним по его следам, но потом, на дороге, следы исчезли.

Кузнец догадался, что тут дело неладно, и постарался как можно дольше задержать слуг. Он стал подробно расспрашивать, чем провинился беглец, какое у него

лицо, есть ли борода и какого цвета, во что он был одет, какая у него лошадь, сколько ему лет. Когда он решил, что Прийду, наверное, успел уже отъехать достаточно далеко, и когда слуги стали проявлять нетерпение, Виллу не спеша заявил, что, как ему кажется, такой человек за несколько минут до прибытия слуг проехал мимо кузницы и свернул на окольную дорогу, ведущую к мызе Пуйду. К стыду нашего героя, мы должны признаться, что кузнец самым бессовестным образом соврал и указал слугам дорогу, далеко уведившую от той, по которой проскакал Прийду.

— Чего ж ты, бес, сразу не сказал? — сердито пробурчал один из слуг.

— Я не сторож всяким бродягам, — невозмутимо ответил кузнец. — Я занят своей работой. Если вам велено ловить конокрадов, то сами и смотрите в оба и не мешкайте.

Обманутые слуги с ругательствами двинулись дальше — по указанной им дороге.

— Ну что за мальчишка! — озабоченно бормотал кузнец. — Он, сорванец, крадет лошадей и подстрекает крестьян к мятежу. Вот непоседа! Поди знай, какая скверная история из этого еще может получиться. Жаль, что я сам не могу пойти в Ристи и все разузнать.

Вскоре к кузнице подъехал комтур со своим отрядом. Деревня, в которую они направлялись чинить суд, находилась на расстоянии полумили, возле этой же дороги.

Комтур и кузнец были, как мы знаем, добрыми друзьями; но когда Виллу спросили, не видал ли он беглеца, то дружба эта не помешала нашему недостойному герою так же наврать комтуру с три короба, как и его слугам.

Комтур доверил кузнецу своего пленника — неизвестного монаха, который для отряда, готовившегося к новым действиям, являлся только обузой. Руки и ноги узника связали заново, на этот раз очень крепко, и, чтобы монах никому не мешал, бросили его в темный чулан рядом с кузницей.

После отъезда комтура и его спутников кузнец и подмастерья снова принялись за работу так усердно, что совсем забыли о пленнике, не напоминая о себе ни единым звуком. Потом они отправились обедать

в жилой дом кузнеца. Дом этот находился в нескольких десятках шагов от кузницы и снаружи представлял собой обычную крестьянскую избу, срубленную из необтесанных бревен. Зато внутри дома имелось немало драгоценных и редких вещей, привезенных кузнецом из чужих стран. Там было всевозможное оружие и охотничьи принадлежности, украшенные искусной резьбой кувшины и кубки, ящики и коробки. На столе дымилось свиное жаркое, приготовленное иноземным поваром по всем правилам кулинарного искусства; стояли здесь и кружки, наполненные пивом и вином. По всему было видно, что кузнец любил хорошо поесть и попить и что он усвоил обычаи чужеземных богатых горожан.

За обедом кузнец вспомнил о пленном монахе. Он сейчас же взял со стола такое количество еды и напитков, что его свободно хватило бы на троих, и пошел навестить пленника. Но, войдя в дверь кузницы, он в испуге отшатнулся и уронил миску и кружку, которые при этом разбились вдребезги.

Высокая фигура монаха маячила посреди кузницы; крепкие путы на его руках и ногах словно растаяли. Оправившись от испуга, кузнец прежде всего схватил монаха за руку, чтобы тот не мог убежать.

— Каким образом ты развязал себе руки и ноги? — воскликнул кузнец.

Монах посмотрел ему с насмешливой улыбкой прямо в глаза и тихо сказал:

— Не мешай мне бежать!

— Кто же позволит преступнику бежать?

— Я не преступник.

— Может быть, у тебя лишь случайное сходство с каким-нибудь преступником и ты попал в ловушку вместо него, бедный ягненок? — насмешливо спросил кузнец, он, как и большинство честных людей, считал оковы неоспоримым доказательством вины. — Подобных ягнят я и раньше видывал. Сейчас же покажи, куда ты забросил веревки; мои узлы ты так скоро не распутаешь.

Кузнец, сжимая руки монаха своими железными пальцами, стал подталкивать его обратно к чулану. Однако, к своему несказанному изумлению, он не только не смог ни на шаг сдвинуть монаха с места, но, кро-

ме того, тут произошло нечто такое, что кузнец вообще считал невозможным. Монах вдруг обхватил обеими руками мощное тело кузнеца и так крепко сжал его в своих объятиях, что у Виллу захрустели кости и захватило дух. Спина кузнеца, которую до сих пор ни единому смертному не удавалось согнуть, выгнулась дугой, он ослабел, почувствовал, что у него подкашиваются ноги, и только тогда смог перевести дух и прийти в себя, когда оказался на полу; лежа на спине у ног монаха, он услышал, как тот произнес глухим и печальным голосом:

— Вот так и всегда лучшие силы эстонского народа вступали между собой в распри и, раздробленные, давали чужеземцам сломить себя.

— Разве ты эстонец? — спросил кузнец, глубоко переводя дыхание.

— Да, — ответил монах.

— Почему ж ты раньше не сказал?

— Мы уже настолько испорчены чужеземцами, что один эстонец не доверяет другому.

— Мне всякий может доверять, — гордо заявил кузнец. — Но монахи мастера лгать. Как ты можешь быть эстонцем, если ты монах?

— Я не монах.

— Кто же ты такой?

— Я — Тазуя!

Если бы огромные кузнечные мехи вдруг запели, а тысяchefунтовая наковальня пустилась в пляс, кузнец, вероятно, удивился бы этому меньше, чем тому, что сейчас услышал. Он широко раскрыл глаза и приподнялся. Монах уже не держал его, а стоял перед ним выпрямившись.

— Ты... — пролепетал кузнец.

— Тот человек, чье единственное стремление — покарать чужеземцев за их злодеяния и освободить свой народ, — ответил монах. — Почему ты не выслушал моих посланцев?

Виллу вскочил и протянул монаху руку.

— Не сердись, дорогой, — сказал он смущенно. — Если бы ты сам тогда был здесь, кто знает, может быть, я и разговаривал бы по-другому. Твоих посланцев я счел бродягами и болтунами, которые пустым подстрекательством только вредят народу.

— Мои посланцы были люди верные, — сказал монах, горько усмехнувшись, — но я думаю, что, живя привольной жизнью и дружа с господами, ты стал глух к некоторым вещам. Ты один из тех немногих эстонцев, которые могут быть довольны своей рабской жизнью; кто знает, может быть, тебя и не трогает то, что для других эта участь — сущий ад?

Кузнец опустил глаза.

— Я не видел от немцев ничего, кроме добра, — ответил он запинаясь. — Почему я должен их ненавидеть?

— Ты и не должен их ненавидеть, но ты должен настолько любить свой народ, чтобы помочь освободить его от произвола чужеземцев. Немцы могут быть лучше, чем мы, но они не имеют права унижать нас, превращать в свой рабочий скот, обирать нас до нитки и попираť все лучшее, что есть в наших душах... Кузнец Виллу, я много хорошего слышал о тебе и надеялся, что ты мне крепко поможешь. Земля Сакала полна твоих друзей, они охотно тебя послушались бы. Жаль, что ты — кажется, потомок древнего Лембиту, — не

унаследовал его духа! Если бы это было так, мы могли бы надеяться, что дух древних сакаласцев пробудится снова и поможет сломить власть чужеземцев.

Кузнец недоверчиво покачал головой.

— Как можем мы сейчас надеяться на победу? Ведь мощь орденовых рыцарей и датчан намного возросла с того времени, когда наш народ был покорен. Нам одним никогда не выстоять против двух больших государств.

— Мы не будем одни, если сохраним единодушие! — воскликнул монах, сверкнув глазами. — На нашей стороне право, общие стремления, силы единства. Кроме того, шведы, русские и литовцы готовы прийти к нам на помощь. И если ты думаешь, что враги сейчас сильнее, чем раньше, то ты заблуждаешься. В Германии давно уже угас былой дух рыцарства и крестовых походов. Император и папа — заклятые враги; их вражда, междоусобные войны и чума настолько ослабили государство, что орденовые рыцари на его помощь надеяться не могут. В Ливонии идет постоянная война между орденом и епископами, русские и литовцы стоят наготове на рубежах, сами рыцари и их вассалы — моты и хвастуны, они держатся только благодаря нагребленному богатству и наемному войску. Если мы все вместе и разом нападём на них и прежде всего отнимем у них богатства, они будут слабее детей. У датского короля в нашей земле нет ни власти, ни войска; каждый владетель мызы сам себе король, между ними нет единства, да нет у них и военной силы. С другой стороны, люди земель Виру и Харью, Ляэнемаа и Сааремаа готовы взяться за оружие; если бы с крестьянами Ливонии дело обстояло так же, нам нечего было бы опасаться.

Пока монах говорил, кузнец не мог оторвать от него глаз. Мужественная красота этого лица, огонь, горевший в его больших, глубоких очах, звук громкого и вместе с тем мягкого голоса и поток вдохновенных слов туманили трезвый разум кузнеца. Он теперь понимал, как этот человек, подлинного имени и прежней жизни которого никто не знал, но чье нынешнее имя — Тазуя — давно было знакомо каждому эстонцу; человек, которого считали то колдуном, то воскрес-

шим Калевипоэгом, то святым Юрием, оборотнем, языческим богом Уку и чье имя суеверный народ вспоминал во время бедствий, взывая о помощи, — как этот человек в какие-нибудь два-три года смог повести за собой целый народ, поднять его на кровавое восстание и при этом никто из людей, его знавших, не стал предателем.

— Удивительный ты человек, — тяжело дыша, сказал кузнец, когда монах умолк. — Я не суеверен, но ты мог бы заставить меня поверить, что ты не простой смертный. До сих пор я не знал человека сильнее себя, а ты мог бы задушить меня, как котенка. До сих пор я не очень-то печалился ни о своих, ни о чужих, а жил день за днем беспечно и мирно; но ты легко мог бы заставить меня пренебречь покоем и вовлечь меня в самый безумный мятеж. Ты — точно катящаяся скала, которая увлекает за собой, либо разбивает вдребезги все слабое и непрочное, пока сама не исчезнет на дне пропасти... Я не верю, чтобы твое начинание увенчалось успехом, но я не в силах препятствовать ему. Будь что будет! Я созову крестьян и передам им твои слова. Я им не желаю зла и не стану подстрекать их к мятежу; пусть сами делают что сочтут лучшим.

— Где ты намерен провести сходку? — спросил монах.

Кузнец подумал немного, потом сказал:

— На расстоянии получаса ходьбы отсюда, прямо к северу, среди векового леса, есть поляна с развалинами крепости древних эстонцев. Там и сейчас еще сохранились подземелья и закоулки, где никакой доносчик нас не услышит. Послезавтра к вечеру я созову туда старейшин окрестных деревень и спрошу, хотят ли они принять твой совет.

— Я сам приду туда, — коротко сказал монах.

— Лучше бы тебе сейчас бежать, — озабоченно сказал кузнец. — Я знаю вильяндиского комтура. Тебя будут усердно искать, а по лицу и росту найти тебя не трудно.

— Выйди на минутку во двор! — приказал монах, насмешливо улыбаясь.

Кузнец повиновался, и когда он потом опять заглянул в кузницу, перед ним стоял сгорбленный седоборо-

дый старец в лохмотьях, с посохом в руке и мешком за плечами. Кузнец, отпрянув назад, воскликнул:

— Эй, старичок, откуда ты взялся?

— Пожалейте, крещеные, бедного человека,— произнес нищий жалобным, глухим голосом.

— Куда девался монах?

— Я, убогий, никого не видал,— прохрипел старец и начал вдруг так сильно кашлять и задыхаться, что жалко было смотреть.

— Я здесь! — раздался голос монаха из темного чулана.

Кузнец поспешил туда; но хотя дверь стояла открытой настежь, в чулане не было видно ни души.

— Монах, монах, где ты?

— Тут! — ответил голос монаха под самым носом у кузнеца.

— Где?

— Под землей! — загудел голос под ногами у кузнеца.

Виллу схватился обеими руками за голову и выбежал из чулана на свет. Старика-нищего и след простыл. Из глубины земли, словно издалека, опять донесся голос:

— Ты все еще думаешь, что меня так легко поймать?

— Не думаю,— ответил кузнец; у него зуб на зуб не попадал.

— Тогда прощай — до послезавтра!

Кузнец, покачивая головой, вернулся в дом, но аппетит у него пропал. Он был так серьезен и молчалив, что его подмастерья совсем оробели.

Под вечер комтур со своим отрядом снова подъехал к кузнице. Комтур был сильно раздосадован: крестьяне, которых он хотел наказать, каким-то образом проведали о грозящей им опасности и бежали. Хотя судьи за это и разграбили начисто все дома, настроение у комтура было испорчено.

— Выведи монаха! — заорал он на кузнеца.

Кузнец, не привыкший к такому обращению, нахмурился, но все же, не говоря ни слова, вошел в темный чулан и вскоре вернулся с вестью, что монах исчез. Лицо у комтура так побагровело, что, казалось, вот-вот

вспыхнет огнем. Он мигом соскочил с коня и бросился вместе со слугами в чулан. Там они обшарили все углы, перевернули все вверх дном, готовы были опрокинуть и самую кузницу, но монаха не нашли.

— Куда ты девал монаха? — набросился комтур на кузнеца, сжав кулаки.

— Не в моей воле его куда-то девать, — мрачно ответил кузнец. — Ваши собственные слуги бросили его в этот чулан, пусть они теперь его и находят.

— А ты куда смотрел? Почему так плохо сторожил его? — кричал комтур.

— Я не сторож вашим пленникам, — проворчал кузнец.

И тут с Виллу произошло событие — второе за сегодняшний день, — какого он раньше и во сне не видал. Кулак комтура мелькнул в воздухе, и тяжелый удар обрушился на румяную щеку кузнеца. Более слабого человека такой удар, наверное, свалил бы с ног, но кузнец Виллу даже не пошатнулся. В лице его не осталось ни кровинки, и взгляд, устремленный в горящие злобой глаза противника, был так страшен, что комтур невольно отступил на шаг и схватился за меч. Не могло быть никакого сомнения в том, что кузнец способен свалить его одним ударом. Но, к счастью для комтура, Виллу был эстонец, по натуре медлительный. Не успел он и рукой шевельнуть, как несколько человек бросились между ним и комтуром и вокруг засверкали обнаженные мечи.

— Комтур! — произнес кузнец глухим басом. — Вы первый дали мне отведать, какова пощечина на вкус; не взывайте, если я в свое время заплачу вам за науку.

Дав Виллу пощечину, комтур сразу остыл, и ему, по правде говоря, даже стало немного жаль, что он так грубо оскорбил человека, спасшего ему жизнь, своего приятеля. Но, как истый господин, он счел неуместным выказать это сожаление перед своим подданным; поэтому он принял свирепый вид и закричал громче прежнего:

— Ты, собака, смеешь еще угрожать мне? Ты забыл, кто ты такой? Вот что значит избаловать раба! Я отберу все твое добро и велю запороть тебя до смерти... если захочу. Впредь остерегайся подобной нагло-

сти и благодари создателя, что на сей раз отделался таким легким наказанием.

Сказав это, комтур поспешно вышел из кузницы, возможно, с тем намерением, чтобы Виллу каким-нибудь неосторожным словом не повредил себе еще больше. Отдав слугам строгий приказ разыскать беглецов и пообещав за поимку их щедрое вознаграждение, комтур вместе с рыцарями и воинами поехал обратно в замок.

Кузнец попытался снова приняться за работу, но вскоре отбросил кувалду с такой силой, что рукоятка с треском переломилась и тяжелый молот, подпрыгивая, отлетел в угол. Виллу убежал в лес, долго бродил меж деревьев и наконец упал ничком в снег, прижал ладони к глазам и стал всхлипывать, как ребенок, которого больно наказали.

6

Ни на другой, ни на третий день кузнец работу и в руки не брал, а бродил по деревням и тайком шептался с крестьянами. На третий день вечером он, возвратившись домой, нашел здесь Май, уже давно его поджидавшую.

— Где Прийду? — был первый вопрос кузнеца, последовавший за сердечным приветствием.

— В заточении, — глухо ответила Май, и слезы навернулись у нее на глаза.

— Что такое? — испуганно воскликнул кузнец.

Май стала рассказывать:

— Позавчера вечером Прийду вернулся домой верхом. На наш вопрос, откуда он достал лошадь, он ответил, что взял ее на неделю у приятеля. Он все время вертелся около этого коня, кормил его и гладил, называя своим дорогим спасителем. Я спросила, что все это значит, и он рассказал мне, как рыцари, обозленные какой-то его проделкой, гнались за ним, но не догнали. Вчера утром он на лошади уехал в лес, но к полудню вернулся пешком и рассказал, что рыцари опять преследовали его и он, ища спасения, отпустил лошадь, а сам влез на дерево.

Немного позже, когда я была во дворе одна, за забором послышался шум и кто-то громко приказал открыть ворота. Я отворила и увидела всадников — двух рыцарей с надменными лицами и много слуг. Старший рыцарь поставил двух слуг следить за тем, чтобы никто не мог уйти со двора. Меня он сурово спросил, дома ли хозяйка и ее сын, и когда я ему ответила, что мать дома, всадники слезли с лошадей и вошли в комнату. Молодой рыцарь, одетый как владелец мызы, остался один во дворе, обнял меня, назвал красоткой и спросил, как меня зовут. Я ему не отвечала и старалась высвободиться из его объятий. Глаза его странно загорелись, он называл меня всевозможными ласкательными именами и силой хотел поцеловать. Я собрала все свои силы, вырвалась из его рук и вбежала в дом с заднего крыльца. Рыцарь хотел войти вслед за мной, но я успела задвинуть засов. Я спряталась в темной потайной каморке, рядом с жилой комнатой. Тут я сильно испугалась, столкнувшись с человеком, который рукой закрыл мне рот и велел молчать. Это был Прииду — он тоже сюда спрятался. Мы затаили дыхание и прислушались. Все, что происходило в комнате, здесь было хорошо слышно.

— Кто это? — спросила я, услышав голос старшего рыцаря.

— Вильяндиский комтур, — шепнул Прииду.

Комтур назвал Прииду мятежником и конокрадом и велел матери тотчас же сказать, куда спрятался сын. Мать ответила, что давно уже не видела Прииду. Комтур долго ее допрашивал и, не получив никакого другого ответа, приказал слугам обыскать весь дом и хозяйственные постройки. Мы слышали, как они шарили по комнатам и чердаку и швыряли вещи так, что только грохот и треск стоял. Я дрожала от страха, что кто-нибудь может случайно заметить потайную дверь и ворваться в наше убежище. К счастью, этого не случилось. Когда все закоулки были обшарены и, как я догадывалась, все вещи разбиты, слуги вернулись в комнату и сказали, что никого не нашли. Комтур снова начал допрашивать мать и угрожал поджечь дом и превратить его в пепел вместе с хозяевами, если ему не выдадут Прииду. Мать повторяла свои мольбы и просьбы,

но убежища Прийду не выдавала. Тогда комтур приказал связать мать, бросить ее в самое глубокое подземелье замка и держать там, пока не объявится Прийду. Как только мать начали вязать, Прийду вмиг выскочил из своего убежища, предстал перед комтуром и приказал: «Делайте со мной что хотите, но мать мою не трогайте!». Его сразу же связали так крепко, что он, бедный, застонал от боли. Мать бросилась перед комтуром на колени, зарыдала и стала молить о пощаде. Комтур ответил сурово, что Прийду подстрекал народ к мятежу и заслуживает смертной казни. Мать закричала в отчаянии: «О, пощади! Сжался! Он ведь твой собственный...»

Последнего слова я не расслышала, так как в тот миг комтур рывкнул на слуг: «Убирайтесь все вон отсюда!» Слуги вышли вместе с Прийду. Тогда комтур сказал тихо и угрожающе: «Ты, безумная женщина, разве ты забыла, что я приказал тебе молчать до самой смерти? Хочешь сама себя погубить?.. Молчи! Твой сын не умрет, но от наказания я не могу его избавить. Тебе же я клятвенно обещаю, что тебя сожгут живьем, если ты еще раз нарушишь мой приказ!»

И комтур вышел, звеня шпорами. Когда на дворе снова стало тихо, я решилась покинуть тайник. С удивлением заметила я, что мать довольно спокойна. Она начала даже по своему обыкновению расхваливать комтура и немцев и с гордостью заявила, что, пока она жива, никто не осмелится дотронуться до Прийду. Я спросила, что значили последние, мне совсем непонятные слова комтура. Мать велела мне молчать и сказала, что это тайна, которую она откроет мне и Прийду только на смертном одре.

По правде сказать, я и не хочу узнать эту тайну. Я чувствую, что хорошего в ней ничего нет. У меня сердце болит. До сих пор ничто не нарушало нашего покоя, а теперь насилие и зло вторгаются и в наш дом. Бедный Прийду! А как горели глаза у молодого рыцаря!.. О, мой Виллу, я боюсь, что нашему счастью не бывать.

Кузнец обнял опечаленную девушку, крепко прижал ее к своей груди и уверенно произнес:

— Не бойся, Май! Пока ты под защитой моей руки, тебе нечего бояться насилия. А ты не знаешь, кто был... тот дерзкий молодой рыцарь?

— Он называл комтура дядей.

— Ах он, собачья шкура! — вспыхнул кузнец. — Это, значит, младший Госвин Герике, племянник комтура, сын владельца мызы Пуйду! Вот негодяй! Отец болен, при смерти, а сын за красивыми девушками волочится. Они в Германии нищенствовали, благодаря дядюшке получили здесь мызу и земли, а в благодарность за это творят теперь пакости. Ну, попался бы этот молодчик мне в руки! Я бы его...

Но тут Виллу вдруг припомнилась позавчерашняя пощечина, все еще горевшая болью в его душе. Он опустил голову и тихо добавил:

— Может быть, Май, я и не гожусь тебе в защитники. Я позволил другому человеку ударить меня и не отомстил ему.

— Ты позволил себя ударить? — воскликнула Май с таким ласковым недоверием, что Виллу сразу стало легче.

— Да, я третьего дня немного повздорил с комтуром, и он дал мне оплеуху. Кого-нибудь другого я за такой подарок, наверное, сразу уложил бы на месте, но от него я никак этого не ожидал и в первую минуту опешил. Потом я, правда, пришел в себя, но подумал: «Если я сам вырвал тебя из когтей смерти, то от моей руки ты умереть не должен». Но прощенья ему не будет, расплата последует и, может быть, скоро.

— Дорогой Виллу, — умоляюще сказала Май, — не губи себя излишней смелостью! Я знаю, ты не дорожишь своей жизнью, но подумай в своем гневе о том, что есть на свете душа, для которой жизнь — это твоя жизнь, а твоя смерть — и для нее смерть.

Не найдется на земле человека, который не выслушал бы подобную просьбу с удовольствием. И нет ничего удивительного в том, что кузнец от души дал обещание всегда и во всяком деле прежде всего думать о своей Май и скрепил эту клятву совсем излишними объятиями и поцелуями. А Май на несколько минут забыла о всех своих горестях и опасениях и снова, испив

из полной чаши счастья, обрела радость жизни и надежду.

Было уже темно, когда кузнец, Май и слуга, сопровождавший ее, направились к усадьбе Ристи. Неподалеку от усадьбы Виллу расстался со спутниками и свернул в сторону, в глубь леса. Здесь не было никакой тропинки, но кузнец знал лес как свои пять пальцев. Через полчаса он достиг поляны, одиноко белевшей среди темной чащи. Взошла луна и залила землю волшебным бледным светом. Посреди поляны виднелись заснеженные холмы и на них — остатки обвалившихся каменных стен. Среди развалин и между холмами мелькали черные тени. Суеверные люди боялись этого места, так как здесь было больше человеческих костей, чем на каком-нибудь заброшенном кладбище.

Когда кузнец вошел в развалины, черные тени обступили его. Он их всех знал и им всем был знаком. Их изнуренные тела, впалые щеки и ввалившиеся глаза делали их и вблизи более похожими на тени, чем на живых людей.

— Монах здесь? — спросил кузнец.

Монаха никто не видел.

— Монах, эй, монах! — позвал кузнец.

— Я здесь! — донесся голос из-под земли.

Крестьяне испугались; даже кузнец тайком перекрестился.

В полуразрушенном сводчатом коридоре вдруг вспыхнул факел, и его красное пламя осветило высокую фигуру монаха. Он подал знак, чтобы люди следовали за ним. Долго шли они по подземному ходу. Местами приходилось становиться на четвереньки и ползти по гудам камней. Наконец сводчатый коридор привел их в высокое, просторное помещение, пол которого был усеян человеческими костями и черепами. Воздух был теплый и затхлый; пылающий факел постепенно насыщал его едким дымом.

Монах вставил факел в расщелину стены; потом заставил всех собравшихся торжественно поклясться никому ни слова не говорить о том, что здесь происходило. Когда все поклялись — одни смело, другие с трепетом, — кузнец подошел к монаху и сказал громким, но все же немного дрожащим голосом:

— Теперь скажи ясно: кто ты — дух, колдун или та-кой же, как мы, человек?

— Я человек из плоти и крови, — ответил монах улыбаясь.

— Поклянись в этом!

— Клянусь!

— Но как ты можешь исчезать на глазах у людей и погружаться в глубину земли?

— Я не могу сотворить ни этого, ни какого-либо другого чуда, но я научился у монахов и чужеземных мудрецов некоторым вещам, которые простым людям кажутся чудом. Не требуй объяснений, которых я сейчас еще не могу дать. Но подумай о том, что человеку, готовящемуся к великим делам, нужны и великие средства.

Говорящий сбросил с себя монашескую рясу и предстал перед изумленными крестьянами в одежде воина. Он обратился к людям с пламенными словами, которые подобно остро отточенным мечам проникали в глубину сердец, пробуждая от мертвого сна силу человеческого духа. Он заставил всех забыть, что они крепостные рабы, дети и внуки рабов; они в эти минуты как бы сами отважно сражались вместе со своими свободными предками и после кровавой победы наслаждались благами мира. Потом он снова раскрыл перед ними бездну их нынешнего глубокого бесправия и нищеты и показал им, что единственный выход из этого ада — тяжелый и опасный путь, где нужно бороться за каждый шаг и каждую пядь земли оплачивать кровью.

Удивительно было влияние этой речи на Виллу. Кровь его закипела, в душе проснулись мысли и стремления, каких он, человек беспечного и мирного нрава, высоко ценивший радости жизни, никогда раньше не знал. Глаза его засверкали воодушевлением. Когда монах окончил свою речь, Виллу воскликнул:

— Веди нас куда хочешь, с тобой мы пройдем хоть сквозь каменные стены.

Из толпы крестьян послышались такие же возгласы. Но большинство людей все же колебались и раздумывали, почесывая затылок.

— Слова хороши, но словом человека не убьешь и стену не разрушишь, — сказал протяжно какой-то ста-

рик. — С немцами мы не справимся, будь у каждого хоть десять рук и сила, как у трех медведей.

Многие его поддержали. Пока Тазуя говорил, все были готовы совершать доблестные подвиги; но как только он умолк и они отвели от него глаза, сомнение и страх снова овладели сердцами забитых рабов.

Монах приблизился к людям и велел им теснее окружить его.

— Одной только силой нам действительно трудно будет справиться с немцами и датчанами, — сказал он, понизив голос. — Мы должны прибегнуть к хитрости. Мы уже знаем, как нам действовать, и тысячи людей готовы к этому.

Он начал разъяснять план восстания. Ночью, в назначенный срок, который одновременно будет сообщен повсюду, крестьяне должны взяться за оружие, заготовленное заранее, истребить в сельских местностях всех чужеземцев, собраться в определенных местах и общими силами напасть на укрепленные замки и города.

— Женщины и дети тоже должны погибнуть? — спросил кузнец, сдвинув брови.

— Я хотел бы, чтобы их не трогали, — грустно ответил Тазуя, — но и они настолько возбудили против себя справедливый гнев народа, что едва ли их пощадят. Кровавопролитие всегда будит жажду крови.

— Моя рука их не тронет! — твердо заявил кузнец. Тазуя ласково кивнул ему.

— Ты благородный человек, но нелегко унять разгневанную толпу, — сказал он сердечно. — Поступай так, как сам найдешь нужным. Повинуйтесь ему, люди! На него я возлагаю задачу поднять народ Вильяндимаа. Помогайте ему всеми силами, старайтесь подготовить к работе всякого верного человека, но действуйте хитро и осторожно, чтобы враг прежде времени ничего не заметил. Когда наступят сроки, я пришлю к вам своего посланца. Если кто-либо захочет отойти в сторону, ему не будет помехи, но пусть он помнит, что поклялся молчать. А теперь идите с миром!

Люди поодиночке выползли из подземелья и исчезли в лесу. Наконец Тазуя и кузнец Виллу остались одни среди опустевших руин. Факел потух, луна скрылась за

тучами. Темнота и торжественная тишина царили над землей, в то время как эти два человека готовились к грохоту битв и кровопролитию. Долго не могли они расстаться, как бы предчувствуя, что на этом свете больше не увидят друг друга.

Попрощавшись, они еще долго шагали рядом. Небольшой поворот судьбы — и легко могло случиться, что эти люди рука об руку прошли бы через мировую историю как основатели нового государства...

Наконец один из них повернул направо, другой — налево.

7

— У меня душа болит о нашем Прийду, — сказала однажды Май матери, спокойно вязавшей чулок. — Вот уже неделя, как его увели, а о нем ничего не слышно. Наверное, они бросили его в какое-нибудь подземелье и готовят ему голодную смерть, как, говорят, и раньше уже поступали со многими другими.

— Не говори о рыцарях с таким презрением, — наставительно сказала Крыйт. — Комтур честный человек, и он твердо обещал мне, что Прийду останется жив. Немцы никому не причиняют зла, а лишь наказывают каждого по заслугам.

— Неужели Прийду действительно такой преступник, что заслуживал бы смерти?

— Прийду ни в чем не виновен, во всем виноват этот проклятый кузнец, — обозлилась Крыйт. — Он нам постоянно вредит. Не будь его, Прийду давно стал бы с немцами приятелем и сам превратился бы в немца; он бы сейчас, как подобает господам по праву и обязанности, настолько презирал крестьян, что и разговаривать бы с ними не хотел, а тем более подстрекать их к сопротивлению. По закону возмутитель народа заслуживает смерти, но возмутитель не Прийду, а кузнец. Если Прийду на днях не освободят, я пойду к комтуру и взвалю всю вину на кузнеца; я расскажу о всех его дерзостях и насмешках — тогда увидим, кого в конце концов призовут к ответу.

— Разве нельзя просить за Прийду, не жалуясь на кузнеца? — робко спросила Май. — Жалобы могут снова разгневать комтура, а если их не будет, он, может быть, и выслушает твою просьбу.

— Это уж мне лучше знать, чего стоит моя просьба в глазах комтура, — хвастливо заявила Крыйт, — но на кузнеца я все-таки пожалуюсь. Он разрушает счастье нашей жизни, так пусть же и сам пропадет! Портного Флитергольда он так рассердил, что тот больше и не показывается.

— Слава богу, — прошептала Май.

— Ты еще молода, Май, — сказала Крыйт с легкой грустью, — ты не понимаешь, в чем для тебя благо, в чем зло, да много об этом и не раздумываешь. А я люблю тебя и ненавижу кузнеца именно за то, что он враг твоему счастью и счастью Прийду. Я горячо желаю, я дни и ночи молю святую деву, чтобы она помогла тебе и Прийду подняться выше этой презренной жизни, которая от рождения была суждена мне. Но это может осуществиться лишь в том случае, если ты станешь женой немца.

— Разве это такое уж большое счастье?

— Большого счастья тебе в этом мире не достигнуть. За крестьянина ты не можешь выйти, все они рабы, и ты и твои дети тоже стали бы рабами. Но будь они даже вольными людьми, я бы все равно не выдала тебя за крестьянина. Эстонцев не исправит ни свобода, ни что другое. Они грубы, суровы и жестоки. Если бы ими никто не правил, они сожрали бы друг друга. Женщину они не умеют уважать, превращают ее в рабочую скотину. А у немцев женщина в большом почете. Сам бог наложил на лица немцев печать более возвышенной натуры; они лицом красивее других людей, они честны, ласковы и великодушны...

Тут Крыйт вдруг умолкла, так как дверь отворилась и вошел Прийду. Одежда его была изорвана, голова непокрыта, волосы всклокочены, лицо бледно, как у мертвеца. Не издав ни звука и не бросив ни единого взгляда на мать и сестру, он, еле волоча ноги, прошел в задний угол комнаты и бросился ничком на кровать. Мать и сестра подбежали к нему и засыпали его вопросами. Прийду молча движением руки отстранял их от

себя. Наконец он вдруг поднялся, широко раскрытыми глазами посмотрел на мать с каким-то странным выражением боли и отчаяния и сказал совсем чужим голосом:

— Ввоммиввеввеввавимеяммы!

По лицу Прийду было ясно видно, что ему не до шуток. Женщины в испуге сжали руки.

— Что с тобой, сынок? — воскликнула мать, вся дрожа; у Май на глазах выступили слезы. — Что они с тобой сделали?

— Ввоммиввеввеввавимеяммы!

— Говори ясно!

Вместо ответа Прийду широко раскрыл рот и показал пальцем внутрь его. Тут только обнаружилось, что во рту у Прийду нет языка: из рта подстрекателя было удалено его главное оружие.

— Они отрезали тебе язык! — вскричали женщины в один голос и громко зарыдали. Прийду, болезненно поморщившись, кивнул головой и снова лег ничком.

В этот день ристиская Крыйт уже не могла превозносить доброту и великодушие немцев. Но в данном случае она была не права, умерив свои восхваления. Мы снова должны напомнить читателю, что законы давних времен нельзя сравнивать с нынешними. Карой за подстрекательство народа была мучительная казнь, и в описываемое время, когда в орденском государстве каждый день грозил восстанием, было действительно большой милостью, если судья даровал жизнь и свободу подстрекателю, вина которого была установлена, и ограничился тем, что изуродовал его.

Приближалась весна. В лесах снег еще местами держался, но с полей он уже давно сошел. В усадьбе Ристи, где обычно царили мир и радость даже в зимнюю стужу, теперь никто не замечал наступления весны. Люди жили точно в тяжелом оцепенении. Веселых бесед и беспечного смеха кузнеца здесь давно уже не было слышно. Прийду, убедившись, что его своеобразного языка никто не понимает, совсем онемел. Он уже не бродил по деревням, так как стыдился показываться людям; единственным местом, где он иногда появлялся, была кузница Виллу. Обычно же он целыми днями

валялся на кровати или сидел где-нибудь в углу и печально смотрел перед собой. И Май была всегда серьезна, часто грустна; ее единственной радостью были минуты, которые она тайком проводила у кузнеца, поддаваясь влиянию неистребимой жизнерадостности этого человека. Крыйт с нетерпением ожидала возвращения портного Флитергольда, но так как надежды ее не сбывались, она с каждым днем делалась все раздражительнее. Второй причиной ее озлобления было то, что комтур не принял ее с жалобой на кузнеца Виллу, а приказал объявить ей раз и навсегда, чтобы она не смела даже показываться у ворот замка.

Однажды Май отправилась в лес за подснежниками и... не вернулась. Уже наступили сумерки, а она все не возвращалась. Мать забеспокоилась и отправила Прийду со слугами разыскивать дочь. Они исходили лес вдоль и поперек, но Май не нашли. Когда они, уставшие от тщетных поисков, охрипшие от крика, вернулись домой, сердце матери наполнилось тяжким предчувствием несчастья. Оставалась последняя надежда — что Май одна пошла к Виллу и запоздала. Крыйт знала, что Май и кузнец иногда тайком встречаются, была этим очень недовольна, но, любя дочь, не решалась огорчать ее излишней строгостью. Кроме того, кузнец Виллу в глазах Крыйт был настолько грубым и достойным презрения человеком, что она считала любовь Май детским капризом, который со временем должен пройти сам собой. Но сейчас в голове Крыйт мелькнула страшная мысль о том, что кузнец, следуя древнему обычаю эстонцев, мог похитить Май.

Ристиская Крыйт тотчас же, несмотря на ночную темноту, отправилась вместе с Прийду и слугами к кузнецу. Виллу не оказалось; слуги заявили, что он еще рано утром куда-то ушел. Май никто не видел. Крыйт хотела тут же обыскать дом кузнеца, но домоправитель и подмастерья ей этого не позволили. Крыйт со своими спутниками осталась ждать за дверями. Ночь была теплая и темная. Легкий ветер шумел в верхушках деревьев. Временами были слышны крики совы и вой волков, и звуки эти больно отзывались в сердце Крыйт. Не стала ли Май добычей хищников?

Слуги задремали. Прийду, борясь со сном, в сотый раз обходил вокруг дома. Одна Крыйт неподвижно стояла перед дверью, чутко прислушиваясь к малейшему шуму и пристально глядя в темноту. Было уже далеко за полночь, когда наконец послышались тяжелые шаги кузнеца и знакомая фигура, казавшаяся в темноте особенно могучей, показалась из-за деревьев. Крыйт двинулась ему навстречу, смело схватила обеими руками кузнеца за грудь, попыталась даже тряхнуть его, что ей, однако, не удалось, и сказала голосом, хриплым от ненависти и боли:

— Ты, разбойник, куда ты девал мою дочь?

— Ристиская Крыйт! — воскликнул кузнец с безграничным изумлением: он скорее мог ожидать, что увидит у своей двери какого-нибудь стоголового крылатого дракона или самого черта, но не эту женщину.

— Да, ристиская Крыйт, и она тебя, злодея, не выпустит, пока ты не вернешь ей дочь, — прошипела несчастная мать.

— Что ты бредишь? Какую дочь ты от меня требуешь? — пробормотал кузнец, изумление которого сменилось испугом.

— У меня одна дочь, а теперь и она пропала. Что ты еще издеваешься надо мной, дьявол? Ты знаешь, где она. Выведи ее!

— Я уже несколько дней не видел Май, — ответил Виллу с дрожью в голосе, предчувствуя беду.

Крыйт поняла, что насилие и угрозы здесь не помогут, и, как это свойственно женщинам, вдруг перешла к мольбе.

— Милый, дорогой Виллу, не терзай сердце несчастной матери. Ты, наверно, похитил Марию, как невесту, по старинному крестьянскому обычаю. Я охотно тебе все прощу, если ты откроешь, где она сейчас. Не мучь меня, добрый Виллу! Бери что хочешь, только покажи мне единственный раз мою дочурку!

— Я не видел Май, — повторил кузнец сдавленным голосом.

В голосе его звучал такой искренний испуг и отчаяние, что наконец и Крыйт, как она ни была упорна в своих подозрениях, невольно поверила в его невинность.

— Значит, мою дочь растерзали хищные звери! — крикнула бедная мать и зашаталась, так что кузнецу пришлось поддержать ее. Крыйт скоро оправилась от своей слабости, велела кузнецу достать факелов и снова устремилась в лес искать следы дочери. Кузнец с подмастерьями отправились вместе с ней. Восемь человек с факелами в руках снова исходили лес вдоль и поперек; время от времени они окликали друг друга по имени, звали Май, останавливались, разглядывая какой-нибудь след, качали головой и продолжали настойчивые поиски. Лесные звери со страхом шарахались в чащу, сонные вороны каркали, негодуя на людей, нарушивших их покой. Заалела утренняя заря, но ни ристиская Крыйт, ни Виллу не чувствовали усталости и не замечали даже, что подмастерья и слуги еле волочат ноги и чуть не засыпают стоя. Один из слуг даже лег под густым кустом. Крыйт нашла его и так проучила, пустив в ход горящий факел, что слуга вскочил, испугавшись падающих искр, бросился бежать и без оглядки пролетел как стрела по меньшей мере шагов пятьсот.

Факелы погасли, всходило солнце. Вдруг кузнец Виллу стал громко звать всех к себе. Недалеко от усадьбы Ристи он нашел на снегу следы лошадиных копыт и среди них след человеческой ноги, величина и очертания которого ясно говорили о том, кому он принадлежал.

Это был след Май!

Других таких следов на снегу больше не было, а земля вокруг была твердая, сухая, усеянная еловыми иглами, так что легкие ноги Май на ней не могли оставить следов. Но следы лошади можно было кое-где различить и здесь. Именно на заснеженном пространстве всадник, как видно, повернул обратно, так как следы шли тут в двух противоположных направлениях, не достигая, однако, усадьбы Ристи. Прежде чем продолжать поиски, Крыйт отправила одного из слуг домой узнать, не вернулась ли Май. Слуга вскоре возвратился с вестью, что дома Май никто не видел.

Крыйт невольно посмотрела на кузнеца, ища у него помощи.

— Теперь дело ясно,— грустно сказал Виллу.— Май попала в руки разбойника, а разбойник, вероятно, не кто другой, как какой-нибудь рыцарь или владелец мызы.

— Тогда она жива! — воскликнула Крыйт почти радостно.

Один из слуг припомнил, что недавно видел молодого всадника, с виду немца, ездившего вокруг усадьбы и заглядывавшего через забор.

— Может быть, это был портной Флитергольд! — воскликнула Крыйт.

Но, по словам слуги, незнакомый всадник был человек высокого роста, с надменным лицом и длинными усами, одетый, как владелец мызы,— приметы, которые никак не отвечали облику низкорослого, тщедушного и веснушчатого портного.

— Не был ли это тот самый юнкер, который сопровождал комтура, когда увозили Прийду? — спросил кузнец.

— Вот-вот, я теперь припоминаю, где я раньше его видел,— ответил слуга, сияя.— Тот самый, ну да, конечно, он самый! Черт знает, как человек может иногда запоминать.

— Значит, похититель Май — не кто другой, как племянник комтура и его тезка — Госвин Герике,— произнес кузнец глухим голосом.

По лицу Крыйт нельзя было понять, обрадовала или опечалила ее эта новость, но она теперь только заявила, что устала до смерти и, предоставив мужчинам продолжать поиски следов, поплелась домой.

Мужчины пошли по следам лошади. Следы сначала вели по направлению к Вильянди, потом круто сворачивали влево; здесь они местами были видны ясно, местами опять исчезали и людям приходилось долго их отыскивать. На большой дороге следы оборвались, по другую сторону дороги их нигде не было видно. Кузнец отпустил всех спутников домой и один пошел дальше, по направлению к мызе Пуйду. По дороге он усердно расспрашивал в крестьянских избушках и у встречаемых, не видел ли кто-нибудь вчера мужчину и женщину верхом на одной лошади. В ответ люди с удивлением и улыбкой качали головой.

— Они, как видно, немного проехали по дороге обратно, а потом поскакали домой через лес, — заключил кузнец. — Но почему они были так осторожны?

Он охотно ворвался бы сейчас же на мызу Пуйду и напал бы на молодого господина, будь к тому хоть малейшая возможность. Но мыза Пуйду представляла собой, как и другие поместья в это тревожное время, настоящую крепость, с глубоким рвом, высоким валом и опускающимися воротами. Без вызова и без определенного дела туда никого не впускали, и кузнец вынужден был отступить с пустыми руками.

8

По всему орденскому государству в то время как бы прошла предутренняя холодная дрожь. Среди угнетенных народов — эстонцев, латышей, земгаллов и пруссов — память о былой свободе еще не совсем угасла. Они поняли, что позволяют угнетать себя несколькими сотням людей, давно уже утративших боевой дух своих предков — участников крестовых походов. Рабы повсюду начали поднимать голову и тайно готовиться к восстанию. У рыцарей, правда, было много богатств, войска и всевозможного вооружения, но много у них было и врагов. Русские — псковитяне и новгородцы, а также купцы ганзейских городов ненавидели рыцарей за захват торговых путей, за алчность и мошенничество в торговле; молодые литовские князья, мудрый Ольгерд и храбрый Кейстут, непрерывно с ними воевали; даже папы, жившие в то время во французском городе Авиньоне, угрожали начисто уничтожить орден за разорение церковных земель, пленение епископов и убийства их посланцев и не приводили своих угроз в исполнение только благодаря тому, что рыцари откупались крупными денежными пожертвованиями. При таком положении дел угнетенные народы могли надеяться на счастливый исход восстания.

Но у орденских рыцарей были зоркий глаз и острый слух. Как только они замечали, что где-либо среди крестьян возникают волнения, они еще сильнее

укрепляли свои неприступные города и замки, увеличивали войско и устрашали крестьян звоном оружия и суровыми наказаниями. Так были подавлены в самом зародыше волнения среди латышей, земгаллов и пруссов, да и у эстонцев Ливонии дело обстояло не лучше.

За неделю до Юрьева дня из Эстонии прибыл к кузнецу Виллу посланец и принес весть, что восстание должно начаться, как было намечено заранее, в ночь под Юрьев день. Кузнец покачал головой, зная мысли вильяндимааских крестьян, но все же созвал людей в развалины древней крепости и передал им требования посланца. Некоторые из крестьян, особенно молодые, сразу согласились, но большинство заколебалось, зная, что Вильяндиский замок кишит воинами и по всей округе размещены сильные отряды войск. Кузнец долго уговаривал и убеждал людей, чтобы они не пропускали подходящее время, когда все эстонцы впервые выступают единодушно и хоть сколько-нибудь можно надеяться на успех. Но у крестьян пропала всякая смелость; они остались равнодушны и под конец решили, что к войне хоть и надо быть готовыми, но следует выждать, пока не станет ясно, как идут дела у собратьев в Эстонии и на Сааремаа.

Так кончилась эта сходка; решение ее, возможно, имело большое значение для исторических судеб нашей страны.

Кузнецу хотелось немедленно одному отправиться к Тазуя, чтобы под его началом истреблять датчан и немцев. Но Виллу нужно было раньше справиться с одним личным делом, а истинному эстонцу его личные дела всегда важнее общественных.

Личным делом кузнеца было освобождение Май.

Май все еще не появлялась, но кузнец теперь знал определенно, что его голубка томится в когтях молодого, красивого ястреба. Дело в том, что Виллу поил своим самым дорогим вином одного из слуг с мызы Пуйду до тех пор, пока тот не выболтал тайну своего хозяина. Вообще ни владельцы мыз, ни орденские рыцари не считали похищение крестьянской девушки таким уж важным делом, чтобы особенно заботиться о сохранении тайны. Но молодой Герике, по словам слуги, так сильно влюбился в красавицу Май, что охра-

нял ее как зеницу ока и похищение ее скрывал от всех, точно какое-нибудь преступление, караемое смертной казнью. Кузнец Виллу много раз пытался проникнуть на мызу, но, казалось, именно его здесь больше всего опасались. Его не впускали, какие бы причины он ни приводил. Ночью он пытался перелезть через стену, но стража всякий раз его отгоняла. Тайная боль терзала сердце Виллу; день ото дня он становился все грустнее и то один, то с Прийду бродил вокруг мызы, тщетно надеясь, что ему случайно удастся хоть издали увидеть милое лицо Май.

Юрьев день миновал, и вслед за ним из Эстонии донесли страшные вести. Крестьяне в одну ночь истребили в сельских местностях почти всех немцев и датчан, поместья сожгли и соединились в большое войско, которое спешно направилось к Таллину. После этих известий и ливонские эстонцы то тут, то там пытались поднять восстание, но орденские рыцари легко справлялись с этими попытками; они сумели так утратить крестьян, что те еле осмеливались дышать и втайне надеяться на помощь своих более счастливых собратьев.

Кузнец Виллу день и ночь думал о спасении Май; думал так напряженно, что чуть не помешался, но верного пути все же не нашел. Работу он целиком поручил подмастерьям; шуток от него уже никто не слышал; вкус к еде у кузнеца пропал, а вино он пил только тогда, когда его мучила злая мысль, что Май его больше не любит.

Однажды кузнец вместе с Прийду отправился в Вильянди и после долгих колебаний снова решил поговорить с комтуром, но у комтура в это тревожное время было так много дел, что он не принял кузнеца. Вечером кузнец и Прийду сидели в корчме; вдруг послышался стук подъезжающей телеги и вошел слуга с мызы Пуйду, которого Виллу знал.

— Это ты подъехал? — спросил кузнец.

— Я, — гордо ответил слуга, — еду на паре лошадей.

— Почему так важно?

— Гроб везу домой из города.

— Кому гроб?

— Старику.

— Старик умер?

— Вчера вечером помер. Будь другом, угости!

— На, пей! А гроб можно посмотреть?

— Иди, смотри, если хочешь. Знатная штука, лучший городской мастер делал.

Кузнец и Прийду вышли. Широкая телега с гробом стояла перед корчмой под навесом. Гроб действительно был отличный, из крепкого дуба, искусной работы, на серебряных ножках и весь обильно разукрашенный серебром. Крышка была прибита гвоздями, но кузнец мигом ее поднял.

— Что ты делаешь? — пролепетал Прийду испуганно.

Кузнец ничего не ответил, измерил на глаз длину гроба, кивнул головой и внимательно огляделся вокруг. Уже почти стемнело, дорога была безлюдна.

— Теперь я знаю, что делать, — сказал Виллу тихо. — На, возьми деньги, уплати корчмарю, угости слугу, постарайся еще немного задержать его в корчме и уговори, чтобы он подвез тебя на телеге по направлению к мызе Пуйду. Там спрячься на опушке леса и жди, пока не услышишь трехкратное карканье вороны. Ты отзовись тем же, потом уж мы найдем друг друга. Когда я влезу в гроб, ты опять крепко закрой крышку.

Прийду на своем странном языке дал другу понять, что считает его сумасшедшим. Кузнец так привык к речи Прийду, что понимал каждое его слово; с ним Прийду не стеснялся говорить, в то время как при людях оставался нем. Но сейчас кузнец как будто ничего не понимал — ни того, что Прийду считает его помешанным, ни того, что Прийду сам хочет влезть в гроб. Кузнец еще раз осторожно огляделся — нет ли где-нибудь свидетелей его отчаянной проделки, — и влез в гроб; к счастью, покойный владелец мызы Пуйду был одним из самых тучных великанов Вестфалии.

— Ты хорошо помнишь все, что я тебе сказал? — спросил кузнец из-под крышки.

Прийду печально кивнул головой.

— Тогда прикрой крышку.

Прийду сделал жалобную мину, еще раз пожал руку друга и... исполнил приказание.

Входя в корчму, он дрожал как осиновый лист; но мы можем с уверенностью сказать, что этот сорвиголо-ва нисколько не дрожал бы, если бы его самого живым положили в гроб.

Вскоре кузнец услышал, как Прийду и полупьяный слуга вышли из корчмы. Слуга долго без всякой причины ругал лошадей, громко смеялся тому, что Прийду, как немой, объясняется знаками, начал бранить кузнеца, который скрылся точно вор, и, наконец, благосклонно разрешил Прийду сесть на край телеги. Повозка, дребезжа и раскачиваясь, потянулась дальше по ухабистой дороге.

Грохот и тряска продолжались целый час. При сильных толчках кузнецу казалось, что телега вот-вот опрокинется, гроб раскроется и задуманное им дело сорвется. Когда дорога была мягкая, песчаная и телега двигалась тихо, у кузнеца было такое чувство, будто он умер и похоронен; дыхание замирало в его груди и кровь застывала в жилах. Тогда кузнец бил руками о стенки гроба, тер себе грудь, глубоко вздыхал и чувствовал, что кровь у него горячо и быстро струится по жилам, что он живой человек; и в душу его снова вселялись сознание силы и отвага, которых не мог сломить даже страх смерти.

Наконец телега остановилась, и Виллу услышал глухой шум, будто цепями поднимали какой-то тяжелый предмет. Телега двинулась и вскоре опять стала. Храброе сердце кузнеца сильно забилося. Он понял, что телега въехала во двор мызы Пуйду. Настал час борьбы, а может быть, и смерти! Виллу слышал шум шагов и голоса. Чей-то голос приказал отнести гроб в большой зал. Гроб немного приподнялся, но сразу же с треском опустился.

— Ох, чтоб его, какой тяжелый! — удивился кто-то. — Свинцовый, что ли?

— Чистый дуб, — пояснил другой голос, — но они налепили на него кучу серебра, оттого он такой тяжелый.

— Вот куда они швыряют дорогое серебро! — проворчал третий.

— Давай снимем крышку, тогда легче будет нести, — посоветовал четвертый.

Несколько человек стали возиться с крышкой гроба. У кузнеца сердце громко забилося. Гвозди уже начинали сдавать. Кузнец увидел сквозь щель свет факелов. Сердце его замерло...

— Что вы там так долго возитесь? — закричал издалека чей-то суровый голос. — Сейчас же берите гроб на плечи и несите в дом!

— Он страшно тяжелый, мы хотим снять крышку, — ответили люди, стоявшие около телеги.

— Ах вы, лентяи! — крикнул первый голос. — Где кнут? Уж я вас заставлю шевелиться! Они, негодяи, вздумали ломать господскую вещь. С ума спятили!

Не успел еще говоривший произнести эти слова, как крышка гроба была одним ударом снова плотно прикрыта, гроб приподнялся, чуть было опять не упал и, наконец, на плечах пыхтевших людей медленно двинулся вперед, должно быть, вверх по лестнице, так как ноги кузнеца некоторое время глядели прямо в небо; затем гроб был поставлен в каком-то помещении, где шаги слуг отдавались гулко. Кузнец услышал еще раз, как ругались люди, уставшие от тяжелой ноши, потом отзвук их шагов затих вдали. Вокруг гроба воцарилась тишина.

Кузнец уперся ладонями в крышку гроба, еще раз чутко прислушался, потом одним усилием поднял верхний конец крышки; он оказался в большом сводчатом зале, гроб стоял на высоком постаменте. Единственная лампа, свешивавшаяся в углу с потолка, проливала скудный свет; людей нигде не было видно, но за стеной раздавались голоса и шум шагов. Виллу с быстротой молнии совсем открыл крышку, выбрался из гроба, снова опустил крышку и на цыпочках побежал к одной из дверей, за которой стояла тишина. Он уже взялся было за ручку, как вдруг взгляд его упал на другую стену, где висело всевозможное оружие. Оно так сильно притягивало к себе бывшего воина, что кузнец, невзирая на опасность, подбежал к стене и схватил тяжелый рыцарский меч. В два-три огромных прыжка он вернулся к двери и уже выходил, когда в другом конце зала скрипнула дверь и громкий голос крикнул:

— Кто там?

Виллу и не подумал ответить, даже не повернул головы, а затворил за собой дверь и двинулся вперед неслышными шагами. Он находился в длинном темном сводчатом коридоре. Ощупью, наугад кузнец двигался все дальше. Вскоре он споткнулся о какой-то предмет и, ощупав его, установил, что это нижняя ступенька каменной лестницы. Он взбежал по лестнице и попал в круглую комнату; при тусклом свете, проникавшем через высокое, узкое окно, он разглядел две двери, из которых одна вела на балкон, другая — неизвестно куда. У второй двери кузнец остановился и посмотрел в замочную скважину. За дверью чернела непроглядная тьма, но кузнецу показалось, что оттуда доносится гул голосов. Некоторое время он колебался — войти ему наугад в эту дверь или спрятаться на балконе и ждать. Он слышал, что на мызе Пуйду жилые комнаты женщин находятся на втором этаже, поэтому предполагал, что и Май держат здесь. Кузнец чувствовал, что любимая девушка где-то тут, близко, и ему так захотелось увидеть ее, что он совсем потерял терпение.

Дверь со скрипом отворилась, и кузнец вошел в узкую комнату; здесь было совсем темно, и лишь впереди виднелась слабая, тонкая полоска света, пробивавшаяся, как видно, сквозь замочную скважину. Кузнец поспешил туда, заглянул в скважину и, хотя ничего не увидел, так как в замке торчал ключ, но услышал ясно женские голоса, все еще доносившиеся издалека: у кузнеца перехватило дыхание, ему показалось, что он узнал голос Май.

Он попытался нажать ручку двери осторожно, но возбуждение его было так сильно и напряжение так велико, что он не мог как следует управлять своими движениями. Дверь отворилась с легким скрипом, и кузнец очутился в красивой комнате, стены которой были украшены резьбой по дереву. С разрисованного потолка свешивалась стеклянная лампа, струившая слабый свет. В задней стене виднелась отворенная дверь, а за ней — другая освещенная комната. Там оживленно беседовали между собой две женщины; одна из них, судя по голосу, была Май. В одно мгновение Виллу затворил за собой дверь и спрятался за большой печью, стоявшей в углу около двери.

— Кто там? — спросил из задней комнаты женский голос, также показавшийся кузнецу знакомым; он напряг память и понял, что это была фрейлейн Адельгейд Герике, племянница вильяндиского комтура и сестра теперешнего владельца мызы Пуйду.

— Кто там? — повторила Адельгейд, когда на первый вопрос ответа не последовало.

С минуту в обеих комнатах царила глубокая тишина.

— Мне становится страшно, — сказала Адельгейд испуганно. — Ты не побоишься заглянуть туда, Май?

Кузнец услышал звук легких шагов.

— Там нет ни души и дверь закрыта, — сказала Май, возвращаясь.

— Но я ясно слышала, как дверь отворилась и опять закрылась, — удивленно заметила Адельгейд.

— И мне так показалось, но, должно быть, мы ошиблись, это был какой-то другой звук, — ответила Май.

— Ты думаешь?

— Что же может быть другое, фрейлейн Адельгейд?

— А по-моему, дверь все же кто-то открывал, и это была, наверно, дочь привратника — она вечно подглядывает и подслушивает, когда где-нибудь говорят. Завтра я велю выпороть ее розгами.

— Дорогая фрейлейн, я вас не понимаю.

— Как так?

— Вы всегда добры и ласковы, как ангел; неужели вы можете допустить, чтобы человека избивали?

— Ты бредишь, Май! Разве раб может жить без розог? Они ему так же необходимы, как хлеб насущный.

— Кто это вам сказал?

— Все говорят.

— Милая фрейлейн, вы умнее меня и, может быть, вы правы; но все-таки я от всего сердца прошу вас не наказывать дочь привратника.

— Ох ты, кроткая душа! — весело рассмеялась Адельгейд. — Кто может устоять против твоих просьб? На этот раз она наказана не будет, но зато в следующий раз получит вдвойне.

Тон у Адельгейд был такой сердечный и невинный, голос такой мягкий и нежный, что никто не мог бы усомниться в доброте ее сердца.

— Наша беседа была прервана,— сказала Адельгейд.— Итак, мой брат твердо надеется, что ты все же полюбишь его.

— Не полюблю,— тихо ответила Май.

— Ты же знаешь, Май, я не одобряю того, что брат Госвин силой держит тебя здесь взаперти, но чем я могу помочь? Он говорит, что не может жить без тебя и хочет впоследствии, когда поедет в Германию, жениться на тебе. Здесь это невозможно: законы нашей страны не позволяют, чтобы человек из немецкого рыцарского рода женился на эстонке. Но я не верю, что ты действительно крестьянка. У тебя такие тонкие черты лица и нежное тело, что мало кто из рыцарских дочерей может с тобой сравниться. Ни телом, ни душой ты не похожа на крестьянку. У тебя такой же благородный образ мыслей и такая же гордая душа, как у меня. Госвин, наверное, тебе не совсем уж неприятен, но ты еще не хочешь в этом признаться. И я сама могла бы, если бы меня вдруг похитили, полюбить своего похитителя, но ему никогда не удалось бы услышать от меня ласкового слова... Но ты ничуть не краснеешь! Неужели возможно, чтобы ты совсем не думала о Госвине? Ведь таких красивых, сильных и благородных мужчин на свете очень мало. Я за всю свою жизнь видела только одного человека, который своей мужественной красотой мог бы сравниться с моим братом или даже затмить его.

— Должно быть, это какой-нибудь иноземный рыцарь? — спросила Май.

— Нет. Он живет в наших владениях.

— Не думаю, чтобы кто-либо из наших рыцарей или владельцев поместий мог превзойти вашего брата,— уверенно сказала Май.

У Виллу, который все это слышал, вдруг защемило сердце.

— Человек, о котором я думаю, не рыцарь и не владелец мызы,— пояснила Адельгейд с легкой грустью.

— А кто же он в таком случае?

— Я могу тебе только сказать, что он самый красивый и сильный человек в нашей стране.

— Самый красивый и сильный? — спросила Май с некоторым сомнением и чуть насмешливо.

— Самый красивый и сильный, — повторила Адельгейд убежденно. — Я видела его только несколько раз мимоходом, но не могу позабыть его. Я не смею думать о нем и всегда отворачиваюсь, если, проезжая, нечаянно его увижу, но образ его все время у меня перед глазами.

— Значит, он живет близ большой дороги? — робко спросила Май.

— Он живет недалеко от нас... Но почему ты так побледнела и глаза твои полны страха?

— Мне показалось, что из той комнаты донесся какой-то шорох, — пролепетала Май.

— Неужели ты так пуглива? Там ведь никого нет... Послушай, Май, за то, что я исповедалась тебе в своих грехах, ты должна мне сказать, кого ты любишь.

— Никого.

— А почему ты краснеешь? Не отпирайся зря. Боишься, что я все расскажу брату и тем навлеку беду на твоего возлюбленного? Напрасные опасения. Хочешь, я сама опишу тебе, как выглядит человек, которого ты любишь? Он шести футов ростом — правда? Светлые вьющиеся волосы, открытый белый лоб, лицо правильное и свежее, глаза голубые, всегда веселые и лукавые, нос тонкий, рот маленький, нежный, как у женщины, борода густая, темнее волос, стан высокий, могучий, но прекрасный, как каменное изваяние какого-нибудь героя, каждая мышца налита силой, руки и ноги непомерно большие и мощные... Одним словом — ты любишь кузнеца Виллу!

Из комнаты послышался легкий drobный звук, словно там уронили какие-то мелкие стеклянные предметы.

— Вот беда, шкатулка разбилась и все бусы рассыпались! — с сожалением сказала Май.

— Оставь их! — крикнула Адельгейд. — Не наклоняйся, покажи мне твое лицо!

— Погодите, погодите, я соберу бусы...

Кузнец услышал тихую возню и смех Адельгейд, но смех этот звучал неестественно и невесело. Возня вскоре прекратилась.

— Зачем мне скрывать? — произнесла Май с гордым спокойствием. — Да, я люблю кузнеца Виллу и не только за его силу. Вы подробно разглядели, как он выглядит внешне, и думаете, что узнали его? Вы не знаете его, потому что не знаете его души. А я знаю, что он не только превосходит всех рыцарей внешней красотой, но что он самый честный, самый храбрый, самый приятный человек на свете. Кто хоть раз заглянул в его золотое сердце, тот уже не сможет полюбить никого другого.

— Но ведь он ни разу даже не попытался освободить тебя, — заметила Адельгейд чуть насмешливо.

— Это лишь показывает, что он еще не знает, где я сейчас нахожусь. И дай бог, чтобы он этого никогда не узнал!

— Почему?

— Он не нашел бы себе покоя, пока не освободил бы меня или сам не погиб.

— Мне нравятся смелые мужчины. Хотелось бы мне знать, хватит ли у твоего кузнеца храбрости проникнуть сюда и вырвать тебя из пасти льва?

— А я этого не хочу, так как люблю его больше, чем... вы!

— Тише, тише, ради бога! — испуганно шепнула Адельгейд. — Мне кажется, сюда идут.

Действительно, в дверях передней комнаты кто-то появился. Кузнец прижался поглубже в угол за печью. Вошла служанка и сообщила, что сейчас тело старого господина будут класть в гроб, поэтому молодой хозяин просит барышню спуститься вниз. Несколько минут были слышны только легкие шаги и шуршание женского платья. Как видно, фрейлейн Адельгейд прихорашивалась и надевала драгоценности.

Вскоре послышались другие, более тяжелые шаги — кто-то вошел в дверь и направился в заднюю комнату. Кузнец слышал, как молодой владелец замка сказал:

— Ты еще не готова, сестренка? Особенно наряжаться не надо, гостей мало, а молодых и вовсе нет.

Фрейлейн Адельгейд быстро закончила свои приготовления и вышла вместе с девушкой. Госвин и Май остались одни. Кузнец стиснул зубы.

— Видишь, Май, что ты со мной сделала, — сказал Госвин с упреком. — Я не злой и не бездушный человек; между тем, сейчас кладут в гроб моего отца, а я не пролил еще ни единой слезы и ни разу даже не подумал о своем горе. Ты околдовала меня так, что я и во сне вижу только тебя. Почему ты мучишь меня так безжалостно?

Май ничего не ответила.

— Будь со мной хоть немного ласкова и сердечна, и я стану самым покорным твоим слугой, — продолжал Госвин. — Приказывай что хочешь, и все тотчас же будет исполнено. Ты будешь всегда одета в шелк и бархат, лучшие лошади будут носить твое нежное тело и самые гордые рыцари будут склоняться перед тобой... Дорогая Май, за один только поцелуй...

— Оставьте меня в покое! — крикнула Май.

— Я не могу тебя оставить в покое! — с жаром воскликнул Госвин. — Тебе не уйти от меня, так же, как и мне не освободиться от твоих чар. Скажи, хочешь ты быть моей женой? Хочешь? Скажи что-нибудь, все равно что!

— Отпустите меня домой!

— Не могу, Май, не могу, не могу. Посмотри на себя в зеркало и скажи сама, может ли какой-нибудь мужчина по доброй воле проститься с таким сокровищем? Если я тебе не угоден, то ты не должна принадлежать и никому другому. О Май, как ты несказанно прекрасна! Я мог бы обнимать и целовать тебя вечно...

По шуму, донесшемуся из комнаты, можно было догадаться, что предприимчивый юнкер хотел тут же положить начало этой «вечности», но Май изо всех сил оттолкнула его, и прежде чем влюбленный рыцарь снова успел пойти на приступ, чей-то кулак, тяжелый, как железный молот, опустился на его голову и Госвин, оглушенный, рухнул на пол.

— Пойдешь со мной? — спросил кузнец Виллу.

— Пойду, — ответила Май.

— Нет ли тут где-нибудь потайной двери, через которую можно бежать?

— Нет.

— Тогда идем — будь что будет!

Кузнец левой рукой поднял Май, как беспомощного ребенка, правой схватил меч и бросился на балкон. Внизу, на расстоянии нескольких футов, шла стена, окружавшая двор. Прыгать было опасно. Если бы даже беглец не переломал себе ноги на гребне стены, то, упав с нее, наверняка свернул бы себе шею.

— Отважишься ли ты рискнуть своей жизнью? — шепнул кузнец, указывая вниз.

— Без тебя я не хочу жить, — тихо ответила Май.

Кузнец крепко прижал к себе девушку, выбрался на край балкона, присел и спрыгнул вниз. Ноги его испытали страшное сотрясение, но он благополучно устоял на стене.

— Эй, кто там? — раздался в темноте чей-то голос, и на гребне стены послышался шум быстро приближающихся шагов. Это, как видно, был ночной страж, охранявший стену. Во дворе залаяли собаки. Кузнец

спрыгнул со стены и остановился перед глубоким рвом, на дне которого мутно поблескивала вода. Надо было преодолеть и эту преграду. Виллу сбегал вниз и смело вошел в воду; дно было мягкое и сильно отлогое. Вода доходила Виллу до самых подмышек, и он уже готовился было пуститься вплавь, как вдруг дно снова стало повышаться. Переход по вязкому дну рва занял много времени. Когда беглецы достигли другого берега рва, во дворе мызы уже поднялась тревога. Кузнец побежал по открытой поляне прямо к лесу. На опушке он на миг остановился и каркнул три раза по-вороньему. Ему где-то совсем близко ответили таким же криком. Вскоре затрещали сухие ветки, и Прийду, точно призрак, появился из-за кустов.

— Опusti меня на землю,— шепнула Май.

— Нет, сейчас нельзя терять времени,— ответил кузнец и огромными прыжками устремился в лесную темноту.

Бедный Прийду! Такого бега он еще никогда в своей жизни не знал. У него не было никакого груза, кроме крепкой дубинки, и все же он лишь с большим трудом поспевал за кузнецом: драгоценная ноша не только не обременяла Виллу, но окрыляла его шаг!

9

Беглецы пробежали, наверное, шагов с тысячу, как вдруг кузнец заметил, что Прийду отстал.

— Прийду, эй, Прийду! — крикнул кузнец, останавливаясь и оборачиваясь. Издалека донесся страдальческий стон. Виллу поспешил туда и увидел, что Прийду стоит, прислонившись к дереву, и трет себе бока. Он так запыхался, что не мог издать ни звука. Но его несвязанных речей и не требовалось; и так было видно, что Прийду страшно устал и что его мучит болезненное колотье в груди. Он знаками показал, чтобы кузнец и Май уходили, а его оставили здесь.

Кузнец колебался; но Май твердо заявила, что еле живого брата не оставит одного в когтях преследователей и хищных зверей. Как известно, женщины бывают смелее льва, когда в них говорит великодушие и со-

страдание. Будет ли от их помощи польза или вред, будет ли хорош или плох поступок, вызванный их взволнованным чувством, — он все равно должен быть совершен.

Поэтому пришлось выполнить желание Май и ждать, пока Прийду сможет продолжать путь. Виллу только теперь поставил Май на землю; он отправился на поиски места, где они могли бы спрятаться, и нашел хорошее укрытие в высоком, густом кустарнике, куда можно было проникнуть только с одной стороны через узкий проход.

Май и Прийду сели там на землю, а кузнец остался на страже у входа в заросли. В лесу завывал сильный ветер; он разогнал густые облака, покрывавшие небо, и сквозь них пробился бледный свет луны. Ее лучи с любопытством заглянули в укрытие беглецов, заиграли волшебным блеском на иглах сосен, усеяли лес таинственными тенями.

Вдруг Виллу показалось, что издалека доносится резкий, отрывистый лай собак. Он прислушался и понял, что лай приближается со стороны мызы Пуйду. Холодная дрожь прошла по телу кузнеца. Май и Прийду подошли к нему. Все трое в немом испуге смотрели друг на друга; все трое поняли, что это означает: преследователи гнались за ними с охотничьими собаками!

— Теперь нет смысла бежать дальше, — сказал кузнец. — Если собаки напали на наш след, нам от них не уйти. А если собаки нас не учуют, мы тут хорошо спрятаны и можем надеяться, что преследователи пройдут мимо. Если же они все-таки нас найдут, я с мечом в руке буду защищать вход в укрытие; с других сторон сюда никто не попадет. А вы молчите и не шевелитесь.

— Лучше сразу отдай меня им, тогда они вас не тронут, — попросила Май.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся кузнец тихо, но от всего сердца. — Что это за мужчина, который добровольно отдает похитителям свою невесту? Это никуда не годится... Едут! Я слышу топот копыт... Поцелуй меня, Май... Вот так. Теперь ты моя любимая жена. Пусть теперь попробуют прийти! Не легко будет им сделать тебя вдовой. Прячьтесь!

Собаки, таякая, окружили кустарник и начали обнюхивать его. За ними со страшным треском и шумом со всех сторон появились всадники; они громким охотничьим кличем науськивали собак, чтобы те продолжали поиски. Перед входом в заросли псы, бежавшие впереди, залаяли сильнее, но в тот же миг с воем покатились по земле. Всадник, первым увидевший кузнеца и собиравшийся было открыть рот для победного клича, слетел со вставшей на дыбы лошади, как сраженный молнией. Человек десять всадников тотчас же собрались вокруг него. Луна в эту минуту выглянула из-за туч и насмешливо улыбнулась, увидев, как целый отряд всадников нападает на одного пешего, а тот и не думает бежать.

— Стойте! — грянул Госвин Герике, которого Виллу, к своему изумлению, увидел целым и невредимым среди других всадников. — Послушай, кузнец, зачем ты убил моего человека?

— По твоей вине, — ответил кузнец.

— Дерзкими словами ты увеличиваешь свою вину, — произнес Госвин с надменным спокойствием. — Ты заслужил тяжкое наказание, ибо, как вор, проник в чужой дом, поднял руку на человека рыцарского рода и похитил девушку. За эти преступления по закону трижды полагается смертная казнь. Если ты хочешь хоть немного облегчить наказание, то немедленно возврати похищенную девушку и без сопротивления дай себя связать.

— Чего ты тратишь попусту свои красивые слова? — ответил кузнец, теряя терпение. — Ты не настолько глуп, чтобы надеяться запугать меня ложным толкованием закона. Ты сам знаешь, что похититель не я, а ты. Я хочу спасти несчастного человека от разбойников, и это поступок не противозаконный, а похвальный.

— Не возбуждай во мне гнева, кузнец! — сказал Госвин более сурово. — Разве ты не понимаешь, что я желаю тебе только добра? Ты можешь быть сто раз прав, но перед законом ты виновен. Ты считаешь себя хитрецом и хочешь быть умнее закона. Доброта моего дяди сделала тебя дерзким. Не забывай, что между мной и тобой огромная разница. Мне жаль тебя.

— Тогда проливай слезы, а не болтай зря,— проворчал Виллу.— Я человек справедливый и никогда никого не обижаю, а он, шалопай, вздумал меня поучать, как малого ребенка! Скажи на милость!

Тут сброшенный с лошади слуга пришел в себя и привстал: кузнец, оказывается, нанес ему удар по голове, повернув меч плашмя.

— Видишь, твой человек невредим,— сказал Виллу.— Теперь тебе нечего больше требовать от меня, молодой господин. Отправляйся домой и ложись спать.

— Куда ты девал Май? — вскричал Госвин с возрастающим гневом.

— Ищи сам,— ответил кузнец.

— Говорю тебе в последний раз: отдай девушку — и я подарю тебе жизнь!

— А я говорю тебе: если ты не оставишь девушку в покое, я тебе жизнь не дарую.

— Держите его! — рявкнул Госвин.

Слуги направили лошадей прямо на кузнеца. Но первые две лошади тут же упали с размозженными головами и придавили собой всадников. Видя, что кузнец, защищенный с трех сторон кустарником, может перебить всех лошадей, прежде чем его поразит чей-либо меч или копье, Госвин приказал слугам спешиться и снова напасть на Виллу. Госвин был, как все знали, храбрым человеком, но — то ли из гордости, то ли из какого-то суеверного страха — он не хотел сам выступить навстречу страшным ударам кузнеца. Одни слуги были вооружены мечами, другие пиками, но одновременно нападать на Виллу они могли только по двое. Первые двое слуг попытались поразить его пиками, но пики разлетелись в куски, и слуги со страхом отступили; следующие двое, выступившие с мечами, вскоре упали, окровавленные, к ногам кузнеца. Остальные не решались приблизиться к нему и лишь издали грозно потрясали оружием. Они охотно подожгли бы кустарник, если бы Госвин, боявшийся за жизнь Май, не запретил им это. Видя, что прямым нападением кузнеца не одолеть, Госвин тайком приказал трем слугам прорубить дорогу в заросли с противоположной стороны. Виллу понял это коварное намерение, и его охва-

тил сильный гнев; он охотно напал бы на подлого рыцаря, если бы не опасался, что в это время слуги проникнут в убежище Май и Прийду. Он попытался язвительными намеками вызвать рыцаря на схватку.

— Позор тебе, Госвин Герике! — крикнул Виллу, презрительно усмехаясь. — Девушек красть ты умеешь, а выступить против мужчины у тебя духу не хватает. И этакий трус смеет думать о моей Май? Жаль, что она сама не может посмотреть, как у тебя от страха трясутся все поджилки. Если б она это видела, ей в следующий раз защиты против тебя и не понадобилось бы... Она прогнала бы тебя розгами или велела бы своей скотнице задать тебе хорошую трепку, чтобы ты больше не показывал свою глупую рожу.

Это подействовало. Госвин молча сошел с коня и решил собственноручно покарать дерзкого насмешника. Мечи скрестились. Оба бойца были сильные и искусные воины, но, хотя кузнец и устал, его мощные удары сыпались с такой быстротой, что Госвин сперва и думать не мог о нападении, а с большим трудом успевал лишь защищаться. Слуги сбежались к нему на помощь и начали с двух сторон пиками осаждать кузнеца. Будь на месте кузнеца человек рыцарского рода, Госвин, вероятно, с презрением отверг бы помощь слуг; но сейчас это ему и в голову не приходило. У себя за спиной Виллу слышал треск сучьев и звон мечей; это слуги прорубали дорогу через кустарник.

Слуга, первым попытавшийся проникнуть в укрытие, получил от Прийду такой удар дубиной по голове, что свалился оглушенный; но остальные напирали сзади, и дубина Прийду долго не устояла бы против их мечей и пик.

По шуму за своей спиной кузнец понял, что дело принимает плохой оборот. Перед смертью он хотел защитить Май собственным телом и поэтому резко отскочил в глубь кустарника. Оглянувшись, он увидел, что Прийду, окровавленный, без шапки, с львиной храбростью отбивается дубинкой от двух слуг, вооруженных мечами. Май стояла в середине убежища мертвенно-бледная, но глаза ее пылали.

Госвин, с трудом избежавший смерти, вместе со слугами ворвался вслед за Виллу в укрытие. Кузнец и Прийду, став друг к другу спиной, готовились к последнему бою.

— Рыцарь Госвин, остановитесь! — раздался вдруг, заглушая шум, звонкий голос Май.

— Стойте, слуги! — прогремел Госвин и шагнул к девушке.

В руках Май блеснул нож.

— Не подходите ко мне, дайте мне сказать! — воскликнула она, сверкая глазами.

Госвин остановился. Звон оружия затих.

— Если вы дадите моему брату и кузнецу Виллу свободно уйти отсюда, я ваша душой и телом, — ясным и твердым голосом сказала Май.

— Разве я могу оставить преступника безнаказанным? — проворчал Госвин.

— Если вы этого не сделаете, я вонжу нож себе в грудь, — сказала Май.

— погоди! — крикнул Госвин испуганно. — Пусть будет по-твоему.

— Обещаете это своим рыцарским словом?

— Обещаю и клянусь. Слуги, дайте им дорогу!

— Тогда я твоя, — шепнула Май, падая на грудь Госвина.

— Это что за шутки? — прогремел кузнец. — Пусть даже девушка с ума сошла — я все равно не позволю ее увести.

Виллу хотел снова напасть на Госвина, но Май встала между ними и произнесла холодно и надменно:

— Оставь меня в покое, кузнец! Я могу поступать как хочу. Если я хочу его любить, а тебя презирать — это не твое дело. Отныне наши пути расходятся.

— Неужели ты действительно его любишь? — вскричал кузнец.

— Люблю. Иди своей дорогой и не смей больше думать обо мне. Я презираю тебя. Слышишь? Я презираю тебя... Прощай, Прийду. Ты не хочешь подать мне руку? Ну что ж, пусть будет так. Пойдем, мой милый рыцарь.

Меч выпал из рук кузнеца. Он стоял как столб и широко раскрытыми глазами смотрел, как Госвин

поднимает Май к себе на лошадь; слуги подобрали своих раненых и убитых товарищей; и отряд медленно скрылся за деревьями. Из глаз кузнеца капали слезы, но он этого не замечал.

— Теперь я свободен и могу идти воевать, — пробормотал он, вытирая глаза.

Перестав плакать, он увидел, что Прийду лежит на спине и... спит. Луна ярко освещала лицо спящего; брови его и во сне были гневно сдвинуты. Кузнец испугался — ему показалось, что он видит призрак: Прийду в этот миг был как две капли воды похож на Госвина Герике!

Качая головой, Виллу опустил на колени подле спящего и стал осторожно осматривать рану на его голове. Рана оказалась легкой, кровь уже не текла. Прийду вскоре открыл глаза и сел.

— Ушли? — спросил он на своем языке.

— Ушли, — тихо ответил кузнец. Голос его прерывался, голова кружилась.

— Слушай, Виллу, как ты мог любить такую гадину?

— Кого?

— Эту... девчонку.

— Не говори глупостей... Больно тебе?

— У меня ничего не болит, только голова тяжелая, да и устал я.

— Пойдем, я отнесу тебя домой.

— Не смейся надо мной, я не ребенок.

С этими словами Прийду встал и пошел, шатаясь. Виллу поддерживал его, говоря, что так теплее идти, — иначе Прийду отказался бы от его помощи. Ценного рыцарского меча кузнец с собой не взял, это теперь в его глазах была краденая вещь.

Было далеко за полночь, когда они достигли усадьбы Ристи, разбудили хозяйку и рассказали ей обо всем случившемся.

— Если Май любит рыцаря и сама захотела пойти с ним — что ж тут поделаешь? — равнодушно сказала Крыйт.

— Ты теперь видишь плоды своего воспитания? — спросил кузнец печально. — Своими ложными

поучениями и пристрастием к чужеземцам ты совсем помutilа рассудок у бедной Май: она уже не знает разницы между честью и бесчестьем и сама стремится к гибели.

— А что ж она, собственно, должна была сделать?

— Лучше смерть, чем позорная жизнь.

— Умирай сам, если смерть тебе так уж сладка. Ты, мужик, и не знаешь, что такое честная или бесчестная жизнь. Ты что, считаешь себя лучше рыцаря Госвина? По-моему, во сто раз почетнее жить в роскошном замке, чем в лачуге крепостного раба. Если Мария это наконец поняла, значит, она вовсе не такая сумасшедшая, как ты думаешь. Поделом тебе! Впредь не суй свой дурацкий нос в чужие дела... Ох! Что это с ним такое?

Последние слова относились к Прийду — тот вдруг вскочил и горящими глазами уставился на мать. Из безъязыкого рта Прийду вырывалась речь, которой мать не понимала; но по его угрожающему и гневному тону можно было догадаться, что он отнюдь не осыпает мать благословениями. Позаимствуем же у кузнеца его уши и послушаем, что говорит Прийду.

— С этого дня ты мне не мать. У меня нет ни матери, ни сестры. Сестра с восторгом бросается в пучину позора, и мать это одобряет! Будьте же вы обе прокляты! Я скорее погибну от голода и холода, чем еще раз ступлю под этот кров... Идем, кузнец!

Прийду взял Виллу за руку и вывел его из дома.

— Прийду, а Прийду, что с тобой? — кричала мать в отчаянии. — Куда ты идешь ночью?.. Черт бы побрал этого кузнеца!

Крыт выбежала во двор, но ей удалось услышать только стук ворот.

— Прийду! Милый Прийду! За что ты на меня сердишься? Почему ты бежишь от меня? Я не сказала тебе ни единого дурного слова... Милый, дорогой сынок, вернись! Прийду!

— ...ийду! — отозвалось лесное эхо.

Крыт оперлась о косяк двери и громко зарыдала.

С этого дня кузнец и Прийду исчезли. Подмастерья говорили, что хозяин, видно, опять уехал в чужие края. Это известие не удивило людей, знавших привычки кузнеца. Но когда прошли весна, лето и осень, а кузнец все не возвращался, дело стало казаться странным.

К этому времени счастье стало покидать восставших эстонцев. Они, правда, истребили почти всех чужеземцев в Эстонии и на Сааремаа, взяли несколько укрепленных замков и начали крупными силами окружать Таллин и епископский замок в Хаапсалу. Но тут немногие случайно уцелевшие владельцы мыз и датский правитель обратились за помощью к ливонскому ландмейстеру. Тогдашний ландмейстер Бурхард фон Дрейлебен был готов им помочь. Он опасался, что в орденских землях возникнет такое же восстание, если крестьяне Эстонии действительно освободятся от чужеземного ига.

Ландмейстер с многочисленным войском поспешно направился к Таллину и в кровавом бою разбил эстонцев, прежде чем запоздавшие шведы из Финляндии и русские из Пскова подоспели к ним на помощь; эстонцы, около десяти тысяч человек, почти все пали в бою, в том числе и Тазуя, душа этого восстания и для эстонцев — последняя звезда на небесах надежды.

Но и войско орденских рыцарей настолько растаяло в этой битве (хотя немецкие историки это и отрицают), что ландмейстер не смог сразу полностью подавить восстание. Из Таллина он направился в Ляэнемаа; хотя он и заставил эстонцев отступить от Хаапсалуского замка, те снова собирались в лесах и в любую удобную минуту снова нападали на немцев. Сааремасцы же освободились полностью и избрали себе «короля».

Осенью глава Тевтонского ордена гохмейстер Лудольф Кениг послал на помощь ландмейстеру Ливонии сильное войско. Начальник этого войска комтур Хинрик Дусмер получил строгий приказ немедленно истребить всех эстонцев Харьюмаа, Ляэнемаа и Сааремаа, как врагов христианской веры. Проходя через Вильяндиский край, Дусмер всячески старался утратить

крестьян, чтобы они не восстали у него в тылу. Наиболее сильных мужчин он взял с собой, чтобы они помогали уничтожать своих же братьев, остальных разорил тяжкими поборами и принудительными поставками продовольствия; малейшее проявление непокорности он карал со страшной жестокостью.

Теперь люди Вильяндимаа пожалели о том, что не послушались кузнеца Виллу и посланцев от Тазуя. Если бы они вместе с эстонцами, находившимися под властью датчан, начали сражаться в полную силу, то, как теперь им казалось, и победа над орденскими войсками была бы возможна; даже если бы они потерпели поражение, их жизнь была бы немногим хуже, чем сейчас. Они не участвовали в мятеже, но их карали как мятежников. Подобная несправедливость возбуждала гнев даже у самых смиренных и терпеливых людей. Жизнь всем опостылела, но все же лучше было умереть в честном бою, чем от голода и пыток. Люди начали с тоской вспоминать кузнеца и с нетерпением ждали дня, когда он снова появится среди них и своим мощным голосом призовет их, если не к победе, то к кровавой мести и славной смерти.

И кузнец появился.

Однажды — это было уже в начале зимы — люди, проходившие мимо кузницы, увидели, что Виллу опять стоит за наковальней и кует железо так, что искры летят. Но если кто-нибудь заговаривал с кузнецом, то вскоре замечал, что в нем произошла большая перемена. Он, казалось, совсем забыл, что такое смех и шутки; о своей поездке он не говорил ни слова. Вместе с ним вернулся и Прийду и, по-видимому, стал у кузнеца подмастерьем; в свой родной дом Прийду даже не показывался. Целыми днями они усердно работали, вечером бродили по деревням. Крестьяне, в свою очередь, часто навещали кузнеца и скрывались иногда по целым часам в темном чулане, находившемся, как мы знаем, рядом с кузницей. Порой казалось непонятным, как такой маленький, похожий на келью чулан мог вместить столько людей.

Хинрик Дусмер со своим войском уже прошел дальше и истреблял теперь ляэнемасцев, уцелевших от первой войны.

В земле Сакала царил полный покой.

Со дня исчезновения Прийду душевный покой ристиской Крыыт был нарушен. Непонятное проклятие сына так потрясло ее и без того слабую душу, что временами она казалась совсем помешанной. Крыыт целыми днями плакала, часами ждала у ворот возвращения сына, жалобно выкрикивала его имя, бродила в поисках Прийду по лесам и деревням. Но он все не возвращался. В сердце матери вспыхнула горячая тоска по дочери, которая также не подавала о себе никаких вестей. Крыыт много раз ходила к воротам мызы Пуйду, но ее не впускали, несмотря на самые жалостные ее просьбы: даже лицо Май ей не удавалось увидеть хотя бы издали. Наконец она отправилась к самому вильяндискому комтуру с просьбой, чтобы тот заставил своего племянника отпустить Май, но разгневанный комтур выпроводил ее и строго запретил ей показываться ему на глаза. Крыыт захворала и всю осень пролежала в постели. Только в декабре больная встала на ноги, но от прежней Крыыт осталась одна тень; она так постарела и осунулась, что жаль было смотреть. Однако раздражительность и беспокойство ее как будто еще больше возросли. На людях она уже не оплакивала потерянных детей, зато, оставаясь одна, вела с ними длинные беседы; присутствия посторонних она не выносила, а для своих рабов была сущим наказанием. Однажды она случайно узнала, что Прийду видели в кузнице. Не теряя ни минуты, она побежала туда через лес, по глубокому снегу, и с радостным криком бросилась на шею сыну. Но Прийду вырвался из ее объятий и повелительно указал ей на дверь. Гневное лицо сына так напугало бедную мать, что она и слова не смогла вымолвить и молча покорно ушла. С тех пор она часто бродила вокруг кузницы, надеясь увидеть сына хоть издали: войти она уже не осмеливалась.

Однажды вечером — это было за неделю до рождества — Крыыт заметила, что кузнец и Прийду вышли из кузницы и направились в лес. Она тайком последовала за ними, прячась так искусно, что кузнец и Прийду, хотя временами и оглядывались по сторонам, ее не увидели. Шли они долго. Солнце уже закатилось, но

сияющие звезды и отблеск снега освещали землю, так что видно было далеко. Крыйт устала — она простояла, дожидаясь у кузницы, несколько часов, промочила ноги; и сейчас, когда мужчины быстро шагали вперед, бедная женщина с большим трудом поспевала за ними по глубокому снегу. Но безграничная любовь к сыну и желание видеть его подольше придавали ей необычайную силу.

Кузнец и Прийду исчезли, наконец, среди покрытых снегом холмиков, на которых виднелись развалины каменных стен. Крыйт это место было знакомо, и она твердо знала, что тут обитают привидения и души умерших; остановившись в лесной чаще, она теперь собственными глазами, как ей казалось, видела духов. Они толпами стекались со всех сторон, скользили подобно бесплотным теням по смутно белеющей поляне и исчезали среди развалин. В другое время суеверная Крыйт при виде таких призраков умерла бы от страха или, по крайней мере, опрометью пустилась бы бежать; но сейчас она не чувствовала страха, а была готова защищать сына даже от духов.

Когда призраков больше не стало видно, Крыйт смело вошла в развалины, спряталась в темном уголке и стала прислушиваться. Вокруг не было ни души, но из-под земли доносился далекий глухой шум. Осторожно переползая вперед, Крыйт уловила, что шум яснее всего слышен у входа в полуразрушенный сводчатый коридор. Она стала пробираться дальше и вскоре увидела вдали отблеск света. Крыйт дрожала как в лихорадке, но любопытство и страстное желание увидеть сына гнали ее вперед. Теперь было ясно слышно, что шум порождают голоса множества людей, говорящих разом. Вдруг гул затих и раздался знакомый голос кузнеца Виллу. Крыйт остановилась и напрягла слух.

— Мы, люди земли Сакала, уже обо всем между собой сговорились, — говорил кузнец звучным голосом, — но пришельцам из земель Ярва и Уганди, собравшимся здесь, я подробно все объясню, чтобы они потом сами решили, стоит ли им начинать сражаться вместе с нами или нет. Перед этим я еще раз напомним: все мы поклялись никому ни единым словом не

заикаться о том, что здесь говорилось. Предателей да поглотит преисподняя!

Я за это время побывал в Новгороде, Пскове и у литовцев. Мой труд не был напрасен: русские и литовские князья твердо обещали прийти нам на помощь, если они увидят, что мы действительно готовы к борьбе. В доказательство этого они требуют, чтобы мы прежде всего завладели Вильяндиским замком. Если это нам удастся, то в их помощи мы можем быть уверены. Русские не боятся немцев — они их уже не раз побеждали. Литовцы ненавидят Тевтонский орден еще больше, чем мы. У них к этому достаточно причин. Недавно только орденские рыцари и вместе с ними несколько немецких князей совершили набег на землю литовцев. Много деревень было уничтожено, множество мужчин убито, а женщины и дети уведены в плен. В городе Плоньяне было четыре тысячи жителей. Немцы, собрав большое войско, окружили его. Они не смогли взять город, пока не подожгли его горящими стрелами. Язычники не хотели живыми сдаваться жестоким христианам, они закалывали друг друга мечами и падали в огонь. Последние из осажденных добровольно приняли смерть от руки старой жрицы, которая затем сама бросилась в огонь. Тогда только рыцари ворвались в город, развеяли пепел язычников по ветру и сровняли город с землей. Литовцы же поклялись вечно мстить орденским рыцарям и уничтожать их¹.

Поэтому мы можем твердо надеяться на поддержку литовцев. Правда, было бы лучше обойтись без помощи со стороны, так как все, оказавшие помощь, требуют вознаграждения и рано или поздно сами начнут нас угнетать. Мы не беспомощные дети. В Эстонии наши братья сейчас в беде, но все еще отважно сопротивляются. Жители Сааремаа пока еще сами себе хозяева и готовы выступить, чтобы сломить власть чужеземцев и на материке. Если мы сейчас внезапно нападём на рыцарей с тыла, то можем с ними справиться;

¹ Эта клятва была выполнена. Литовцы во многих сражениях в течение ста лет подрывали мощь Тевтонского ордена, и после кровавой битвы под Танненбергом (1410) орденское государство подпало под владычество литовцев и союзных им поляков. (Прим. авт.)

а когда они будут изгнаны с нашей земли, мы сумеем защитить свои границы.

Но во всяком случае нам прежде всего необходимо взять Вильяндиский замок, чтобы в нашем тылу у неприятеля не было твердой опоры. Для этого мы придумали следующее. В моей подземной кузнице хватит оружия, чтобы перебить защитников замка; в дальнейшем же орденские воины сами нам прибавят оружия. В замок мы проникнем таким образом: в Фомин день крестьяне близлежащих земель должны, как и каждый год, доставить в Вильяндиский замок десятину. Но на этот раз мы вместо зерна положим в мешки самых сильных наших людей и отправим их в замок рано утром, когда рыцари еще спят. Когда дровни с мешками будут впущены во двор замка, возчики развяжут мешки, люди мигом выскочат и перебьют оторопевших воинов, а сонных рыцарей возьмут в плен.

Я же постараюсь накануне вечером под каким-нибудь предлогом попасть в замок, останусь там на ночь и буду за всем следить, чтобы неожиданно не случилось беды. Если появится какая-нибудь опасность, я сейчас же из замка подам знак. Мой верный товарищ, ристиский Прийду, будет на первых дровнях... Но что это за крик?..

Крыт бежала, как испуганная лань. Опасность, угрожающая сыну, исторгла из груди матери болезненный вопль. Думая, что за ней уже гонятся, она опрометью выбежала из развалин и только далеко в зарослях остановилась перевести дух. Среди развалин сновали черные тени. Ночь была тихая, и голоса были слышны ясно.

— По-моему, это кричала какая-то перепуганная женщина.

— Глупости! Разве женщина решится забрести сюда в полночь?

— Я слышал крик совы.

— Конечно, сова и больше ничего.

— Это, видно, не к добру.

— Сова заухала — быть беде.

— Ты веришь бабьим сказкам? Сова — глупая тварь, она в человеческих делах ничего знать не может, а тем более предсказывать.

— Дай бог!

Накануне Фомина дня кузнец Виллу с большим бочонком вина явился в Вильяндиский замок. Его, как старого знакомого и приятеля комтура, беспрепятственно впускали сюда в любое время. Кузнец имел обыкновение каждый раз, возвратясь из чужих стран, приносить в дар комтуру либо охотничью собаку, либо бочонок лучшего виноградного вина. Раньше он всегда навещал комтура на следующий день после возвращения. Теперь же он опоздал с подношением подарка на целых две недели, но зато подарок был ценнее, чем когда-либо раньше. Комтура не было дома, и кузнец остался в замке ждать его. Чтобы не так скучно было дожидаться, он приказал на свой счет привезти из города целую бочку самой крепкой водки и устроил вечером веселый кутеж для воинов замка. Время от времени он бродил по двору и всем закоулкам замка, болтал с воинами, просился к ним на ночлег и обещал доставить еще бочку водки.

Поздно вечером у ворот замка появилась ристиска Крыйт и попросила, чтобы ее провели к комтуру. Стража не пропустила ее в замок, сказав, что комтур уехал. Крыйт притаилась за воротами и стала ждать. Продрогла она так, что зуб на зуб не попадал. Наконец послышался звон колокольчиков и топот копыт. Великолепные сани, в которых сидел комтур с двумя орденоскими рыцарями, подъехали к воротам. Господа были в веселом настроении — они возвращались с праздника, от богатого владельца мызы, на дочери которого собирался жениться племянник комтура, Говин Герике младший. Сегодня состоялась помолвка.

— Господин комтур, господин комтур! — послышался у самой дороги жалобный голос, и Крыйт упала на колени в снег. — Позвольте сказать одно слово!

— От этой женщины я до самой смерти не избавлюсь, — с досадой проворчал комтур. — Что тебе еще от меня нужно, старуха? Разве я не сказал тебе в прошлый раз, чтобы ты мне на глаза больше не показывалась? Хотел бы я упрятать тебя куда-нибудь в подземелье, чтобы ты наконец успокоилась! Убирайся прочь и благодари бога, что я сегодня хорошо настроен.

Замковые ворота поднялись, и лошади снова тронулись. Крыйт ухватила за сани и сказала тихо, но внушительно:

— Если вы меня не выслушаете, то завтра будете мертвы.

— Стой, кучер! — крикнул комтур и выскочил из саней. — Что ты бредишь, женщина?

— Жизнь ваша и всех немцев в моих руках! — зашептала Крыйт. — Проведите меня куда-нибудь, где я могла бы поговорить с вами с глазу на глаз. Исполните мою просьбу, господин комтур, не то случится страшное несчастье.

— Ступай за мной, — сказал комтур. Орденом рыцарям он велел ехать дальше и повел Крыйт в пустую сторожевую будку.

— Говори, старуха, но остерегайся пустой болтовни! — сказал он сурово.

— Сперва обещайте исполнить одну мою просьбу, — попросила Крыйт. — Я прошу только сохранить жизнь моему сыну.

— Кто же посягает на его жизнь?

— Вы, господин комтур.

— Ты с ума сошла?

— Вы властны над жизнью и смертью Прийду. Если вы подарите мне его жизнь, то и ваша будет спасена.

— Говори скорее, потом посмотрим.

— Нет, сначала обещайте вернуть мне моего сына живым, если он попадет в ваши руки.

— А если он виновен?

— Он ни в чем не виновен. Злодеи увлекли его по ложному пути, так что он может стать соучастником страшного преступления. От этого я хочу его спасти.

— Если он невиновен, то его жизни ничто не угрожает. А теперь говори, да поскорее, иначе я силой развяжу тебе язык.

— Раньше обещайте...

Комтур распахнул дверь и кликнул слуг.

— Господин комтур, не зовите слуг, я все расскажу! — закричала Крыйт. — Тогда вы сами убедитесь, что за Прийду нет никакой вины, во всем виноват проклятый кузнец!

Комтур велел слугам, прибежавшим на зов, подождать и снова затворил дверь. И Крыйт рассказала все, что слышала в развалинах древней крепости. Ее неугасимая ненависть к кузнецу сказалась в том, что она, передавая комтуру подслушанные ею слова Виллу, прибавляла к ним от себя страшные проклятия и ругательства, которыми он якобы осыпал рыцарей и немцев. Неизвестно, что больше побудило ристискую Крыйт к предательству — страх за жизнь сына или желание отомстить кузнецу.

— Вы теперь сами видите, господин комтур, что Прийду ни в чем не виновен, а во всем виноват этот чертов кузнец; он, наверно, сейчас уже в замке и ждет минуты, когда сможет погубить вас и всех немцев, — закончила Крыйт.

— Твой сын и сам виноват, — сказал комтур, сдвинув брови. — Он разносит смуту, его нельзя оставлять среди крестьян. В знак благодарности, вняв твоей просьбе, я дарю ему жизнь, но присуждаю к вечному заточению... Молчать! Ни слова больше! Сама ты останешься на ночь здесь под стражей, чтобы твой болтливый язык не причинил какого-либо вреда. Если твой сын действительно будет находиться на первых дровнях, я велю его вытащить из мешка живым, и ты сможешь взглянуть на него в последний раз. После этого он никогда больше не увидит солнечного света. Та же участь постигнет и тебя, если ты хоть раз еще покажешься около замка.

— Господин комтур, еще одно слово! — закричала Крыйт в диком отчаянии; но комтур уже вышел и запер дверь на замок.

Тем временем кузнец Виллу сидел в жарко натопленной комнате, щедро угощая воинов. Лица у людей горели, кое-кто храпел за столом, положив голову на руки; другие валялись на полу, а кузнец снова и снова наполнял кружки, приговаривая, что сегодня должны быть опорожнены две бочки.

— Давайте сегодня веселиться, ибо завтра, может быть, придется распрощаться с жизнью! — притворно посмеивался он.

Слуги не заставляли себя просить, а храбро пили, хвалили щедрость кузнеца и осуждали скупость рыца-

рей, которые никогда не устраивали им подобных пиршеств.

Была уже ночь, когда кузнеца известили, что комтур возвратился и зовет его к себе.

— Я скоро вернусь,— сказал Виллу, вставая.— Пейте, люди, пока есть что пить! На том свете виноградников нет!..

Он взял бочонок под мышку и последовал за слугой. Тот привел его в высокую комнату с узкими окнами; здесь горели восковые свечи и на столе блестели золотые и серебряные кубки. Комтур и несколько рыцарей сидели за столом и пили дорогое вино. Комтур благосклонно выслушал приветствие кузнеца и сказал:

— Это хорошо, кузнец, что ты не забываешь старых друзей. В этом году ты заставил себя ждать дольше, чем обычно. Может быть, ты медлил потому, что я в тот раз тебя немного рассердил? Помирился! Я здесь, перед моими братьями по ордену, прошу у тебя прощения. Ты теперь удовлетворен?

Виллу не сразу нашелся что ответить.

— Ты все гневаешься? — продолжал комтур. — Ну, послушай тогда, что я еще сделал для нашего примирения. Ты по-прежнему считаешься крепостным Вильяндиского замка, но ты так долго и честно служил ордену как воин и изготовил ему столько хорошего оружия, что у нас давно уже было решено отпустить тебя на волю. Я тотчас же после ссоры с тобой просил ландмейстера о твоём освобождении, но из-за войны ответ задержался, и мы его только недавно получили. Теперь я спрашиваю тебя: хочешь ли ты быть вольным человеком?

— Хочу,— ответил кузнец глухим голосом.

— Тогда поставь бочонок и подойди сюда!

Кузнец исполнил приказание.

— Стань на колени! — сказал комтур.

Кузнец помедлил минуту, но потом с хмурым видом стал на одно колено. Комтур дал ему легкую пощечину и сказал:

— Пусть это будет последней пощечиной, которую ты, как крепостной раб, должен был покорно стерпеть. Как вольный человек, ты впредь никому не должен позволять бить себя. Встань и возьми свою вольную.

Комтур взял со стола пергамент с большой печатью и передал его Виллу. Затем он поздравил кузнеца и пожал ему руку.

Рука Виллу дрожала, когда он прятал за пазуху драгоценную грамоту; милость комтура так глубоко тронула его доброе сердце, что он едва сдерживал слезы. Он не мог вымолвить ни слова. Комтур долго молчал и смотрел на кузнеца, как бы чего-то ожидая.

— Теперь мы квиты,— глухо произнес наконец комтур.— Ты спас меня от смерти, я тебя избавил от рабства. Выпьем в знак расчета!

Кузнец взял кубок, который ему подали, выплеснул половину вина на пол, а остальное выпил одним глотком. Теперь только язык его развязался.

— Благодарю вас, господин комтур, за волю и хороший глоток вина,— сказал он, глубоко растроганный.— Сейчас я еле нахожу слова, чтобы выразить свою благодарность, но в будущем, может быть, очень скоро, я надеюсь подтвердить ее делом. А теперь я, как и прежде, в знак моего уважения, прошу вас принять этот бочонок вина, лучшего, какое только есть на свете, и отведать его сейчас же.

— Покажи! — сказал комтур.

Виллу откупорил бочонок и наполнил кубок. Вино было темно-красного цвета, с удивительно приятным ароматом.

— Нет ли в нем яда? — сказал один из рыцарей полусерьезно.

— Нет,— заявил комтур.— Я знаю кузнеца!

Он тотчас же поднес кубок к губам и выпил вино залпом.

— Чудесное вино! — сказал он, прищелкнув языком.— Твой подарок настолько ценен, что я не могу оставить его неоплаченным. Пойдем, я подарю тебе кое-что равноценное твоему подарку. Вы, братья по ордену, будьте свидетелями тому, что я не скупее кузнеца. Пойдем!

Комтур взял со стола подсвечник со свечой и пошел впереди, кузнец и рыцари последовали за ним. Они спустились по длинной лестнице и миновали много сводчатых коридоров. Наконец комтур отпер железную дверь, и они вошли в комнату с низким потолком;

воздух здесь был настолько затхлый, что свеча еле теплилась. В дальнем конце комнаты стояли два толстых столба, подпиравшие сырой, заплесневевший каменный свод. Комтур велел кузнецу стать между столбами и пристально глядеть на заднюю стену. Кузнец против воли исполнил приказание. Сердце у него почему-то защемило. В указанном ему месте он ничего не видел, кроме какой-то странной железной фигуры, вмурованной в стену. Фигура имела причудливый вид, и кузнец невольно стал ее разглядывать, не понимая, что она изображает.

— Догадываешься теперь, что я собираюсь тебе подарить? — спросил комтур у него за спиной.

— Нет, — хрипло ответил кузнец. Горло его словно чем-то сдавило.

— Я дарю тебе жизнь, мятежник! — прогремел комтур.

В тот же миг фигура перед глазами у кузнеца пришла в движение, пол исчез у него из-под ног и кузнец почувствовал, что проваливается под землю.

Когда Виллу пришел в себя, его окружала крошечная тьма. От спертого воздуха и зловония он закашлялся. Под собой он нащупал мокрую солому, перемешанную с грязью, а вытянув руки, убедился, что находится среди четырех узких стен, сложенных из больших гранитных плит. Он вскочил и протянул руки вверх, но пальцы его не коснулись потолка. Он попытался взобраться вверх по стене, но стены были настолько скользкие, что пальцам не за что было ухватиться.

У кузнеца не осталось никаких сомнений: он находился на дне глубокой, темной могилы.

Мысль, что он, как неразумное дитя, позволил коварному рыцарю обмануть себя, на миг помутила его рассудок. Он колотил кулаками о стены, пока не разбил руки в кровь, рвал на себе волосы и страшно кричал. Когда тело его утомилось и разум прояснился, Виллу сел, обхватил голову руками и стал призывать смерть. Но смерть не пришла, и он впал в бесчувственное, безразличное состояние, которое граничило со сном. Сколько времени оно длилось, кузнец не мог дать себе отчета. Вдруг ему показалось, что он слышит далекие глухие крики о помощи. Кузнец снова вско-

чил, снова до крови бился о стены, пытался, подсакивая, ухватиться за потолок, призывал на помощь бога и людей. Но ответа не было. Далекие вопли вскоре прекратились, и вокруг кузнеца опять воцарилась groboвая тишина.

13

Эстонцы издавна считали Фомин день несчастливым. Слово «Тоомас» в некоторых местностях означает смерть и гибель; чуму называли — «суровая рука Тоомаса». В этот день не решались варить пиво, опасаясь, что Фома, то есть смерть, может забраться в чан.

Рано утром поднялись ворота Вильяндиского замка и длинная вереница дровней, нагруженных мешками, потянулась во двор замка. Возчики испугались, увидев на дворе в этот ранний час рыцарей и воинов в полном вооружении. Большая часть дровней еще не успела въехать во двор, как вдруг ворота опустились. Воины со всех сторон набросились на возчиков; люди, едва успев крикнуть от испуга, оказывались изрубленными в куски. Затем воины стали копьями прокалывать мешки. Кое-кто из крестьян пытался выбраться из мешков, но стоило показаться чьей-нибудь голове, как ее тотчас раскалывали ударом. По обледенелому двору поползли дымящиеся ручейки крови. Крики раненых и умирающих сотрясали воздух. Но вопли продолжались недолго — их усердно прекращали копьями и мечами.

Только одни дровни, ехавшие впереди, не были обогрены кровью. На них было три мешка, но этих мешков не тронули, только потуже завязали и оставили под стражей. Когда бойня кончилась, комтур велел привести ристискую Крыйт, заключенную в будке сторожа. Бессонная ночь, доносившиеся со двора предсмертные крики и страшное зрелище, представшее перед ее глазами, лишили Крыйт последних сил; она еле передвигала ноги, опираясь на слуг. Ее подвели к нетронутым дровням.

— Твой сын пощажен,— милостиво произнес комтур.— Можешь взглянуть на него в последний раз, прежде чем его бросят в тюремную башню, из которой ему больше никогда не выйти. Слуги, вытащите людей из мешков!

Мешки были развязаны, у крестьян, там находившихся, отобрали мечи и топоры и за волосы вытащили людей наружу. Один из них тотчас же упал на колени и, весь дрожа, стал умолять о пощаде. Остальные стояли, понуриив головы, и молча ждали смертельного удара. Крыйт широко раскрытыми глазами смотрела на этих людей. Прийду среди них не было!

— Где ристиский Прийду? — спросил комтур, сдвинув брови.

— Он, кажется, был на дровнях сиймуского Мадиса,— нехотя сказал один из крестьян.

— Где эти дровни?

Крестьянин указал рукой на дровни, залитые кровью.

— Он ведь должен был находиться на передних дровнях? — глухо сказал комтур.

— Вначале он и был на передних дровнях, но наш возчик захотел быть смелее всех и обогнал других, — ответил крестьянин.

Крыйт, шатаясь, подошла к дровням, на которые указал крестьянин. Из первого мешка через край саней до половины свисало мертвое тело. Голова была разможжена, курчавые волосы покрыты запекшейся кровью. Крыйт приподняла голову мертвеца...

— Твой отец и мать убили тебя! — закричала она и упала наземь. Воины подняли ее и увидели, что лицо женщины было таким же холодным и застывшим, как и лицо мертвеца, которое она крепко сжимала ладонями. Смерть спасла Прийду от вечного заточения и соединила мать и дитя такими узами, которых не в силах разорвать ни роковая случайность, ни лютая ненависть.

Великое восстание эстонцев закончилось их полным поражением. Меч, голод и чума истребили половину народа, оставшиеся в живых подпали под еще более тяжкое иго. Дольше и упорнее всех держались жители Сааремаа, но через год и они были побеждены, девять тысяч человек убито, «король» сааремаасцев повешен вверх ногами и последние крохи свободы здесь, как и на материке, выметены железной метлой. В Ливонии и Эстонии снова воцарилось спокойствие, и теперь обе эти страны томились под тяжелой рукой Тевтонского ордена. Земля впитала в себя ручьи крови, и ветер развеял запах тления.

У кузнеца Виллу на груди хранилась грамота вольности, но сам он был вечным узником, которому до конца жизни не суждено увидеть солнечный свет. Но только ли о нем следует сожалеть? Его удел ничем не отличался от участи всего народа; тюрьмой для эстонцев было тяжкое рабство, а небеса над ними покрывала непроглядная темнота суеверий, дикости и нищеты. Кузнец Виллу позабыл сияние звезд небесных, запах цветов и пение птиц; его народ позабыл все свое историческое прошлое.

Кузнец был живуч. Ему давали скудную и плохую пищу, но он не умирал от голода. Он дышал удушли-

вым воздухом могилы и спал в грязи, но он продолжал жить. Его тело одеревенело, все его чувства притупились, он давно потерял рассудок, но он продолжал жить.

В течение долгих, долгих лет после великого восстания какая-то старая дева, которую называли ристиской Май и считали слабоумной, раз в неделю приезжала в замок; она вносила маслом и яйцами платежи, наложенные на ее свободную крестьянскую усадьбу. Она никогда не забывала справиться у воинов и слуг: жив ли еще вечный узник Виллу? Десять лет ей отвечали одно и то же — что узник еще жив, и каждый раз лицо помешанной озарялось радостью.

Однажды ей сказали, что Виллу умер. Май громко зарыдала и стала просить, чтобы ей отдали труп узника. Тогдашний комтур — уже третий после давно умершего Герики — был человек добросердечный, он велел исполнить просьбу слабоумной старой девы. Тело вытащили из ямы и уложили на дровни Май. Едва ли кто-нибудь узнал бы в этих костях, обтянутых позеленевшей и почерневшей кожей, останки кузнеца Виллу! Но Май не сомневалась ни минуты. Она уложила труп на мягкую солому, в знак благодарности обняла колени комтура и уехала домой. Дорогой она сняла покрывало с лица умершего, нежно погладила его, печально улыбнулась и прошептала:

— Как мог ты подумать, что я действительно тебя презираю, а его люблю? О ты, глупый, глупый Виллу!.. Если бы я тогда не сказала так, ты бы погиб из-за меня... Как я могла презирать тебя, любимый Виллу? Я хотела одного — чтобы ты меня презирал, чтобы ты не жертвовал своей бесценной жизнью из-за меня, недостойной. Неужели ты этого так и не понял?.. О Виллу, Виллу!.. Ты стал презирать меня и умер, презирая... Зачем ты умер, мой единственный Виллу? Зачем?

**Князь Гавриил,
или Последние дни
монастыря Бригитты**

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
ИЗ ВРЕМЁН
ВЕЛИКОЙ
ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ (1558-1583)**

Неудача юнкера Ханса

Был прекрасный, теплый день начала августа 1576 года. Ласково и мирно сияло солнце над Харьюмаа, окутывая землю прозрачной золотистой дымкой. Но вид самой местности не радовал сердце и не ласкал взор: поля, заросшие сорняками и чертополохом, развалины сожженных мыз и деревень, — вот что тогда представляла собой Харьюмаа. Большая часть этой некогда богатой и цветущей земли за восемнадцать лет войны превратилась в немую пустыню, а немцы и поляки, русские и шведы, совершая сюда набеги, расхищали жалкие остатки ее прежнего благосостояния.

По ухабистой, изрытой колеями дороге, ведущей из Таллина в Пайде, ехали четыре молодых всадника в одежде немецкого покроя. Настроение у них, как видно, было отличное. Один из них казался особенно весел. Его румяное, несколько глуповатое лицо так и сияло, как бы соперничая с его огненно-рыжими волосами и усами. Этот молодой рыцарь ни на минуту не давал покоя своему великолепному жеребцу, что-то напевал, болтал без умолку и сыпал шутками, сам смеясь им громче всех. На лице его отражалось то неисправимое легкомыслие, которое позволяло помещикам и горожанам Ливонского орденового государства забывать о бедствиях страшной войны и так часто удивляло русских. Прежнее орденовое государство распалось под ударами русских, много людей было убито, поместья и деревни уничтожены, будущее покрыто черными грозowymi тучами; но, несмотря на все это, в укреп-

ленных городах люди жили полной жизнью, и как только немного стихал грохот войны, владельцы мыз возвращались из городов в поместья, справляли свадьбы, устраивали пиршества, как будто снова наступила веселая и беззаботная жизнь орденового времени. И тут только обнаруживалось, какие неисчислимые богатства немецкие помещики накопили в течение четырехсот лет потом и кровью коренного населения страны, — ни военные неудачи, ни безумные пиршества не могли эти богатства окончательно истощить.

Но, помимо обычного легкомыслия, у рыжеволосого юнкера была и особая причина для веселого настроения. Правда, его поместья были разорены дотла, отец и братья пали на войне, мать сошла с ума, но что ж из этого? Сам он все еще обладал большим состоянием и, кроме того, являлся женихом прекрасной Агнес фон Мённикхузен, дочери богатого и знатного владельца поместья Куйметса. Сегодня была пятница, а на воскресенье была назначена его свадьба.

— Помните, друзья, — воскликнул веселый юнкер, — что на своей свадьбе я трезвых голов не потерплю. Кто на закате солнца еще будет ясно помнить свое имя, у того лоб познакомится с дном моей кружки. Прежде всего напоминаю об этом тебе, Дельвиг, — обратился он к одному из своих спутников, казавшемуся немного серьезнее других. — Ты всегда ходишь повесив нос, а сейчас еще и завидуешь мне — тому причиной прекрасная Агнес. Мне очень жаль, но что я могу сделать, если Агнес тебя не избрала в мужья!

— Потихше, потихше, юнкер Ханс фон Рисбитер, — ответил Дельвиг, насмешливо улыбаясь. — Возможно, конечно, что Агнес фон Мённикхузен не пожелала выйти за меня замуж, но чтобы она так уже стремилась стать твоей женой — это, по меньшей мере, сомнительно. Пока ясно только одно: отец Агнес хочет взять тебя в зятья.

— У него есть на то основание, — хвастливо заявил Рисбитер. — Ведь это я своими собственными руками в Пылтсамаа захватил в плен Фаренсбаха — государст-

венного советника короля Магнуса¹ и заклятого врага Мённикхузена.

— Вот так подвиг — вытащить из постели дряхлого старика! — насмешливо заметил Дельвиг. — Моя гончая Диана, пожалуй, еще лучше с этим справилась бы!

Эти слова вызвали недовольство остальных спутников.

— Не затрагивай чести рыцаря, Дельвиг! — укоризненно произнес юнкер Гильзен.

— Это никуда не годится — упоминать имя зятя Мённикхузена рядом с кличкой собаки, — проворчал юнкер Адеркас.

— Ты сравниваешь меня со своей собакой? — с угрозой в голосе спросил Рисбитер.

— О нет, — улыбнулся Дельвиг, — я настолько ценю свою Диану, что ни на кого ее не променял бы.

— Ты напрашиваешься на ссору? — воскликнул Рисбитер. — Не забывай, Дельвиг, что мой меч при мне!

— Так и пускай его в ход там, где это уместно! — раздраженно ответил Дельвиг. — Я повторяю: твой подвиг в Пыльтсамаа еще далеко не делает тебя достойным руки Агнес фон Мённикхузен. Невелика заслуга — напасть с отрядом в двести человек на незащищенный поселок, перебить женщин и детей и захватить в плен семидесятилетнего старика. Был бы это, по крайней мере, хоть сам король Магнус! Но стоило какому-то злому шутнику крикнуть: «Русские идут!» — как ты первый показал пятки.

— Разве я мог отбиваться в одиночку, если все остальные бросились бежать?

— Я не бежал, — сказал Дельвиг, — это подтверждают следы мечей на моем лице. Но в том-то и беда наша, что каждый из нас всегда сваливает вину на другого. Русские единодушны в своих действиях, и все повинуются приказу одного военачальника, мы же постоянно идем вразброд, каждый старается спасти свою шку-

¹ Магнус, принц датский и герцог голштинский, во время Ливонской войны был правителем созданного Иваном IV вассального государства; его называли «королем Ливонии». Позже перешел на сторону поляков. В описываемое время поселок Пыльтсамаа был резиденцией «короля». (Прим. перев.)

ру и прячется за спину другого. Поэтому нас и ждет неминуемая гибель.

— Ты сам больше всех боишься русских.

— Я боюсь их потому, что сознаю нашу слабость. Мы любим кутить и хвастать, когда враг далеко, а как только он неожиданно появляется перед нами — обращаемся в бегство. «Бежим, бежим!» — этот призыв русские так часто слышат на нашей стороне, что принимают его за наш боевой клич.

— Так может говорить только изменник! — воскликнул Рисбитер.

— Кто говорит правду, тот у лгунов всегда считается изменником, — ответил Дельвиг. Лицо его залилось краской.

— Это кто лгун?

— Во-первых, тот, кто не терпит правды; во-вторых, тот, кто врет своему будущему тестю, будто вытащил его кровного врага из толпы воинов, уложив при этом дюжину их на месте; в-третьих...

— А в-третьих, да падут на твою голову все беды земные и небесные!¹ — вспыхнув, закричал Рисбитер и выхватил меч из ножен. То же самое сделали и остальные: Дельвиг — чтобы защищаться, Адеркас и Гильзен — чтобы помешать поединку.

— Ого! — насмешливо воскликнул Адеркас, протягивая свой меч так, чтобы он разделил спорящих. — Если мы уже сейчас начнем рубить друг другу головы, что же нам тогда делать на свадебном пиру?²

Помешать схватке оказалось нетрудно, так как Дельвиг был человек хладнокровный, а Рисбитер очень хорошо сознавал, что противник превосходит его в силе и ловкости. Все вложили мечи в ножны, но настроение на время было испорчено. Рисбитер пришпорил коня и опередил товарищей на довольно большое расстояние. Дорога круто сворачивала в лес. Вдруг юнкер увидел впереди, шагах в ста, одинокого путника; тот, заметив всадника, сошел с дороги и исчез за деревьями. Рисбитер был в таком настроении, когда человек

¹ Проклятие, часто употреблявшееся в то время. (Прим. авт.)

² Авторы исторических хроник свидетельствуют, что в то время помещицы свадьбы в нашей стране редко проходили без ссор и кровопролития. (Прим. авт.)

ищет с кем-нибудь стычки; юнкер вполне справедливо рассудил, что одинокий пешеход, которого ему, всаднику, особенно бояться нечего, попался под руку как раз для того, чтобы юнкер мог сорвать на нем злобу. Рисбитер оглянулся — не очень ли отстали его товарищи, потом поскакал в лес и вскоре настиг путника. Это был рослый человек, еще молодой, крепкого телосложения, в длинном крестьянском кафтане. На голове у него была широкополая высокая шляпа, на ногах сапоги с высокими голенищами, какие тогда носили воины. По его одежде трудно было определить, кто он — воин, горожанин или крестьянин. Черты его загорелого лица были тонки и красивы, глаза черные, живые. В руках он держал толстую дубинку. Когда всадник подъехал ближе, человек спокойно оперся на палку. Рисбитер направил своего коня прямо на путника, но тот, не отступив ни на шаг, сильной рукой схватил коня за узду и остановил его.

— Юнкер, как видно, слепой — едет прямо на человека, — сказал он хладнокровно.

— Отпусти лошадь! — грозно крикнул Рисбитер.

Незнакомец заставил коня податься назад и тогда только выпустил узду из рук.

— Почему ты свернул с дороги? — уже немного тише спросил юнкер.

— Да ведь крестьянину полагается бояться рыцаря. К тому же в нынешнее время человека по лицу и не распознаешь — разбойник он с большой дороги или кто другой.

— Уж я тебе покажу, как ты должен меня бояться. Ступай туда! — и Рисбитер указал пальцем на дорогу.

— А мне надо в другую сторону. Прощайте, юнкер!

Незнакомец повернулся к юнкеру спиной и собрался уходить.

— Стой! — крикнул Рисбитер. — Эй, друзья, сюда!

Спутники его, пустив коней вскачь, быстро приблизились.

— Это подозрительный человек, — сказал Рисбитер, — должно быть, русский шпион. Мы должны взять его с собой на мызу.

Молодой крестьянин пристально, но без малейшего

страха смотрел на гордых всадников, среди которых он так неожиданно очутился.

— Кто ты такой? — спросил Дельвиг.

— Шведский король, — серьезно ответил незнакомец.

Юнкеры невольно улыбнулись.

— Оставь свои шутки, мужик! Смотри, как бы потом жалеть не пришлось! — сказал Дельвиг предостерегающе.

— Раз вы сами знаете, что я крестьянин, зачем же вы спрашиваете? — сказал незнакомец, пожимая плечами.

— Что тут еще болтать попусту! — нетерпеливо воскликнул Рисбитер. — Я накину ему петлю на шею, пусть бежит за мной рысью. Ступай сюда, мужик!

Рисбитер отвязал от седла конец повода. Но так как крестьянин и не думал двигаться с места, юнкер направил лошадь прямо на него и попытался набросить ему петлю на шею. В ту же минуту крестьянин быстро взял свою палку в зубы, обхватил юнкера обеими руками, стащил его с коня и поставил перед собой на колени; сам же отскочил на несколько шагов назад, прислонился к толстому дубу и, выхватив скрытый в дубинке обоюдоострый меч, воскликнул:

— Простите, юнкеры, но с вами я не пойду!

— Помогите! — завопил Рисбитер. Он так и застыл на коленях, в ожидании смертельного удара. Товарищи придержали его испуганного коня.

— Встань, храбрый Рисбитер! — с насмешкой сказал Дельвиг. — Рыцари не сражаются, лежа на животе!

Рисбитер поднял голову и робко огляделся. Увидев, что крестьянин стоит в нескольких шагах, прислонившись к дереву, юнкер вскочил, взобрался на коня и закричал как одержимый:

— Не давайте ему удрать! Это опасный человек, шпион, русский! Мы должны взять его с собой, живым или мертвым!

Всадники окружили крестьянина; каждый пытался нанести ему удар своим длинным мечом. Только Дельвиг держался в стороне — ему было стыдно, что они вчетвером напали на одного пешего человека. Но этот пеший удивительно искусно владел мечом и как бы

играя отбивал все удары всадников. Вскоре меч Рисбitera со звоном полетел на землю. Юнкер, пробормотав проклятие, выхватил длинноствольный пистолет. Однако злоба словно ослепила стрелка: выстрел грянул, но пуля не попала в цель.

— Этот человек — сам дьявол! — закричал Рисбитер и вытащил другой пистолет. На этот раз он целился тщательнее.

— О-о! — раздался вдруг молодой, звонкий голос. — И не стыдно вам, господа, вчетвером нападать на одного, да еще на пешего?

Юнкеры обернулись, пораженные, и увидели красивую девушку с надменным выражением лица, подъехавшую к ним верхом на белой лошади. Поодаль из-за деревьев показалось еще несколько всадников. Щеки девушки пылали от быстрой скачки, а может быть, и от негодования, глаза как-то странно блеснули.

— Фрейлейн фон Мённикхузен! — в один голос воскликнули юнкеры. Рисбитер чуть не выронил из рук пистолет.

— Это ты, дорогая Агнес! — в радостном смущении пролепетал он. — Каким чудом ты оказалась здесь?

— Мы с отцом решили совершить прогулку, — коротко ответила Агнес. — Вот он, едет сюда... Но что здесь произошло?

Рисбитер не нашелся что ответить и, покраснев до ушей, предостерегающе мигнул товарищам.

— У Ханса вышла маленькая неприятность, — ответил за него Дельвиг. — Он захотел помериться силой с крестьянином, а тот вдруг стащил его с лошади. Это позорное пятно мы и хотели смыть со щита Рисбитера мужицкой кровью.

— Вы упали с лошади? — рассмеялась Агнес, а Рисбитер в это время делал отчаянные знаки предателю Дельвигу. Дочь рыцаря и молодой крестьянин вдруг встретились взглядами; сперва в глазах девушки отражалось лишь холодное любопытство, тогда как взор крестьянина с удивлением и почтительностью остановился на прекрасном лице Агнес. Между тем к ним подъехал старый рыцарь фон Мённикхузен с несколькими другими всадниками. Мённикхузен был высокий

седобородый старик, державшийся очень высокомерно. Юнкеры почтительно его приветствовали.

— Что тут происходит? — коротко спросил фон Мённикхузен.

— Мы поймали русского шпиона, — поспешно ответил Рисбистер.

— Шпиона! — невольно повторила Агнес и как бы с сожалением посмотрела на молодого крестьянина. Она считала шпионов самыми презренными людьми на свете. У этого человека такое открытое, веселое, мужественное лицо — неужели он мог быть шпионом?

— Кто ты такой? — спросил крестьянина Мённикхузен.

— Вольный человек, — спокойно ответил тот.

— Как твое имя?

— Габриэль.

— Ты русский шпион?

— Шпионы не ходят среди бела дня по большим дорогам.

— Он свернул с дороги, увидев меня, — сказал Рисбистер. — Я сразу заметил, что он меня боится. Почему ты удрал от меня, мужик, почему ты дрожал, стоя передо мной?

— Я не убегал от тебя, не дрожу перед тобой и сейчас, — ответил Гавриил улыбаясь.

— Он уже доказал, что его не так-то легко напугать, — сказал Дельвиг. — Он заставил Рисбистера вертеться волчком, потом один отбивался от нас, четырех всадников, и с первого же удара выбил меч из рук Рисбистера.

— Дельвиг лжет, я сам нечаянно уронил меч, — возразил тот.

— Тише! — приказал старый Мённикхузен. — Вы постоянно грызетесь между собой. Что тебе здесь нужно было? — обратился он к Гавриилу. — Что ты за человек? Где ты живешь?

— Я воин, — ответил Гавриил. — Где воюют — там я и дома. Сейчас я направляюсь в Таллин, к шведам, искать службы.

— Ты немец?

— Я вырос среди немцев.

Мённикхузен задумался. Агнес прикоснулась к его руке и что-то шепнула ему на ухо. Старый рыцарь кивнул головой, потом громко сказал:

— Ты говоришь, что идешь искать службы. Хочешь поступить на службу ко мне?

— Я не поступаю на службу к тем, кого я не знаю. Мённикхузен насмешливо улынулся.

— Я должен назвать тебе свое имя? Ладно, господин Габриэль. Я — владелец поместья Куйметса и начальник ливонского мызного отряда¹ Каспар фон Мённикхузен. Теперь ты мне больше доверяешь?

— Ваше имя, рыцарь фон Мённикхузен, широко известно, — ответил Гавриил с легким поклоном. — И все же я не хочу служить вам.

— Почему? — спросил, нахмурившись, Мённикхузен.

— Я не хочу быть воином мызного отряда.

— А знаешь ли ты, что я могу бросить тебя в темницу или велеть тут же вздернуть на сук?

— Вы можете повесить на сук только мой труп, но бросить меня в темницу или хотя бы заставить себе служить вы не можете. Вы сами воин, рыцарь фон Мённикхузен, и должны были бы знать, что настоящего воина угрозами не запугаешь.

Краска гнева выступила на лице Мённикхузена. Агнес снова тихо дотронулась до его рукава. Старый рыцарь сердито махнул рукой и проворчал:

— Если тебе так уж хочется умереть с голоду — иди к шведам! Они и нам не в состоянии платить жалованье, а тем более такому, как ты. Если же ты хочешь видеть лучшие дни и жить в довольстве, приходи ко мне. Сильные и смелые люди мне всегда нужны. Сегодня до вечера ворота Куйметса будут для тебя открыты. Благодаря бога, что я не в плохом настроении,

¹ Mõisamehed (эст.) — дословно: мызные люди. (Прим. перек.)

Мызными людьми во время великой Ливонской войны называли помещиков бывшего орденового государства и их слуг, которые целыми отрядами нанимались на службу то к шведам, то к русским, то к датчанам или полякам, но в большинстве случаев, ни к кому не примыкая, как настоящие разбойники, разоряли страну. Находившийся в подчинении у Мённикхузена отряд помещался в укрепленном лагере Куйметса и номинально состоял на службе у шведского короля. (Прим. авт.)

и хорошенько подумай, прежде чем совершить величайшую глупость и отказаться от моего милостивого предложения.

Сказав это, Мённикхузен повернул лошадь и со своими спутниками выехал обратно на дорогу. Агнес оглянулась и увидела, что Гавриил неподвижно стоит на прежнем месте и как бы с сожалением смотрит ей вслед.

— Что за наглый негодяй этот мужик! — ворчал Рисбитер, ехавший рядом с Агнес. — Не понимаю, почему твой отец не наказал его.

— А почему ты сам не наказал его? — спросила Агнес улыбаясь.

— Разве я смел пойти против воли твоего отца?

— А если бы я тебе велела, ты бы вернулся туда и проучил его?

— Если ты этого так желаешь... — бледнея и запинаясь, проговорил Рисбитер.

— Фрейлейн Агнес, — сказал Дельвиг, слышавший их разговор, — не заставляйте своего жениха безоружным бросаться в львиную пасть. Вы же видите — у него, бедняги, даже меча нет.

— Где твой меч? — спросила Агнес, сдвинув брови.

— Рисбитер оставил свой меч у ног противника в знак своего глубочайшего к нему уважения, — насмешливо заметил Дельвиг.

— Юнкер Ханс! — торжественно произнесла Агнес. — Знайте, что Агнес фон Мённикхузен никогда не отдаст своей руки тому, кто не имеет меча. Как же вы сможете защитить свою молодую жену, если у вас даже нет оружия?

— Дьявол и ад! — выругался Рисбитер. — И может же человек быть таким забывчивым! Я нечаянно выронил свой меч и совсем об этом забыл. Это твоя вина, Агнес: твое неожиданное появление помutilо мою память и мысли. Вряд ли найдется человек, который при виде тебя не позабыл бы не только свой меч, а еще и многое другое... Если только этот бродяга не украл его и не удрал с ним!..

— Он еще стоит на том же месте, — сказала Агнес, снова оглянувшись.

— Послушай-ка, парень! — крикнул Рисбитер молодому слуге, ехавшему впереди. — Ступай, принеси оттуда мой меч!

— Нет, юнкер Ханс, — резко прервала его Агнес, — вы должны принести свой меч сами.

— Если хорошенько попросишь, может быть, крестьянин отдаст его добром, — язвительно вставил Дельвиг.

— Поедем вдвоем, я помогу вам упросить его, — шаловливо смеясь, воскликнула Агнес.

Они повернули лошадей и поехали туда, где Гавриил все еще стоял, прислонясь к дереву. Остальные всадники были уже довольно далеко и не заметили, что Агнес со своими спутниками вернулась в лес.

— Подними мой меч и подай его мне! — надменно приказал Рисбитер.

— Твой меч? — спросил Гавриил, как бы очнувшись от забытья, и веселая улыбка скользнула по его лицу; он только сейчас заметил, что у его ног блестит светлая сталь. — Если твоя невеста за тебя попросит, я отдам тебе меч.

— Откуда вы знаете, что я невеста этого юнкера? — слегка покраснев, спросила Агнес.

— Я сужу по необычайной храбрости юнкера, которая иначе была бы необъяснима.

— Я без жалости застрелю эту собаку! — крикнул Рисбитер, заскрежетав зубами, и выхватил пистолет.

— Остановитесь, юнкер Ханс! — воскликнула Агнес, бледнея. — Господин Габриэль, а если я вас попрошу поднять меч...

Она еще не успела договорить, как Гавриил поднял меч и с учтивым поклоном подал его молодой девушке, сказав:

— Все условия выполнены, и мир заключен. Я не решился передать меч самому юнкеру, он не умеет обращаться с оружием и мог бы себя поранить.

Дельвиг разразился громким смехом, да и Агнес невольно улыбнулась.

— Юнкер Ханс, вот ваш меч, — сказала она, передавая оружие жениху. — Поблагодарите меня и в будущем старайтесь действовать более искусно. Счастливого пути, господин Габриэль!

— Прощайте, сударыня!

Агнес резко ударила лошадь хлыстом и во весь опор помчалась за отцом. Дельвиг и Рисбитер, красный как вареный рак, поспешили за ней.

2

В мызном лагере

Гавриил вложил свой меч в дубинку, вышел на дорогу и с задумчивым видом направился в сторону Таллина. Пройдя несколько сотен шагов, он остановился и оглянулся.

— Странно,— пробормотал он, покачав головой,— не могу понять, в чем дело, но что-то задерживает мой шаг, ноги у меня точно свинцом налиты, я словно и не хочу двигаться дальше. Тот старый бородач сказал, что ворота его мызы до сегодняшнего вечера будут для меня открыты. Какая колдовская сила таится в этих словах, что они не выходят у меня из памяти? Уж не собираюсь ли я стать мызным воякой? Нет, у меня слишком много причин презирать и ненавидеть этих людей. Агнес фон Мённикхузен... Это имя до сих пор мне было ненавистно, а теперь... Ведь это один из Мённикхузенов в битве при Колувере разбил крестьян, а моего деда велел повесить на дереве. А от руки моего деда пал один из Рисбитеров. Если это был отец юнкера Ханса, то мы с ним теперь квиты. Глупый мальчишка, этот юнкер Ханс! Не понимаю, как Агнес фон Мённикхузен может этого рыжеволосого юнца... но что мне до этого? У меня есть более важные дела, чем ломать себе голову из-за глупого юнкера и высокомерной рыцарской дочери. Вперед, в Таллин!

Гавриил зашагал дальше, но вскоре опять остановился в раздумье. Он никак не мог отделаться от одной навязчивой мысли.

— Гм! Спешить мне особенно незачем. Таллин от меня не убежит. Не попаду туда завтра — попаду послезавтра. Почему бы мне не поглядеть на мызный лагерь? Разве я боюсь этого юнкера? Нет, как раз ему-то я и хочу показать, что совсем не боюсь его.

Последняя мысль разрешила все сомнения Гавриила; он тотчас же повернул обратно и пошел только что пройденной дорогой. Через час он достиг Куйметсаского лагеря.

Лагерь состоял из множества палаток и строений, разбросанных частью во дворе мызы, частью на прилегающей к ней поляне. Вокруг всего лагеря и мызы был возведен вал из бревен и земли, с двумя воротами и несколькими отверстиями для пушек. Гавриил без труда прошел в ворота, так как стражи были пьяны и не потребовали у незнакомого крестьянина ничего, кроме нескольких монет на пиво, которые Гавриил им и дал. В лагере шел пир горой; несколько дней назад изголодавшиеся мызные наемники совершили набег на Пылтсамаа — резиденцию «короля Ливонии» Магнуса в то время, когда самого «короля» там не было, и, дочиста разграбив богатый поселок, возвратились с большой добычей. Таков был обычный образ жизни мызных отрядов. Окрестные земли были настолько разорены, что голод заставлял мызных вояк неделями рыскать в поисках пропитания. А потом, как бы отправляясь на войну, они уходили в глубь страны, грабили и убивали людей. Если такой поход удавался, то добычу тут же проедали и пропивали.

Удивительная страна эта Эстония! Восемнадцать лет длилась страшная война, столько разных войск, грабя и истребляя все на своем пути, прошло через нее, кто только не сражался здесь друг против друга, и все же эта несчастная земля еще в состоянии была кормить остатки своего населения и тысячи врагов!

В этот день в лагере у торговцев пивом и разной снедью дела шли блестяще. Вокруг них теснились толпы мызных людей, болтали, пели и пьянствовали. Гавриил сам был воином и привык к войне, но вид этой шайки пьяных разбойников, кутивших за счет крови и слез его родины, наполнил его сердце гневом и отвращением. Он уже собрался было повернуть обратно и пойти своей дорогой, как вдруг почувствовал, что чья-то тяжелая рука опустилась на его плечо. Быстро обернувшись, он увидел перед собой широколицего воина, подносившего ему полную кружку пива.

— На, выпей, приятель! Ты славный малый и радуешь мое сердце. Видел я, как ты в лесу заставил плясать четырех юнкеров!

— Так это он и есть? — раздалось со всех сторон.

— Ну да, он самый! — подтвердил широколицый воин. — Жаль, что я своими глазами не видел, как он сбросил Рисбitera с коня. Такое дело стоит, по меньшей мере, бочки пива.

— Поделом Рисбиту! — раздался голос кругом, и со всех сторон к Гавриилу потянулись кружки с пивом. Гавриил взял нехотя одну из них и выпил. Теперь он уже не мог отделаться от этих вояк. Его усадили, чтобы все могли посмотреть, «что он за человек».

— С сегодняшнего дня мы с тобой друзья, хоть ты и крестьянин, — сказал другой воин, сжимая, как клещами, руку Гавриила, которая, к счастью, тоже не отличалась изнеженностью. — Да будет тебе известно, что мы все терпеть не можем рыжего юнкера. Этот глупый мальчишка слишком много о себе мнит. Как будто таких, как он, раньше не бывало! Видишь вон там этого оборванного пьянчужку? — Он указал на человека, лежавшего ничком на земле и мутными глазами смотревшего на Гавриила. — Это потомок графа и сам носит графский титул. И таких у нас много.

— Дай выпить, тогда подарю тебе свой титул, — пробормотал пьяница.

Громкий хохот покрыл его слова.

— А Ханс Рисбиту не стоит даже этого оборванца, — продолжал новый приятель Гавриила. — Мы бы уже давно как следует проучили юнкера за его заносчивость, скупость и бессовестные доносы — с такими начальниками мы шутить не любим; да жаль, что старик Мённикхузен к нему благоволит и хочет даже выдать за него свою дочь. Как тут не разозлиться каждому порядочному человеку! Жаль, что ты не помял юнкера покрепче, когда он был в твоих руках! Свернул бы ему его кривую шею перед свадьбой — вот это была бы штука, лучше и не придумаешь!

— Мённикхузен прежде не слишком жаловал Рисбиту, — прибавил другой, — но с тех пор, как тот в Пыльтсамаа захватил в плен Фаренсбаха и привел его к Мённикхузену, старик словно переродился. Теперь Рисбиту первый человек на мызе, послезавтра спрашивают его свадьбу с прекрасной Агнес.

— Послезавтра уже свадьба? — переспросил Гавриил оторопело.

— Это бы не беда, старика мы знаем, свадьбу он устроит пышную, перепадет и на нашу долю добрый глоток; но вот что чертовски скверно — жениха настоящего на свадьбе не будет. Что это за жених? Тошно глядеть на него! Будь я на месте фрейлейн фон Мённикхузен, я, даже стоя перед алтарем, отказал бы тако-

му жениху. Что делать голубке с таким рыжим, веснушчатым, кривоногим галчонком?

— Да что о лице говорить! — сказал, махнув рукой, третий вояка, которого природа красотой не наделила. — Лицо — это уж от бога, но дело в том, что сам человек никуда не годится. Глуп, как теленок, с подчиненными заносчив и зол, перед начальством ползает на брюхе, скряга, трус, а врать и хвастать первый мастер. Одним словом — негодяй! За твое здоровье, приятель! Молодец, что проучил Ханса!

Гавриил пил и, сам тому удивляясь, с сосредоточенным вниманием слушал, как эти люди поносят юнкера Рисбитера. У Гавриила не было чувства злобы к этому человеку, он считал его только вздорным мальчишкой, но все же испытывал в душе странное удовлетворение, замечая, что о Рисбитере никто не говорит ни единого доброго слова.

Рыцарь фон Мённикхузен еще до прихода Гавриила возвратился со своими спутниками на мызу и сейчас сидел за обеденным столом. По обычаю того времени, длинный стол был уставлен всякими яствами и напитками в таком изобилии, что в наше время ими можно было бы досыта накормить втрое больше людей. Кубки и пивные кружки беспрерывно двигались вкруговую, говор не стихал ни на минуту. Дельвиг рассказывал о неудаче Рисбитера, всячески стараясь выставить его перед всеми на посмешище. Рисбитер, правда, изо всех сил возражал ему и пытался представить дело в другом свете, но видно было, что большинство слушателей склонно верить Дельвигу, а не ему; мало было здесь людей, которые не завидовали бы незаслуженному счастьем Рисбитера, становившегося обладателем прекрасной и богатой Агнес фон Мённикхузен. Агнес была задумчива и часто поглядывала через окно во двор, откуда явственно доносился шум мызного лагеря. Рисбитер сидел рядом с невестой и старался оживленной болтовней отвлечь ее внимание от рассказов и шуток Дельвига, но, не добившись успеха, в конце концов замолчал и с досады напился пьян. Когда обед кончился, юнкер схватил Агнес за руку и, пошатываясь, почти насильно увел девушку в смежную со столовой комнату.

— Это что за дурачество? — начал он, еле ворочая языком. — По-почему ты сегодня такая странная? Не говоришь со мной ни слова, не отвечаешь мне... Что все это значит? Ра-разве ты меня больше не любишь?

— Я и сама не знаю,— ответила задумчиво Агнес.

— Что это еще за выдумки! Сама не знаешь! Ведь ты со мной об-обручена, ты моя невеста! Ты должна меня любить. Ханс фон Рисбитер не позволит над собой издеваться, слышишь?

Последние слова прозвучали так угрожающе, что Агнес с недоумением подняла на жениха глаза.

— Вы пьяны, юнкер! — сказала она, слегка покраснев.— Отпустите мою руку!

Но Рисбитер не выпустил ее руки; он вдруг с шумом упал перед девушкой на колени и плаксиво заговорил:

— О, я несчастный человек, все против меня! Прости меня, милая, дорогая Агнес, если я тебя рассердил, но у меня так накипело на сердце, что я больше не могу терпеть. Этот чертов Дельвиг отравляет мне жизнь своими насмешками и клеветой. Он выставляет меня глупым мальчишкой, трусом, тряпкой. Скажи, Агнес, неужели ты веришь тому, что он на меня наговаривает?

— До сегодняшнего дня не верила,— серьезно сказала Агнес.

— Не верь ему, Агнес! Он мне ужасно завидует и старается очернить меня. Какой же я глупый мальчишка и трус, если я своими руками отбил у врагов Дитриха фон Фаренсбаха и захватил его в плен? Нет, дорогая Агнес, я храбрец, я человек умный. Я бы давно заткнул Дельвигу его ядовитую глотку, но я не решаюсь поднять на него руку, потому что он твой родственник.

— О, из-за этого тебе не стоит его щадить,— сказала Агнес, улыбаясь.

— Нет, Агнес,— торжественно заявил Рисбитер, поднимаясь с колен.— Я буду его терпеть ради тебя и твоего отца. Что сказал бы твой отец, если бы я изувечил его племянника! Сегодня по дороге он так меня разозлил, что я обнажил меч, я уже не владел собой. И плохо бы ему пришлось, бедняге, если бы другие не вмешались.

— Разве ты так искусно владеешь мечом? — с сомнением спросила Агнес.

— Я — лучший фехтовальщик во всей Эстонии,— скромно заявил Рисбитер.

— А как же в лесу с тобой случилась эта неудача?

— Какая неудача?

— Ведь у тебя не было меча, когда я туда приехала!

— Ах, ты говоришь об этом наглom мужике?

— Он ведь сказал, что он вольный человек.

— И ты этому веришь? О, Агнес, не верь ему! Вообще не верь ничему, что тебе болтают. Этот мужик был русский шпион, ручаюсь головой. Я увидел это по его лицу и ударил его ногой, но при этом как-то нечаянно подбросил вверх ножны, и меч выпал.

— А как случилось, что ты сам свалился с лошади?

— Кто тебе сказал?

— Дельвиг говорил это в твоём же присутствии.

— О, бесстыдный лгун! Я и не заметил этого вранья, не то дал бы лжецу достойный ответ своим мечом. Он говорит, будто я упал с лошади? Этого со мной не бывает! Ты ведь знаешь, какой я искусный наездник. О, Агнес, сколько мне приходится бороться и страдать из-за тебя! Все мне завидуют, все стараются меня очернить, не гнушаются даже самой низкой ложью. Но все равно — пусть делают что хотят, я их не боюсь, пока я уверен, что ты меня любишь. Поцелуй меня, Агнес!

— Не поцелую, — резко ответила Агнес и вырвалась из объятий Рисбitera.

— Что это значит? — пробурчал юнкер. — Я же твой жених, почему ты мне отказываешь в поцелуе? Ты должна поцеловать меня!

— После свадьбы! — ответила Агнес и смеясь выскользнула из комнаты.

Рисбiter, сильно раздосадованный, вышел во двор, чтобы немного рассеяться и освежиться. Проходя между палатками, он, к своему неописуемому удивлению, увидел, что среди воинов сидит тот самый человек, который сегодня доставил ему столько неприятностей. Рисбiter по природе своей был трус, но, как известно, такие люди под влиянием вина становятся самыми большими крикунами и задирами. При виде Гавриила в груди юнкера вдруг вспыхнула вся накопившаяся в нем злоба.

— Ты, собака! — заорал он на Гавриила. — Как ты еще осмеливаешься показываться мне на глаза? Что тебе здесь нужно?

Гавриил не спеша повернулся к разбушевавшемуся юнкеру.

— А, это тот самый маленький юнкер, который умеет так хорошо кувыряться,— сказал он добродушно.

Воины засмеялись. Лицо у юнкера Ханса позеленело.

— Наглый бродяга! Сейчас же встань и сними шляпу, когда разговариваешь с рыцарем!

— Я сейчас с рыцарем не разговариваю,— сказал Гавриил улыбаясь,— но когда маленький юнкер говорит со старшим, не мешало бы юнкеру приподнять шляпу.

Смех, раздавшийся вокруг, показал, что ответом Гавриила вояки остались довольны.

— Слуги!— закричал Рисбитер, чуть не плача от злости.— Хватайте этого пса! Всыпьте ему на конюшню сто ударов розгами!

Слуги не двинулись с места и продолжали смеяться и зубоскалить, глядя на юнкера. В безумной ярости Рисбитер вытащил меч и бросился к Гавриилу. Но тот вдруг вскочил, сбросил с плеч кафтан и предстал перед оцепеневшим юнкером в одежде воина, с блестящим мечом в руке.

— Посмотрим, чья шкура больше просит ударов,— сказал он угрожающе.

Мечи скрестились. Никто из мызных людей не вмешивался; все с любопытством смотрели на сражающихся, и в глубине души каждый, вероятно, желал, чтобы заносчивый юнкер был как следует наказан. Но борьба продолжалась недолго. После двух-трех ударов меч Рисбитера взлетел кверху, несколько раз перевернулся в воздухе и упал далеко под окнами мызы. Следя за мечом, Гавриил случайно взглянул на окно и встретился глазами с другим взглядом. За окном стояла Агнес. Она была свидетельницей ссоры с самого ее начала до конца. Гавриил не знал— действительно ли это было так или ему только показалось, что на розовых губах девушки как будто мелькнула довольная улыбка. Правда, Агнес сейчас же стала опять серьезной и отвернулась, но от ее улыбки в сердце Гавриила остался как бы отблеск счастья. Он почувствовал, что в нем проснулись все лучшие человеческие качества: великодушие, миролюбие, доброта, любовь ко всем людям наполнили суровое сердце воина.

— Идите отдыхать, юнкер! — дружелюбно посоветовал он. — Сегодня вы достаточно показали свою храбрость и ловкость. Ваш меч — самый легкий танцор на свете; будь у него крылья, его можно было бы принять за птицу, так легко он летает по воздуху. Если вам когда-нибудь еще случится выступать на состязании, всегда берите с собой искусного птицелова, иначе ваш меч улетит и вы его лишитесь.

Рисбитер, на минуту застывший в оцепенении, теперь невольно глянул в сторону, где на земле лежал его меч. Агнес все еще стояла у окна, но улыбка исчезла с ее гордого лица и между бровями залегла легкая морщинка. Через миг окно опустело. Рисбитер то краснел, то бледнел. Он не решался ни на кого поднять глаза, справедливо опасаясь увидеть у всех на лицах насмешливую улыбку.

— Ты осмелился поднять руку на рыцаря. Ты еще об этом пожалеешь, — сказал он, наконец, запинаясь, круто повернулся и поспешил удалиться. Воины прово-

дили его громким хохотом. Гавриил против своей воли и без всякого труда приобрел много друзей. Половина лагеря сбежалась посмотреть на смельчака, который проучил ненавистного Рисбitera. Об уходе Гавриилу не дали и говорить, да, правду сказать, он и сам не слишком спешил. Тайный голос в его сердце повелевал ему остаться здесь.

3

Сомнения невесты

В субботу начались приготовления к свадьбе. Старик Мённикхузен всегда и во всем следовал обычаям старины. Свадьбу дочери он хотел отпраздновать точь-в-точь так, как это делалось еще до войны, в золотые дни Ливонского ордена, с той лишь разницей, что свадьбу справляли не в городе, как это в большинстве случаев бывало прежде, а на мызе. На пиршество были приглашены все харьюмааские помещики. Все, однако, не смогли явиться — иные пали в боях, другие были захвачены в плен, третьи бежали от войны в города, четвертые, совсем разоренные, отправились скитаться по белому свету. Но некоторые все же прибыли со своими женами, дочерьми и слугами; в первую же очередь свадебными гостями являлись все мызные воины, происходившие из рыцарского рода. О, какое оживление царило в этот день в Куйметсаском лагере! Сколько здесь можно было видеть роскоши и пышности, сколько раззолоченного убожества! Рыцари и юнкеры были одеты в великолепное праздничное платье, на груди у них сверкали золотые цепи, на шляпах развевались перья; сбруя их коней ослепительно блестела на солнце; их жены и дочери были так разубраны в жемчуга, золото и драгоценные камни, что под их тяжестью еле держались на ногах. Рыцарство здесь показало, что от его былых огромных богатств уцелели хотя бы эти блестящие осколки.

После обеда, когда на мызе шли приготовления к вечернему пиршеству, из лагеря выехали на роскошно убранных конях все мужчины, принадлежащие к рыцарскому сословию; они собрались на открытой поляне вокруг некоего старого помещика, и тот обра-

тился к ним с речью, закончив ее следующими словами:

— Высокочтимые господа рыцари и юнкеры! Вы собрались здесь в честь нашего любезного товарища, доблестного Ханса Рисбитера, и его невесты, прекрасной и благородной Агнес фон Мённикхузен. Поэтому я по-дружески прошу вас отпраздновать эту христианскую свадьбу в мире и веселье, как и подобает добрым христианам. Если же кто-либо из вас питает к другому злобу или вражду, то пусть он тут же о них забудет. Тот, кто согласен это выполнить, пусть поднимет руку и поклянется сдержать свое слово.

Все подняли руки и обещали сохранять на свадьбе мир и согласие. Затем рыцари поехали обратно в лагерь под барабанный бой и звуки труб, стреляя из ружей и бряцая мечами, точно выиграли великую битву. Два раза проскакали они мимо балкона, где, окруженная дамами, стояла Агнес в полном свадебном наряде и смотрела на всадников.

После этого всадники разделились на два отряда — один в честь жениха, другой в честь невесты, — и рыцари помоложе начали во дворе мызы шуточные состязания, сражаясь тупыми пиками и жестяными мечами. Все воины и слуги собрались вокруг участников турнира, шумно выражая свое одобрение тем, кто проявлял наибольшую силу и ловкость, и едко высмеивая побежденных. Громче всего хохотали зрители, когда Ханс фон Рисбитер, которого Дельвиг вызвал на состязание на копьях, вылетел из седла. Увидев это, Агнес порывисто поднялась и ушла с балкона. Никто из женщин за ней не последовал, так как все напряженно следили за состязанием. Агнес поспешила в свою комнату и там, обессиленная, опустилась на стул. У нее было тяжело на душе, голова полна смутных мыслей; только одно она ясно сознавала — свое недовольство Хансом фон Рисбитером.

Агнес, еще наивное дитя, выросла под опекой строгого отца и нежной матери и до сих пор не знала никаких бед и несчастий, кроме тех, что принесла с собой война; ужасы войны были, правда, Агнес хорошо известны, ведь ей было восемнадцать лет — ровно столько, сколько продолжалась великая Ливонская война. Меньше всего Агнес знала свое собственное сердце. Ведь в то время чтение романов не было обычным вре-

мьяпрепровождением рыцарских дочерей, и для Агнес этот современный легкий и доступный курс сердечной науки был совсем незнаком. Она знала только, что девушки, достигшие примерно двадцатилетнего возраста, выходят замуж по воле родителей; устраивается пышная свадьба, затем молодая чета уезжает в свое поместье, где ведет веселый, беззаботный образ жизни, насколько это позволяет война. Когда молодые живут вместе, так называемая любовь должна прийти сама собой, и это, по мнению Агнес, было вполне естественно: она ведь до сих пор тоже любила всех, с кем жила вместе, — отца, мать, покойного брата, родственников, своих нянек, охотничьих собак отца, белую кошку тети Матильды и всяких птичек. Рисбистер не был красив, не отличался и большим умом, но отец говорил, что юнкер — достойный молодой человек и единственный наследник большого состояния; к тому же отец, по его словам, у Рисбистера в большом долгу — тот взял в плен его злейшего врага. Во всяком случае, Рисбистер не хуже других женихов, почему же Агнес не выйти за него замуж? Со свадьбой она охотно повременила бы, ей тяжело было расставаться с отцом, но отец уже назначил день свадьбы, а воле отца надо было беспрекословно подчиняться. В делах менее значительных старик Мёникхузен охотно уступал дочери и позволял ее нежной руке управлять его поступками, но в отношении замужества Агнес никогда и в голову не приходило противиться воле отца.

Однако сейчас она вдруг поняла, что в этом случае все же недостаточно одного желания отца, ей захотелось самой во всем разобраться, еще повременить, все взвесить. Она смутно чувствовала, что никогда не сможет полюбить Рисбистера, не будет с ним счастлива; мало того, Агнес убедилась, что жених ей просто противен. Как и все женщины, Агнес в глубине души считала виновным мужчину. Она не разбиралась в действительных причинах, по которым Рисбистер стал ей противен, и дала волю своему чувству, а это чувство говорило: Ханс — лгун, жалкий хвастунишка, лицом он некрасив, телом тщедушен, словом, он не такой, каким должен быть настоящий мужчина. Я никогда не смогу гордиться им, а он никогда не сможет защитить меня.

Я уже не питаю к нему никакого доверия, как же я могу верить его обещаниям сделать меня счастливой?

— Агнес! — послышался за дверью голос отца.

Агнес испуганно вскочила, но отозвалась не сразу. Впервые в ее детской душе заговорил голос упрямства и своеволия. Почему отец хочет выдать ее замуж против ее желания? Странное дело! До сегодняшнего дня ей и в голову не приходило, что отец п р и н у ж д а е т ее выйти замуж. А сейчас?

В эту минуту дверь приоткрылась и старый Мённикхузен заглянул в комнату.

— Почему ты так долго не показываешься, Агнес?

Агнес боролась с собой — высказать ли все, что тяготит ее душу, или промолчать и безропотно повиноваться воле отца? Но желание высказаться оказалось сильнее.

— Можно мне поговорить с тобой, отец? — робко спросила Агнес.

— Хо-хо, а когда же тебе это запрещалось? — весело ответил старый Мённикхузен, входя в комнату. — Но что с тобой, дочурка? Ты бледна, лоб у тебя в морщинах, губки искривлены — что это значит? Рассердил тебя кто-нибудь или тебя так волнуют заботы предстоящей супружеской жизни?

Агнес, как бы ища защиты, прижалась к груди отца и, ласкаясь к нему, сказала:

— Я — глупый ребенок и сама не знаю, что со мной. Мысли мои путаются. Дорогой отец, дай мне добрый совет!

— Добрый совет? Что я, старый воин, понимаю в кружевах и лентах? Вряд ли тебе нужен какой-нибудь другой совет.

— Отец, неужели ты всерьез считаешь, что молодой женщине, которая готовится завтра стать супругой, ни в чем другом совета не требуется и что у нее только кружева да ленты на уме? — с некоторой горечью спросила Агнес.

— Ну, тогда, может быть, ты о своем жемчуге и драгоценных камнях...

— Отец! — воскликнула Агнес таким голосом, какого Мённикхузену еще не приходилось слышать из ее

уст; вместе с тем старый рыцарь с изумлением и испугом заметил, что слезы затуманили ее ясные глаза.

— Этого еще недоставало! — растерянно сказал старик и даже отступил на шаг: он, как настоящий мужчина, боялся женских слез пуще огня. — Тебя, кажется, беспокоит что-то серьезное... Вот тебе раз, уже и слезы льются... Боже мой, что же теперь делать? Подожди, подожди, я сейчас позову женщин...

— Никого не зови! — испуганно сказала Агнес и поспешно вытерла глаза. — Я хочу с тобой поговорить наедине, но мне стыдно, я не знаю, с чего начать.

— Тебе стыдно, ты не знаешь, с чего начать? Лучше я все-таки позову женщин...

— Нет, нет! Я хотела кое о чем тебя спросить. Как ты думаешь... как ты считаешь...

— Ну?

— Думаешь ли ты, что... что юнкер Рисбитер такой же мужчина, как, например, ты?

— Хо-хо! — рассмеялся Мённыйхузен. — Смешной вопрос. Не женщина же он!

— Я хотела спросить — такой ли он храбрый, честный, правдивый, добрый...

— Ну, и что еще?

— Одним словом, достоин ли он того, чтобы стать зятем Каспара фон Мённыйхузена? — смело закончила Агнес.

— Ого, Агнес! — удивился старый рыцарь. — Я и не знал, что ты так горда. Это правда, наш род старинный и окружен большим почетом; твой родной дядя, мой брат, был епископом и владетельным князем...

— Я не говорю о нашем роде, — перебила его Агнес, — я спросила только, считаешь ли ты Рисбитера достойным тебя?

— Если я сам избрал Рисбитера себе в зятя, то, значит, он достоин этой высокой чести. Или у тебя есть на этот счет какие-нибудь сомнения?

— Я еще не успела узнать его поближе.

— Тем лучше. Совсем нехорошо, если молодая девушка поближе узнает мужчину.

— Даже и в том случае, если этот мужчина должен стать ее мужем?

— Когда они поженятся, у них будет достаточно времени, чтобы узнать друг друга.

— А если они не подойдут друг другу, тогда что?

— Девочка, девочка! Откуда у тебя эти странные мысли? — воскликнул старый рыцарь, качая головой. — Таких слов я еще ни от одной девушки не слышал. Откуда ты знаешь, что вы не подходите друг другу? Это ведь мое дело — выбрать тебе мужа, и если я наконец его подыскал, то это и значит, что вы отлично подходите друг другу. Не думай, что я не знаю людей.

— Ты действительно так хорошо знаешь Рисбите-ра? — тихо спросила Агнес, впервые усомнившись в правоте отца.

— Как же мне его не знать? С его отцом мы были добрыми друзьями, сам он уже три месяца живет в моем поместье и за это время совершил выдающийся подвиг. Я ему глубоко обязан.

— Но я-то ему ничем не обязана, — смело возразила Агнес.

Старый рыцарь в замешательстве почесал затылок. Вдруг он вскочил, просяив, как будто ему в голову пришла хорошая мысль:

— Черт меня побери, если я во всем этом хоть что-нибудь понимаю! Что значат эти разговоры? Что ты хотела мне сказать?

Теперь Агнес в свою очередь пришла в замешательство. Она не сразу нашла, что ответить, покраснела и опустила глаза.

— Ха-ха, я начинаю догадываться, за что ты досадуешь на своего дорогого жениха, — засмеялся Мённикхузен. — Тебе хотелось бы, чтобы из молодых мужчин он был самым сильным и ловким. Дорогое дитя, не печалься! Маленькая неудача со всяким может случиться. Если бы девушки стали презирать каждого, кому случилось вылететь из седла, они никогда не смогли бы выйти замуж.

— А если я вовсе и не хочу выходить замуж? — вдруг сказала Агнес.

Мённикхузен разразился громким смехом.

— Ты не хочешь выходить замуж? Ха-ха-ха! Знаю я этих девиц!.. Я думал, ты умнее и искреннее других,

а теперь вижу, что все вы на один лад. Ведь иная барышня, даже стоя перед алтарем, заставляет себя полчаса упрашивать и уговаривать, прежде чем скажет «да». Девичий стыд — вещь хорошая, драгоценная, но всему должна быть мера.

— Я никогда не стыжусь говорить правду, — гордо заявила Агнес.

— Пустые слова, болтовня! Почему же ты сейчас не говоришь правду? Хотела мне сообщить что-то важное, а я до сих пор не слышал от тебя ни одного серьезного слова. Вертишься, как кошка вокруг горячей каши. Я вижу, у тебя что-то есть на душе, разумеется, какой-нибудь пустяк, но девичья стыдливость мешает тебе довериться родному отцу и сказать ему всю правду. Не так ли, моя стыдливая дочурка?

При первых словах отца в глазах Агнес вспыхнул странный огонек. Она ответила ясным и твердым голосом:

— Я хотела бы, чтобы свадьба была отложена.

Отец широко раскрытыми глазами посмотрел на дочь. Он знал, что Агнес в известной мере обладает твердой волей или «упрямством», благодаря которым она, если требовалось, брала верх и над отцом; а сейчас выражение лица у Агнес было такое серьезное, взгляд так суров, что у храброго рыцаря на миг дрогнуло сердце.

— Почему? — спросил он, оторопев.

— Я не могу это объяснить, — в раздумье ответила Агнес и опустила глаза.

Увидев это, старый рыцарь почувствовал, что в нем опять растет смелость и решимость по отношению к дочери, но шутить с ней он все же больше не отважился, считая, что сейчас необходимо серьезное отеческое внушение.

— Агнес, Агнес, что с тобой? — сказал он укоризненно. — Ты требуешь поистине невозможного и даже сама не знаешь, почему ты этого требуешь! Ты подумай, на что это похоже: свадебные празднества уже начались, пиршество подготовлено, гости съехались — и вдруг я явлюсь к приглашенным и объявлю: «Ступайте по домам, вам здесь делать нечего — свадьба отложена на неопределенное время». Что скажут люди? Как

я решусь смотреть им в глаза? Я буду навеки опозорен, стану посмешищем для всего рыцарства эстонской земли. В этом еще большой беды нет, насмешек я не боюсь. Но подумай, что стали бы говорить о тебе самой!

— Что же? — пролепетала Агнес, веские слова отца и его серьезное лицо снова смутили ее.

— Ох, Агнес, ты — невинный ангел! — от всего сердца вздохнул Мённыйхузен. — Как мало ты еще знаешь наше милое помещичье общество, его злые мысли и еще более злые сплетни. Опрометчивый поступок, которого ты так необдуманно требуешь от меня, развязал бы все языки, несмотря на невзгоды и бедствия войны. Честь благородной девицы — такой несказанно нежный цветок, что достаточно одного злого слова — и он может увянуть.

— Как же это может коснуться моей чести, если...

— Если свадьба не состоится? Ох, Агнес, если бы ты знала, как легко может быть задета наша честь нашими же лучшими друзьями и как мне трудно тебе это объяснить! Каждое событие имеет свою причину, и если этой причины люди сразу не видят, то начинают ее искать и судачить. Если свадьба не состоится без всякой видимой причины, пойдут всякие кривотолки...

— Какие кривотолки? — прервала отца Агнес.

— Ну, например, о том, будто между тобой и Рисбитером стоит какой-то другой мужчина.

— Другой мужчина? — испуганно переспросила Агнес.

— Ну вот, ты и сама испугалась, — улыбнулся старый рыцарь, в душе радуясь своей удавшейся хитрости. — Не заставляй меня подробно разъяснять эти неприглядные вещи, мне это очень тягостно. Люди злы и охотно осуждают ближнего, в особенности если этот ближний — молодая женщина. Если жених с невестой или супружеская чета расходятся без видимой и всем понятной причины, то подозрение прежде всего падает на более слабую сторону, как если бы именно женщина сошла с верного пути.

— Этого никто не должен думать! — сказала Агнес, гордо подняв голову. — Забудь о моей просьбе, отец! Теперь я сама вижу, что была глупым ребенком и хотела невозможного.

— Пусть это послужит тебе уроком на будущее, — торжественно закончил Мённикхузен и поцеловал дочь в чистый белый лоб.

Агнес опять вышла на балкон к другим женщинам; те стали наперебой расспрашивать ее, почему она так долго отсутствовала. Агнес тяжело было выслушивать эти вопросы; с холодной дрожью думала она о том, что было бы, если бы все эти женщины стали допытываться о причинах другого, более серьезного и важного обстоятельства. Она отвечала небрежно. Лицо ее было надменно и холодно. Ни разу взгляд ее не обратился в ту сторону, где среди воинов стоял Гавриил, привлекая взоры всех женщин своим мужественным обликом.

«Несказанно прекрасна и несказанно горда, — думал Гавриил, глядя на красивую невесту. — Настоящая княжеская дочь. Я не верю, что она любит Рисбитера, но еще менее возможно, чтобы она полюбила человека, стоящего хотя бы на волос ниже ее по происхождению».

4

Русские идут

Вечером началось большое пиршество, в котором принял участие весь лагерь. В залах господского дома пировали званые гости и военачальники, которых было едва ли не больше, чем подчиненных, в палатках вокруг пивных бочек валялись простые воины с кружками пенящегося пива в руках.

К полуночи ни на мызе, ни во всем лагере не осталось ни одного трезвого человека, за исключением разве только Гавриила. Он поместился в самой большой палатке. Ему пришлось изрядно выпить со всеми, чтобы «поддержать компанию», но он умел соблюдать меру. Вид пьяных вояк, их бессмысленное бормотанье и храп вызывали у Гавриила отвращение и презрение. Неужели эстонская земля должна трепетать перед этим разгульным сбродом? Горсточка русских могла бы сейчас без труда разогнать эту шайку разбойников.

Когда пьяные погрузились в глубокий сон, Гавриил встал и вышел из палатки. Небо заволокло тучами, над землей простерлась темная ночь. В лагере погасли последние огни, но в помещичьем доме окна еще были освещены. Изредка то тут, то там слышались голоса, невнятный говор, песни.

Гавриил прошел под окнами дома и очутился в саду, куда старый Мённикхузен, желая угодить дочери, велел не впускать воинов. Тут веяло ароматом свежей травы и цветов. Гавриил решил здесь переночевать. Он выбрал полянку под яблонями, покрытую мягкой травой, и растянулся на ней. Сырость, поднимавшаяся от земли, и ночная прохлада не могли повредить его железному здоровью.

«Завтра двинусь в путь, — думал он, засыпая. — Глупо я поступил, оставшись здесь. Не понимаю, что вообще привело меня сюда. Что мне здесь было нужно? Неужели я действительно еще так неразумен, что стремился еще раз увидеть эту заносчивую девицу, или была у меня другая причина? Нет, по правде говоря, никакой другой причины у меня не было. Ведь не хотел же я стать мызным воином! А значит, я, несмотря на свои почтенные двадцать семь лет, все еще настолько пустой, легкомысленный человек, что готов бежать за первым попавшимся смазливый личиком. Плохо это говорит о моем мужском достоинстве и разуме!.. Странно, что она выходит замуж именно за этого глупца Рисбитера. Разве сейчас, в такое грозное время, этот шаткий тростник может служить ей опорой? Странно!.. Но какое мне до этого дело? По своему происхождению и высокомерию они вполне достойны друг друга. Пусть будут счастливы или несчастны — мне безразлично».

С этой суровой мыслью Гавриил спокойно уснул.

Он проспал, вероятно, около двух часов, как вдруг его разбудил сильный шум и ружейные выстрелы. Он сперва подумал, что это ссорятся между собой пирующие, как часто случалось на свадьбах того времени, но вскоре заметил, что шум доносится не со стороны мызы, а из лагеря. В окнах дома свет потух, там царила глубокая тишина. Лагерь был отделен от сада зданием мызы, поэтому Гавриил не мог видеть, что происходит

в лагере. Он вскочил и прислушался. Шум все нарастал, и вперемешку с ружейными выстрелами ясно слышался лязг холодного оружия. Вдруг до слуха Гавриила донеслись испуганные крики: «Бегите, бегите! В лагере русские!»

Теперь Гавриилу все стало ясно. Русские, стоявшие в Пайде, каким-то образом проводали о свадебном пиршестве на мызе Куйметса и, воспользовавшись тем, что мызные воины пьяны, напали на лагерь.

Гавриил колебался — принять ли ему участие в схватке или спокойно ждать ее конца? В обоих случаях могла быть и обратная сторона дела. К кому же ему примкнуть? Мызных воинов Гавриил презирал и ненавидел всей душой, но сейчас поднять на них руку не мог — он ведь был их гостем. А если он останется безучастным зрителем, можно опасаться, что его насильно вовлекут в борьбу. Разумнее всего было спокойно уйти своей дорогой, пока это еще казалось возможным. Но Гавриил все же не ушел. Непонятное чувство заставило его остаться на месте, настороженно выжидая.

В окнах мызы замелькали огни. Шум приближался — как видно, русские ворвались на мызу. Вдруг Гавриил вспомнил гордую дочь рыцаря, и со всеми колебаниями было покончено. Когда он поспешно шагал через сад к мызе, зазвенели разбитые оконные стекла, одна из дверей с треском распахнулась и мимо него промчалось несколько темных человеческих фигур. Гавриил хотел войти в дверь, но оттуда вырвалась новая толпа беглецов, и проникнуть в дом стало невозможно. Гавриилу пришлось посторониться. Кто-то из бегущих в давке толкнул его локтем в бок. Гавриилу показалось, что это был юнкер Рисбистер.

«Хорош жених — сам бежит, а невесту оставляет в беде!» — подумал Гавриил, скрипнув зубами, и погрозил кулаком вслед убежавшему Рисбистеру.

Вдруг со второго этажа донесся громкий крик. Подняв глаза, Гавриил увидел на балконе белую тень; в то же время он заметил узкую витую лесенку, которая вела из сада на балкон. Не теряя времени, он быстро взбежал по лестнице вверх.

— Кто там? — слышался испуганный голос Агнес, и белая тень, как бы защищаясь, вытянула руки вперед.

— Друг! — вполголоса ответил Гавриил. — Я хочу вам помочь бежать, фрейлейн Агнес, вы позволите?

— Где мой отец? — спросила Агнес в отчаянии.

— Этого я не знаю. Смотрите, как все бегут... Может быть, среди них и рыцарь Мёникхузен. Подумайте лучше о себе, фрейлейн Агнес!

— Нет, нет! Я не тронусь с места, пока не узнаю, что с моим отцом...

Слова замерли у нее на устах — за своей спиной она услышала грубые голоса, что-то кричавшие на незнакомом ей языке.

— Хотите попасть в руки русских? — сказал Гавриил почти угрожающим тоном.

— Нет, нет! — вскрикнула Агнес, вся дрожа от страха, и обеими руками схватила сильную руку Гавриила, как бы ища защиты.

Он взял девушку на руки, как беспомощного ребенка, и, спустившись с лестницы, поспешил к железной калитке, с которой бежавшие раньше уже сорвали замок. С трудом выбрался Гавриил со своей драгоценной ношей из толпы беглецов и вышел на открытую равнину, по которой, как черные тени, в одиночку и группами неслись люди, спасавшиеся бегством.

— Теперь опустите меня на землю, — шепотом попросила Агнес.

Гавриил повиновался, хотя и с сожалением, и, взявшись за руки, они побежали по равнине в ту сторону, где неясно темнела опушка леса. Но не пробежав и нескольких десятков шагов, Агнес вскрикнула от боли и упала на колени.

— Что с вами? — спросил Гавриил.

— Я ушибла ногу о камень, — простонала Агнес.

— Вы босиком, фрейлейн Агнес?

— Не только босиком, но и...

Она не смогла договорить, у нее от стыда осекся голос. Ведь она, бедняжка, вынуждена была бежать прямо из постели!

Не тратя времени и слов, Гавриил сбросил свой длинный кафтан, закутал в него нежное тело девушки,

снова бережно взял на руки свою дорогую ношу и только теперь попросил разрешения:

— Можно мне опять нести вас на руках?

Агнес молча кивнула головой. У нее больше не было сил да, пожалуй, и желания противоречить этому сильному и в то же время такому вежливому человеку. Ею овладело какое-то сладостное упоение, она на миг забыла все ужасы этой страшной ночи. Но недолго длилось это счастливое забытие: не успели еще беглецы достигнуть леса, как им стало освещать дорогу багровое зарево и, оглянувшись, они увидели, что вся мыза объята пламенем. Агнес вскрикнула и, вырвавшись из рук Гавриила, соскочила на землю.

— Вперед, вперед! — звал ее Гавриил. — Русские с минуты на минуту могут нас настигнуть!

— Разве вы не видите, что мыза горит! — пролепетала Агнес, глядя на огонь точно зачарованная.

Гавриил пожал плечами. Он считал, что девушка слишком уж горюет о потере своего имущества, и пробормотал довольно холодно:

— Что поделаешь? Это право войны.

— Но мой бедный отец, что с ним теперь будет? — вскричала Агнес в отчаянии.

Гавриил не произнес больше ни слова.

Вдруг Агнес, как безумная, бросилась обратно, к горящей мызе. Но далеко ей уйти не удалось — длинный кафтан Гавриила запутался у нее в ногах. Пробежав несколько шагов, она споткнулась и упала. Гавриил поспешил к ней.

— Не трогайте меня! — умоляюще воскликнула Агнес, задыхаясь. — Я хочу остаться здесь и умереть!

С этим Гавриил никак не хотел согласиться. Он сказал ей сурово:

— Вы не должны умирать, фрейлейн фон Мённикхузен. Ведь еще определенно неизвестно, что ваш отец умер или попал в плен. А если он жив и услышит о вашей смерти, это известие действительно может сократить его драгоценную жизнь.

Агнес быстро поднялась на ноги.

— Так вы думаете, мой отец жив? — спросила она, испытующе глядя в глаза Гавриилу.

— Я не только думаю, я в этом твердо уверен, — ответил Гавриил.

— Почему вы в этом уверены? — спросила Агнес. В ней снова пробудилось сомнение.

— Я видел, как многие бежали с мызы, среди них был и ваш любимый жених, — прибавил Гавриил с некоторым злорадством.

— Он бежал... раньше, чем я? — пролепетала Агнес, отвернувшись, — она не хотела, чтобы Гавриил заметил краску стыда на ее лице.

— Бежал одним из первых и с удивительной поспешностью, — безжалостно подтвердил Гавриил. — Не бойтесь за его жизнь, фрейлейн Агнес: я не думаю, чтобы русские могли его настигнуть, если только у них нет крыльев за спиной. В этот раз русские опять показали, что в таких битвах, когда надо окружить противника, им не хватает ловкости и хитрости. Они же знали, что все воины в лагере пьяны и что можно без труда проникнуть в ворота, оставшиеся без охраны, но им и в голову не пришла мысль окружить высокую садовую стену за мызой. Ваш отец — мудрый военачальник: он, очевидно, сразу понял, что сопротивление тут бесполезно, а дорога для отступления еще открыта, и сам отдал всем приказ бежать. В таких случаях отступление, по законам войны, не считается позорным делом, оно подсказано разумом. В руки русских попало, вероятно, лишь несколько пьяных воинов... а их не очень-то и жаль, — прибавил Гавриил про себя.

Удивительное впечатление произвели на Агнес спокойные, дельные слова Гавриила. Она почувствовала, что страх и отчаяние в ее душе рассеиваются, и твердо поверила, что отец спасся.

— В какую сторону мог бежать мой отец? — живо спросила она.

— Должно быть, к Таллину, — ответил Гавриил.

— О, так поспешим сейчас же за ним!

— Я тоже так думаю... но тише, я слышу какой-то шум... Ляжем на землю!

Они приникли к земле и стали напряженно прислушиваться. До них явственно донесся топот лошадиных копыт по каменистой почве. Вскоре при смутном свете пожара они увидели приближающихся со стороны мы-

зы всадников. Как тени, пронеслись они в каких-нибудь ста шагах от беглецов. Сердце Агнес билось учащенно. Она бессознательно придвинулась поближе к Гавриилу.

— Это не русские, — прошептал Гавриил, — мне кажется, я узнаю рыцаря Мённикхузена. Видите шляпу с красными перьями? Это он!

— Отец! — закричала Агнес, вскакивая. — Отец, услышь меня! Отец, дорогой отец, я ведь здесь, твоя Агнес!

Гавриил тоже хотел было крикнуть, его сильный голос донесся бы до всадников, но — то ли от опасения, что громкий окрик еще больше испугает скачущих и заставит их ускорить свой бег, то ли от другой, неизвестной причины — голос его замер в груди. Агнес несколько раз повторила свой зов, но ее никто не слышал; всадники ни разу не оглянулись, и вскоре их тени исчезли в темноте. Агнес в отчаянии ломала руки.

— Страх смерти делает людей глухими, — сказал Гавриил улыбаясь.

— Мой отец не боится смерти, — гордо ответила Агнес.

— Возможно, но я все-таки думаю, что жизнь ему милее, и он жаждет жить еще долго, вам на радость. Пусть это будет для вас хорошим примером, фрейлейн Агнес. Теперь у вас больше нет ни малейшей причины желать смерти. Мы должны серьезно подумать о тех требованиях, какие ставит нам жизнь. Скоро рассвет, русские могут нагрянуть сюда с минуты на минуту. Единственное спасение для нас — укрыться в лесу. Там мы сможем отдохнуть и подумать, что делать дальше.

— Да, бежим, бежим! — сказала Агнес, как бы пробуждаясь от сна.

Она, не противясь, позволила Гавриилу снова взять ее на руки. Вскоре они добрались до опушки леса, но Гавриил здесь не остановился, потому что мызные воины на большом пространстве вырубili лес и он сильно поредел. Гавриил стремился унести свою драгоценную ношу как можно дальше от опасности. Он и сам не знал, почему эта ноша стала ему так дорога; ведь девушка, которую он сейчас нес на руках, была надменное дитя рыцарского рода, дочь начальника ненавист-

ных мызных людей. И все же Гавриил за всю свою жизнь не мог припомнить ни одного подвига, который доставил бы ему более глубокую радость. В глухой лесной чаще он наконец остановился, тяжело переводя дух. Он немного устал, но чувствовал себя счастливым.

Агнес, как только встала на землю, блестя глазами и зарумянившись, протянула Гавриилу руку.

— Как мне вас благодарить?

— Благодарить? — смеясь переспросил Гавриил. — Если бы вы только знали, как меня позабавило это бегство, вы не благодарили бы меня и еще от меня потребовали бы благодарности.

— Как? Это вас... позабавило? — протяжно повторила Агнес и отдернула руку.

— Самым настоящим образом позабавило, — весело подтвердил Гавриил. — Я охотно возвратился бы на мызу посмотреть, нет ли там еще какой-нибудь благородной девицы, желающей воспользоваться моей помощью.

— Так идите! — поспешно сказала Агнес.

— А если русские меня не впустят?

— Неужели вы их так боитесь? — с насмешкой спросила Агнес.

— Вы же сами видели, как проворно я от них удираю!

— Ну, тогда оставьте меня здесь и... бегите дальше!

Правду говоря, Агнес немного помедлила, прежде чем это сказать, но она была раздражена, и презрительные слова в конце концов как бы сами сорвались у нее с языка.

«О, какое высокомерие! — подумал Гавриил, при свете разгорающейся зари всматриваясь в лицо молодой девушки, на котором бледность быстро сменилась румянцем. — Удивительно, как она еще не говорит мне «ты»! Должно быть, сердится, что я осмелился своими грубыми крестьянскими руками прикоснуться к ее высокородному телу». — С бегством пока нечего спешить, — продолжал он вслух, — здесь мы хорошо укрыты и можем отдохнуть.

— Я не устала, — холодно сказала Агнес. — Я знаю дорогу на Таллин и сейчас же отправлюсь в путь.

— Вы забываете, что ваша карета и лошади остались в руках русских, а со своей добычей они не так-то легко расстаются. Я боюсь их как огня и не хотел бы их тревожить. Ваш отец и доблестный юнкер Ханс внезапно уехали в Таллин, из мызных слуг, к сожалению, никого нельзя найти — как же вы, фрейлейн Агнес, думаете отправиться в путь?

— Мне ничьей помощи не нужно, я пойду одна, — гневно заявила Агнес.

— Нет, фрейлейн Агнес, одна вы не пойдете, — серьезно возразил Гавриил. — Можете отталкивать и презирать меня от всей души — я не оставлю вас, пока не передам вас живой и невредимой вашему отцу. Добраться в Таллин не так легко, как вы думаете. Путь долог и опасен. Если уж благородные юнкеры нападают на одинокого, ни в чем не повинного путника, как это позавчера случилось здесь неподалеку, то подумайте, что с вами было бы, если бы вы натолкнулись на бродяг и разбойников, которыми сейчас кишмя кишит наша бедная родина. Мы должны держаться в стороне от больших дорог, искать путей через леса и болота. Но прежде чем мы пустимся в дорогу, вам крайне необходимо раздобыть еще кое-что. Ваш теперешний костюм (Агнес, вдруг покраснев, опустила глаза), как, вероятно, и всякий другой, вам очень к лицу, но для бегства он не совсем годится; нужнее всего обувь. Я предложил бы вам свои сапоги, но боюсь, что они вам не подойдут (Агнес невольно улыбнулась). Знаете что, по-моему, сейчас лучше всего сделать? Я знаю привычки русских. Это, вероятно, была только небольшая кучка смельчаков, которые решили неожиданным набегом рассеять мызный отряд и с легкой добычей вернуться домой. Возможно, что к восходу солнца ни одного русского в Куйметса уже не останется. Русские знают, что большая часть мызного отряда бежала; но они могут предположить, что мызные воины и их начальники, заметив немногочисленность противника, соберутся здесь поблизости, чтобы со своей стороны напасть на русских. Я-то этого не думаю, так как видел, с какой поспешностью и усердием юнкеры удирали; но русские ведь этого не знают и могут считать, что мызные люди подстерегают их где-нибудь здесь же, в лесу.

Я сейчас предлагаю следующее: вы останетесь здесь, в чаще леса, и хорошенько спрячетесь, а я пойду на разведку, чтобы узнать, не ушли ли русские из Куйметса. Если там все тихо, я пороюсь в развалинах мызы или в лагере; может быть, найду там какую-нибудь уцелевшую от пожара и грабежа одежду или немного съестного, которое нам тоже крайне необходимо. Уже рассвело, я отправлюсь сейчас же.

— Нет, нет! — вдруг вскричала Агнес, качая головой.

— Почему? — удивился Гавриил.

— Я не хочу, чтобы вы из-за меня подвергались смертельной опасности.

— Я и не думаю подвергаться смертельной опасности, — улыбнулся Гавриил. — Не брошусь же я, сломя голову, на русских. Вы знаете, что я их боюсь как огня. Но если они ушли своей дорогой, чего же их бояться?

— А я тоже могу пойти с вами? — робко спросила Агнес.

— Нет, нет, это не годится, — резко ответил Гавриил, и холодная дрожь пробежала по его телу, когда он представил себе страшную картину, которая ожидала бы молодую девушку на мызе, на месте ночной схватки и грабежа. — Ваша жизнь, фрейлейн Агнес, слишком дорога, вы должны ее беречь для вашего отца и... жениха.

При этом последнем слове у Агнес между бровей появилась морщинка.

— Ну хорошо, идите и посмотрите, — холодно сказала девушка.

Гавриил вынул из-за пазухи заряженный пистолет и, дав его Агнес, сказал:

— Если во время моего отсутствия вам будет угрожать какая-нибудь опасность, дайте мне об этом знать выстрелом из пистолета.

— Только дать знать? — насмешливо спросила Агнес. — Неужели вы думаете, что дочь рыцаря фон Мёникхузена, имея в руках оружие, не сумеет сама себя защитить? Поверьте мне, я искусный стрелок.

— Да? — произнес Гавриил с сомнением.

— Хотите, попробуем сейчас? — воскликнула Аг-

нес, поднимая пистолет.— Видите шишку на вершине ели?

— Отложим это испытание до другого раза,— поспешно перебил ее Гавриил.— Я и так верю, что вы меткий стрелок, но для стрельбы время сейчас не совсем подходящее. Лучшая защита для беглецов — осторожность и тишина... Могу я надеяться, что найду вас на этом же месте и в добром здоровье?

Агнес молча кивнула головой, а Гавриил направился к опушке леса.

— Господин Габриэль! — крикнула Агнес ему вслед.

Гавриил удивленно оглянулся. Агнес бегом догнала его, порывисто схватила его за руку и сказала умоляюще:

— Не подвергайте себя опасности, возвращайтесь целым и невредимым!

Гавриил пытливо посмотрел девушке в глаза и увидел в них, кроме сочувствия, еще и нечто другое, на миг наполнившее его сердце удивительным ощущением счастья. Голос его слегка дрожал, когда он ответил шутливо:

— Не бойтесь за меня, фрейлейн Агнес! Я хитрый лис, так легко в капкан не попаду. Меня гораздо больше тревожит то, что вы останетесь в лесу одна, как бы с вами здесь не случилось что-нибудь неприятное. Поэтому еще раз прошу вас: спрячьтесь хорошенько и соблюдайте тишину. Ноги укройте кафтаном — утренняя роса может вам повредить. Если я, вернувшись, вас здесь больше не найду, то буду очень жалеть об этом.

С этими словами Гавриил пожал девушке руку и быстрыми шагами удалился.

5

Первая любовь

Удивительная сила таится в первой любви. Агнес еще не знала, что такое любовь, не знавала и того, что полюбила Гавриила, но она чувствовала, что на сердце у нее легко и невыразимо радостно.

Образ Гавриила все время носился в ее воображении: она беспрестанно видела его перед собою, слышала его проникающий в душу голос, мысленно повторяла каждое его слово, припоминала все подробности пережитого вместе с ним. Ужасы этой ночи, прерванный сон, бегство в одной сорочке, босиком, — все эти события, сами по себе значительные, но не касавшиеся Гавриила, словно изгладились из ее памяти. Она сейчас с удовольствием, как в детстве, побегала бы по лесу, ей хотелось петь, даже кричать от радости; но она вспомнила, что «он» велел ей хорошенько спрятаться и сидеть тихо. Послушно закутавшись в длинный кафтан, Агнес уселась на пень и стала спокойно ждать.

Гавриил долго не возвращался. Солнце поднялось уже высоко, наступило мирное, золотое летнее утро, в лесу зазвучали тысячи птичьих голосов, а Гавриила все не было. У Агнес сжалось сердце. Она все время прислушивалась и посматривала в ту сторону, где, как она считала, должна была находиться мыза. Иногда девушке чудился треск валежника, она вскакивала с радостным испугом, но всякий раз оказывалось, что она ошиблась. Гнетущее отчаяние все больше наполняло душу Агнес, страшные картины сменялись в ее воображении. Ни разу не подумала она о том, что будет с нею, если ей придется бежать одной; но при мысли, что она, может быть, никогда больше не увидит Гавриила, сердце ее сжималось. К чему тогда и бежать?

Агнес не в силах была дольше терпеть эти мучения. Она вдруг вскочила и бросилась к опушке леса. Но тут остановилась, пораженная ужасом. От мызы Куйметса не осталось ничего, кроме дымящихся развалин; крыша исчезла, почерневшие стены, вздымавшиеся к синему небу, глядели как-то чуждо. Не слышно и не видно было людей. Где же Гавриил?

Действительно ли русские ушли или он попал к ним в руки?

При этой мысли у Агнес подкосились ноги. Ведь она слышала, а иногда и сама видела, как во время этой ужасной войны мучили пленных, как их жгли на медленном огне, живыми варили в котлах и подвергали другим пыткам. Со страшной отчетливостью мелькали эти жуткие видения в возбужденном воображении Аг-

нес; и все же она готова была бежать туда, подвергнуться таким же мукам ради одной лишь надежды еще хоть единственный раз увидеть Гавриила.

Вдруг сердце у нее сильно забилось и трепетный вздох облегчения вырвался из стесненной груди. Из-за развалин показалась мужская фигура с большим узлом за плечами и двинулась по направлению к лесу. Человек был еще далеко, но Агнес все же сразу узнала его. Если бы Гавриил сейчас внезапно появился перед ней, живой и невредимый, она, наверное, со слезами радости бросилась бы ему на шею. Но так как прошло некоторое время, прежде чем Гавриил достиг опушки леса, Агнес успела собраться с мыслями, совладать со своими чувствами, как приличествует благовоспитанной девушке из рыцарского рода. Она сделала несколько шагов навстречу Гавриилу и сказала приветливо — только приветливо:

— Русских там уже нет?

— Конечно, нет, — ответил Гавриил улыбаясь, — иначе ваш покорный слуга едва ли предстал бы перед вами без единой царапины. Но почему вы вышли из леса, фрейлейн Агнес?

— Мне наскучило ждать и очень хотелось посмотреть, что случилось с нашей мызой. Нельзя ли нам сейчас пойти туда?

— Нет, фрейлейн Агнес, не делайте этого, — серьезно возразил Гавриил. — Я понимаю, вам тяжело расстаться с родным домом, но ваше нежное сердце не смогло бы без потрясения перенести это страшное зрелище. К тому же русские могут неожиданно вернуться.

— А там действительно так ужасно? — тихо спросила девушка.

— Да, ужасно. Погибло много мызных людей.

— Среди убитых есть и рыцари и... женщины? — со слезами на глазах спросила Агнес.

Этот вопрос, сам по себе вполне естественный, почему-то заставил Гавриила нахмуриться. Он ответил сухо:

— Из рыцарей пало трое-четверо, в том числе и юнкер Дельви́г. Из женщин никто не погиб: они либо все бежали, либо русские увели их с собой. Мыза

и лагерь разгромлены, строения превращены в дыми-щиеся развалины. Мне пришлось обшарить все углы и закоулки, пробираться между грудями тлеющих головней, пока я, наконец, не разыскал то, что нам необходимо: хлеб, мясо и — не пугайтесь! — костюм мальчика. Да, фрейлейн Агнес, времена так изменились к худшему, что вы должны будете переодеться мальчиком: женской одежды я не нашел, да она и не очень-то годилась бы для бегства. В этом узле вы найдете все, что вам нужно, чтобы подкрепить силы и изменить вашу внешность. Но прежде всего пойдете в глубь леса.

Молча, потупив глаза, последовала Агнес за своим спутником. В лесной чаще Гавриил опустил узел на землю и отошел далеко в сторону. Когда он немного погодя возвратился к прежнему месту, перед ним оказался красивый мальчик в одежде немецкого покроя. Платье было ему узковато, но все же очень к лицу; и мальчик, казалось, это сознавал — глаза его сияли счастливым блеском, щеки покрывал густой румянец. Гавриил должен был втайне признаться, что «надменная рыцарская дочь» принадлежит к числу тех немногих людей, которых не платье красит, а которые сами украшают собой любую одежду.

— С добрым утром, юнкер! — воскликнул Гавриил весело. — Как вас зовут?

— Юнкер Георг.

— Отлично. Вы и будете юнкером Георгом, пока мы не доберемся до Таллина, а я буду вашим смиренным слугой Габриэлем. Если нам на пути встретится кто-нибудь, у кого будет сила и право принудить нас назвать себя, вы будете юнкером Георгом фон Мённикхузен, а я мызным слугою Габриэлем, которого назначили вашим оруженосцем. А если мы вдруг столкнемся с разбойниками — я буду бедным, но честным крестьянином, а вы моим младшим братом Юри, для которого я украл немецкую одежду. Было бы удивительно, если бы два таких молодца, как мы с вами, не сумели выбраться из беды. Я немного владею мечом, а у вас, чтобы вы могли защищаться, останется пистолет. Надеюсь, вы не боитесь выстрела?

— Я попадаю в птицу на лету,— с гордостью сказала Агнес.— Не забывайте, господин Габриэль, что я дочь военачальника и выросла среди воинов.

— Верно, верно, вы уже раньше мне об этом говорили. Я очень рад, юнкер Георг, что вы бывалый воин, закаленный в боях, но помните, что я не «господин Габриэль».

— А кто же вы?

— На несколько дней — ваш слуга, которому вы должны говорить «ты».

— Но как я могу говорить вам «ты»?

— А почему бы вам этого не делать?

— Вы совсем не похожи на слугу. Боюсь, что если нас увидят вместе, то подумают, что вы рыцарь, а я ваш оруженосец.

Мы, к сожалению, не можем утверждать, что эти слова девушки и восхищенный взгляд, которым она окинула стройную фигуру своего спутника, как-либо уязвили сердце Гавриила.

— Я боюсь, что такая мысль вряд ли пришла бы кому-нибудь в голову при виде нас,— сказал Гавриил улыбаясь.— Я так же похож на рыцаря, как ворон на ястреба.

— Разве вы не рыцарского происхождения? — простодушно спросила Агнес.

— Нет,— сухо ответил Гавриил и, заметив, как ему показалось, на лице Агнес оттенок сожаления, еще суше прибавил: — Вы, наверное, скоро убедитесь, что я рожден быть слугой. Когда вы скажете мне три раза «ты», то сами удивитесь, как это в первую же минуту не пришло вам в голову. Давайте попробуем. Какое приказание даст мне милостивый юнкер?

— Хорошо, Габриэль,— сказала Агнес, слегка откинув голову назад,— возьми узел на плечи и пойдем дальше.

— Вот так, правильно,— одобрительно произнес Гавриил, выполняя приказание.

— Слуга не имеет права ни хвалить, ни осуждать своего господина,— заметила Агнес улыбаясь.

— Прошу прощения! Впредь я не открою рта, пока милостивый юнкер не прикажет.

Выбравшись из зарослей, они вышли на тропинку, тянувшуюся через леса и болота к северу. Местность была пустынна, редко попадались здесь следы человека. На более открытых местах путникам кое-где бросались в глаза клочки желтеющих нив и пепелища деревень; от крестьянских лачуг оставались лишь черные головешки, а жители, по-видимому, из страха перед мызными людьми, давно уже бежали в леса или города. И все же ландшафт не казался безжизненным и печальным, потому что солнце ласково сияло на ясном голубом небе, пели птицы и природа зеленела в своем пышном летнем убранстве. По мнению Агнес, это было очень веселое бегство. Изредка, когда ей вспоминалось несчастье отца, разгром Куйметса и гибель родственника Дельвига, на глазах ее появлялись слезы, но ненадолго. Чудесная песня радости непрестанно звучала основным тоном в ее сердце, но Агнес стыдилась ее, старалась быть серьезной и молчать, хоть и испытывала горячее желание слушать голос Гавриила, вести с ним

задушевный разговор и даже шутить. У Гавриила тоже было такое желание, но он не хотел нарушить добровольно взятое на себя обязательство — быть только слугой. Ему приходилось довольствоваться тем, что он время от времени посматривал исподлобья на юнкера Георга, лицо которого, как розовый бутон, выглядывало из-под широкополой шляпы.

— Габриэль! — робко сказала Агнес немного погодя.

— Что угодно юнкеру Георгу?

— Я... я не могу выполнить договор.

— Какой договор?

— Я не могу говорить вам «ты» и вообще разговаривать с вами, как со слугой. Какой вы слуга? Вы совсем не похожи на слугу.

— Как так? Уж не провинился ли я в чем-нибудь, не был ли я, чего доброго, дерзким?

— О нет, нет! Но я не желаю, чтобы вы слишком унижались передо мной. Если это будет необходимо, мы сможем снова вспомнить наш уговор, и я обещаю быть таким гордым и суровым юнкером, каким вы только захотите меня видеть. Но пока в этом ведь нет нужды, и... одним словом, я хочу побеседовать с вами как с веселым товарищем и о многом, многом вас расспросить.

«А-а! — подумал Гавриил. — Рыцарской девице наскучило молчать, и она готова, если нет под рукой ничего лучшего, поболтать и с человеком, стоящим ниже ее». — Спрашивайте, фрейлейн Агнес, — сказал он вслух.

— Мой первый вопрос таков: не можем ли мы немного отдохнуть и позавтракать? Здесь такая славная полянка, что было бы жаль пройти мимо, не посидев на ней.

— Этот вопрос заслуживает серьезного внимания, — сказал Гавриил и тотчас же сбросил узел с плеч. Сам он растянулся на траве и стал с удовольствием наблюдать, как Агнес проворно развязывает узел и вынимает копченое мясо и огромную ковригу хлеба.

— У вас есть нож? — спросила Агнес.

— Да, есть, но берегитесь, чтобы не порезать себе пальцы, — сказал Гавриил и подал ей блестящий острый кинжал, серебряная рукоятка которого была покрыта искусной резьбой и украшена драгоценными

камнями. Гавриил сам взял бы на себя труд порезать хлеб и мясо, но не решался: слишком уж приятно было смотреть, как гордая дочь рыцаря prepares завтрак.

— О, какая прелесть! — воскликнула Агнес, разглядывая нож. — Откуда он у вас?

— Память о хорошем человеке, — коротко ответил Гавриил. — Но кто вас научил так искусно резать хлеб, фрейлейн Агнес?

— Уж не думаете ли вы, что меня до восемнадцати лет держали в пленках? — рассмеялась Агнес. — Поверьте, я была бы хорошей домашней хозяйкой.

— Женой помещика, — поправил Гавриил.

— Домашней хозяйкой, — продолжала Агнес, не давая себя сбить, — потому что я вела хозяйство у отца целых шесть лет, с тех пор, как умерла моя мать.

При последних словах блестящие глаза Агнес затуманились. Помолчав немного, она вдруг весело сказала:

— У вас нет никакого основания так низко ценить дочерей помещиков. В нашем роду женщины всегда были образцовыми хозяйками. Одна из моих теток (у меня их несколько) сейчас в Германии замужем за простым ремесленником и очень хорошо справляется с хозяйством, имея всего одну служанку.

— Как же могло случиться, что ваша тетушка вышла замуж за простого ремесленника? — спросил Гавриил. — Ведь по законам этой страны женщина из рыцарского рода не имеет права выйти замуж за человека низкого происхождения.

— Моя тетя и вышла замуж за этого человека не по закону, а по своей воле. Юноша этот приходил на мызу работать, тетя тогда была еще молодой, красивой девушкой. В одно прекрасное утро они оба исчезли, как в воду канули. Лишь через год родственники узнали, что тетя в Германии стала женой простого ремесленника. С тех пор наша родня отказалась от бедной тети и не признает ее своей родственницей. Отец мне строго-настрого запретил при нем произносить ее имя. Это меня огорчает — я еще с детства помню, что тетя была красивая и добрая женщина и я ее ужасно любила. Не

понимаю, как она могла совершить такой тяжкий поступок; ведь это страшный грех — против воли бога и всей семьи выйти замуж за низкого человека!

— Разве это был такой уж низкий человек?

— По натуре он таким не был, но ведь он низкого происхождения и все же осмелился рассчитывать на благосклонность девушки из высшего сословия. Разве это не низкий поступок?

— Самый настоящий грабеж и разбой, — холодно подтвердил Гавриил и с аппетитом принялся за еду. Агнес проглотила два-три кусочка, но пища показалась ей невкусной; у нее вдруг пропал аппетит. Она продолжала:

— В нашей семье только я одна время от времени тайком подаю ей весточку и получаю от нее ответ. Я не оправдываю ее ошибку, я считаю это большим грехом, но...

— Разве это не умаляет вашего уважения к тетушке?

— Моей любви к тете это не умаляет. Я могла бы ей простить еще много грехов, пока сохраняются дорогие для меня воспоминания. Правда, ее поступок мне понятен. Ведь она совершила ошибку ради любви, и тот, кто ее соблазнил, был, по крайней мере, чистый немец, красивый и благовоспитанный юноша; его самым искренним стремлением было и по сей день осталось — сделать тетю счастливой. Но мне совершенно непонятно, как девушки высокого происхождения могут выходить замуж за эстонских или латышских крестьян, как здесь не раз случалось в эти страшные военные годы.

— Беда заставляет, — улыбнулся Гавриил.

— Даже в самой большой беде человек не должен унижать себя в своих собственных глазах! — воскликнула Агнес, и щеки ее запылали.

— Вы еще не испытали самой большой беды, фрейлейн Агнес.

— Против самой большой беды есть средство — добровольная смерть!

— Смерть — горькое лекарство, фрейлейн Агнес.

— Я скорее бы умерла тысячу раз, чем...

— Чем стали бы женой эстонского или латышского крестьянина, — подхватил Гавриил, так как Агнес не находила подходящих слов.

— Чем сделала бы что-нибудь такое, что сама считала бы неправильным, — с суровой серьезностью добавила Агнес.

У Гавриила появилось такое чувство, будто холодный ветер пахнул ему в сердце и в нем что-то застыло.

«Очень хорошо, — подумал он, — что все это я слышу из твоих собственных уст. Я считал тебя холодной и гордой, но иногда в твоих глазах отражается нечто такое, что противоречит всем моим суждениям и порождает мечты. Впредь буду осмотрительнее. Жаль, что она даже в мужской одежде так прекрасна и чиста, что голос ее так нежен и пленителен. Иначе я бы ее отчитал как следует».

— Господин Габриэль! — сказала Агнес после короткого размышления.

— Опять «господин Габриэль»!

— Я не могу иначе к вам обращаться; по-моему, вы — господин. Но разве это не удивительно, что я до сих пор не знаю, кто мой случайный спутник? Вы даже не называли мне своего полного имени.

— К чему? — сказал Гавриил, пожимая плечами. — Я не из вашего общества, фрейлейн фон Мёникхузен, и не могу остаться вашим знакомым. Дня через два мы, бог даст, доберемся до Таллина и сразу расстанемся — мы ведь и встретились случайно.

— Расстанемся? Почему вы хотите, чтобы мы расстались? — спросила Агнес, оторопев.

— Я боюсь, что если бы вы узнали, кто я, то немедленно прогнали бы меня и прокляли тот час, когда вы нуждены были со мной пуститься в дорогу.

— Ну, мы еще посмотрим, — сказала Агнес улыбаясь. — Кто же вы такой?

— Большой грешник, — холодно ответил Гавриил. — Самый низкий из людей, ибо в моих жилах течет крестьянская кровь.

Кто был Гавриил?

Гавриил ошибался, полагая, что эти слова, как удар грома, поразят гордую рыцарскую дочь. Вначале Агнес, действительно, немного испугалась, но уже через минуту с ласковым недоверием посмотрела Гавриилу в глаза и, улыбаясь, сказала:

— Вы шутите?

Гавриил решил, что нужно действовать резче: он испытывал странное желание показать высокородной девице, что он гордится своим низким происхождением.

— Я не только из крестьянского сословия, — сказал он жестко, — но моя мать, кроме того, была дочерью эстонского крестьянина, то есть крепостного, так что я потомок крепостного раба.

— Почему вы стараетесь себя принизить? — спросила Агнес слабым голосом.

— Я вовсе не стараюсь себя принизить, — сухо возразил Гавриил. — Вы желали знать, кто я такой, и я исполняю ваше желание. Вы глубоко ошибаетесь, думая, что я стыжусь своего происхождения. Нисколько! Я горжусь тем, что в моих жилах течет кровь доблестного, но несчастного народа. Разве может быть для меня позором то, что предки мои были насильственно обращены в рабство? Если человек без всякой вины попадает в тюрьму, разве это позорно? Вы сами еще вчера были богаты и свободны, как королевна, а сегодня вы несчастная беженка — так разве вы себя за это презираете? Мои предки отважно сражались за свою свободу, и дух вольности и поныне не угас в их потомках. Мой дед возглавлял тех крестьян, которые шестнадцать лет тому назад были грозой для немецких рыцарей. У вас есть причина еще сильнее ненавидеть меня, чем презирать. Ведь это от руки моего деда пал в битве при Колувере отец вашего жениха, Иоган фон Рисбитер. Крестьяне тогда не добились успеха. Они проиграли битву, дед мой попал в плен и по приказу вашего отца был, как мятежник, предан мучительной смерти.

Агнес широко раскрытыми глазами взглянула на Гавриила и произнесла, бледнея и запинаясь:

— Вы знали все это и все-таки... все-таки спасли мне жизнь!

— Я не сражаюсь с женщинами,— с улыбкой ответил Гавриил.

— Вы должны были бы жестоко меня ненавидеть! — воскликнула Агнес, скрестив руки на груди.

— Нет, я не питаю к вам никакой злобы. Я охотно спас бы вас из во сто раз большей беды, но полагаю — как вы и сами теперь видите, — что я могу быть вашим... знакомым только пока это крайне необходимо. Но чтобы вы окончательно убедились, насколько я заслуживаю вашего глубочайшего презрения и ненависти, выслушайте и еще кое-что: мой отец был русский, и всего несколько недель назад я сам состоял в русском войске, то есть был врагом вашего народа и орденового государства.

На лице Агнес бледность сменилась краской.

— Значит, вы все-таки... — пролепетала она, словно умирающая.

— Что?

— Тот, за кого вас принял юнкер Рисбистер...

— Русский шпион? — закончил Гавриил, слегка покраснев. — Нет, я не шпион, не изменял я и своей родине. Я честно сражался против немцев и шведов, и я так же искренне желаю, чтобы владычество их в этой несчастной стране кончилось. Жизнь населения этой страны не может стать хуже, чем была под тяжелой рукой немцев, а под властью Москвы могла бы улучшиться, ибо царь Иван Васильевич, прозванный Грозным, правда, очень крутого нрава, но народ его свободен¹ и перед суровостью царя трепещут прежде всего упрямые бояре, в то время как простой народ может жить в мире и благоденствии. Московские цари — большие ценители просвещения, поэтому они уже давно стремятся завладеть прибалтийскими землями и гаванями как воротами к западноевропейскому просвещению, и рано или поздно эти земли перейдут

¹ В то время крепостного права в России еще не существовало.
(Прим. авт.)

к ним. Тот, кто помогает русским в осуществлении этих намерений, сокращает бедствия нашей несчастной родины и приближает мирные, счастливые времена.

Гавриил произнес эти слова звучно, почти торжественно, как пророчество, и во взгляде его сверкнул огонь подлинного вдохновения.

— Простите! — прошептала Агнес. Вздых облегчения вырвался из ее груди, на глазах заблестели слезы — слезы благодарности. Она не хотела презирать этого человека!

Довольно долго царило неловкое молчание. У Агнес аппетит совсем пропал; между тем Гавриил молча кончил свой завтрак и прилег отдохнуть на мягкую траву, подперев голову рукой. Он не решался поднять глаза на Агнес, потому что чувствовал себя виноватым и был недоволен собой.

«Какой дьявол заставил меня все выболтать? — с сожалением думал он. — Было бы куда лучше, если бы она принимала меня за сына какого-нибудь немецкого графа и с полным доверием отдала бы себя под мою защиту. А теперь настроение ее испорчено, дружба наша разрушена, доверие потеряно. Удивительно, что она еще терпит мое присутствие. Как я все-таки еще молод и глуп, да и сердце у меня, видно, черствое, если я мог так необдуманно огорчить и расстроить бедную, всеми покинутую девушку. Правда, не я один виноват. Почему она так кичилась своим сословием? Кровь во мне вскипела. Но глупость сделана, и я должен постараться как-нибудь ее исправить. Как она, вероятно, в глубине души теперь меня презирает и ненавидит!»

Но когда Гавриил немного погодя осмелился поднять глаза, он с безмерным удивлением увидел, что лицо Агнес не выражает ни гнева, ни презрения. Правда, она немного побледнела, но лицо ее оставалось спокойным, взгляд, который она обратила на Гавриила, был полон нежного участия.

— Расскажите мне о своей жизни, — сказала Агнес тихо.

— О моей жизни? — воскликнул Гавриил с удивлением. — Что мне еще о ней рассказывать? Вам уже известно, кто я и чего стою. Я полагал, что у вас нет ни

малейшего желания что-либо еще узнать о таком человеке, как я.

Агнес серьезно покачала головой.

— По тому, что мне известно о вашей жизни, я совсем не могу судить, кто вы и чего вы стоите. Вы ведь не какой-нибудь заурядный человек, о всей жизни которого можно рассказать в двух-трех словах. Говорите что хотите, но я пока остаюсь при убеждении, что вы стремитесь унижить себя в моих глазах. Расскажите мне все, тогда я сама увижу, что мне думать о вас. Или вы скрываете какую-нибудь тайну и боитесь предательства с моей стороны? У вас нет доверия ко мне?

— Я никакой тайны не скрываю.

— Отчего же тогда вы не хотите удовлетворить мое любопытство? — настаивала Агнес. — Вспомните, вы же сами вызвались быть моим слугой и обещали повиноваться мне. Разве вы уже забыли, что я — строгий юнкер Георг фон Мённикхузен, который не потерпит непослушания и упрямства своего слуги.

— Что правда, то правда, — улыбаясь, сказал Гавриил. — Каждый хозяин вправе требовать от слуг, чтобы те докладывали ему о своих проделках. Так выслушайте же, юнкер Георг, если у вас хватит терпения, скучную повесть о жизни вашего верного оруженосца Габриэля.

Агнес, покраснев от радости, кивнула головой, скрестила руки на коленях и приготовилась спокойно слушать.

Гавриил начал рассказывать.

— Двадцать восемь лет тому назад, за десять лет до начала великой Ливонской войны, жил в долине реки Ягала, пониже большого водопада, всем известный охотник и рыболов, по прозванию орусский Юхан, со своей женой и единственной дочерью. Несмотря на то, что орусский Юхан считался крепостным монастыря Бригитты, жил он как вольный человек, выплачивал еженедельно монастырю свою крепостную дань дичью и рыбой. Но остальную, большую часть своей добычи он продавал в Таллине, привозил оттуда нужный крестьянам товар и стал мало-помалу зажиточным человеком. Он свободно говорил по-немецки, умел читать и писать, а если требовалось — умел и обчислить тал-

линских купцов, которые, тем не менее, его очень ценили. Шла молва, что у него в устье реки спрятано небольшое судно, на котором он плавал в Финляндию торговать. Зная, что он богат, многие давно советовали ему выкупиться из крепостного состояния. Орусский Юхан не отвечал на это ни «да» ни «нет», только отмахивался рукой и давал понять, что дожидается лучших времен. Нужно еще сказать, что он был хороший семьянин и нежно любил жену и дочь.

Однажды на хуторе Ору появился неизвестный юноша, не говоривший ни по-эстонски, ни по-немецки. Он предложил Юхану золотую монету и знаками попросил приютить его на несколько дней. Юхан от денег отказался, но пришельца принял, так как видел по его лицу, что несчастный смертельно устал. Юноша был одет как русский крестьянин, но по белому лицу его и учтивому обращению было видно, что он не простой крестьянин. Отдохнув несколько дней, пришелец снова знаками попросил Юхана взять его к себе в работники. И эту просьбу Юхан исполнил и ни о чем юношу не стал расспрашивать, только попросил его назвать свое имя. Человек ответил: «Гаврило», и Юхан этого было достаточно. Гаврило остался в усадьбе Ору, охотно и весело исполнял свою работу и удивительно быстро научился эстонскому языку. О своей прежней жизни он никому ничего не говорил. Орусский Юхан ни о чем не спрашивал, а когда другие заводили об этом речь, Гаврило отмалчивался. Вначале по его виду заметно было, что его гнетут тяжелые воспоминания: он по временам становился грустен и втайне проливал слезы. Но постепенно печаль его прошла, и Гаврило, казалось, примирился со своей новой жизнью. Произошло это потому, что между ним и дочерью хозяина, Маали, зародилась любовь.

Это было вполне естественно. Гаврило был красивый юноша, отличался тонким обхождением, нравом пылким и жизнерадостным. А Маали была цветок, выросший под сенью лесов, нежный, свежий и чистый. Они должны были полюбить друг друга — иначе и быть не могло. Маали еще не знала, что такое любовь, она не сумела уберечься от разрушительного пламени, внезапно вспыхнувшего в ее груди. Год спустя

Гаврило стал просить у Юхана руки его дочери; как честный человек, он должен был так поступить. Орусский Юхан в первом порыве гнева чуть не убил его, но Гаврило на коленях умолял простить ему его вину и клялся всю жизнь носить Маали на руках. Вместе с тем юноша наконец признался, кто он такой. Гаврило был знатный человек, родом из Московского государства; по своему легкомыслию он провинился перед царем Иваном Васильевичем и бежал от его гнева за рубеж. На родину он вернуться не смел, ибо там его ожидала мучительная смерть. Гнев Ивана пылал неугасимо, на прощение надежды не было. Единственное, что могло бы облегчить тяжкую долю Гаврилы, было примирение с родственниками; те также были на него злы и сначала даже слышать о нем не хотели, так как провинность Гаврилы навлекла царскую немилость и на них. Гаврило надеялся, что время угасит гнев его родных, он сможет получить от них помощь и с почетом жить на чужбине. Орусский Юхан простил своего высокородного батрака, согласился выдать за него свою дочь и устроил им пышную свадьбу. У молодой женщины родился сын, и его в честь отца назвали Гаврилом. Вскоре после свадьбы орусский Юхан послал своего зятя вместо себя в Таллин по делам. Это оказалось несчастьем для всех них. В это время в Таллин прибыли послы от московского царя, о чем Гаврило ничего не знал. Он случайно встретился с послами на улице, те его узнали, и за ним началась погоня, причем городские жители, стараясь угодить могущественному царю, помогали преследователям. Гаврило чудом спасся и вернулся на хутор Ору как беглец. Но долго там оставаться он не мог, так как в Таллине знали, где он укрывается. Орусский Юхан на своем судне переправил зятя в Финляндию. С этого времени Гаврило как в воду канул. Его считали погибшим. Маали не могла ни пить ни есть, ничто ее не радовало. Она начала хворать и через год угасла как свеча под жестоким ветром горя. Ее сын рос в усадьбе Ору под присмотром бабушки и бабушки здоровым, резвым и упрямым мальчиком.

Однажды, когда семилетний Гавриил один играл на берегу реки, шагах в двухстах от дома, к нему подошел незнакомый человек благородной внешности, но оде-

тый в грубую одежду, взял его на руки и несколько раз поцеловал. Малышу это не понравилось, он начал кричать и отбиваться, стараясь вырваться из рук пришельца, но тот, успокаивая его, сказал: «Не бойся меня, Гавриил, я твой отец». Мальчик стал внимательно к нему приглядываться, и в памяти ребенка навсегда запечатлелись тонкие черты этого лица, изможденного болезнью и трудом. Гавриил звал его домой, к бабушке, но незнакомец ответил: «Я не смею явиться к нему — он ненавидит меня как убийцу твоей матери. Когда вырастешь, вспомни о том, что ты сын знатного человека. Отправляйся в Россию и разыщи князя Федора Никитича Загорского; он мой родной брат и твой дядя. Боясь царского гнева, он не осмеливается признать меня своим братом, но он человек не злой и не может таить против тебя зло. Возьми эти вещи и тщательно береги их!» С этими словами пришелец дал мальчику кинжал, золотое кольцо и запечатанное письмо и добавил: «Если ты покажешь дяде эти вещи, он примет тебя». Человек еще раз горячо поцеловал мальчика, отер слезы и поспешно удалился. Образ отца и его слова навсегда остались в памяти сына.

Вскоре после этого скончалась бабушка Гавриила. Если уже после смерти дочери орусский Юхан сильно изменился, то теперь он был и вовсе убит горем; он стал сторониться людей и запустил свои дела. Но мера его бедствий еще далеко не была полна. Разразилась война, русские завладели землей Вирумаа и оттуда неожиданно вторглись в Харьюмаа. Орусский Юхан, оставив все свое добро и деньги, бежал в Таллин, отдал внука на попечение своего старого друга, монетного мастера Петера Шенкенберга, а когда русские двинулись дальше, на Ляэнемаа, возвратился в усадьбу Ору, чтобы спасти остатки своего имущества. Усадьба Ору каким-то чудом не пострадала от прихода русских, но однажды, когда Юхан там был занят своим хозяйством, на Ору напал отряд немцев, бежавших под натиском русских из Пайде вниз по течению реки. Они разграбили усадьбу дочиста, подожгли ее, и Юхан, с оружием в руках пытавшийся защищать свое добро, остался с проломленным черепом среди дымящихся развалин. Однако Юхан выжил и поклялся мстить всем немцам

кровавой местию. Он составил отряд из крестьян, которые были озлоблены против помещиков за их ужасные притеснения, стал нападать на мызы и замки и без пощады убивал всех мужчин рыцарского рода, попадавших в его руки. Его намерением было истребить всех помещиков на эстонской земле и со всем своим народом перейти под покровительство московского царя, чтобы жить свободно под его защитой. Это начинание, направленное к столь важной цели, не увенчалось успехом, как и все прежние попытки такого рода. Крестьяне осадили замок Колувере, где укрылись многие бежавшие от них помещики. Замок был сильно укреплен, и его защитники отбивали нападение с мужеством отчаяния, так как знали, что им нечего ждать пощады от озлобленных крестьян. К осажденным неожиданно подоспела помощь. Как раз в то время, когда крестьяне пошли на замок штурмом, на них с тыла напал рыцарь Каспар фон Мённикхузен с большим мызным отрядом. Крестьяне очутились между двух огней и почти все погибли. Орусский Юхан был тяжело ранен и заточен в тюрьму; его подвергли страшным пыткам и потом повесили. Этим закончилось восстание крестьян.

Чеканщик Шенкенберг взял маленького Гавриила себе в приемыши и по-отечески о нем заботился. Гавриил рос вместе со своими названными братьями, Иво и Христофом, — они были почти сверстники. Старый почтенный мастер не видел большой радости ни от своих сыновей, ни от приемыша, ибо все трое были озорные, своенравные мальчишки и постоянно ссорились между собой. Иво и Христоф дразнили своего названного брата то русским, то татарчонком, а Гавриил отвечал им кулаками. Чем старше становились мальчики, тем больше росла их вражда. Наконец, Гавриил (ему было тогда уже семнадцать лет) не смог дольше терпеть придирок названных братьев. Он в последний раз наградил их обоих пощечинами, крикнул: «Если я русский, то русским и останусь!» — и бежал из дома своего приемного отца, прямо в Вильянди, так как слышал, что там у русских военачальником один из князей Загорских. Здесь Гавриил с отчаянной смелостью пробрался прямо к князю. Тот, увидев его, отпрянул назад и воскликнул: «Да ведь это мой брат Гаврило!» — Да,

Гаврило, только не брат, а племянник, — смело ответил мальчик. Он рассказал князю свою историю и передал ему кинжал, золотое кольцо и запечатанное письмо. Князь, прочтя письмо и признав вещи, поверил юноше, взял его к себе и вырастил храбрым воином. Гавриилу теперь жилось хорошо, так как дядя, не имевший детей, любил племянника, как родного сына, и обещал отказать ему все свое имущество. Когда Гавриил достиг совершеннолетия, дядя назначил его начальником отряда в тысячу человек и разрешил действовать, как ему заблагорассудится. Гавриил использовал это разрешение для того, чтобы как можно сильнее досаждал немцам, шведам и полякам. Имя его вскоре прославилось среди русских более, чем он того заслуживал. Сам царь Иван призвал его к себе, благосклонно с ним беседовал и, быть может, оказал бы ему милость и на деле, если бы Гавриил не заговорил о своем несчастном отце и не попросил, если тот окажется жив, помиловать его. Услышав это, царь Иван нахмурился — примета, которая в Московском государстве приводит в трепет тысячи людей, — повернулся спиной к дерзкому просителю и ничего ему не ответил. Друзья и знакомые Гавриила дрожали за его жизнь и сторонились его, как зачумленного, дядя Федор Никитич укорял его суровыми словами. По счастью, гнев царя на этот раз не имел серьезных последствий. Всякий рассудительный человек из подобной неудачи извлек бы для себя урок на будущее и в другой раз действовал бы гораздо разумнее — совсем иначе, чем ваш покорный слуга Гавриил; но он, увы, по натуре упрям и во всяком деле любит поступать так, как велит ему его упрямая голова. У него не было никакого основания считать, что отец его еще жив, но эта мысль засела у него в голове, и он упорно ее держался.

В следующем году Гавриил со своим отрядом пошел на штурм одного из сильно укрепленных замков в южной Ливонии, одержал победу и захватил в плен важного противника. У дяди явилась мысль, что Гавриил, быть может, умилюстит царя, если сам отдаст пленника в царские руки. Гавриил вынужден был повиноваться и отвез этого пленника вместе с другими во Псков, где тогда находился Иван. Царь был обрадован,

без гнева припомнил Гавриила и велел ему просить для себя какую-нибудь награду. Гавриил, не задумываясь, попросил помиловать его несчастного отца. Снова сурово сдвинулись брови Ивана, и он спросил: «Да разве твой отец еще жив?» — Я не знаю, но надеюсь! — таков был ответ Гавриила. Царь расхохотался, что случилось крайне редко, и воскликнул, качая головой: «Ох ты, глупец! Просишь пощады преступнику, а сам и не знаешь, жив ли он еще. Ну ладно, я обещал и сдержу свое слово. Если ты сам доставишь Гаврилу Загорского живым в мои руки и он чистосердечно покается в своем грехе, я, быть может, его помилую. А до тех пор не показывайся мне на глаза. Ты мне угодил, и за это я прощаю тебе мой двукратный гнев. Но не забывай, что своеволия бояр я не терплю».

Таким образом, из-за своей настойчивости Гавриил вторично лишился царской милости, на которую надеялся его дядя. Когда Гавриил вернулся от царя с пустыми руками, дядя вспылил и пригрозил арапником выгнать его из дому, если он еще раз осмелится упомянуть имя отца. Дядя был скор на злое слово, но в той же мере и добросердечен. Арапника он и в руки не взял, а полюбил своего племянника еще больше. Гавриил некоторое время даже не заикался об отце, но тайно продолжал свои розыски. За несколько недель до этого он в Ливонии взял в плен небольшой отряд шведов и услышал от одного из пленных, что в шведской столице якобы совсем недавно жил, терпя крайнюю нужду, какой-то русский, по описаниям похожий на Гаврилу Загорского. Гавриил не смог больше терпеть. Он рассказал обо всем дяде и стал просить позволения отправиться на поиски отца. Дядя в сердцах приказал казнить пленного, а Гавриила велел на время взять под стражу. Такие меры не только не сломили упорство Гавриила, но, напротив, еще более укрепили в нем волю к противодействию. Он бежал из-под стражи и на свой страх отправился разыскивать отца. Он намеревался сначала добраться до Таллина, а оттуда в Швецию. В пути у него было много разных приключений, о которых не стоит говорить. Последняя неудача — а может, это было к счастью? — случилась с ним вблизи мызы Куйметса. Этим и заканчивается жизне-

описание Гавриила Загорского. Что произошло дальше, юнкер Георг знает и сам, ибо Гавриил, о котором шла речь,— не кто иной, как ваш покорный слуга.

7

Договор

Агнес слушала с большим вниманием. Когда Гавриил умолк, она глубоко вздохнула и сказала мягко:

— Вы хороший рассказчик и еще более хороший сын. Счастлив будет человек, которого... «которого вы полюбите»,— хотела сказать Агнес, но, покраснев, не договорила.

— Которого — что? — безжалостно спросил Гавриил.

Агнес свела речь на другое.

— Боюсь, что вы теперь не пожелаете быть моим слугой, князь Загорский,— произнесла она, робко улыбаясь.— Вы вправе смотреть на меня сверху вниз, я ведь дочь простого рыцаря, а вы человек княжеского рода.

— Если вы полагаете, что я сколько-нибудь горжусь прежним положением моего отца, то вы ошибаетесь, юнкер Георг,— сухо возразил Гавриил.— По законам этой страны я не кто иной, как крепостной монастыря Бригитты, уклоняющийся от своих обязанностей.

Но про себя он подумал: «Очень хорошо, что она теперь считает меня более равным себе. Это укрепит в гордой рыцарской дочери доверие ко мне и облегчит наше путешествие».

Вслух он прибавил:

— Достаточно ли вы отдохнули, юнкер Георг?

— О, я совсем не устала,— весело ответила Агнес.

— Тогда мы можем идти дальше, ведь нам предстоит сегодня еще долгий и трудный путь.

— Жаль! — невольно вздохнула Агнес.

— Жаль отсюда уходить или жаль, что путь такой трудный? — спросил Гавриил.

— Жаль, что путь трудный,— ответила Агнес, наклонившись над узлом и проворно его завязывая.

Гавриил попытался ей помочь, их руки соприкоснулись. Сладостная дрожь пробежала по телу Гавриила. Ему захотелось обеими руками охватить красивую златокудрую головку девушки, двигавшуюся так близко подле него, и прижать к своему лицу. Боясь, что опасное желание станет непреодолимым, Гавриил резко поднялся. В ту же минуту ему почудился в лесу хруст сухих веток; потом опять все стихло.

— Вы слышали что-нибудь? — спросил он Агнес с сомнением в голосе.

— Мне послышалось, будто кто-то наступил на сухой сучок,— ответила Агнес.— Может быть, это какой-нибудь хищный зверь?

Они прислушались. В лесу царила глубокая тишина.

— Наверное, ничего там не было, но все-таки я лучше пойду посмотрю,— сказал Гавриил.

Он вытащил из дубинки меч и направился в ту сторону, откуда донесся шум.

— Гавриил! — воскликнула Агнес, вдруг охваченная страхом.— Не ходите туда!.. Там, за этой толстой сосной, прячется человек, смотрите, смотрите, вон, справа!

В тот же миг из-за дерева, на которое показывала Агнес, выскочила темная фигура и из длинного пистолета прицелилась в Гавриила. Курок щелкнул, но выстрела не последовало. Человек тотчас же повернулся и опрометью пустился бежать в глубь леса. Но у Гавриила ноги были подлиннее; через несколько десятков шагов он настиг беглеца и собирался было схватить его за шиворот, но тот отскочил в сторону, остановился и повернулся лицом к преследователю.

Это был коренастый мужчина средних лет в изношенной и разодранной крестьянской одежде. В его руках сверкнул кинжал с длинным клинком.

— Постой! — сказал он, тяжело дыша.— Не заяц же я, что ты меня так бессовестно травишь!

— А кто тебе велел удирать? — спокойно возразил Гавриил.

— Ого! Да разве мне, старому человеку, с двумя молодыми справиться?

— Мы на тебя не нападали.

— Ну, кто это мог знать? Я думал — вы разбойники.

— Врешь, дружище, этого ты думать не мог. Разве этот юноша похож на разбойника?

Агнес подбежала к ним. Увидев в руке у чужого человека нож, она встала рядом с Гавриилом, навела на незнакомца пистолет и воскликнула, сверкая глазами:

— Застрелить этого злодея?

— Нет нужды, юнкер Георг, — улыбаясь, успокоил ее Гавриил, — я и один надеюсь с ним справиться.

— Если вы не разбойники, то отпустите меня с миром, и я пойду своей дорогой, — сказал незнакомец.

— Подожди, куда ты так спешишь? — невозмутимо ответил Гавриил. — Мы-то честные люди, но у меня есть причины думать, что ты сам разбойник. Мне кажется, я тебя немного знаю. Тебя зовут Сийм, не так ли?

Человек широко раскрыл глаза и вдруг заорал во все горло:

— Это еще что за штуки! Я в жизни своей ни о каком Сийме не слыхал! Чего вы ругаете порядочного человека?

— Молчать! — крикнул Гавриил, угрожая ему мечом. — Твои товарищи, наверно, здесь близко и ты хочешь криком дать им знак? Попробуй еще раз завопить — я тебя заставлю замолчать навеки. Своим криком ты еще больше себя выдал. Точно так же ты кричал двадцать лет назад, когда тебя поймали на воровстве и начали пороть. Тогда тебя все знали, как вора и разбойника, было бы прямо чудом, если бы ты за это время стал честным человеком. Я не решусь оставить тебя здесь, ты должен пойти с нами.

Сийм вдруг сунул два пальца в рот, но в ту же минуту Гавриил, как тигр, набросился на него, повалил его на спину и, встав ему коленом на грудь, сказал:

— Потихе, потихе, дружище! Что ты сейчас хотел сделать?

— Свистнуть! — злобно пробурчал разбойник.

— Зачем?

— Мои товарищи недалеко, они могут подоспеть с минуты на минуту. Если тронешь меня — берегись!

— Трону тебя, и крепко, если ты не бросишь свои гнусные проделки. Ты теперь уже разбойничьим атаманом стал, что ли? Раньше ты воровал один.

— А ты что за дьявол, что все так хорошо знаешь? — удивился разбойник.

— Старый знакомый — всю твою подноготную знаю.

— Ну, ну, не очень-то хвастайся, это со всяким может случиться. Но черт меня побери, если я помню твое лицо. Ты, наверное, тоже из нашей братии, только похитрее меня?

— Почти так! — засмеялся Гавриил. — Но не стоит тебе утруждать свою память. Давай-ка лучше поговорим по-хорошему.

— Я не прочь, поговорим по-хорошему.

— Ты понимаешь, что твоя жизнь в моих руках?

— Я понимаю, что ты сильнее меня. Ты — страшный зверь. Боюсь, что у меня во всем теле ни единой целой косточки не осталось.

— Так говори всю правду, а не то...

Гавриил сверкнул мечом перед глазами разбойника.

— Мое слово — что аминь в церкви, — сказал Сийм, моргая.

— Сколько у тебя человек?

— Около дюжины.

— Где они?

— Там.

Разбойник указал пальцем на запад.

— Далеко?

— Шагов с тысячу отсюда.

— Хорошо, мы сейчас отправимся дальше, и ты пойдешь с нами. А если случится, что мы там (Гавриил указал на восток) встретимся с твоими товарищами, ты сразу получишь в бок добрую пядь холодной стали. Не хочешь ли что-нибудь добавить к своим словам?

— Нет.

— Такая же неприятность может с тобой стрястись и в том случае, если ты без моего приказа осмелишься хоть пискнуть или попытаешься бежать.

— Понимаю.

— Пистолет и кинжал ты передашь мне.

— Охотно.

— Ну, тогда двинемся в путь, но тихо, как тени. Если тебя о чем-нибудь спросят, отвечай шепотом, а вообще держи язык за зубами.

Гавриил встал и приказал Сийму идти вперед. Они возвратились к опушке леса, где оставался их узел. По приказу Гавриила разбойник взвалил узел себе на спину. Увидев это, Агнес не смогла удержаться от смеха.

— Это только справедливо,— сказал Гавриил.— Я должен тащить его оружие, пусть он за это несет мой мешок с едой.

Они вышли из леса и через поля и пустоши, покрытые редким кустарником, направились на северо-восток. После трех часов ходьбы они снова попали в большой лес, в те времена покрывавший берега рек Коце и Ягала на протяжении нескольких миль и отчасти сохранившийся и сейчас. За время пути никто не произнес ни слова. Когда они перешли через мелководную реку Коце, Гавриил остановился и, обратившись к Сийму, у которого со лба катился пот, сказал:

— Мы уже достаточно насладились твоим приятным обществом, но я все еще не решаюсь отпустить тебя на все четыре стороны. Кто знает, какую злую штуку ты вздумаешь сыграть напоследок. Самое правильное было бы вздернуть тебя на эту красивую сосну, тогда было бы спокойнее и нам, и другим людям. Как вы полагаете, юнкер Георг?

— Нет, нет,— воскликнула Агнес испуганно.— Это было бы убийство! Не будем обагрять наши руки его кровью.

— А недавно вы сами хотели его застрелить,— улыбнулся Гавриил.

— Да, но тогда... я думала, что он бросится на вас с ножом.

— И хотели прийти мне на помощь? Благодарю вас! Плохо ли мне теперь жить на свете под защитой такой сильной руки! Но что нам делать с этим мошенником? Если мы отпустим его, он позовет своих товарищей и погонится за нами. Придется, пожалуй, привязать его к дереву, чтобы он не мог двинуться с места. К счастью, я захватил на мызе кусок веревки.

Гавриил поставил Сийма, несколько не сопротивлявшегося, лицом к толстой сосне, протянул его руки

вокруг ствола и связал их по другую сторону дерева, потом еще несколько раз обмотал веревку вокруг сосны и тела разбойника.

— Но вы же меня бить не будете? — с опаской спросил разбойник.

— Гм! — произнес Гавриил. — Это хорошая мысль, а мне она и в голову не пришла: ты, видно, сам лучше всех знаешь, чего заслуживаешь. Я бы охотно выдубил твою грешную шкуру, но какой в этом толк? Ты ведь сам доказал, что порка тебя исправить не может.

— Но если вы меня оставите здесь связанным, — проворчал разбойник, — то я умру с голоду или меня сожрут дикие звери.

— Ой, неужели тебе так себя жалко! — засмеялся Гавриил. — А тех, кого ты грабишь дочиста, ты тоже так жалеешь? Скажи по совести, что бы ты с нами сделал, если б мы попались тебе в лапы? Не бойся, я оставляю тебе еды — во всяком случае, ни сегодня ни завтра ты с голоду не помрешь. А диких зверей тебе особенно бояться нечего, они ведь не трогают себе подобных. Твой кинжал и пистолет я возьму себе на память; в твоих руках они уже достаточно причинили зла, может, пригодятся теперь и на какое-нибудь доброе дело.

Гавриил вынул из узла ковригу хлеба и сунул ее разбойнику за пазуху, так что тот мог достать ее зубами. Снова взваливая узел себе на спину, Гавриил сказал:

— Прощай, Сийм. При следующей встрече ты, наверно, скорее припомнишь мое лицо. Если можешь, исправся; а не сможешь — будь в другой раз хотя бы осмотрительнее, чтобы не попасть в руки разбойников.

Разбойник только заскрежетал зубами.

Гавриил и Агнес прошли лесом довольно большое расстояние, потом Агнес сказала:

— Это приключение меня больше позабавило, чем испугало. Поверите ли, мне жаль этого бедного незадачливого разбойника!

— Верю, но тут ничего не поделаешь, — пробормотал Гавриил. — Вы не должны всех людей считать подобными себе, юнкер Георг.

— Но ведь он тоже человек!

— Это верно, но если человек сам себя превращает в дикого зверя, то с ним и обходиться надо, как с диким зверем.

— Он там действительно может погибнуть.

— Это было бы для многих великое благо, но я не думаю, чтобы он погиб. У злодеев душа живучая. Это хитрый лис, всегда найдет лазейку. К тому же, я его не так уж крепко привязал; через несколько часов ему, наверное, удастся освободиться от веревок.

Эти слова пробудили в золотом сердце Агнес горячий порыв радости и благодарности.

— Вы великодушный человек! — растроганно воскликнула Агнес дрожащим голосом, и Гавриил вдруг ощутил на своей руке прикосновение чего-то мягкого и теплого.

Гавриил резко остановился.

— Юнкер Георг, что вы делаете? Вы целуете руку слуги!

Гавриил попытался говорить шутливым тоном, но голос его прервался, все тело охватила дрожь. Как бедная грешница, стояла перед ним гордая дочь рыцаря; глаза ее были опущены, лицо пылало. Ее девичья красота в эту минуту показалась Гавриилу почти сверхъестественной, и такую же сверхъестественную силу воли проявил он, устояв против искушения.

— Подумайте о вашем сословном достоинстве, фрейлейн фон Мённикхузен, — проговорил он после короткого молчания странно звучащим, прерывистым голосом.

— Я рассердила вас? — испуганно пролепетала Агнес.

— Нет, но я не хотел бы, чтобы вы потом сердились на себя самое.

Солнце уже склонялось к западу, когда путники подошли к маленькому ручью, с ленивым журчанием струившемуся по лесной поляне. Вблизи ручейка стоял заброшенный сенной сарай. Осматривая его, Гавриил увидел немного сена, оставшегося здесь бог весть с каких времен.

— Небо к нам милостиво, — обрадованно сказал Гавриил. — Я уже с тревогой думал о том, где нам найти пристанище на ночь. Правда, и этот приют не бле-

щет пышностью, и избалованный юнкер Георг, наверное, сделает недовольную гримасу. Но все же он сможет, по крайней мере, отдохнуть на мягком ложе, под кровом. А я, как верный слуга, буду стоять на страже у дверей.

— Неужели вы совсем не устали? — удивилась Агнес.

— Нисколько.

— А я совсем выбилась из сил, — вздохнула Агнес, устало опускаясь на мягкое сено.

— Ох я, глупец! — воскликнул Гавриил, досадуя на самого себя, и тотчас же принялся устраивать из сена ложе, а потом покрыл его своим длинным кафтаном. — Где была моя голова, как я раньше об этом не подумал! Что гнало меня все время вперед? Это была непростительная ошибка с моей стороны, это было прямо преступление! Как могли вы, молодая, слабая девушка, после бессонной ночи вынести еще и такой долгий, трудный путь?

— У меня был приятный спутник.

Гавриил с сомнением покачал головой.

— Вы сами ввели меня в заблуждение, фрейлейн Агнес. Весь день вы были веселы и бодры, как же мне могло прийти в голову, что вы устали? Если бы вы хоть раз пожаловались на усталость!

— Я в течение дня и не чувствовала усталости.

— Я теперь понимаю: вас окрыляло горячее стремление поскорее увидеться с любимым отцом и... может быть, и с прекрасным юнкером Хансом.

— Господин Гавриил!

В голосе Агнес послышалось вдруг такое искреннее огорчение, что сердце Гавриила, как это ни странно, затрепетало от радости.

— Сапоги не натерли вам ноги? — вздохнул он с притворной озабоченностью.

— Ноги у меня так одеревенели, что я боли и не чувствую.

— Бедная, бедная фрейлейн Агнес! Что же нам теперь делать? Я был бы осужден на вечную кару, если бы вы завтра утром не смогли подняться на ноги или — храни нас небо от этого! — совсем расхворались! Каким тяжелым, каким страшным должно вам казаться

ся это путешествие, а оно — увы! — грозит еще больше затянуться!

— Да нисколько, — возразила Агнес не раздумывая. — Мне, наверное, никогда еще не было так радостно и спокойно, как сейчас.

На это Гавриил сумел ответить только одним: движимый внезапным порывом чувства, он склонился перед девушкой, схватил ее руки и поцеловал их. Откуда у него вдруг появилась такая смелость? Это тайна зарождающейся любви. Агнес быстро отдернула руки и закрыла ими свои глаза. Следы усталости исчезли с ее лица.

Несколько неуверенным голосом Гавриил пожелал девушке спокойной ночи и вышел из сарая. За дверью он растянулся на траве, с твердым намерением не поддаваться дремоте и бодрствовать всю ночь. При его душевном состоянии выполнить это решение было нетрудно. Он не испытывал ни малейшей усталости, во всем теле чувствовалась легкость, голова была полна светлых дум. В природе царила тишина, ничто не нарушало течения его мыслей. Он скрестил руки под головой и стал пристально смотреть в темно-синее небо, на котором ласково сияли звезды. Но Гавриил не видел ни одной звезды, перед глазами его проходили события последних дней. Со все возрастающей радостью припоминал он все происшествия, связанные с Агнес, а перебрав их в памяти до конца, без усталости снова возвращался к первым. Порой ему казалось непостижимым, немыслимым такое счастье — Агнес здесь, близко, под его защитой. И тогда ему всякий раз приходилось бороться с собой: его неудержимо тянуло войти в сарай и собственными глазами убедиться, что Агнес действительно здесь, что это не сон и не призрак. Ухо менее стыдливо, чем глаз. Если Гавриил не мог видеть своего счастья, то хотел его по крайней мере слышать. Он напряженно прислушался и удивился, что из сарая не доносится мерное дыхание, которое служит признаком спокойного сна. Может быть, Агнес тоже не спит? Нет, это невозможно. Ведь бедная девочка устала до изнеможения, она должна спать глубоким сном, если только ее не взволновали какие-нибудь странные и сложные мысли. Сердце ее спокойно, она могла

уснуть. Гавриил был в этом вполне уверен. А мы в этом вовсе не убеждены. Мы боимся, что Агнес оказалась в этом случае ничуть не благоразумнее Гавриила и ни разу не вспомнила о завтрашнем путешествии; а ведь перед дорогой необходимо было освежить тело сладким сном. Мы боимся, что усталые глаза Агнес ненадолго сомкнулись лишь перед рассветом.

Гавриил сдержал свое слово: он всю ночь не закрывал глаз. Побуждаемый осторожностью и в то же время странной потребностью двигаться, он время от времени вставал, обходил вокруг сарая, прислушивался то тут, то там; но напряженнее всего слушал он у щелей в стенах сарая, как будто оттуда могла исходить самая большая опасность. Наконец, к его большой радости, ему почудился звук ровного дыхания, которого он так долго ждал.

Солнце поднялось уже высоко, Гавриил умылся в ручейке и позавтракал, а в сарае по-прежнему царила тишина.

«Бедное дитя! — растроганно думал Гавриил. — Как она, бедняжка, должно быть, устала! Спи спокойно! Правда, пора бы отправляться в путь, но у кого хватит духу разбудить так сладко спящую девушку? Я охотно заглянул бы в сарай, посмотрел бы, как там обстоят дела, но я не решаюсь, я трус».

Гавриил долго боролся с собой. В конце концов он все-таки тихонько вошел в сарай. Агнес спала спокойно, ничем не укрытая, в своем мужском платье, которое не вполне скрадывало нежные формы юного девичьего тела. Мягкую войлочную шляпу она подложила себе под голову, золотистые пряди волос вились на ее чистом белом лбу; щеки пылали, согретые сном, меж полуоткрытых губ, подобно синевато-белым жемчужинам, смутно поблескивали зубы, по всему лицу был разлит отблеск мирного счастья и невинности.

Гавриилу казалось, что он совершает грех, что своим жадным взглядом он омрачает прелесть этой картины, но он не в силах был оторваться, словно пригвожденный к месту. Долго смотрел он на спящую девушку и чувствовал, как в его сердце исчезают последние следы неприязни к гордой дочери рыцаря, уступая место удивительной нежности, предчувствию великого

счастья и страху перед великими страданиями. Это со-
кровище, которое благосклонная и в то же время же-
стокая судьба на время доверила ему, отдала ему прямо
в руки, это сокровище ведь не принадлежало ему; еще
несколько дней — и он должен будет беспрекословно
его отдать, навеки с ним расстаться. О, эти сладостные
алые губы, как они влекут к себе, зовут и манят, сами
того не зная и не желая, какое пьянящее счастье сулят
они тому, кто осмелится их поцеловать! Один только
раз! Разве это такое уж большое преступление?

Да, это преступление, это низкий поступок. Гаври-
ил! Будь мужчиной! Неужели ты хочешь злоупотре-
бить доверием несчастной девушки, которая без страха,
без колебаний вверилась твоей защите? Одна мысль об
этом заставила Гавриила покраснеть. Он стиснул зубы
и собрался мужественно отступить. Он сделал два-три
шага к двери и... снова вернулся; он не мог оторваться,
не мог уйти. Здесь, здесь было счастье его жизни, здесь
был кубок с опьяняющим напитком, какого жизнь ему
никогда больше не даст отведать; так неужели же
пройти мимо, не прикоснувшись к нему? Одну лишь
каплю из этого кубка, а там — будь что будет!

Гавриил вдруг упал на колени и наклонился к лицу
спящей. Сладкое опьянение затуманило его голову.
И в тот же миг «преступление» было совершено. Гав-
риил прижал свои горячие дрожащие губы к теплым,
мягким устам спящей, сначала нежно, еле касаясь, по-
том все сильнее и сильнее: одну лишь каплю хотел он
испить из кубка счастья, но почувствовал, что жажда
его неутолима!

По телу Агнес пробежал трепет.

— Гавриил! — прошептали ее дрожащие губы,
и она открыла глаза. Она не испугалась, увидев над со-
бой побледневшее от глубокого душевного волнения
лицо Гавриила, а радостно улыбнулась; ведь это виде-
ние было лишь продолжением ее сна, и ей казалось,
что она все еще грезит.

— Агнес! — прошептал, дрожа, Гавриил. — Прости
меня, я виноват!

Теперь только Агнес совсем очнулась. Она быстро
вскочила со своего ложа. Гавриил продолжал стоять на

коленях и, схватив руки девушки, повторял: «Прости, прости!»

— Какую вину я должна тебе простить? — спросила Агнес глухим голосом.

— Я люблю тебя, я не в силах был устоять против искушения, я поцеловал тебя, когда ты спала.

Яркая краска залила щеки Агнес, но в глазах засиял луч счастья. Она ничего не ответила, лишь молча обвила руками шею Гавриила и заставила его встать.

— Почему же только во сне? — спросила она мягко и немного насмешливо.

Губы их слились в долгом, горячем поцелуе.

— Агнес! Агнес! — повторял Гавриил со все возрастающим волнением. Кроме имени любимой, он не находил больше ни одного слова, чтобы выразить охватившее его чувство счастья.

— Ты меня действительно любишь? — спросила Агнес, плача на его груди.

— Ты еще спрашиваешь об этом! — воскликнул Гавриил от всего сердца. — Я люблю тебя с той минуты, когда увидел тебя впервые в лесу. Но ты... неужели это возможно?

— О, какой ты недоверчивый! — укоризненно сказала Агнес, улыбаясь сквозь слезы. — Как может девушка, увидев тебя, не полюбить?

— Это не может быть причиной, — сказал Гавриил, покачав головой. — Меня многие девушки видели, но до сих пор никто не полюбил... А теперь ты, Агнес фон Мённикхузен, которую я считал стоящей так высоко, так далеко от меня!..

— Да, очень высоко и далеко! — со стыдливой насмешкой произнесла Агнес. — Ведь я и днем и ночью только и думала о тебе, так высоко и далеко стоял ты от меня, ты, бедный, низкий человек, что надменная рыцарская дочь не стыдилась следить за тобой из-за занавесок.

— Но когда ты ушла с балкона, а потом, много времени спустя, вернулась, ты больше ни разу на меня не взглянула, — сказал Гавриил.

— И ты это заметил? Выходит, что ты ничуть не лучше меня. Я смотрела в другую сторону, но видела только тебя.

— Это большое искусство! — засмеялся Гавриил. Потом, вдруг став серьезным, сказал: — Все это так невыразимо хорошо, так чудесно, что я едва осмеливаюсь этому верить. Но если наши сердца действительно нашли друг друга, то я хотел бы, ради своего блага, чтобы они навеки остались вместе. Разлука была бы, по крайней мере для меня, слишком тяжела. Поэтому я спрашиваю: захочет ли юнкер Георг настолько унижить себя, чтобы навсегда взять слугу Гавриила в спутники на жизненном пути?

— Юнкеру Георгу незачем брать себе спутников, но Агнес фон Мённикхузен с радостью стала бы покорной служанкой князя Гавриила.

— Но что скажет твой отец, твои родные и прежде всего... что скажет юнкер Ханс Рисбитер?

Агнес рукой зажала ему рот.

— Не нарушай радость этого счастливого часа, Гавриил! — сказала она брезгливо. — Человек, который оставляет в беде свою невесту, а сам бежит, — по моему, самый подлый человек на свете. Я не хочу больше слышать его имя.

И, гордо подняв голову, она прибавила:

— Твоя любовь даст мне силы бороться со всеми. Кто презирает тебя, тот мой враг, будь он хоть самый близкий мне родственник. Но кто осмелится презирать тебя? Ты ведь сын князя! Я полюбила тебя, когда ты был еще только простым воином Гавриилом; из благодарности ты должен теперь меня возвысить в сан княгини. С этой минуты я твоя невеста.

Против этого Гавриилу нечего было возразить. Он крепко прижал Агнес к своей груди и, чтобы скрепить договор, приложил к ее устам горячую печать.

8

Зоркий глаз немца

Если не считать важного утреннего события, этот день не принес нашим путникам никаких особенных происшествий. Они неумоимо двигались вперед — вчерашнюю усталость Агнес как рукой сня-

ло, — но шли они не прямо на северо-запад, к Таллину, а отклонялись больше к северу, и вот по каким причинам. Первая, о которой они друг другу не говорили, была та, что оба не очень-то спешили попасть в Таллин; трудный путь теперь казался им таким приятным, что они охотно удлиннили бы его втрое, если бы сумели найти какое-нибудь разумное оправдание такому промедлению. Во-вторых, Гавриил знал, что в Козе, на Ууэмыйза, стоит отряд мызных воинов, поэтому дорога вплоть до Таллина небезопасна; а у Гавриила сейчас не было никакой охоты сталкиваться с этими вояками. В-третьих, у Агнес вдруг явилось желание познакомиться с той местностью на берегу реки Ягала, где прошло детство Гавриила. Гавриилу втайне и самому хотелось побывать там, поэтому он тотчас же согласился.

Начиная от Кивилоо, которое они в этот день после обеда миновали на далеком расстоянии, вся местность, все дороги и тропинки были с детства знакомы Гавриилу и вызывали в его душе то радостные, то печальные воспоминания. Вообще же дорога в этот день показалась путникам еще веселее, чем вчера. Правда, им приходилось с трудом пробираться сквозь лесную чащу, обходить болота, шагать по пескам, но зато солнце светило так ласково, птицы пели так весело и, что важнее всего, в сердцах путников бил струей такой живой, свежий источник радости, что они совсем не замечали трудностей дороги. Если заросли оказывались слишком густыми, болото слишком топким, ручей слишком глубоким, Агнес охотно позволяла Гавриилу брать ее на руки, и сладкие уста вознаграждали его за труд такой платой, которой он не променял бы ни на золото, ни на серебро. Несколько раз они замечали вдалеке людей, но старались держаться от них в стороне, не столько из страха, сколько из желания укрыть свое юное счастье от чужих глаз. Удивительная сила сказывалась в нежном теле Агнес. Она ни разу не пожаловалась на усталость, у нее даже не хватало терпения подолгу отдыхать, шаг ее был легок, как полет птицы, голос звонок, бодрость духа неизменна. Если Гавриил предлагал ей опереться на его руку, она соглашалась, на миг прижималась к своему спутнику, опускала голову, как буд-

то утомленная, на его плечо, а потом, шаловливо смеясь, убегала далеко вперед.

К вечеру они дошли до того места, где река Соодла вливается в Ягала. В лесной чаще они остановились на ночлег. Гавриил соорудил из ветвей и листьев шалаш, устроил для Агнес мягкое ложе из мха и пожелал ей доброй ночи. Сам он опять лег отдыхать под открытым небом.

На этот раз Агнес уснула сразу, но спала беспокойно. Ее мучил тяжелый, страшный сон. Ей снилось, будто Гавриил играет с большим медведем. Вначале медведь был настроен добродушно и дружелюбно. Но вдруг он рассвирепел, поднял лапу, свалил Гавриила на землю, и Агнес увидела, что Гавриил лежит в большой, глубокой луже крови.

— Гавриил! — в ужасе вскричала Агнес и проснулась.

— Что случилось? — откликнулся спокойный голос Гавриила.

Горячий порыв радости охватил сердце Агнес. Она встала и быстро вышла из шалаша. Гавриил полулежал, прислонившись к дереву. Услышав шум и увидев перед собой Агнес, он вскочил и спросил встревоженно:

— Что с тобой, Агнес?

Не говоря ни слова, девушка обняла своего спутника и порывисто прижала к себе. Потом, волнуясь, пролепетала:

— Я видела дурной сон. Мне показалось, что ты умер.

— И это тебя так сильно испугало, дитя? — весело сказал Гавриил и провел рукой по волосам девушки.

— Гавриил! — дрожа всем телом, прошептала Агнес. — Не смейся над этим! Береги себя! Не забывай, что твоя жизнь — это моя жизнь, твоя смерть — моя смерть.

С этими словами она резко отстранилась от Гавриила и вернулась в шалаш.

Долгий путь и последние тревожные ночи сломили в конце концов и железные силы Гавриила. На заре глаза его сомкнулись, и он заснул как убитый.

Солнце стояло уже высоко, Агнес давно встала, а Гавриил все еще спал глубоким сном. Агнес не реша-

лась его разбудить; она тихонько села у изголовья спящего и задумчиво смотрела на его загорелое лицо. Черты этого лица были словно высечены из темного мрамора, лоб высокий, открытый, брови гордо изогнуты, нос прямой; если верхняя часть лица говорила о мужестве и уме, то маленький рот и круглый подбородок свидетельствовали о мягкости и сердечной доброте — редкое сочетание природных качеств, более всего нравящееся женщинам. Душа Агнес исполнилась радостью и гордостью.

«Я никогда не видела более красивого мужчины. И теперь он мой, мой! — звучал ликующий голос в ее сердце. — Если бы он знал, как горячо я его люблю! Если бы он знал, с какой радостью сижу я у его изголовья, как я желала бы вечно так охранять его! И он мог думать, что я презираю его из-за его сословного положения!.. О, тетушка Барбара, я теперь только по-настоящему понимаю тебя и верю, что ты действительно счастлива, ибо что может быть в мире прекраснее, чем всегда жить вместе с любимым человеком! Будь я даже принцессой, наследницей королевского трона в большом государстве, я бы все отдала и поселилась в лачуге, если бы он меня туда позвал... Со мной случилось чудо: из моей памяти изгладилось все, что не касается его; и во сне и наяву он всегда у меня перед глазами. Что было бы со мной без него, как бы я перенесла это ужасное несчастье, о котором я теперь едва помню? Мой бедный отец, где ты теперь?.. Как спокойно он спит! Может быть, он тоже видит сон, видит во сне меня? Я в этом уверена. Разве может быть иначе? Ведь он любит меня, он любит меня! Какое счастье испытываю я при этой мысли! Мне кажется — я слышу пение ангелов, вижу, как разверзается небо... Совершаю ли я грех, сравнивая небесное блаженство с земным? Прости меня, милосердный боже, что я никакое иное счастье не могу ценить выше того, которым сейчас обладаю!

Слезы затуманили глаза Агнес. Она упала на колени и к синему небу вознеслась горячая молитва, исходившая из сердца верующего, нежного, трепещущего от счастья и в то же время от страха потерять это счастье...

В полдень Гавриил и Агнес обедали, сидя на высоком берегу реки Ягала, и так увлеклись беседой, что совсем не заметили всадников, которые приблизились по песчаной почве почти неслышно, скрытые кустарником; путники увидели их только тогда, когда спрятаться было уже невозможно. Всадники их заметили и понесли прямо к ним.

— О боже, мой сон! — испуганно воскликнула Агнес.

— Если это шайка Сийма, то мы постараемся подороже продать свою жизнь, — сказал Гавриил, вскакивая. — Где были мои глаза и уши? Бежать теперь уже не стоит. Может быть, они нас и не тронут. Я не вижу среди них Сийма.

— Только не серди их понапрасну! — сказала Агнес умоляюще.

— Боже сохрани! — улыбнулся Гавриил. — Если противник сильнее меня, я делаюсь смиреннее ягненка. А я со своей стороны прошу тебя: побольше хитрости и хладнокровия! Я думаю, это какие-то беглецы, либо крестьяне, промышляющие грабежом. Придется и нам с волками выть по-волчьи: я, конечно, такой же, как они, крестьянин, а ты... согласна ты на время стать моим братом Юри?

— С радостью.

— Прекрасно.

Гавриил сделал несколько шагов навстречу всадникам. Их было десять человек, одеты они были чрезвычайно пестро, по-разному, и снабжены самым разнообразным оружием; некоторые из них вели на поводу по одной или по две свободных лошади.

— Здорово, земляк! — крикнул на чистом эстонском языке всадник, ехавший впереди, и тотчас же спрыгнул с лошади; остальные последовали его примеру. — Мы подоспели вовремя: у вас стол накрыт, а мы как раз проголодались.

— На здоровье, если только еда по вкусу придется, — сказал Гавриил.

— По вкусу-то придется, только подавай! А кто этот смазливый юнкер?

— Это не юнкер, это мой брат Юри.

— А сам ты кто такой?

— Здешний рыбак. А вы кто?

— Ты много не спрашивай, а подавай лучше есть,— заносчиво ответил предводитель всадников и тотчас же набросился на еду, которую Агнес тем временем вынула из мешка и разложила на траве.

Люди были очень голодны, целый окорок и хлеб вмиг оказались перемолоты их челюстями. На своих радушных хозяев они почти не обращали внимания. Из нескольких слов, которыми люди обменялись между собой, Гавриил понял, что они составляют часть более крупного отряда, который недавно совершил набег на Вирумаа, и что вожака их зовут Андресом. Один из этих людей, судя по чертам лица и по странному выговору, был чужеземец. Он долго и подозрительно смотрел на Агнес, потом заговорил с ней по-немецки. Но Агнес отрицательно покачала головой и ответила на чистейшем эстонском языке:

— Не понимаю.

А немец все смотрел да смотрел — и вдруг разразился смехом:

— Ты есть не мальчик, ты есть красивый девушка! Я это узнал!

Агнес побледнела и попыталась через силу улыбнуться.

Люди захохотали, уставились на «Юри» и начали высказывать всякие грубые предположения — каким образом можно было бы выяснить правду.

— Это есть легко узнать,— сказал немец; он придвинулся к Агнес и протянул руку, но прежде, чем он достиг цели, кто-то сильной рукой схватил его за шиворот и без особенного озлобления отбросил на несколько шагов назад.

— Оставь парня в покое,— сказал Гавриил спокойно.— Я не терплю, когда его трогают.

Агнес вскочила и дрожа спряталась за спину Гавриила.

— Не раздражайся, Гавриил! — попросила она шепотом.

Гавриил продолжал спокойно сидеть; он не изменился в лице, только ноздри его вздрагивали.

— Ты очень смел, рыбак,— сказал Андрес без зло-

бы.— А знаешь ли ты, что мы можем сделать с тобой все, что нам вздумается?

— Со мной делайте что хотите, но мальчика оставьте в покое,— ответил Гавриил.

— Это не есть мальчик! — закричал немец; он тем временем уже поднялся на ноги и пытался опять приблизиться к Агнес.

Тут встал и Гавриил.

— Назад! — крикнул он таким угрожающим тоном, что немец, оторопев, отступил на несколько шагов.— Люди! Вот как вы благодарите меня за то, что я дал вам поест, встретил вас как друзей? Я считал, что исполняю свой долг, ибо видел, что вы — эстонцы, как и я. Разве это было преступление, за которое нас следует карать?

— Тебя никто не трогал,— заметил Андрес резко, но все еще без гнева.— Ты сам поднял руку на нашего товарища.

— Кто трогает моего брата, тот затрагивает и меня. Подумай сам: у тебя, скажем, есть младший брат, и какой-нибудь немец вздумает протянуть к нему лапу,— разве ты станешь это терпеть?

Это был искусный поворот разговора. Среди людей слышались возгласы, говорившие о том, что кое-кто соглашается с Гавриилом.

— Ты говоришь, точно пастор с кафедры,— сказал Андрес более мягко.— Но не обманываешь ли ты нас? На мой взгляд, твой Юри так же может оказаться мальчиком, как и девушкой, но немец куда хитрее; он обошел весь свет и слышит, как трава растет. Если он говорит, что парень этот — девушка, значит, это и есть девушка.

— Я даю свой голова — этот мальчик есть девушка,— с живостью подтвердил немец.

— Будь то мальчик или девушка — он под моей защитой,— сказал Гавриил уже с раздражением, так как заметил, что глаза у людей странно загорелись.

— Ого-о, братец, разница тут есть! — засмеялся Андрес.— Не упрямясь попусту, оставь девушку нам, а сам можешь убираться с миром.

Гавриил сдерживался из последних сил.

— Не делайте зла, земляки! — сказал он почти просительно. — Мало ли мы натерпелись от чужеземцев? Подумайте о том, что все мы — сыны одного народа, подданные одного государства. Вы ведь не на вражеской земле, где всякое злодеяние допустимо.

— На войне все равно — своя земля или чужая.

— Но есть же у вас начальники, которые не терпят насилия. Я предостерегаю вас — не накликайте беду на свою голову!

— Мы-то знаем своих начальников. Да что тут зря болтать! Немец, хватай мальчишку, посмотри, что это за птица!

Агнес вскрикнула. Немец, оказавшийся за ее спиной, вдруг сдернул у нее с головы шляпу и распустил связанные узлом волосы. Как золотистое покрывало, упали длинные, мягкие как шелк пряди на плечи Агнес. У людей вырвался крик радостного изумления, Гавриил ударом кулака свалил немца с ног, схватил Агнес за руку и оттащил на несколько шагов назад, за пределы круга обступивших ее людей. Прислонясь спиной к толстому дереву, они, стоя рядом, ждали нападения врагов. В руках Гавриила сверкнул меч, Агнес держала наготове пистолет. Все произошло так быстро, что люди не успели даже подняться на ноги. Андрес и еще несколько человек вскочили и со всех сторон окружили Гавриила и Агнес.

— Красивая девка! — слышались голоса у них за спиной.

— Не троньте ее, Иво Шенкенберг даст за нее хорошую награду.

Услышав это, Гавриил вдруг крикнул:

— Если Иво Шенкенберг ваш начальник, отведите нас к нему! Я его хорошо знаю.

— Вот так чудо! — насмешливо сказал Андрес. — Кто же сейчас не знает Иво Шенкенберга? Другой вопрос — знает ли он тебя?

— Он мой названный брат! — воскликнул Гавриил.

— Послушай-ка, приятель, — смеясь сказал Андрес. — Ты нам уже достаточно наврал, сдавайся теперь добром. Мы наелись и нам просто лень убивать тебя.

Как видно, у людей и в самом деле не было охоты нападать на Гавриила. Только один из них был дей-

ствительно зол. Немец не мог забыть удара, доставшего ему от Гавриила. Он приподнялся на боку и прицелился из пистолета в Гавриила. Это заметила только одна Агнес. Два выстрела грянули разом. Немец перевернулся два раза, упал ничком и остался недвижим. Он был мертв. Из рук Агнес выпал дымящийся пистолет. Девушка побледнела, пошатнулась и упала бы, если бы Гавриил не подхватил ее.

— Агнес! — воскликнул он в отчаянии.

— Прощай, Гавриил! — прошептала она, и грустная улыбка промелькнула на ее побледневшем лице. Она потеряла сознание. Гавриил осторожно положил безжизненное тело на землю и, забыв о всякой опасности, опустился перед ним на колени. У Агнес на левом плече сквозь одежду проступала кровь. Пуля немца, предназначавшаяся для Гавриила, по ошибке попала в Агнес. Гавриил острием меча поспешно распорол куртку и рубашку, вырезал из раны свинцовую пулю, сплюснутую при ударе о плечевую кость, затем перевязал рану лоскутом рубашки. Люди оторопело стояли вокруг. Они чувствовали, что произошло тяжкое несчастье, и в их ожесточенных войной сердцах пробудилось сострадание. Душевные муки Гавриила были так очевидны, белое как снег лицо девушки так несказанно прекрасно... Когда немца осмотрели и убедились, что он действительно мертв, о нем больше никто не вспоминал.

— Принесите мне из реки холодной воды, — приказал Гавриил.

Какая удивительная сила заключалась в этом приказе, что он был так послушно выполнен? Два человека тотчас же побежали вниз, к реке, и вскоре вернулись, неся воду в своих шляпах. Гавриил обрызгал водой лицо, грудь и руки Агнес. Спустя несколько минут легкий румянец выступил на щеках девушки, она глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Она жива! Она жива! — ликующе воскликнул Гавриил. Голос его оборвался и перешел во всхлипывание. Гавриил, склонившись над здоровой рукой Агнес, орошал ее слезами.

— Чертов парень! — проворчал Андрес, отворачиваясь. Среди людей слышался неясный гул.

— Гавриил! — прошептали бледные губы Агнес.

— Я здесь! — ответил Гавриил.

— Берегись, он целится в тебя из пистолета.

— Уж я его проучу!

— Ты не ранен?

— Нет.

— Слава богу! — вздохнула Агнес с облегчением, и луч радости блеснул в ее глазах. — Не знаю, что со мной, мысли путаются.

— Больно тебе? — спросил Гавриил.

— Больно? Да, плечо горит, в теле какая-то тупая боль. Я упала?

— Да, ты сильно упала.

— Я сама виновата, расшалилась... Но что это за люди?

В глазах Агнес отразилась внезапная тревога.

— Успокойся, это друзья.

Гавриил сказал это не без основания: бросив один лишь взгляд на людей, он убедился, что те действительно стали им друзьями.

Глаза Агнес сомкнулись, и забытие — на этот раз благотворное, подкрепляющее силы — снова овладело ею. Гавриил устроил ей из одежды мягкое изголовье и укрыл ее своим кафтаном. Потом он обратился к людям:

— Хотите почти без труда заработать много денег?

— А почему бы нам не хотеть денег? — протянул Андрес. — Но кто ты, в конце концов, такой, что вдруг предлагаешь нам деньги? Сперва назвался рыбаком, потом из-под кафтана появился воин, а теперь ты вдруг стал богачом.

— Это все равно, кто я такой. Я прошу не за себя. Главное — спасти это несчастное дитя. Ее отец очень богат и может с лихвой отплатить вам за доброе дело. Хотите получить задаток? Возьмите все, что у меня есть с собой.

Гавриил сунул руку за пазуху, вынул мешочек, высыпал из него на ладонь много золотых монет и роздал их людям: те не заставили себя долго упрашивать.

— А теперь отвечайте на мои вопросы. Действительно ли Иво Шенкенберг, сын таллинского чеканщика ваш начальник?

— Конечно,— с гордостью ответил Андрес.

— Где его лагерь?

— На берегу реки, примерно милях в двух отсюда, вниз по течению.

Гавриил с трудом мог скрыть свое волнение: ведь это была та местность, где он родился и провел свои детские годы.

— Сколько там людей?

— Около четырехсот.

— Кто они?

— Да откуда ты взялся, что не знаешь людей Иво Шенкенберга?

— Мы издалека, с юга. Я несколько лет не видал своего названного брата Иво и никак не мог предположить, что он стал военачальником. Как это произошло?

— Это всякий ребенок знает. В Таллине собралось много голодных крестьян, оставшихся без крова. Городские власти не захотели их даром кормить, выдали им оружие, поставили над ними начальником Иво Шенкенберга и послали воевать с русскими. Сейчас отряд Шенкенберга прославился на весь мир и русские боятся его больше, чем чертей. Недавно мы разграбили и сожгли половину Вирумаа и Ярвамаа; те, что были там, у русских, добром нас не вспомнят.

— Значит, вы, эстонцы, сражались против эстонцев?

— Кто во время войны об этом думает? Мы брали всюду, где могли, и по эту сторону границы, на берегу Ягала, накопилась такая груда добычи, что не хватило телег для обоза. Начальник и послал нас вчера поискать в округе лошадей. Мы вот нашли десятка полтора и сейчас едем с ними обратно в лагерь.

— Хорошо, тогда возьмите нас с собой и помогите нести мою раненую спутницу.

Андрес почесал в затылке и произнес, растягивая слова:

— Это легко сказать, но кто ответит за убитого немца? У Иво Шенкенберга нрав крутой и вспыльчивый.

— Я отвечаю за все,— быстро заявил Гавриил.— Немец понес заслуженное наказание. Иво мой названный

брат, знает он также и мою спутницу; поверьте мне, он встретит ее с большими почестями.

Андрес, правда, недоверчиво покачал головой, но горсть золота, а также серьезность и смелость Гавриила произвели на него такое впечатление, что он больше не противоречил. С помощью людей Гавриил сделал из веток носилки и положил на них Агнес, которая уже очнулась и, видя Гавриила подле себя, спокойно доверилась окружающим. Затем Гавриил попросил спутников, чтобы те по очереди помогли нести раненую; остальные вскочили на лошадей, и шествие двинулось к крестьянскому лагерю.

9

Названные братья

Лагерь Шенкенберга находился на западном берегу реки Ягала, в том месте, где сходятся дороги, идущие из Вирумаа и Ярвамаа, — ныне Нарвское и Пийбеское шоссе. Общий вид лагеря поражал своей пестротой. Среди палаток самого различного вида и цвета с шумом сновало множество людей, внешне более походивших на разбойников, чем на настоящих воинов. У некоторых сохранилась еще прежняя одежда эстонских крестьян, другие были одеты в шведскую и русскую военную форму, третьи — в тряпье, награбленное у людей разных национальностей и сословий. За несколько месяцев это «стадо голодных мужиков», ранее бывшее тяжелой обузой для таллинских немцев, образовало сильный военный отряд, который под умелым водительством немца Иво Шенкенберга совершал настоящие чудеса: он разбил отдельные группы русских, вторгся далеко в глубь Вирумаа, разгромил и сжег бесчисленное количество мыз и деревень. Кучи всякого добра, стада скота и огромное количество пленных свидетельствовали о том, что и на этот раз обитатели лагеря не с пустыми руками вернулись из похода на своих же сородичей, находившихся под властью русских. Воинам Шенкенберга грабеж нельзя ставить в упрек: они были не лучше и не хуже других во-

енных отрядов, ибо в те времена война сама должна была кормить войско, доставлять ему богатство и прочие блага жизни; обязанность воина сводилась к тому, чтобы нанести наибольший ущерб противнику. Иногда под видом неприятеля большой ущерб терпели свои же соплеменники, но на это в шестнадцатом веке еще меньше обращали внимание, чем в наше время.

Если вначале крестьяне роптали, что начальником над ними назначен сын немецкого бюргера, то теперь они были этим военачальником вполне довольны. Иво Шенкенберг был храбрый и опытный воин, хитрый и лукавый, безобразный лицом, но сильный, как медведь; со своими он был, смотря по обстоятельствам, милостив или суров, а для врагов — настоящий дьявол. Русские боялись его больше, чем иного шведского генерала. Его называли «Ганнибалом Эстонии», ибо он бесстрашно вторгался со своим маленьким отрядом в неприятельские земли, подобно тому, как в древности великий карфагенянин Ганнибал вторгся в могущественное Римское государство. Вдобавок Иво Шенкенберг еще и тем походил на Ганнибала, что был слеп на один глаз.

Шатер Иво Шенкенберга, некогда бывший собственностью русского князя, блистал неопишуемой роскошью; снаружи он был расшит золотом, серебром и жемчугами, внутри землю устилали дорогие меха, стены покрывали красивые пестрые ткани. Шатер был разделен толстым занавесом на две половины. Когда Андрес с низким поклоном вошел в шатер, в первом его отделении за столом, уставленным напитками, сидел Иво со своим братом Христофом и тремя красивыми девушками: Иво был большим поклонником прекрасного пола и только в женском обществе по-настоящему чувствовал вкус к еде и питью.

— Ну что, нашли лошадей? — обратился Иво к Андресу.

— Привели пятнадцать коней, — ответил тот, вытянувшись.

— Откуда?

— С реки Ханн.

— Плату требовали?

— Что говорить о плате, если можно даром получить! — с усмешкой заявил Андрес.

— Андрес! — сказал Иво, нахмурясь. — Помни, что мы теперь опять у себя на родине и грабеж здесь воспрещен.

— Да мы и не грабили. Брали, где могли. Не наша вина, если никто не требовал платы.

— Ладно. На, выпей!

Андрес залпом осушил поданный ему кубок, поблагодарил и потом, потупившись, произнес:

— Я должен еще рассказать об одном скверном деле.

— Говори.

— Немец Дюфтлер погиб.

— Дюфтлер погиб? Жаль, это был хороший разведчик. Как же он погиб?

— Он пал от руки девушки.

Девицы, сидевшие за столом, расхохотались.

— Вот счастливец! — сказал Иво улыбаясь. — А как это случилось?

— Дюфтлер с пистолетом бросился на девушку, но та оказалась проворнее и застрелила его.

— Ха-ха! Не думал я, что он такой дурак, чтоб с пистолетом бросаться на девушку, — рассмеялся Иво. — Что же это была за девушка?

— Девушка как девушка, да только она, чудачка, была в мужском платье.

Девицы за столом чуть не лопнули от смеха. Андрес со своей глупой речью показался им очень забавным. Они и не подозревали, что Андрес был хитрее их и представлялся дурачком, чтобы смягчить гнев Иво. Это Андресу удалось. Иво засмеялся:

— Да благословит бог твое красноречие, праведный Андрес! Если в будущем мне понадобится поскорее внести ясность в какое-нибудь дело, я прежде всего спрошу тебя. Ну, выкладывай дальше — что потом было с этой девушкой в мужском платье?

— Она была ранена.

— Кто ее ранил?

— Дюфтлер.

— Уже после своей смерти!

— Нет, до смерти. Они выстрелили разом. Мы услышали только один выстрел и увидели, что упало два человека. Дюфтлер сразу умер, а девушка осталась жива. Будь она мужчиной, мы бы тотчас же прикончили ее, но так как она девушка, то мы привезли ее на суд к высшему начальнику.

— Правильно. Она красива?

— Как агнел.

— Приведи ее сюда.

— Она во дворе, на носилках, не может встать. У нее есть спутник, такой чудной, говорит, будто он названный брат начальника, Гавриил.

— Мой названный брат Гавриил! — воскликнул Иво, вскакивая. — Что же ты, болван, мне это сразу не сказал?

Иво поспешно вышел из шатра, все остальные последовали за ним. Гавриил стоял во дворе, окруженный многочисленной стражей. Подле него на носилках лежала Агнес. Ее бледное прекрасное лицо было открыто, тело прикрывал кафтан Гавриила. Названные братья тотчас же узнали друг друга: у старой вражды память острее, чем у старой дружбы. Их первое чувство, по крайней мере у Иво, было враждебное.

— Смотри-ка, наш татарчонок опять воскрес! — воскликнул он насмешливо, и его единственный глаз злобно сверкнул. — Я думал, ты в России уже давно помер с голоду.

Во всякое другое время Гавриил ответил бы резко. Кровь и сейчас бросилась ему в голову, но он сдержался и ответил тихо, почти умоляюще:

— Иво, ты вправе надо мной насмеяться. Ты стал человеком известным и могущественным, а я скитаюсь по белому свету. Я пришел к тебе не ради себя самого, мне от тебя ничего не нужно, но будь милосерден к этой несчастной девушке — она тяжело ранена и может умереть, если будет лишена заботливого ухода.

Что-то тронуло жестокое сердце Иво — то ли смиренный, просительный тон, какого он никогда в жизни не слышал от Гавриила, то ли вид бледной, прекрасной Агнес; поэтому Иво сказал уже гораздо мягче:

— Кто эта красивая девушка?

— Я не хотел бы говорить об этом при всех, — тихо ответил Гавриил.

— Тогда пойдем в шатер.

— Я не могу оставить больную, пока не увижу, что она хорошо устроена.

— Поднимите девушку и уложите ее на постель в моем шатре, — приказал Иво.

— В твоем шатре? — запинаясь спросил Гавриил, предчувствуя недоброе.

— А что такое? — резко спросил Иво. — У меня здесь для больных лазарета нет. Если девушку, которая убила моего человека, я принимаю в свой шатер, то это большая милость с моей стороны.

Гавриил вопросительно посмотрел на Агнес — та еле заметно кивнула головой. Ни слова не говоря, Гавриил взялся за носилки. Когда Агнес уложили на мягкую постель за занавесом, Иво приказал всем выйти и остался с Гавриилом в передней половине шатра, чтобы переговорить с названным братом с глазу на глаз. Гавриил коротко рассказал, что произошло с ним и его спутницей после нападения русских на мызный лагерь в Куйметса. Но о тех событиях, которые он считал самыми важными для себя, он, конечно, умолчал.

Иво выслушал его с напряженным вниманием, потом, подумав с минуту, спросил шепотом:

— Ты любовник этой рыцарской барышни?

Глаза Гавриила сверкнули, но он холодно ответил:

— Твоя шутка неостроумна, Иво Шенкенберг.

— У меня только один глаз, но он остер, — усмехнулся Иво. — К чему напрасно отпираться? Ведь мы старые друзья и названные братья, между нами тайн быть не должно. Или ты так боишься гнева старого Мённикхузена? Не бойся предательства с моей стороны, хотя я и не был бы слишком огорчен, увидев тебя на виселице.

— Я ведь в твоих руках, ты можешь и сам вздернуть меня на виселицу, если это тебя позабавит, — возразил Гавриил с невольной язвительностью. — Это была бы самая подходящая расплата за те бесчисленные пощечины, что ты от меня получал.

— Хорошо, что ты напомнил мне о пощечинах, — проворчал Иво, немного покраснев. — Это придает де-

лу более серьезный оборот. Мне очень хочется повесить тебя вверх ногами, как это сделали с твоим дедом.

— Иво!

Словно глухое рычание вырвалось из груди Гавриила. Еще немного — и детские воспоминания Иво нашли бы себе подтверждение в новых пощечинах. Храбрый воин оторопело отступил на шаг назад и схватился за меч.

— Я вижу, ты человек опасный, — сказал он нетвердым голосом.

— Гавриил! — донесся из-за занавеса мягкий умоляющий голос. Гавриил, услышав его, задрожал всем телом. Он понял, что в своем внезапно вспыхнувшем гневе зашел слишком далеко. Сдержаться было нелегко, но Гавриил все же овладел собой.

— Не сердись, Иво! — сказал он спокойно. — Мы ведь выросли вместе, зачем же нам постоянно травить и задира́ть друг друга? Я никогда не таил злобы ни против тебя, ни против твоего брата; если иногда я, по своей вспыльчивости, бывал неправ, то сам из-за этого страдал. Что мешает нам помириться и впредь оставаться друзьями? Подумай, ты счастливее меня и сейчас гораздо могущественнее, а долг всех счастливых и могущественных — проявлять милосердие и великодушие.

— Я сам знаю, что повелевает мне долг, — проворчал Иво. — Нечего тебе меня учить. Моя первая обязанность — обезвредить опасного пройдоху. Ты — сын русского бродяги и бежал из дома моего отца прямо в Россию. Кто мне поручится, что ты теперь не русский шпион?

— Нет, Иво, я не шпион, — сказал Гавриил серьезно и печально.

— Это, видно, произошло совершенно случайно — что русские напали на Куйметса как раз в то время, когда ты там находился?

— Я пришел туда с совсем другой стороны и ничего не мог знать о намерении русских, стоявших в Пайде.

— Удивительное совпадение! — насмешливо произнес Иво. — Зачем же ты тогда явился в Куйметса, что тебе там нужно было?

— Ничего. Я проходил мимо лагеря, и сам начальник мызных воинов пригласил меня туда.

— Откуда же ты шел и куда направлялся?

— Я шел из Вынну, направляясь в Таллин.

— Что ты делал в Вынну?

— Был русским воином.

— Опять странное совпадение, — насмешливо заметил Иво. — Русский воин из Вынну случайно попадает в мызный лагерь, и сам начальник приглашает его к себе. Это все так ясно, что невольно поверишь.

— Я же сказал тебе, что шел в Таллин.

— Что тебе нужно было в Таллине?

— Я разыскиваю своего отца.

— Твой отец, вероятно, первый бургомистр в Таллине?

— Мой отец живет в Швеции.

— Весьма вероятно, если только голод или виселица не сократили его драгоценную жизнь... Тише, тише, оставь свою дубинку в покое. То прекрасное время, когда мы угощали друг друга кулаками и дубинками, к сожалению, миновало. Сейчас мы с тобой поговорим по-другому.

Иво отдернул занавес у входа в шатер, велел десяти человекам войти и, указывая на Гавриила, сказал:

— Свяжите этого человека и отведите его в палатку моего брата.

Люди, как волки, накинулись на Гавриила.

В ту же минуту в другой половине шатра раздался болезненный, душераздирающий вопль. Гавриил вырвался из рук людей, бросился к постели Агнес и упал перед ней на колени. В глазах Агнес отражалось безумное отчаяние.

— Они хотят тебя убить? — крикнула она с ужасом.

— Это не беда, но что будет потом? — в смятении воскликнул Гавриил.

Сильные руки снова схватили его за ворот и за руку. Как разъяренный лев, вскочил Гавриил, стряхнул с себя нападавших, вытащил из дубинки меч и воскликнул, сверкая глазами:

— Живым никто меня не свяжет! Да падет моя кровь на твою голову, Иво Шенкенберг!

— Не разыгрывай комедию, — холодно сказал Иво. — Никто не жаждет твоей крови, но ты подозрительный человек и за тобой надо следить. Ты останешься в заключении, пока мы не придем в Таллин.

— А потом?

— А потом суд разберет, виновен ли ты в разгроме Куйметса. Если суд решит, что ты не виновен, ты можешь с миром отправляться на поиски своего отца.

— Выслушайте меня! — вдруг воскликнула Агнес. Она приподнялась на постели, глаза ее горели, на бледном лице появилась легкая краска; девушка была изумительно хороша в своем глубоком душевном волнении. Как зачарованный глядел на нее Иво. В шатре все затихло.

— Вам известно, что я — дочь владельца Куйметса, Каспара Фон Мённикхузена? — сказала Агнес твердым голосом.

— Я это знаю, — пробормотал Иво.

— Хорошо. Я свидетельствую и клянусь, что этот человек не виновен в падении Куйметса. Верите вы моему свидетельству?

— Я верю, что вы, высокочтимая фрейлейн, этому верите; но, к сожалению, мой долг перед родиной повелевает мне быть недоверчивым, — ответил Иво улыбаясь.

— Вы оскорбите меня и моего отца, если тронете этого человека, — воскликнула Агнес, вспыхнув. — Рыцарь Мённикхузен могущественен, и он дорожит им.

— Я не боюсь угроз, — холодно ответил Иво.

— Простите, я не угрожаю, я прошу, — пролепетала Агнес; в лице ее опять не осталось ни кровинки.

— Не унижайте себя, фрейлейн фон Мённикхузен, — вмешался Гавриил, хмурая брови.

— Вы сами видите, уважаемая фрейлейн, как упрям этот человек, — сказал Иво, пожимая плечами. — Даю вам честное слово, фрейлейн фон Мённикхузен, что я не жажду его крови. Я не трону и волоска на его голове, если он сам не выведет из терпения меня или моих людей. На нем лежит тяжкое подозрение, и он должен оправдаться перед судом в Таллине.

— Я не боюсь суда, но связать себя не позволю,— твердо сказал Гавриил.

Агнес с отчаянием вглядывалась в лицо Иво; на его упрямом лбу было написано, что уступок здесь ждать бесполезно.

— Гавриил, одно слово! — тихо попросила Агнес. Гавриил наклонился к ней.

— Помни: твоя смерть — это моя смерть, — прошептала ему на ухо Агнес. — Смирись ради меня!

— Ты этого желаешь? — печально шепнул Гавриил в ответ.

Потом он выпрямился, бросил свой меч к ногам Иво и глухо произнес:

— Теперь делай со мной что хочешь!

В одну минуту руки его были связаны за спиной. Еще раз с грустной улыбкой склонил он голову перед Агнес, и люди потащили его вон из шатра. Агнес бесильно опустилась на постель...

С этого дня жизнь в лагере несколько изменилась. Если до сих пор Иво Шенкенберг спешил возвратиться в Таллин, то теперь он действовал так, будто хотел навсегда остаться на берегу реки Ягала. Он строго запретил шуметь около его шатра и никого туда не впускал, кроме опытной женщины, которая в лагере исполняла обязанности врача и слыла чуть ли не колдуньей. Эта старуха днем и ночью сидела у постели девушки, и благодаря ее заботам и лечению рана Агнес вскоре зажила. Часто, когда больная засыпала, Иво навещал ее. Подолгу смотрел он на лицо Агнес, перешептывался со старухой о том, о другом и удалялся на цыпочках, как только больная начинала проявлять признаки беспокойства. Когда Агнес не спала, старуха заводила с ней разговор и всегда умела ловко свести речь на Иво, превознося его до небес и всячески восхваляя; но если Агнес спрашивала о Гаврииле, старуха не находила достаточно слов, чтобы заклеить этого «предателя родины и шпиона». Агнес вскоре заметила, что и похвалы, и порицания старуха высказывала по заранее обдуманному плану. Поэтому у больной чувство благодарности к сиделке охладело удивительно быстро, Агнес стала суровой и недоверчивой. Она радовалась, слыша, что

Гавриил цел и невредим, а все другие речи пропускала мимо ушей.

Спустя десять дней после того, как Агнес была ранена, старуха сообщила Иво, что больная поправилась и хочет встать. Иво приказал старухе подождать во дворе и направился к больной один. Агнес сидела на постели.

— Что делает мой бедный спутник? — был первый ее вопрос.

Иво чуть заметно нахмурился.

— Вы принимаете такое большое участие в этом человеке? — спросил он глухим голосом, жадно глядя на бледное лицо девушки и ее глубоко впавшие глаза, которые в полумраке шатра казались почти черными.

— Он спас меня от смерти и плена, — ответила Агнес тихо, — как же я могу оставаться безучастной к его судьбе?

— Ему было легко освободить вас из рук русских потому, что он сам привел их в Куйметса.

— Это ложь! — с жаром воскликнула Агнес.

Иво пожал плечами.

— Это покажет допрос на суде в Таллине.

— Невинного никакой суд не может осудить.

— Кто знает?

— Подождите еще, Иво Шенкенберг! — попросила Агнес. — Не предавайте его суду, пока не явятся подлинные свидетели. Только мой отец может по-настоящему засвидетельствовать, виновен Гавриил или невинен. Мой отец никогда не допустит, чтобы учинили беззаконие над человеком, спасшим от смерти его единственную дочь.

— Свидетели из Куйметса, разумеется, нужны, и было бы весьма желательно, чтобы рыцарь фон Мёникхузен сам выступил свидетелем против предателя, — мягко сказал Иво. — Но тогда, уважаемая фрейлейн, нам, к сожалению, пришлось бы до конца суда держать вас в плену.

— Почему? — с испугом спросила Агнес.

— Ваши глаза могли бы всякого свидетеля направить по ложному пути, фрейлейн фон Мёникхузен.

— Как так?

— Какой же мужчина мог бы сказать «да», если вы говорите «нет»? Неужели вы так мало сознаете свою силу, прекрасная чародейка? Я увидел вас впервые несколько дней назад и за это короткое время стал другим человеком. До сих пор я считал своего дорогого названного брата злым, хитрым, лживым человеком, а теперь, глядя вам в глаза, я почти готов верить, что он чище ангелов.

Лесть Иво произвела странное впечатление на Агнес; у нее было такое чувство, будто ее слуха коснулось шипение ядовитой змеи. Холодная дрожь пробежала по телу девушки, а в сердце тайный голос прошептал: будь настороже!

— Вы считали своего названного брата... недостойным человеком? — робко спросила она.

— Я не только считал его таким, но я его знаю как недостойного человека, — печально подтвердил Иво. — Удивительно, что вы, уважаемая фрейлейн, с таким воодушевлением защищаете его, в то время как он... но об этом не стоит говорить.

— Говорите!

— Вы приходите в отчаяние и дрожите за жизнь этого негодяя, а он ни разу не осведомился о вас. Он ни о чем не тревожится, пирует с утра до ночи и болтает всякий вздор.

— Как он может это делать, если он связан? — с сомнением произнесла Агнес.

— О, он так просил и ныл, что я из жалости велел его развязать. В благодарность он теперь портит моих людей, спаивает их и восстанавливает против меня.

— Гавриил просил и ныл? — повторила Агнес недоверчиво, и насмешливая улыбка невольно скользнула по ее лицу.

— Беда научит просить, — проворчал Иво, тихо скрипнув зубами. — Вы испугались бы, фрейлейн Мёникхузен, если бы я вам полностью открыл, как низок, как подл этот человек. Я не решаюсь все сказать.

— Все равно — говорите!

— Он, по-видимому, очень хорошо знает, насколько он может на вас рассчитывать. Он тоже ждет спасения от вашего отца, но, к сожалению, на совсем иных основаниях, чем вы, уважаемая фрейлейн.

— Что это значит?

— Вы не поверите, как мне тяжело это объяснить, хотя дело само по себе очень просто. Этому человеку известно, как велико могущество и влияние вашего отца, и в то же время он знает, что рыцарь Каспар фон Мённикхузен скорее умрет, чем допустит хоть малейшее темное пятно на чести своего семейства. Этот негодяй угрожает, если рыцарь Мённикхузен его сразу не освободит, открыть на суде нечто такое, что сильно задевает честь вашу и вашего отца.

— Я не понимаю смысла ваших слов, — пробормотала Агнес, дрожа всем телом.

— Короче говоря, Гавриил хвастает тем, что Агнес фон Мённикхузен его любовница.

Агнес выпрямилась, на щеках ее запылали ярко-красные пятна.

— Вы лжете! — крикнула она резко.

Единственный глаз Иво сверкнул.

— Вы любите этого человека, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Лицо Агнес залилось краской, которая сразу сменилась смертельной бледностью. Тихим, но твердым голосом она сказала:

— Да, я люблю этого человека, и ничто — слышите, Иво Шенкенберг! — ничто, никакая клевета не в силах поколебать эту любовь!

— Значит, вы верите ему, а меня считаете лгуном, — прохрипел Иво, побледнев от гнева. — Вы забываете, что мне ложь не надобна. Вы забываете, что жизнь Гавриила и... еще кое-что другое — в моих руках.

Агнес осенила догадка, что Иво полюбил ее, и в ту же минуту странная мысль мелькнула в ее голове: «Если этот злой человек меня любит, не разыграть ли мне с ним комедию, пока Гавриил не будет спасен?». Но Агнес сейчас же с презрением отвергла эту мысль: ее честная, правдивая натура не допускала низких уловок.

— Его и моя жизнь — в руках божьих, — сказала она спокойно.

Иво шатаясь вышел из шатра. Во дворе он угрожающе сказал ожидавшей его старухе:

— Я последовал твоему совету. Если дело сорвется — береги свою шкуру!

— Уж я-то девушек знаю! — пробормотала в ответ старуха, оскалив почерневшие обломки зубов.

Иво вскочил на коня и во весь опор помчался из лагеря. Когда он поздно вечером возвратился домой, лошадь его была вся в мыле, а лицо у Иво было такое страшное, что все встречные в ужасе сторонились. Он соскочил с лошади и направился к палатке своего брата Христофа, в которой Гавриила держали под стражей. Перед палаткой у костра сидел Христоф с другими людьми. Иво их прогнал. Все удалились, не говоря ни слова, остался только Христоф. Он посмотрел на брата, покачал головой и сказал:

— Что ты задумал Иво?

— Не твое дело, — вспыхив, бросил тот.

— Твое лицо не предвещает ничего доброго. Ты ищешь ссоры с Гавриилом.

— Ты тоже его любишь?

— Люблю или нет, но, сказать по правде, он парень неплохой, и, главное, — он действительно невиновен.

— Убирайся с моих глаз! — заорал Иво, поднимая кулак. — Не то я могу забыть, что ты мой брат!

Христоф, зная бешеный нрав своего брата, отступил назад, пожимая плечами. Иво вошел в палатку, слабо освещенную отблеском горевшего во дворе костра. Гавриил лежал один в углу палатки. Руки и ноги его были закованы в цепи. Оковы его тихо звякнули, когда он повернул голову к вошедшему.

— Вот и прекрасно, что ты сам пришел навестить бедного пленника, — обратился он к Иво. — Долг хозяйина — развлекать гостей.

— Тебе, наверное, скучно стало, — процедил Иво сквозь зубы.

— Я этого не отрицаю, — ответил Гавриил, зевая. — Не понимаю, почему ты здесь замешкался. Все удивляются, что ты не продолжаешь свой путь на Таллин: добыча вся собрана, лошади и телеги готовы, поход окончен — чего же ты еще ждешь?

— Тебе не терпится скорее попасть на виселицу.

— Лучше болтаться на виселице, чем быть твоим гостем. Твоя братская забота обо мне заходит слишком

уж далеко. Ты держишь меня, точно ребенка в пеленках, боишься, чтобы я раньше времени не сбежал. Неужели ты считаешь меня таким неблагодарным? Неужели ты мне больше не веришь? Ты ведь с давних времен знаешь, что я не мастер лгать. Ты, наверное, еще помнишь: в детстве, когда нам случалось вместе напроказить и нас собирались сечь, ты всегда умел повернуть дело так, что мы вышли бы сухими из воды, если бы я, по своей великой глупости, в конце концов во всем не признавался; нам задавали добрую порку, и за это-то ты меня больше всего и ненавидел.

Иво слушал, молча скрежеща зубами. Он чувствовал себя бессильным перед этим человеком, чья жизнь была в его руках. О, с какой радостью услышал бы он от Гавриила мольбу, стенания, крики — все то, о чем он сегодня налгал Агнес! А вместо этого он должен был сносить спокойные насмешки Гавриила и убеждаться в том, что упрямого названного брата ничто не может сломить. Каждое слово Гавриила было подобно удару хлыста по самолюбию Иво.

— Да, вот еще о чем я хотел спросить, — продолжал Гавриил, все еще полушутя, но уже гораздо более мягким тоном. — Как поживает фрейлейн фон Мённикхузен?

Иво стиснул зубы и не проронил ни слова; на лбу у него выступил холодный пот.

Гавриил сказал с живостью:

— От Христофа я узнал, что больная сегодня встала с постели. Ты действительно по-отечески заботился о ней и во всем проявил себя настоящим рыцарем. За это доброе дело я приношу тебе свою горячую благодарность и безоговорочно отпускаю тебе все прегрешения молодости. Я умру с радостью, если буду знать, что моя бедная спутница пользуется заботливым уходом.

— Ты, кажется, надеешься, что я берегу ее для тебя? — сказал Иво с едкой насмешкой. — Ты легковверен. Может быть, этот лакомый кусочек я берегу для себя!

Цепи звякнули. Гавриил резко приподнялся и сел.

— Что это значит?

— Это значит, что Агнес фон Мённикхузен с сегодняшнего дня — любовница Иво Шенкенберга, — отве-

тил Иво злорадно. Испуг Гавриила его безмерно забавлял.

— Не шути этим,— сказал Гавриил дрожащим от волнения голосом.— Так далеко даже твой произвол заходить не должен. Это не какая-нибудь пастушка, которую ты мог бы оскорблять безнаказанно. Рыцарь фон Мённикхузен — человек могущественный, он может сломить шею и покрепче твоей. Бесчинствуй сколько можешь, но не забывай, что твоему насилию есть предел.

— Кто говорит о насилии? Разве ты применял насилие, когда она бежала с тобой? И ты ведь — ничто, а я — прославленный военачальник, Ганнибал Эстони! Можешь ли ты хотя бы минуту сомневаться, на чьей стороне сейчас благосклонность прекрасной Агнес? Ха-ха-ха!

С минуту Гавриил действительно сомневался. Как острый меч, пронзила его мозг недобрая мысль: может быть, болезнь и несчастье помрачили разум Агнес и она в самом деле... но нет, этого быть не может, это совершенно невозможно! Агнес неверна ему, Агнес — любовница Иво Шенкенберга? Это просто смешно! Гавриил рассердился на себя самого. Как могло такое низкое подозрение хотя бы на миг прийти ему в голову? Разве он недостаточно хорошо знал Иво как бесстыдного лгуна? Иво хотел его только помучить — это было ясно как день. Гавриил испытывал теперь такое же душевное состояние, как Агнес утром, но, к сожалению, у Гавриила было еще меньше хитрости, еще меньше терпения.

— Ты лжешь, Иво,— сказал он с холодным презрением.

Хотя бы он разозлился, вспылil! Его спокойный голос, звучавший презрением, снова воспламенил ярость Иво, немного утихшую под влиянием злорадного чувства.

— Попридержи язык! — скрежеща зубами, прохрипел он.

— Еще одно слово в пояснение, потом я замолчу,— холодно сказал Гавриил.— Мне кажется, с тех пор, как я без сопротивления позволил себя связать, ты возымел обо мне ложное представление. Может быть,

ты думаешь, что я тебя боюсь. Ты ошибаешься. И тогда я не боялся тебя, не боюсь и теперь. Я знаю, что ты можешь сделать со мной все, что тебе вздумается: ты можешь вырезать у меня язык, выколоть глаза, сварить и изжарить меня живьем, но не надейся, что я стану тебя молить о пощаде или что я поверю твоим словам. Так! Теперь между нами все ясно и у меня с души свалилось бремя, все эти дни меня тяготившее.

Рука Иво судорожно ухватила за кинжал, торчавший у него за поясом.

— Ты нарочно меня злишь? — с хрипом вырвалось из его груди.

— Ага, ты, наверное, и шел сюда с мыслью выпустить мне кровь? Тем лучше, тогда мне не придется иметь дело с виселицей. Ведь от твоих так называемых судей мне все равно живым не уйти. У меня есть еще одна просьба: отвези Агнес фон Мённикхузен к ее отцу. Можешь быть уверен, ты получишь щедрые чаевые. А на большее не надейся! Агнес видит разницу между честным человеком и Иво Шенкенбергом. Я не знаю, какого она мнения о тебе, но я уверен, что после моей смерти мнение это не улучшится. Ты можешь ей клеветать на меня с пеной у рта, что ты уже, кажется, и делал...

Иво вдруг наклонился и изо всей силы вонзил кинжал в грудь Гавриила. Гавриил приподнялся, короткий стон вырвался из его груди; потом он безмолвно упал на спину. Иво несколько минут стоял неподвижно, затем махнул рукой, вытер лезвие кинжала полой своего кафтана, вышел из палатки и, позвав людей, коротко приказал им:

— Уберите эту падаль и бросьте в реку!

— Иво, Иво, что ты сделал? — воскликнул Христоф, глядя на брата широко раскрытыми глазами.

— Отплатил изменнику по заслугам. Смерть его пусть останется тайной! — мрачно ответил Иво.

Христоф круто повернулся к брату спиной и ушел. Люди сняли с рук и ног Гавриила цепи, подняли безжизненное тело и отнесли его на высокий берег реки. Внизу смутно блестела черная поверхность воды. Раздался всплеск... и волны сомкнулись над исчезнувшим телом.

— И кто велел ему спешить к названному брату! — с сожалением пробормотал Андрес — он тоже был в числе людей, тащивших тело. Остальные пожали плечами, еще с минуту поглядели вниз и отправились обратно в лагерь. Их совесть была спокойна. Они исполнили свой долг.

10

Встреча

Спустя несколько дней после описанного события Иво Шенкенберг со своим отрядом подошел к Таллину. Он не вошел с войском в город, а расположился лагерем под Ласнамяги, на месте нынешнего Кадриорга. Из города толпами стекались люди, чтобы посмотреть на лагерь и закупить у воинов награбленного добра. Лагерь превратился в огромный базар, где продавалось все: скот, рабочие инструменты, домашняя утварь, платье, зерно и... рабы, главным образом девушки; однако спрос на них был невелик — девушек и без того в городе набралось достаточно, их можно было добыть чуть ли не за корку хлеба.

Роскошный шатер Иво стоял отдельно, в дальнем конце лагеря, и вокруг него была расставлена стража, не подпускаящая близко никого из посторонних. На следующее утро после прибытия в Таллин Иво и Агнес сидели в шатре за завтраком. Агнес поправилась, только левая рука ее была еще на перевязи. Но девушку не выпускали из шатра: прогулки, как объяснила старуха, могли бы на первых порах еще повредить слабому здоровью Агнес. На ней уже было не мужское платье, а роскошная женская одежда и драгоценные украшения, которые Иво почти силой заставил ее принять в подарок.

Агнес не хотелось ни есть, ни пить; грустно сидела она напротив Иво и думала о Гаврииле, который, по словам Иво, злоупотребил дарованной ему свободой и... бежал.

Речь Иво была мягкой и учтивой, он не скупился на любезности, шутил и рассказывал о своих славных под-

вигах. С врагами быть дьяволом, с друзьями ангелом, с женщинами покорным рабом — таков был, как утверждал Иво, его девиз, которым он руководился во всех своих поступках; следуя этому правилу, он побеждал врагов, приводил в восхищение друзей и покорил не одно женское сердце. Иво удивлялся и втайне досадовал, что его вдохновенные речи не находят у Агнес такого же отклика, что его пламенные взоры не вызывают блеска в потускневших от слез глазах девушки; хуже того, он с болью должен был признаться себе, что в глазах Агнес, если она случайно встречалась с ним взглядом, отражался тайный страх, недоверие и даже отвращение. Едкой горечью наполнялось сердце Иво, когда Агнес в сотый раз заводила речь о том, что занимало ее мысли.

— В какую сторону мог бежать Гавриил? — спрашивала она, как бы разговаривая сама с собой.

— Куда же, как не к русским, ведь от них он и явился, — сухо отвечал Иво.

— Но у него было дело в Таллине.

— Какое дело?

— Он ведь разыскивает отца.

— И вы верите болтовне этого плута? — презрительно смеясь, отвечал Иво. — Его отец был русский бродячий торговец, его двадцать лет тому назад повесили в Таллине за кражу.

Опять этот недоверчивый, выражающий отвращение взгляд! Иво слегка тряхнул головой и продолжал уже в менее хвастливом тоне:

— В сторону Таллина он бежать не мог — он знает, что его там ждет: расплата за предательство, страшная, мучительная смерть. Я верю, что он раньше стремился в Таллин. У русских, несомненно, есть намерение напасть на Таллин, и они выслали этого человека вперед как лазутчика; Гавриил прямо-таки создан для этого — он знает город с детства, владеет всеми языками и вообще хитер как лиса. То, что он по дороге попал нам в руки, было, вероятно, большим счастьем для нашей родины: это показывает, что какая-то высшая сила охраняет древний Таллин. Жаль, что я поддался на его плаксивые просьбы; теперь он на свободе и может нам еще немало насолить. Но сейчас, по крайней мере, не-

чего опасаться, что он когда-либо осмелится появиться в Таллине. Есть одна причина, которая заставляет меня даже радоваться его бегству: этот негодяй, к сожалению, мой названный брат. Мой отец до сих пор проклинает тот день, когда из милости принял в свой дом сына коробейника, но что поделаешь? Он вырос вместе со мной, и мне было бы больно увидеть его на виселице, изуродованного пытками. Кроме вас, фрейлейн Агнес, я никому не решаюсь признаться в этой душевной слабости, а то подумают, что я намеренно дал ему возможность бежать.

— Он, значит, действительно бежал? — спросила Агнес, точно пробуждаясь от сна; казалось, она ни слова не слышала из того, что так долго объяснял ей Иво.

Иво отшатнулся и пробормотал, бледнея:

— Странный вопрос!

— Вы от меня ничего не скрываете? — спросила Агнес, смотря в лицо Иво острым, испытующим взглядом. — Не случилось ли с ним какое-нибудь несчастье?

У него вспыльчивый нрав, он мог посориться с вашими людьми и ... кто знает? Может быть, вы скрываете это от меня, боитесь меня испугать и огорчить? Не бойтесь, я смогу вынести самую страшную правду, но эта неизвестность может меня убить.

На лбу Иво блеснули капли холодного пота, зубы его стучали. Он не выдержал пристального взгляда Агнес, вскочил и несколько раз прошелся по шатру. Потом сказал сдавленным голосом:

— Вы бредите, фрейлейн фон Мённикхузен; я вижу, болезнь вас еще не покинула. Вам крайне необходим покой и отдых. Я сейчас пришлю старуху для ухода за вами.

— Я не хочу видеть эту женщину! — воскликнула Агнес с отчаянием и отвращением. — Я вполне здорова, отпустите меня в город!

— Не могу... Я отвечаю за вашу драгоценную жизнь, — холодно сказал Иво. — Еще несколько дней отдыха, а потом посмотрим!

С этими словами Иво вышел из шатра. Во дворе он подозвал к себе брата и старуху и приказал им охранять и развлекать Агнес.

— Что, все еще не сдается? — насмешливо шепнул ему Христоф.

— Если не сдастся — силой заставлю! — проскрежестал Иво в ответ. Страже он сказал:

— Вы головой отвечаете за то, чтобы госпожа не выходила из шатра и чтобы никто сюда не смел приблизиться.

Потом он вскочил на коня и во весь опор помчался к городу.

Несколько часов спустя из города выехала группа знатных господ, чтобы осмотреть лагерь Шенкенберга. В числе всадников были бургомистры Таллина Фридрих Зандштеде и Дитрих Корбмахер, начальник мызного отряда Каспар фон Мённикхузен и юнкер Ханс фон Рисбитер. Мённикхузен после несчастья в Куйметса стал еще более угрюмым и вспыльчивым, между тем как Ханс по-прежнему оставался легкомысленным хвастуном и лгуном; натура у него была слишком мелкая, душа слишком низкая, чтобы сознание постигшего его несчастья могло в ней глубоко укорениться. Без

сомнения, юнкеру жаль было потерять красивую невесту, и он громогласно делился своими сожалениями с каждым, кто только хотел его слушать, но никогда не забывал прибавить, что уложил на месте дюжину русских и, наверное, освободил бы Агнес из их рук, если бы все мызные люди так же доблестно, как он, исполнили свой долг; вместе с тем он давал торжественный обет, что вырвет Агнес из «пасти льва», как только разбежавшиеся мызные люди будут опять в сборе. Если кто-нибудь удивлялся тому, что Ханс фон Рисбитер, перебивший двенадцать русских, сам не получил ни единой царапины, он пожимал плечами и давал понять, что в искусстве владеть мечом он достиг совершенства. Увидев пестро одетых воинов Иво, большинство которых составляли бывшие крестьяне и крепостные, юнкер Ханс сморщил нос и презрительно сказал:

— Я готов признать себя мужиком, если эти бродяги хоть одним глазом видели русских.

— Не только видели, но и побеждали, — поправил его бургомистр Зандштеде.

— Хороши победители! — насмешливо возразил Рисбитер. — Дайте мне десяток храбрых мызных людей, и я все это стадо доморощенных вояк мигом сброшу в море.

— Не делайте этого, юнкер Рисбитер, — сказал Зандштеде с тонкой усмешкой. — Это было бы жаль, потому что сейчас эти «доморощенные» — наши лучшие воины.

— Сразу видно, что вы не воин, господин бургомистр, иначе вы не стали бы так щедро раздавать это почетное звание.

— Воин я или не воин, но я все же вижу, что эти люди вернулись с победой и богатой добычей, а доблестный мызный отряд, бежав со своей земли, пришел к нам с пустыми руками, в поисках убежища.

— Ого, вы хотите нас оскорбить.

— Тише, Ханс, — вмешался в разговор Мённикхузен серьезно, почти печально. — Нам нечем гордиться, ибо наше самое драгоценное сокровище в руках врага.

— О Агнес, дорогая Агнес! — вздохнул Рисбитер, прижимая руку к сердцу. — Скоро ли настанет тот день, когда я своими руками смогу вырвать тебя из па-

сти льва? Где найду я для этого подвига достойных соратников? Куда девались все наши отважные воины? Крестьяне и крепостные носят теперь звание воина, а сын ремесленника Иво Шенкенберг, имени которого вчера еще никто не знал, стал знаменитым военачальником!

— Разве это имя вам действительно так неизвестно, юнкер Рисбитер? — спросил Зандштеде, улыбаясь. — Припомните-ка!

— У меня памяти не хватит помнить имена всех горожан и ремесленников.

— Быть может, вы еще помните жаркую схватку, что произошла прошлым летом на таллинском рынке между юнкерами и сыновьями горожан? Иво Шенкенберг был предводителем последних, и рыцари потом очень настойчиво, но тщетно требовали, чтобы его наказали.

Рисбитер покраснел как вареный рак; он хорошо помнил, что тогда был жестоко избит Иво.

— Разве и ты участвовал в этой постыдной драке? — спросил Мённикхузен, нахмураясь.

— Я? — пробормотал Рисбитер. — Не помню... Смотрите-ка, что это за роскошный шатер? Поедьте, посмотрим!

Остальные согласились, и все поскакали к шатру, который охраняли четыре человека.

— Назад! — крикнул подъезжающим первый страж, беря копьё наперевес.

— Чей это шатер? — спросил с удивлением Зандштеде.

— Иво Шенкенберга, — ответил тот.

— А сам Шенкенберг тоже здесь? — осторожно спросил Рисбитер.

— Начальник уехал в город. Отъезжайте подальше, к шатру никому не разрешено приближаться.

— Ты с ума сошел, негодяй? Знаешь ли ты, с кем говоришь?

— Мне все равно.

— Я — юнкер фон Рисбитер!

— По мне, будь хоть Писбитер, но отойди, не то заколю!

— Наглец! — завизжал Рисбитер, вытаскивая меч.

— Не раздражайтесь, юнкер! — успокоил его Зандштеде. — Послушай, человек, разве ты меня не знаешь?

— Не знаю.

— Я первый бургомистр города Таллина Фридрих Зандштеде, и твой начальник мне подчиняется.

— А я подчиняюсь своему начальнику, и приказ его таков, чтобы никто из посторонних не смел близко подходить к шатру.

— Что же там такое?

— Не твое дело. Убирайтесь отсюда!

— Наглый мужик! — закричал теперь и Зандштеде, вспыхнув. — Я могу сделать так, что и ты, и твой начальник пожалеете об этом.

— Нет, бургомистр, этот человек прав, — заметил Мённикхузен одобрительно. — Воин должен повиноваться приказу начальника. Оставим этого молодца в покое и пойдем своей дорогой.

— Отец! отец! — донесся вдруг из шатра звонкий голос.

Мённикхузен задрожал всем телом... Все прислушалось.

— Отец, спаси меня! — опять прозвучал голос Агнес и вдруг смолк, как будто его насильно заглушили.

— За мной! — загремел Мённикхузен, соскакивая с коня. Он ударом меча отбросил копьё стража и ринулся к шатру. Некоторые из спутников последовали за ним. Стража бросилась им навстречу.

— Прочь с дороги, безумцы! — закричал старый рыцарь. — Хотите стать между отцом и дочерью? Прочь с дороги, не то быть беде!

До беды было недалеко, так как стража не отступала ни на шаг и люди со всех сторон спешили к ней на подмогу. Рисбитер и пикнуть не решался, в то время как Мённикхузен яростно размахивал мечом, а бургомистры тщетно старались водворить мир. Началась была горячая схватка, как вдруг занавес у входа в шатер отдернулся и появился Христоф Шенкенберг.

— Что тут за спор? — спросил он громко.

— Христоф Шенкенберг! — воскликнул с упреком Зандштеде. — Вот как здесь принимают бургомистров Таллина?

Христоф сделал вид, будто он только сейчас заметил высоких гостей.

— Вы здесь, господин бургомистр? — воскликнул он, широко раскрыв глаза. — Назад, люди, разве вы не видите, кто эти господа? Как могло случиться такое тяжкое недоразумение? Поверьте, господин бургомистр, я и мой брат в этом нисколько не виноваты. Я очень сожалею...

— Хорошо, хорошо. А теперь исполните немедленно желание этого господина.

— Этот господин...

— Рыцарь Каспар фон Мённикхузен.

— Каспар фон Мённикхузен! — повторил Христоф с притворным удивлением. — Прошу прощения, что сразу вас не узнал. А чего желает прославленный рыцарь?

— Отдайте мне мою дочь! — гневно воскликнул Мённикхузен.

— Вашу дочь? Мой брат недавно спас из рук русских молодую женщину. Она была тяжело ранена и около недели находилась между жизнью и смертью. Только несколько дней назад, благодаря заботливому уходу, она стала поправляться, но все еще не совсем здорова. Мы боимся, что болезнь помутила ее рассудок. Она все время кричит: «Отец, отец!» — и порывается бежать. А так как в подобном состоянии необходим покой, то Иво, уезжая в город, велел никого чужого к шатру не допускать. Мы — воины и должны исполнять приказы начальника. Если вы хотите видеть больную, то прошу подождать, пока Иво не вернется из города.

— Очень странно, что запрет Иво сильнее нашего приказания, — сказал едко Зандштеде. — Но пусть будет по-вашему, мы не хотим ссоры. Иво сам ответит нам за это. Но до вечера мы тут ждать не можем. Если нельзя войти в шатер, пусть барышня выйдет сама; она ведь может уже стоять на ногах?

— К сожалению, и это запрещено, — ответил Христоф, вежливо кланяясь.

— Агнес! — громко позвал Мённикхузен. Из шатра ему ответил звонкий крик и вслед за ним послышался как бы шум борьбы. Кровь застыла в жилах Мённикхузена. Но прежде чем он, охваченный новым порывом гнева, успел поднять руку, занавес шатра отлетел в сторону и Агнес, в разорванном платье, пробежав мимо Христофа, с радостным криком упала на грудь отца.

Старый рыцарь был растроган до глубины души. Он долго не находил слов, только бормотал: «Дорогое дитя, дорогое дитя!» — и, схватив обеими руками голову дочери, то целовал ей лицо и волосы, то немного отстранял ее от себя, смотрел на нее и опять целовал. Когда он несколько успокоился, юнкер Ханс решил, что настал его черед.

— Я все время говорил, что вырву тебя из пасти льва! — воскликнул он с воодушевлением и протянул руки, ожидая, что вновь обретенная невеста бросится в его объятия. Но Агнес отшатнулась от него и сказала с невыразимым презрением:

— Вы?

— Да, я,— подтвердил Рисбитер.— Ведь это мне захотелось поближе осмотреть шатер, и я сразу же обрушился на стражу. Удивительное чутье или, вернее, голос сердца подсказали мне эту счастливую мысль.

Агнес резко повернулась спиной к счастливцу, обладавшему столь удивительным чутьем, и сказала отцу:

— Уйдем отсюда, мне страшно оставаться здесь.

— Страшно, если я тут?— гордо ответил Мённикхузен.— Не бойся ничего, рыцарь Мённикхузен сумеет защитить свою дочь. Но почему у тебя рука на перевязи? Ты действительно была ранена, бедное дитя?

— Да, я была ранена, но сейчас я уже здорова. Ох, отец, мне много пришлось вынести...— Голос Агнес задрожал.—... с тех пор, как я видела тебя в последний раз. Но здесь не место говорить об этом.

— Бедное дитя, бедное дитя! Я искал тебя в ту страшную ночь по всем углам, но ты как в воду канула; только когда пропала последняя надежда найти тебя, я бежал с горящей мызы.

— А я, пробиваясь к твоей комнате, уложил на месте дюжину русских, но комната оказалась пуста,— смиренно прибавил Рисбитер.

— Можешь ли ты уже сидеть на лошади, Агнес?— спросил Мённикхузен.

— Конечно, могу, но я пешком охотно пошла бы за тобой,— радостно ответила Агнес.— Поверь мне, отец, я стала выносливым пешеходом и прошла длинный путь.

— Фрейлейн фон Мённикхузен не подобает ходить пешком,— заметил старый рыцарь высокомерно.

— А тем более невесте Рисбитера,— торопливо прибавил юнкер Ханс. Он подвел невесте лошадь и с учтивым поклоном подставил руку, чтобы Агнес могла сесть в седло. Агнес минуту колебалась, но ее сердечная доброта взяла верх над неприязнью к Рисбитеру. Предупредительность юнкера ее тронула. Она подала ему руку, которую тот почтительно поднес к своим губам.

— Еще минуту!— сказала Агнес. Она обратилась к Христофу, который безмолвно наблюдал происходящее.— Я в последний раз прошу вас сказать мне прав-

ду! Куда дёвался мой бедный спутник? Вам я больше верю, чем вашему брату.

— Мне нечего прибавить к словам брата, — холодно ответил Христоф.

— Заклинаю вас, скажите правду!

Христоф молча пожал плечами.

— Значит, мне здесь больше нечего делать, — печально вздохнула Агнес и позволила юнкеру Хансу помочь ей сесть на коня. Ханс же взял лошадь одного из слуг. Всадники медленно выехали из лагеря. Никто не осмелился их задержать. Христоф с озабоченным видом смотрел им вслед.

— Почему ты допустил это? — прошипела старуха, подойдя к нему.

— А что было делать?

— Что теперь скажет Иво?

— Пусть говорит что угодно, — ответил Христоф, сердито махнув рукой. — Не мог же я силой противиться таллинским бургомистрам.

По дороге Агнес рассказала отцу о своем бегстве. Услышав имя Гавриила, Рисбитер вскричал, прерывая ее:

— Это тот самый, которому я в лесу задал взбучку?

— Тот самый, который вам в лесу задал взбучку, — холодно ответила Агнес.

Рисбитер хотел что-то возразить, но Мённикхузен приказал ему молчать, а Агнес попросил продолжать рассказ. Когда она кончила, рыцарь, нахмурясь, сказал:

— Я не понимаю, почему они тебя еще задерживали, если ты сама чувствовала себя здоровой; может быть, они имели намерение потребовать с меня большой выкуп?

— Я думаю, что у них было другое, более злое намерение, — прошептала Агнес, бледнея.

— Злодеи! — заскрежетал зубами Мённикхузен, грозя кулаком в сторону лагеря.

— Не проклинай их, отец, — сказала Агнес более мягко. — Я все же должна быть им благодарна — они очень хорошо заботились обо мне. Если бы я только знала, что они сделали с моим спутником!

— Хорош спутник, который в опасную минуту удирает! — с едкой насмешкой произнес Рисбитер.

— Я знаю и таких спутников, которые удирают еще до опасной минуты,— живо возразила Агнес.— Но вот что меня мучит: я не могу поверить, что Гавриил действительно бежал. Боюсь, что они бросили его где-нибудь раненым, может быть, даже мертвым.

— Почему же ему было не бежать, если он знал, что его, как русского шпиона, ожидает в Таллине?

— Молчите, юнкер Рисбитер! — воскликнула Агнес, сверкая глазами.— Вы сами не знаете, что говорите. Гавриил не шпион.

— Ну, ну,— успокоительно произнес Мённикхузен.— Не беспокойся о своем спутнике; кто мог бы так уж сильно жаждать его смерти? Вот увидишь, в один прекрасный день он появится у нас и потребует свои заслуженные чаевые.

Эта мысль показалась Агнес настолько нелепой, что она даже не смогла рассердиться. «Если этот человек еще жив,— подумала она с улыбкой,— то он не удовольствуется чаевыми, а потребует большего...»

— Смотрите! — вдруг воскликнул бургомистр Зандштеде.— Это, кажется, Иво Шенкенберг?

Со стороны города мчался одинокий всадник. Подъехав к Мённикхузену и его спутникам, он резко остановил коня и, словно оцепенев, уставился на Агнес своим единственным глазом.

— Простите, что я без вашего разрешения вышла из шатра,— приветливо обратилась к нему Агнес.— Благодарю вас за вашу заботу, но осторожность ваша была излишней: я вполне здорова и, кроме того, счастлива, потому что, как видите, опять нашла своего дорогого отца.

— Кто выпустил вас из шатра? — пробормотал Иво, бледнея.

— Никто не выпускал, я вышла сама и притом не без затруднений.— Агнес, улыбаясь, указала на свое разорванное платье.— И это ясно свидетельствует о том, что надсмотрщики исполнили свой долг; не гневайтесь на них напрасно. Я — птица, выросшая на воле, такая для клетки не годится.

Иво как будто онемел. Агнес направила свою лошадь к нему поближе, пристально посмотрела ему в лицо и шепотом спросила:

— Где Гавриил?

Только теперь Иво, казалось, очнулся. Его глаз сверкнул, злобная усмешка искривила губы.

— Ищите его! — ответил он хриплым голосом и прищпорил лошадь. Напрасно Мённикхузен и оба бургомистра звали его обратно. Иво ни разу не повернул головы и, как безумный, помчался к лагерю. У своего шатра он соскочил с покрытой пеной лошади. Христоф вышел ему навстречу. Не говоря ни слова, Иво поднял кулак и ударил брата по лицу. Христоф пошатнулся и в страхе отступил в глубь шатра. Иво бросился за ним.

— Предатель! — накинулся он на брата, с мольбой протянувшего к нему руки. — Зачем ты это сделал?

— Хочешь меня убить, как убил Гавриила? — тяжело дыша, произнес Христоф. — Я ничего не мог поделать, бургомистры хотели силой проникнуть в шатер, а стража их чуть не убила. Подумай, что из этого могло бы выйти! Благодарю небо и меня за то, что я предотвратил страшное несчастье.

Иво не слушал его. Он, шатаясь, прошел за занавес, ударом ноги вышвырнул оттуда старуху, обеими руками схватился за голову и, скрежеща зубами, с глухим рычанием повалился на опустевшее ложе Агнес.

11

Венчание

Каспар фон Мённикхузен был очень богат. Едва ли кто-нибудь из помещиков Эстонии так пострадал от войны, как он, и тем не менее он ни в чем не терпел недостатка. На Тоомпеа¹ у него все еще были великолепные дома, а в них огромное количество всякого имущества, благодаря чему он мог жить по-княжески; смог он также собрать разбежавшихся мызных людей и снова подготовить их к военным походам. Он твердо решил отвоевать у русских Куйметса.

¹ Тоомпеа — Вышгород, центральная, возвышенная часть Таллина, в те времена окруженная укреплениями и рвом. (Прим. перев.)

Но раньше нужно было отпраздновать в Таллине свадьбу Агнес с Рисбитером и отправить молодую чету подалее от шума войны, в Курляндию, где находилась мыза Рисбитера. Напрасно Агнес противилась этому, в сотый раз повторяя, что в такое опасное время она не хочет расставаться с отцом, напрасно всячески старалась презрением и колкими насмешками оттолкнуть от себя жениха — ничто не помогало. Мённикхузен оставался непоколебим в своем решении. Свадьба была назначена на середину сентября. Агнес плакала ночи напролет, думая о Гаврииле. Сердце ей говорило: если Гавриил жив, он должен меня разыскивать, что бы ему здесь ни угрожало. Он знает, что я в Таллине. Почему же он не появляется? Может быть, он болен? Может быть, умер? Это всегда бывало последней гранью размышлений Агнес, и каждый раз у нее судорожно сжималось сердце, как только мысль ее доходила до этого предела. К чему тогда и жить? Агнес часто думала о смерти, но наложить на себя руки не хотела. Ведь без Гавриила смерть и так не заставит себя долго ждать. Как могла бы она, невеста Гавриила, быть счастлива с Рисбитером, дожить до старости? Мысль эта была для Агнес отвратительна: это означало медленное увядание и смерть.

А Гавриил все не появлялся.

Иво Шенкенберг со своим лагерем еще стоял под Таллином. Казалось, Иво в значительной мере утратил свою былую ретивость. Он часто сидел один в своем шатре, погруженный в невеселые думы, и никого к себе не пускал. К своим людям он стал еще суровее, чем прежде. Кое-кто из них убежал, но зато много прибавилось новых, потому что в голодных людях, ищущих себе пропитания на войне, к сожалению, не было недостатка. Отряд Иво, увеличиваясь с каждым днем, вырос в настоящее войско, и шведы, находившиеся в таллинском замке, начинали уже опасаться, что оно может стать угрозой для них и для города. Бургомистры старались их успокоить, говоря, что Иво готовится нанести сильный удар русским.

Однажды вечером — это было в сентябре, — когда Иво сидел в шатре один, вошел страж и доложил, что с начальником хочет говорить какая-то знатная дама.

Иво тотчас же вспомнил, что Агнес фон Мённикхузен уже несколько раз приглашала его к себе, но безуспешно.

— Кто она такая? — спросил Иво, вскакивая.

— Она не называет своего имени, но с ней бургомистр Зандштеде и двое слуг.

— Пусть женщина войдет сюда одна.

Страж удалился, а Иво стал ждать; сердце у него билось учащенно.

Зашелестел занавес, и в шатер вошла женщина; ее лицо было скрыто под густой вуалью.

— Фрейлейн фон Мённикхузен! — глухо воскликнул Иво.

Агнес приподняла вуаль. На лице ее отражалась сильная душевная мука, глаза потускнели от слез, веки были красны. Иво почувствовал, что в его застывшем сердце что-то дрогнуло — то ли от злорадства, то ли от сострадания. Он предложил гостье сесть и сказал мягко, почти робко:

— Чем объяснить такую честь, что фрейлейн фон Мённикхузен...

— Вы не захотели прийти ко мне, — сказала Агнес усталым голосом, — поэтому я принуждена была явиться к вам; ведь я должна вам выразить такую глубокую благодарность.

— Вы мне ничем не обязаны, фрейлейн фон Мённикхузен, — ответил Иво с некоторой горечью.

— Нет, нет, я вам обязана многим. Вы ведь действительно спасли меня от смерти.

— И тем не менее вы боитесь меня, высокочтимая фрейлейн: вы даже взяли с собой для защиты бургомистра.

— Бургомистр Зандштеде относится ко мне по-отечески, он мой друг. Отцу я не осмеливалась сказать об этой поездке, но и не могла ехать так далеко без провожатых. Почему бы мне вас бояться! Я знаю, что вы честный человек.

— И все же вы мне не доверяете.

— Как так?

— Вы пришли не благодарить меня, а допрашивать.

Агнес молча опустила глаза.

— Вы расспрашивали и моих людей и предлагали им деньги,— безжалостно продолжал Иво.— Вы плохо знаете моих людей: они умеют повиноваться.

— Значит, вы им все-таки запретили говорить правду? — с живостью спросила Агнес. Ее потухшие глаза заблестели; она как будто пыталась через единственный глаз Иво проникнуть взглядом в самую глубь его души.

— Может быть,— угрюмо ответил Иво.

Агнес вдруг упала перед ним на колени, протянула сжатые руки к этому жестокому человеку, и с ее уст полилась пламенная мольба, исходившая из глубины взволнованного сердца.

— Скажите мне правду, Иво Шенкенберг! Зачем вы терзаете меня? Какое зло я вам причинила? Скажите мне, где Гавриил, и я вечно буду вас благодарить и благословлять. Вы видите, как трепещет моя душа, в каком я отчаянии. Неужели сердце у вас каменное и муки другого человека вас совсем не трогают? Почему вы боитесь сказать правду? Пусть эта правда будет самой страшной, как и подсказывает мне мое сердце— чем могу я, слабая девушка, вам повредить? Говорите, и я скрою все, как священную тайну, в глубине своей души. Я прошу, я заклинаю вас памятью вашей матери, скажите мне, что вы сделали с Гавриилом?

— Гавриил умер,— глухо ответил Иво.

Агнес встала. Она была бледна как смерть, но спокойна.

— Вы его убийца,— произнесла она твердо.

— Он пал от моей руки в честном поединке.

— Почему вы это сделали?

— Потому что я люблю вас.

Агнес отпрянула от него, как от дикого зверя.

— Будь проклят, презренный убийца! — воскликнула она, простирая руку. Иво зарычал, как раненый хищник, и шагнул вперед, но Агнес уже не было в шатре.

Когда она приехала домой, ее на лестнице ждали Мённыйхузен и Рисбитер.

— Где ты была так долго? — воскликнул Мённыйхузен.— Мы уже беспокоились о тебе!

Агнес соскочила с седла, не дожидаясь помощи Рис-

битера, передала лошадь слуге, подошла к отцу и холодно сказала:

— Теперь делайте со мной что хотите.

— Что это значит?

— Это значит, что я больше не буду противиться и свадьба может состояться.

— Этого я давно ждал,— улыбнулся Мённикхузен; юнкер Ханс, между тем, схватил руки невесты и покрыв их поцелуями, а затем стал целовать и ее бледные губы. В своем упоении он не замечал, что Агнес в его объятиях оставалась холодной и равнодушной, как статуя.

— Наверное, прогулка верхом была очень веселой, что твое жестокое сердце так внезапно смягчилось,— пошутил Мённикхузен.

— Да, это была очень веселая прогулка,— сказала Агнес со странной улыбкой.

— Если она принесла такие хорошие последствия, я не стану тебя бранить, как сперва намеревался. Это с твоей стороны было неосторожно — выехать из города поздно вечером почти одной, в то время как повсюду рыщут грубые, разнузданные люди Иво Шенкенберга. Надеюсь, ты не столкнулась с ними?

— Нет,— равнодушно произнесла Агнес.

— Если бы ты взяла с собой меня,— сказал Рисбистер,— ты могла бы не бояться никаких столкновений.

— Да, Агнес,— мягко сказал Мённикхузен,— я от души радуюсь тому, что ты теперь переходишь под защиту более молодого и сильного человека. Я не думаю, чтобы он тебя любил больше, чем я; но он, вероятно, сумеет лучше защитить тебя от какого бы то ни было насилия и от твоего собственного легкомыслия, чем это удалось мне.

Старый рыцарь, растроганный, обнял дочь и поцеловал ее чистый лоб. Видя в этом хороший пример для себя, юнкер Ханс собрался было во второй раз пойти на штурм сладостных уст невесты, но та, заметив его намерение, выскользнула из рук отца и поспешила подняться по лестнице.

Следующий день был занят приготовлениями к свадьбе. Она должна быть отпразднована по старинным обычаям и со всем великолепием старых вре-

мен — таково было непоколебимое решение Мённикхузена. Гостей здесь, в городе, было гораздо больше, чем в Куйметса, так как Таллин кишел помещиками. Большой дом Гильдии едва мог вместить всех приглашенных. Рыцари, их жены, дочери и даже лошади блистали роскошным убранством, хотя наряды и драгоценности были большей частью взяты напрокат у презренных бюргеров. Сознание своей бедности никому не мешало веселиться; знаменитое ливонское легкомыслие в последний раз расцвело здесь пышным цветом. Вино и пиво отгоняли все заботы, мужчины бахвалились друг перед другом и распевали песни, женщины бойко судачили и раскидывали свои сети, словно в самые мирные времена. Из всех присутствовавших только один человек не принимал участия в общем веселье, и это был... сама невеста. Агнес оставалась молчалива и безучастна, лицо ее поражало мертвенной, почти прозрачной бледностью, черты его словно окаменели, а на неподвижных губах застыла улыбка, какую можно иногда видеть на лице покойника. Шутки гостей, не всегда деликатные, не вызывали краски на ее щеках, ни разу не заставили ее улыбнуться. Слышала ли она эти шутки? Слышала или видела ли она вообще что-нибудь? Едва ли, так как она не проронила почти ни слова, ее тусклый, ничего не выражающий взгляд был все время устремлен куда-то в беспредельную даль. Она исполняла все, что ей приказывал отец и опытные в таких церемониях женщины, она позволяла наряжать себя, терпеливо стояла с тяжелым венцом на голове, в то время как кавалькады гостей в честь ее торжественно дефилировали мимо дверей дома Гильдии.

— Красивая невеста, но холодна как лед, — говорили горожане, толпившиеся на улице. — Слава богу, в наших девушках больше свежести и жизни, чем в этой дочери многовекового рыцарского рода!

Наступило воскресенье. После богослужения пышное свадебное шествие двинулось к церкви на Тоомпеа. Впереди молодой пары шли музыканты и люди, несшие свечи. Двери старинной рыцарской церкви были украшены знаменами и венками, точно для приема княжеской четы. В церкви жениха и невесту встретили игрой на органе и пением. Пастор произнес длинную

проповедь; он с воодушевлением говорил о соединении двух знатных родов — во славу божью и на пользу родине. Затем молодая пара в сопровождении шаферов и подружек подошла к алтарю — Рисбитер горделиво, гулким шагом, Агнес — будто в полусне, с опущенными глазами. Как хвастливый победный клич прозвучало на всю церковь сказанное Рисбитером «да». Пастор обратился к Агнес:

— И тебя, невеста, спрашиваю я, согласна ли ты в сердце своем взять в супруги жениха своего Ханса фон Рисбитера, и соединиться с ним на всю жизнь, и делить с ним все, что господь ниспошлет тебе, — счастье и горе, радость и печаль, богатство и бедность, и не разлучаться с ним, пока сам бог не разлучит вас смертью. Если такова твоя воля и решение, то скажи ясно, во всеуслышание: да!

Агнес ответила не сразу. В первый раз за все время венчания она подняла глаза, в первый раз из ее измученной груди вырвался болезненный, дрожащий вздох. Она чувствовала себя покинутой богом и людьми, одинокой в чуждом ей мире. Как бы ища поддержки, она взглянула мимо пастора на толпу людей, стоявших по обе стороны алтаря. Вдруг ее взгляд задержался на одной точке, сперва застыл, как бы от испуга, потом засиял неописуемой радостью. Там стоял Гавриил, возвышаясь над другими на целую голову; щеки у него ввалились, темные глаза глубоко запали, лицо было бледно как у мертвеца, черты искажены горьким чувством. Это был уже не прежний гордый, своенравный и жизнерадостный Гавриил, а, видимо, жестоко преследуемый судьбой человек, измученный болезнью и душевными муками, но это был несомненно он, он был жив!

— Нет, и тысячу раз нет! — громким криком вырвалось из уст Агнес. Мертвенная бледность покрыла ее лицо, она пошатнулась и упала: она лишилась чувств. В церкви, набитой до отказа, поднялся шум и говор. Случалось нередко, что невесту перед алтарем приходилось упрасивать и уговаривать, прежде чем она произносила заветное «да»; но такого громкого и решительного отказа никто еще не слышал. Это что-нибудь да значило, здесь явно крылась какая-то тайна. О, об этом можно будет немало посудачить!

Благодаря помощи женщин и находившегося в церкви врача Агнес через несколько минут пришла в себя и встала на ноги. Прежде всего она стала искать взглядом Гавриила, но он исчез.

— Отвезите меня домой, я больна,— прошептала Агнес.

— Милая, дорогая Агнес, скажи сперва «да»! — умолял Рисбитер: по его красному лицу струился пот.

— Отец, спаси меня! Уведи меня отсюда, иначе я умру! — простонала Агнес, с ужасом отстраняясь.

Мённикхузен обнял дочь, дрожавшую как осино-вый лист, и сказал грустно:

— Дитя, дитя, что ты делаешь? Зачем ты навлекаешь позор на мою седую голову?

— Прости, отец, я не могу иначе,— шепнула Агнес, пряча свое вдруг зардевшееся лицо на груди отца.

Старый рыцарь вынужден был, пожав плечами и нахмурившись, объявить пастору и гостям, что дочь его внезапно захворала и венчание состояться не может. Но гостей он попросил все же не расходиться, так как церемония, сегодня прерванная, может быть, закончится завтра. Церковь постепенно опустела, но на улице еще долго стояли толпы людей, оживленно обсуждая происшедшее.

12

Нищий, больной сердцем

Мённикхузен полагал, что его дочь действительно больна,— ничем другим он не мог объяснить ее безрассудное упорство. Он отвез Агнес в закрытой карете домой и оставил на попечение врача, подружек и теток, сам же поспешил в дом Гильдии принимать гостей. Женщины почти насильно уложили Агнес в постель, хотя девушка и уверяла их с улыбкой, что она уже не больна, а только чувствует усталость и небольшое головокружение. Врач предлагал ей то одно, то другое лекарство, но Агнес полупросительно, полунасмешливо отклонила его помощь, так что почтенному господину ничего другого не осталось, как

сердито махнуть рукой и удалиться. От женщин было труднее отделаться. Напрасно Агнес описывала им в живых красках картины праздничного веселья в зале Гильдии, уверяла, что ее легкое недомогание никому не должно служить помехой, старалась объяснить, что ей нужен только покой и одиночество, — ничто не помогало: все хотели остаться с ней, бодрствовать подле нее. Наконец Агнес, действительно усталая, закрыла глаза и притворилась спящей. Женщины некоторое время перешептывались между собой, потом начали зевать и вопросительно поглядывать друг на друга. Постепенно из комнаты ушли сначала молодые, потом более пожилые и... больше не вернулись; все они спустились с Тоомпеа в город. Только старая тетка, жившая в доме Мённикхузена, осталась у постели больной. Агнес открыла глаза и начала именем бога умолять тетю, чтобы та оставила ее одну: она, мол, не может уснуть, пока в комнате сидят люди; если ей что-либо понадобится, достаточно будет помощи прислуги. Тетка удалилась, потихоньку ворча.

Через несколько минут Агнес позвонила. Когда вошла служанка, молодая краснощекая эстонка, Агнес одним прыжком вскочила с постели и весело воскликнула:

— Скорей, помоги мне одеться, чтобы я стала как можно красивее, слышишь?

Девушка от удивления широко раскрыла рот и глаза и, запинаясь, спросила:

— Подвенечный наряд?

— Нет! — резко ответила Агнес. — Подай мне праздничное голубое платье, драгоценностей не нужно.

Причесывая Агнес перед зеркалом, девушка робко спросила:

— Значит, барышня уже поправилась?

— А разве я похожа на больную?

— О нет, барышня свежа и красива, как восходящее солнце!

— Ты хорошо умеешь льстить.

— Но отчего барышня сегодня в церкви упала в обморок?

— Этого я не могу тебе сказать.

— Наверное, от жары и духоты — ведь церковь была набита битком.

— Ты тоже была там?

— Да, я стояла позади, в углу.

— Ты все слышала?

— Нет, всего я не слышала и не видела, но слышала, как барышня громко сказала «нет».

— Ты очень удивилась этому?

— Что мне, глупой, удивляться! Но люди в церкви и вправду удивлялись, почему барышня не хочет взять себе в мужья юнкера Рисбitera.

— А ты хотела бы за него выйти замуж?

— Я?

— Да, ты!

— О, господи боже мой!

— Ну, отвечай!

— Как я смею об этом думать?

— Почему же не смеешь? Представь себе, что в моей власти тебя с ним поженить. Вышла бы ты тогда за юнкера?

— Ну, он, конечно, не очень-то красивый мужчина, — протянула девушка.

— Кто же ценит мужчину по внешности? — назидательно заметила Агнес. — Но он все же, по-твоему, человек дельный, честный, щедрый, смелый, к тому же безмерно богатый?

— Господи помилуй! — воскликнула девушка смущенно. — Я ведь не знаю господина юнкера, но его собственные люди говорят, что...

— Что они говорят?

— Как будто господина юнкера нельзя назвать хорошим человеком.

— Одним словом, ты не хотела бы взять его себе в мужья?

Девушка, краснея, покачала головой.

— Вот видишь! — сказала Агнес с улыбкой. — Если и ты не хочешь выходить за него замуж, как же мне этого хотеть? Так, а теперь поди и принеси из сада самую красивую розу, я приколю ее себе к волосам. Только никому не говори, что я встала с постели. Я хочу остаться одна.

Когда роза была принесена и приколата к волосам, Агнес отослала девушку, заперла дверь на ключ, распахнула окно и стала смотреть из-за занавески. Комната находилась на втором этаже, и из окна был виден двор и единственная узкая улочка, ведущая к дому. И двор и улица были безлюдны.

Почему Агнес так жаждала остаться одна? Нужно ли ей было что-то скрыть от чужих глаз? Да, ей действительно нужно было кое-что скрыть: неописуемую радость, наполнившую ее сердце, вновь пробудившиеся жизненные силы, упоительное чувство утерянного и вновь обретенного счастья. Гавриил жив, Гавриил здесь! — звенела в ее сердце ликующая песнь. Агнес не отрываясь смотрела на улицу. Она знала: Гавриил должен появиться оттуда! Надежды Агнес дважды оказывались обманутыми: там проходили люди, которых рыцарь Мённикхузен присылал из дома Гильдии узнать, как здоровье его дочери. Им ответили: «Барышня спокойно спит», — они поспешили удалиться, и улица снова опустела.

Когда наступили сумерки, на улице показалась какая-то мужская фигура. Может быть, опять разочарование? Агнес не могла ясно разглядеть идущего, но сразу узнала Гавриила по его богатырскому росту, по его походке, движениям. Это был Гавриил! Он вошел во двор и стал пристально смотреть вверх, на окна дома. Агнес только теперь заметила, что Гавриил одет в рубище нищего, в руках у него палка, а за спиной мешок.

«Подаст ли кто-нибудь милостыню такому нищему?» — с сомнением подумала Агнес.

Она отодвинула занавеску и выглянула из окна. Их взоры встретились. Они кивнули друг другу головой. Большого им сейчас и не нужно было — одним этим взглядом и кивком головы они все объяснили друг другу, обменялись долгими речами.

Гавриил поднялся по ступеням лестницы быстрее и легче, чем полагалось бы настоящему нищему, и постучал в высокую сводчатую дверь дома. Через несколько минут за дверью раздался голос служанки:

— Кто там?

— Бедный нищий. Подайте Христа ради кусочек хлеба! — был ответ.

Агнес услышала, как дверь отперли.

— Ах ты, лентяй этакий! — укоризненно сказала служанка. — Здоровый, сильный мужчина — и не стыдно тебе побираться?

— Не сердись, прелестная девица, — льстиво произнес Гавриил, — злость ангелам не к лицу. Пусть недобрая мысль никогда не омрачит этот гладкий белоснежный лоб, пусть холод сердца не угасит луч доброты в этих кротких голубиных очах. Я твердо верю, что ты настолько же добра, как и прекрасна.

«Плутишка! — подумала Агнес улыбаясь. — Он хочет возбудить во мне ревность?»

— Это все пустая болтовня, — сказала девушка насмешливо, но уже гораздо мягче. — Ну, подожди здесь, я вынесу тебе чего-нибудь.

— Постой, доброе дитя, — попросил Гавриил. — У меня есть еще одна, совсем особенная просьба. Видишь ли, насколько я, по-твоему, здоров и силен, настолько же я немощен и хвор на самом деле. Я болен тяжелой сердечной болезнью, из-за нее-то мне и приходится просить милостыню. Старая знахарка предсказала мне, что я выздоровею только в том случае, если невинная девица, у которой хватит смелости даже перед алтарем сказать «нет» своему нелюбимому жениху, даст мне поцеловать свою нежную руку. Я долго искал такую девицу, но пока все мои старания были напрасны: все перед алтарем охотно говорят «да». Сегодня я случайно услышал, что в этом доме живет ангел, который может меня исцелить. Может быть, это ты, милое дитя, — моя спасительница?

— Нет, — ответила девушка смеясь.

— Жаль! А кто же она?

— Не надейся найти здесь спасение. Этот агнел, о котором ты говоришь, — сама наша высокородная барышня.

— Она злая или заносчивая?

— Сам ты злой и заносчивый! — рассердилась девушка. — Наша милостивая барышня — настоящий ангел небесный.

— Тогда почему же ей не помочь бедному человеку?

— Кто же осмелится из-за тебя, оборванца, беспокоить барышню?

— Пусти меня к ней, я сам ее попрошу!

— Я не могу впустить в дом чужого человека.

— Тогда вызови барышню сюда!

— Еще лучше! Бери свой кусок хлеба и иди с миром!

— Выслушай меня, милое дитя! — настойчиво продолжал Гавриил. — Сейчас я только жалкий нищий, но я знал и лучшие дни.

— Это видно по твоему лицу, — заметила девушка.

— У меня с прежних времен сохранилась одна дорогая вещь. Видишь это кольцо?

— Ах, какое красивое! — в восхищении воскликнула девушка.

— Оно из чистого золота, и в нем драгоценный камень. Кольцо мне дорого как память, но здоровье, на мой взгляд, еще дороже. Я подарю тебе это колечко, если ты позовешь сюда барышню так, чтобы никто об этом не знал.

Агнес ждала с нетерпением. Если бы девушка продолжала отказываться, милостивая барышня, может быть, и без просьбы сбежала бы вниз, чтобы спасти нищего от сердечной болезни. Но нет, служанка не смогла устоять против искушения. Рассмотрев кольцо, она после короткого размышления спросила как бы вскользь:

— Оно в самом деле золотое?

— Из чистого золота, а у драгоценного камня есть еще то особенное свойство, что если долго будешь в него вглядываться, увидишь лицо своего суженого.

Девушка засмеялась.

— Ну, так и быть, я возьму кольцо. Подожди здесь, а я попытаюсь уговорить барышню сойти вниз.

Она осторожно закрыла дверь, задвинула засов, чтобы нищий не мог войти без разрешения, и поспешила к барышне.

— За дверью стоит нищий и просит милостыни.

— Какое мне до этого дело? — холодно ответила Агнес. — Если он достоин сострадания, накорми его и пусть уходит.

— Это я и хотела сделать,— запинаясь, сказала девушка,— но это какой-то совсем особенный нищий: он ни от кого другого не хочет принять подаяние, как только из рук самой барышни.

— Вот как! Если он такой наглец, прогони его!

— Милая барышня! — умоляюще сказала девушка, бледнея. — Будьте милосердны к этому бедному человеку. Он тяжело болен и уверяет, что не сможет выздороветь, если только невеста не скажет «нет», — ох, я глупая, что я говорю! — если милостивая барышня не даст ему поцеловать свою благородную руку.

— Что за глупости ты болтаешь! — сердито оборвала ее Агнес, втайне радуясь тому, что внезапный румянец, заливший ее лицо, можно объяснить вспышкой гнева. — Оставь меня в покое и поступай со своим нищим, как хочешь!

— Милая барышня!

— Иди, иди!

Девушка, всхлипывая, вышла из комнаты, Агнес тотчас же ее догнала.

— Почему ты плачешь?

— Ох, дорогая барышня, мне так жалко этого бедного человека.

— Неужели ты плачешь только от жалости к нему? — недоверчиво спросила барышня.

— Да, и у него такие большие, глубокие, черные как уголь глаза, что... что...

— Ах, вот что! — засмеялась Агнес. — Ну, если у него такие красивые глаза, тогда пойдем посмотрим.

Агнес взяла со стола листок бумаги, завернула в него золотую монету и вместе со служанкой спустилась вниз. Нищий до земли поклонился барышне и начал взволнованно излагать свою просьбу.

— Я все знаю,— перебила Агнес и сунула завернутую в бумагу золотую монету в руку нищего. Без дальнейших просьб нищий схватил ласковую руку и прижался губами к ее шелковистой, мягкой коже. Это был горячий, долгий, жадный поцелуй и... гордая барышня, к великому изумлению служанки, ему не противилась. Наконец ей пришлось силой отнять свою руку, так как нищий, казалось, совсем забыл, что ее надо выпустить.

— Ты теперь выздоровел? — спросила Агнес странным, дрожащим голосом.

Нищий выпрямил свой могучий стан; на его исхудалом лице, действительно, как будто заиграл здоровый румянец.

— У меня такое чувство, будто я испил из самого источника здоровья, — сказал он с воодушевлением. — Знахарка правду сказала: чудодейственной силой обладает рука милостивой барышни.

— Я очень сомневаюсь в этой чудодейственной силе, — сказала Агнес с улыбкой. — Думаю, что в этой бумажке скрыта гораздо более могучая волшебная сила.

— Я не нахожу слов, чтобы выразить свою благодарность милостивой барышне. Да благословит ее бог и да пошлет ей поскорее такого жениха, которому она перед алтарем с радостью скажет «да»!

— Не благодари меня так горячо и не благословляй, — сказала барышня с суровой серьезностью. — Свою благодарность ты лучше всего выразишь

тем, что впредь не будешь лениться и нищенствовать, а постараться жить честным трудом. Иди с миром!

Нищий еще раз низко поклонился и вышел. За углом он развернул бумажку и прочел: «Садовая калитка с улицы, налево от ворот, в полночь будет открыта. Ночного сторожа угостят свадебным пивом».

Нищий поцеловал бумажку и золотую монету и, окрыленный, стал поспешно спускаться с Тоомпеа.

Агнес весь вечер не выходила из комнаты. Около девяти часов Мённикхузен сам навестил дочь и нашел ее спокойно спящей в постели. Свет его свечи разбудил Агнес, она открыла глаза и спросила:

— Это ты, отец?

— Да, я,— ответил Мённикхузен.— Как твоё здоровье?

— Я здорова, но все еще чувствую усталость и слабость.

— Завтра встанешь?

— Надеюсь.

— И отпразднуем свадьбу?

Агнес печально покачала головой.

— Прости меня, дорогой отец! Я знаю, что тяжко виновата перед тобой. Видит бог, я не питаю никакого зла к юнкеру Рисбиту, но стать его женой не могу.

— Подумай о том, что я дал ему слово!

— Я думаю об этом и всем сердцем скорблю, что ты должен из-за меня нарушить свое слово, но... я не могу иначе.

Когда Агнес произносила эти слова, на лице ее отражалась подлинная душевная боль; но, быть может, вызывалась она тем, что Агнес, до сих пор до глубины души презиравшая ложь и обман, сейчас была принуждена притворяться перед любимым отцом.

— Твоя болезнь серьезнее, чем тебе кажется,— пробормотал Мённикхузен полусердито, полусочувственно.— Если бы ты была здорова, ты говорила бы разумнее. Я не могу оставить тебя на ночь одну, я пришлю к тебе женщин.

— Не присылай никого! — взмолилась Агнес в испуге.— Мне достаточно служанки. Мне ничего не нужно, кроме полного покоя и отдыха. Если мне дадут спокойно отдохнуть, я завтра встану здоровой.

Мённикхузен пожал плечами.

— Пусть будет по-твоему. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, отец.

Мённикхузен вышел, взяв с собой свечу. Агнес же встала в постели на колени, сложила руки и начала горячо молиться о прощении только что содеянного греха...

Стояла непроглядно-темная осенняя ночь. Небо было покрыто тучами, сильный ветер сгибал верхушки деревьев, осыпая землю увядшими листьями. Под деревьями было тише — густой кустарник и высокая стена, окружавшая маленький сад, служили защитой от ветра. На башенных часах Тоомпеа как раз пробило полночь, когда Агнес открыла садовую калитку и в нее проскользнула высокая темная фигура. Через минуту Агнес была в объятиях Гавриила.

Они пошли, держась за руки, мимо кустов крыжовника и смородины в конец сада, где под большой липой стояла каменная скамья. Агнес без сопротивления позволила Гавриилу взять ее к себе на руки. Она чувствовала, что тут ее настоящее место, ее подлинный храм, ее венчальный алтарь; здесь она не говорила «нет», не оставалась холодной и равнодушной, а, напротив, была полна трепета жизни; здесь она снова обрела свой искренний смех и искренние слезы и давала им волю. Когда на самые важные вопросы ответы были даны, когда улегся первый порыв чувств, Гавриил начал рассказывать о своем удивительном спасении. Он говорил тихо, шепотом, но ведь они были так близко друг от друга!

Гавриил рассказал:

— Как ты знаешь, меня со связанными руками увели от Иво в палатку его брата Христофа и там заковали в цепи по рукам и по ногам. Я обещал тебе, что не буду сопротивляться, и сдержал свое слово. Я был смиреннее ягненка, ведомого на заклание. Против ожидания, Христоф Шенкенберг, которого я считал таким же, как его брат, оказался, по сравнению с ним, действительно человеколюбивым. Он все время предлагал мне пищу и питье, но я только тогда стал есть и пить, когда узнал, что твоя рана быстро заживает. Напившись пьяным, Христоф часто сожалел о моей несчастной судьбе

и проклинал Иво, который своей злобой и грубостью отравляет жизнь даже родному брату. Сам Иво несколько дней не показывался. Однажды вечером он пришел ко мне один и начал зло издеваться надо мной. Я и без того был раздражен долгим заключением, и насмешки Иво несколько не улучшили моего состояния духа. Я отвечал ему резко; слово за слово — и дело кончилось тем, что Иво вонзил мне в грудь нож.

— Мне он сказал, что ты пал от его руки в честном поединке, — вставила Агнес.

— Нисколько не сомневаюсь, что Иво мог так сказать; он только забыл прибавить, что в этом поединке я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. К счастью, в палатке было темно, и острие ножа не коснулось сердца, как того, без сомнения, хотел Иво; все же удар был настолько силен, что у меня дыхание замерло и я лишился чувств. Сколько времени продолжался мой обморок, я не знаю, но очнулся я уже в холодной воде и заметил, что мои руки и ноги свободны от оков. Вероятно, Иво, считая меня умершим, велел бросить меня в реку. Я лег в воде на спину, и волны понесли меня вниз по течению. Когда я оказался уже довольно далеко от лагеря, над которым виднелось зарево от костров, до моего слуха донесся шум большого водопада; я подплыл к берегу, выбрался на сушу и упал в изнеможении. От большой потери крови силы мои совсем иссякли. Я не мог даже шевельнуться и почувствовал, что опять теряю сознание. Что со мной было дальше, не могу сказать. Как я потом узнал, я несколько дней лежал без памяти и бредил.

— Бедный Гавриил! — вздохнула Агнес, глядя его по щеке. — О, если бы я тогда могла быть с тобой!

— Да, жаль, что тебя не было, но обо мне все же хорошо заботились. Слушай дальше. Придя в себя, я с удивлением увидел, что нахожусь в жалкой лачуге, на убогой постели. Подле меня сидел бедно одетый старик и чинил сети. Когда я заговорил, старик повернулся ко мне и дружески улыбнулся. Я сразу узнал его: это был мой отец.

— Твой отец! — воскликнула Агнес в радостном изумлении.

— Тише, тише, Агнес! — удержал ее Гавриил, ука-
зывая на дом. — Ты выражаешь свое удивление почти
так же громко, как я тогда. Следствием моего радост-
ного возбуждения было то, что кровь хлынула у меня
из носа и рта, и я чуть было опять не потерял сознание.
Когда эта опасность, к счастью, миновала и я снова не-
сколько оправился, отец рассказал, как он меня нашел.
Он долго жил в Швеции, терпя сильную нужду. Потом
шведы стали требовать, чтобы он помогал им в войне
против его родины; отец не согласился и вынужден
был бежать. После долгих скитаний он прошлой вес-
ной вернулся в те места, к которым влекли его доро-
гие воспоминания. От хутора Ору давно уже не оста-
лось и следа, тесть и жена умерли, сын исчез, вся мест-
ность была превращена в пустыню. Отец тяготился
жизнью; он решил остаться здесь и ждать смерти. Он
построил себе на берегу реки хижину и жил рыбной
ловлей. От людей Иво Шенкенберга он скрылся в ле-
су. В ту ночь, когда меня бросили в реку, отец отпра-
вился посмотреть издали, находится ли еще лагерь на
прежнем месте. Проходя по берегу, он натолкнулся на
человека, лежавшего без сознания в луже крови. Убе-
дившись, что тело еще теплое, отец из жалости взва-
лил раненого себе на спину и отнес в свою лачугу. Он
еще не знал, кого спас от смерти, но когда снял с меня
одежду, то нашел кинжал и кольцо. Он стал присталь-
но всматриваться в мое лицо и убедился, что случайно
спас жизнь собственному сыну.

Благодаря его нежному уходу я, прохворав несколь-
ко недель, оправился от тяжелой болезни. Можешь се-
бе представить, сколько за это время мы должны были
рассказать друг другу! Узнав, что царь Иван обещал его
помиловать, отец был настолько растроган, что громко
разрыдался. Он потерял уже последнюю надежду ко-
гда-нибудь увидеть свою родину, увидеть Москву, от ра-
дости старый боярин чуть не сошел с ума.

— И теперь... теперь вы оба отправитесь в Рос-
сию? — спросила Агнес еле слышно.

— Теперь мы поедem в Россию. Я не успокоюсь,
пока честь отца не будет полностью восстановлена.
Я твердо уверен, что царь сдержит свое слово.

— Жаль! — вздохнула Агнес.

— Как так — жаль? — удивился Гавриил.

— В Москве много красивых княжон...

— Тем лучше, — тихо, но от всей души рассмеялся Гавриил, — тем легче я переживу тяжелое время разлуки с тобой.

— Гавриил!

Глаза Агнес блеснули в темноте, но Гавриил не знал, что тому причиной — оскорбленная гордость или внезапно набежавшие слезы.

— Ну, ну, ничего! — произнес он успокоительно, прижимая к себе дрожащую девушку. — Подумай о том, что я, как только смог держаться на ногах, сразу же поспешил в Таллин разыскивать своего потерянного спутника, хотя мне это и грозило виселицей. Разве это ничего не значит? Прежде чем какая-нибудь княжна станет тебе опасной соперницей, ты, может быть, уже сто раз меня забудешь.

— Не говори так, мне больно это слушать, — сказала Агнес.

— А если я должен буду прожить вдали от тебя несколько месяцев, может быть, целый год, останешься ли ты мне верна? — спросил Гавриил с тревогой в голосе.

— Неужели ты можешь в этом сомневаться?

— Ведь ты совсем недавно чуть не вышла замуж за другого.

— Ради бога!

— Скажи мне, Агнес, в ту минуту, когда ты подходила к алтарю, у тебя уже было намерение сказать «нет»?

— Не было, — тихо ответила Агнес.

— Ну вот видишь! Ха-ха!

— Не смейся, Гавриил! — сказала Агнес дрогнувшим голосом. — Я считала тебя погибшим и хотела этим поступком продлить жизнь своего бедного отца и сократить свои собственные печальные дни. Я жаждала последовать за тобой. Без тебя жизнь для меня не имеет никакой ценности.

— А может быть, жизнь без отца и родины тоже не имеет для тебя ценности? — спросил Гавриил с притворной суровостью.

— Что это значит?

— Согласна ли ты, когда нужно будет и когда придет время, уехать со мной в Россию? Подумай, я ведь наполовину русский!

Агнес и минуты не медлила с ответом.

— С тобой я пойду куда угодно, хоть на край света. И если ты наполовину русский, то русские не могут быть такими злыми, как о них говорят. Я постараюсь стать достойной княгиней.

— Ты должна стать княгиней. Царь сдержит свое слово. Но пока — надо терпеть и молчать.

— Я буду терпеть и молчать. А сейчас я должна вернуться в дом — я ведь больна, тяжело больна.

— Ты... больна?

— Я должна быть больной, не то меня тотчас же опять поведут венчаться с Рисбитером.

— Ну, тогда будь больна так сильно, как только сможешь, но смотри не умирай!

— Нет, теперь мне снова хочется жить!

Голоса их замерли в долгом поцелуе. Наконец Агнес решительно освободилась из объятий Гавриила и твердым шагом направилась к садовой калитке. Она не хотела напрасно увеличивать тяжесть разлуки.

Но на другое утро Агнес не встала с постели. Она действительно заболела.

13

В монастыре Бригитты

Свадьба расстроилась, и недовольные гости принуждены были разъехаться по домам.

Хотя рыцарь Мённыйхузен и вправе был жаловаться на упрямство дочери, но это свойство характера она унаследовала от него же самого. Старик Мённыйхузен был еще упрямее. Он принадлежал к числу людей, которые никогда не отступают от принятого решения. Если намерения у них благие, то такие люди могут принести миру большую пользу; в противном же случае они часто навлекают несчастье и на себя, и на других. Мённыйхузен восторгался человеком, которого избрал себе в зятя, уже далеко не так, как в те дни,

когда Рисбистер привез из Пыльтсамаа в Куйметса его заклятого врага Фаренсбаха. Через некоторое время русские опять освободили Фаренсбаха из плена, и у Мённикхузена как бы спала с глаз пелена — он увидел все недостатки юнкера Ханса. Но он дал юнкеру слово и должен был его сдержать, если только Рисбистер сам не откажется. Рисбистер же и не думал отказываться. Он тщательно оценил все свои физические и духовные качества и пришел к выводу, что у Агнес нет ни малейшего основания презирать его. Ханс фон Рисбистер был твердо уверен, что другого подобного ему человека на свете не существует. Раз уж он удостоил какую-либо девушку сватовством, то она должна была, как спелый плод, упасть в его объятия, иначе мир перевернулся бы. Он, Ханс фон Рисбистер, — отвергнутый жених, мишень для насмешек товарищей! Да разве это вообще возможно? О чем она думала, эта Агнес, когда осмелилась по отношению к нему, Хансу фон Рисбистеру, так по-детски озорничать? Ведь эти выходы нельзя было объяснить ничем другим, как только озорством девушки. Ни разу юнкеру Хансу не пришла в голову мысль, что другой мужчина может затмить его в глазах какой бы то ни было девушки, тем более в глазах гордой Агнес.

У старика Мённикхузена такая мысль, правда, возникла, но он отгонял ее от себя. Среди знакомых юнкеров он не находил ни единого человека, на которого могло бы пасть подозрение. Агнес ко всем относилась одинаково. Или она настолько сбилась с пути, что какой-нибудь мужчина из низшего сословия... но нет, эту ужасную мысль старый рыцарь никак не мог решиться додумать до конца. Хотя Мённикхузен и считал себя человеком справедливым, он все же ненавидел свою бедную сестру, двенадцать лет тому назад «попавшую в сети подлого человека», и находил, что она опозорила свой род; он никогда не произносил ее имени и скрежетал зубами, когда нечаянно вспоминал об этом «ужасном событии». Нет, Агнес слишком горда, слишком дорожит своей честью, она не может пасть так низко. Но какой же злой дух вселился в это доселе кроткое дитя? Откуда у нее такие странные настро-

ения, такое непреодолимое упрямство? Это было совершенно непонятно.

Мённикхузен понимал только, что суровость и насилие тут бесполезны, одно лишь время могло исправить дело. Мённикхузен твердо на это надеялся.

Агнес с неделю пролежала в постели, причем ни один врач не мог определить, чем она больна. Когда она встала после болезни, все заметили, что в ней произошла глубокая перемена. Агнес не была уже ни такой живой и шаловливой, как в Куйметса, ни такой безжизненной и вялой, как в последнее время в Таллине; она была спокойна, серьезна и часто впадала в задумчивость. Домашним хозяйством она занималась с еще большим усердием, с гостями была приветлива и предупредительна, но сама не любила ходить в гости. После выздоровления она расцвела полной, зрелой девичьей красотой. Рисбистер навещал ее ежедневно, так как, по его мнению, он был и остался женихом Агнес, хотя капризы девушки его на некоторое время отстранили. С тех пор как отец перестал принуждать Агнес к замужеству, она обходилась с Рисбистером точно так же, как и с другими гостями, с той же приветливостью, позволяла говорить себе «ты», хотя сама неизменно обращалась к юнкеру на «вы».

Однажды Рисбистер сказал шутя:

— Поверишь ли, Агнес, ты уже давно была бы моей счастливой супругой, если бы я захотел быть немного похитрее.

— Я думаю, вы и так достаточно хитры, — спокойно ответила Агнес.

— Да, это так, но я не хотел против тебя действовать хитростью. А сейчас я, к сожалению, по твоему поведению вижу, что в любовных делах без хитрости не обойтись.

— Это вы видите по моему поведению?

— Да, конечно. Ведь ты играешь со мной, как кошка с мышью, зная, что эта игра, точно кузнечный мех, раздувает пламя моей любви. Если бы я в свое время поступал так же, то дело, пожалуй, сейчас обстояло бы как раз наоборот.

— Может быть.

— Ну вот видишь! Когда я думаю о твоих капризах, у меня иногда возникает желание и сейчас еще поиграть с тобой, как кошка с мышью.

— Что ж, попытайте счастья!

— Хорошо! Но не слишком ли это будет больно твоему маленькому сердечку?

— Посмотрим!

— Например, если бы я стал к тебе немного холоднее или даже некоторое время избегал бы тебя, а?

— Это было бы для меня заслуженным наказанием.

— Ну, так выбирай теперь сама: наказание... или свадьба?

— Думаю, что я больше заслуживаю наказания.

— Ты действительно заслуживаешь наказания за свои капризы, — сказал Рисбитер более резко, — но я, при своем великом терпении, все же предпочел бы свадьбу. Скажи наконец, Агнес, почему ты позволяешь себе такие выходки и заставляешь меня напрасно ждать?

— Я совсем не заставляю вас ждать. Устраивайте свадьбу, когда хотите, только не со мной.

— Пустое упрямство, пустое упрямство! — проворчал Рисбитер. — Ты хорошо знаешь, что мне нетрудно было бы найти другую невесту, но это ничего не значит. Я хочу жениться на тебе, и ты хочешь выйти замуж за меня, так как лучшего мужа нигде не найдешь; но ты издеваешься надо мной и медлишь, ты не веришь, что я тебя люблю, и играешь со мной, как кошка с мышью. Но ведь я доказал своими славными подвигами, насколько горячо я люблю тебя. Ради тебя я почти один ворвался в Пыльтсамааский замок и захватил в плен смертельного врага твоего отца, а в Куйметса я наверняка спас бы твою жизнь, если бы ты подождала немного. Ты улыбаешься, но что правда — то правда. Ради тебя я перебил две дюжины русских, и с твоей стороны было ошибкой, что ты позволила себя спасти презренному человеку.

— Прошу прощения...

Следствием этого разговора было то, что на следующий день Рисбитер уехал в Курляндию, в свое поместье. Прощаясь с Агнес, он придал своему лицу хитрое,

многозначительное выражение, как будто хотел сказать: «Не моя вина, если я терзаю твое сердце! Ты меня достаточно подразнила, теперь кайся! Теперь я — кошка, ты — мышка!».

По странному стечению обстоятельств, отъезд Рисбitera совпал как раз с тем временем, когда рыцарь Мённикхузен готовил со своим отрядом новый поход против русских; можно было подумать, что у юнкера Ханса нет большой охоты выступать против русских, будто ему наскучило совершать геройские подвиги; так, по крайней мере, говорили его враги, а среди мызных людей врагов у него было более чем достаточно. Мённикхузен отпустил его без сожаления: он был доволен, что хоть на время избавился от этого человека, присутствие которого постоянно напоминало рыцарю о его нарушенном обещании.

Когда Рисбитер со своим обозом удалился, Мённикхузен грустно сказал дочери:

— Как было бы хорошо, если бы вы вместе уехали отсюда, сопровождаемые моим благословением!

— Неужели тебе так хочется от меня избавиться? — печально спросила Агнес.

— Я хочу прежде всего, чтобы ты была счастлива.

— Я ведь счастлива. Мое счастье — это быть с тобой, любить тебя, заботиться о твоём доме.

Мённикхузен покачал головой.

— Со мной ты сейчас все равно не можешь остаться... Я иду на войну, а там не место девушке.

— С тобой, отец, я ничего не боюсь.

— Тем сильнее я боюсь за тебя. Я не хочу, чтобы ты вторично подверглась смертельной опасности. Кроме того, я теперь вижу, что не гожусь в воспитатели девушки. Мой способ воспитания принес дурные плоды.

— Отец!

— Ну, ну, не пугайся! Я не хочу сказать, что ты плохая дочь, но я тебя слишком избаловал, ты стала капризной и упрямой. Тебе крайне необходимо более строгое воспитание, иначе ты сама себя сделаешь несчастной. Послушай теперь, что я решил относительно тебя: для начала я отправлю тебя в монастырь Бригит-

ты¹, под надзор аббатисы Магдалены — родной сестры твоей матери. Аббатиса — святая женщина, может быть, ей удастся молитвами и благочестивым примером сломить твоё упорство.

В глазах Агнес отразился испуг.

— Ты хочешь держать меня в заточении, в монастырских стенах! — воскликнула она, бледнея.

— Не в заточении, а только под более строгим надзором, для твоего же блага, — сказал Мённикхузен, глядя в сторону. — Не думай, что тебя хотят постричь в монахини. Ты воспитана в благочестивом учении Лютера, и никто не посмеет принудить тебя от него отказаться. Ты должна только снова научиться молиться богу — ты, по-видимому, разучилась это делать. Когда я вернусь с войны и увижу, что ты исправилась, всё окончится благополучно, к нашей общей радости.

— Но я не хочу жить в монастыре! — возбужденно воскликнула Агнес. — Тетя Магдалена недолюбливает меня, у меня всегда был тайный страх перед ней! Чем я провинилась, что ты отталкиваешь меня? Я тайком убегу из монастыря и последую за тобой.

— В монастыре стены высокие, — улыбнулся Мённикхузен. — Есть только одно средство, которое может тебя избавить от всего этого.

— Какое? Скажи, дорогой отец! Я все исполню, лишь бы ты не отталкивал меня.

— Тогда пошлем гонца за Рисбитером и позовем его обратно.

Луч радостного возбуждения угас в глазах Агнес. Она поникла головой, словно увянув, и тихо сказала:

— Лучше пойду в монастырь.

Несколько дней спустя Агнес поселилась в монастыре Бригитты, а Каспар фон Мённикхузен с отрядом мызных людей ушел из Таллина.

Монастырь Бригитты — наследие периода католицизма, окончившегося в Эстонии в 1525 г., в описываемое время еще был огромным, величественным строением. Монастырь обладал большими богатствами

¹ Полное название — монастырь святой Бригитты. Находился в Мариентале, близ Таллина, у устья реки Козе: развалины его видны и теперь. Монастырь строился с 1407 по 1466 г. и был одним из так называемых смешанных монастырей (*claustrum mixtum*), т. е. предназначался и для монахов и для монахинь. Монастырь состоял под управлением женщины знатного происхождения (аббатисы). Последней аббатисой его была Магдалена фон Цёге. (*Прим. авт.*)

и угожьями и славился глубоким благочестием своей тогдашней аббатисы. Монастырский устав отличался большой строгостью: он требовал уединения, молчания и бесконечных молитв. Главное здание монастыря находилось у северной стены большой церкви и имело два этажа; наверху находились кельи монахинь, в нижнем этаже — кельи монахов. Монахи и монахини могли встречаться только в церкви, куда с каждого этажа вела особая лестница. Высокая стена, окружавшая монастырь, была в последнее время еще надстроена и дополнительно укреплена; это было крайне необходимо, потому что с введением новой веры у таллинцев поубавилось уважения к святому месту и богатства монастыря стали приманкой для грабежа. Аббатиса Магдалена была женщина строгая, с твердым характером, ее ничто не могло испугать. Происходя из старинного немецкого рода, она твердо верила в непоколебимую мощь и силу своих соотечественников и презирала русских. С начала великой войны городские власти неоднократно требовали удаления из монастыря его обитателей, чтобы превратить монастырь в крепостной заслон против русских, но аббатиса об этом и слышать не хотела; она не приняла даже шведского отряда, предложенного ей для защиты монастыря, так как не верила, чтобы какой-либо враг осмелился посягнуть на монастырь. Ее уверенность повлияла и на Мённикхузена. Когда он пожаловался на свое несчастье, она сказала: «Отдай Агнес на полгода под мой надзор, и я ее превращу в ягненка». Мённикхузен, правда, пожал плечами и недоверчиво улыбнулся, но в глубине души он все же надеялся на хороший исход, зная благочестие и святость аббатисы; на свою отцовскую власть он уже не возлагал никаких надежд. Он предоставил аббатисе полную свободу действий, поставив лишь единственным условием, чтобы Агнес не обратили в католичество и не уговаривали стать монахиней.

В монастыре для Агнес отвели комнату более просторную и светлую, чем кельи монахинь; из высокого окна открывался вид на залив, на другом берегу которого стены и острые башни Таллина вставали, казалось, прямо из воды. Агнес должна была присутствовать на ежедневных богослужениях и молитвах в церкви, а также участвовать в общих трапезах монахинь; и она все это охотно исполняла, так как все же видела чело-

веческие лица и вместе с тем никто не приставал к ней с расспросами, как это беспрестанно случалось в городе. В течение нескольких недель Агнес вполне свыклась с монастырской жизнью, занималась рукоделием, читала, молилась богу и думала о Гаврииле. Если она вначале и испытывала тайный страх перед «воспитательными приемами» тетки, то теперь в глубине души просила у нее прощения, надеясь, что та оставит ее в покое. Аббатиса навещала свою племянницу редко, говорила мало, но смотрела на нее каким-то сверлящим взглядом, будто хотела своим взором проникнуть в душу Агнес.

Однажды аббатиса велела призвать Агнес в свою келью — она жила так же скромно, как и все монахини. Агнес пошла к ней, не предчувствуя ничего дурного. Войдя в келью, она вдруг оробела, потому что желтое, морщинистое лицо святой женщины было холодное как лед, а взгляд подобен жалю.

— Садись сюда и слушай, я должна с тобой поговорить, — сказала она, указывая на низенькую скамеечку у своих ног.

Агнес послушно села.

— Я уже достаточно тебя изучила и вижу тебя насквозь, — начала аббатиса сурово. — Ты хитрая, скрытная, и сердце у тебя злое.

— Тетя!

— Молчи! Я вижу, что кроется в глубине твоей души. Я надеялась добротой и лаской повлиять на тебя так, чтобы ты добровольно во всем созналась, как дитя своей матери. Ты этого не сделала — это плохой признак.

— В чем я должна была сознаться?

— Ты таишь в своем сердце греховную любовь! — произнесла аббатиса тихо и внушительно.

Агнес побледнела, но ни слова не сказала в ответ.

— У тебя в сердце горит греховная любовь, — повторила аббатиса, безжалостно отчеканивая каждое слово. — Дело мне кажется серьезным, так как ты не покраснела, а стала бледной как стена. Я надеюсь, что ты не станешь напрасно таиться от меня. Я женщина, и у меня зоркий глаз. Твой отец не хочет и не может поверить тому, в чем я тебя сразу заподозрила. Ты считала меня слепой, а я все время приглядывалась к тебе, изучала каждую мысль на твоем челе, читала ее в без-

молвном движении твоих губ. Откуда у тебя взялась бы смелость перед богом и всеми прихожанами воспротивиться воле отца, нарушить самый священный закон, если бы в твоём сердце не пылала греховная любовь? Откуда у тебя, легкомысленное дитя света, явилась такая твердая решимость покинуть отца, своё общество, все мирские блага, похоронить себя за высокими стенами монастыря, безропотно переносить скучную жизнь, даже радоваться одиночеству и тишине? Разве я не видела, как в церкви, во время молитвы, твои уста часто оставались немymi, а твои глаза смутно глядели куда-то вдаль, где ничего не было видно? Не спаситель, не высокий образ божьей матери, не святые ангелы стояли тогда перед твоим взором, а — страшно подумать! — человек из плоти и крови, мужчина!

Аббатиса вздрогнула, как будто «страшная мысль» коснулась её тела, и перекрестилась. Агнес не произнесла ни слова.

— Что ты можешь на это ответить? — глухим голосом спросила аббатиса.

— Ничего, — тихо ответила Агнес.

— Кто твой возлюбленный?

Это слово пробудило в Агнес чувство женской гордости.

— Хотя ты и моя тетя, но так говорить со мной ты не имеешь права, — сказала она, вставая.

— Оставайся на месте! — прикрикнула на неё аббатиса. — Ты, негодница, вздумала меня учить, как я должна говорить с тобой?

— Я не негодница.

— Ты такая же негодница, как и тот, кого ты любишь!

— Я никогда не могла бы полюбить негодяя, — сказала Агнес с ледяным спокойствием, так как чрезмерная резкость тетки начала возбуждать в ней презрение.

— Впредь здесь позаботятся о том, чтобы ты вторично так низко не пала; но сейчас ты пала — ты вздыхаешь о человеке, который по своему сословному положению недостоин тебя. Если бы он был достоин тебя, ты бы уже давно во всем призналась. Но все это делается втайне, украдкой, шепчутся в темных углах и... бог знает, что там ещё творилось! (Аббатиса опять вздрогнула и перекрестилась.) Ты хотела пойти по сле-

дам сестры твоего отца, тайно бежать из родительского дома и навлечь величайший позор на себя и своих родных? Кто знает, что еще могло бы случиться, если бы ты дольше оставалась в Куйметса!

— Магдалена Цёге! — сказала Агнес с нескрываемым презрением. — Если вы не стыдитесь позорить то имя, которое я имею честь носить, то вспомните, по крайней мере, что вы — аббатиса монастыря Бригитты.

Этот упрек подействовал так, что аббатиса вместо резких слов стала пользоваться более ядовитыми.

— Именно потому, что я хотела сберечь славное имя твоего отца от нового позора, я и взяла тебя под свою опеку, — сказала она хриплым голосом. — Ты не уйдешь из моих рук до тех пор, пока твое упорство не будет сломлено силой и твои помыслы, ныне блуждающие на путях греха, не будут направлены к благу.

— Я не могу поверить, чтобы мой отец отдал меня сюда в заточение.

— Думай что хочешь, но прежде всего ты должна поверить тому, что в этих стенах вся власть и сила в моих руках. Твой отец далеко, и он доверяет мне больше, чем тебе. Он не хочет тебя видеть, пока я не извещу его, что ты этого достойна. Не бойся, что я посягну на твою жизнь, но тело твое я подвергну истязаниям, твою оскверненную душу очищу мучительным огнем. И все же ты можешь облегчить свое наказание, если открыто назовешь того, кто увлек тебя на путь греха.

Шальная мысль промелькнула в голове Агнес: «Тетя ведь женщина, может быть, ее гложет простое любопытство?».

Она продолжала молчать.

— Скажи мне только его имя, — настаивала аббатиса. — Это было бы первым признаком твоего исправления; этим ты смягчила бы свое наказание и сама помогла бы с корнем вырвать из твоего сердца воспоминание об этом гнусном человеке.

В воображении Агнес вдруг предстали Иво Шенкенберг и его старуха. Как они старались оклеветать Гавриила, всячески очернить его! Не хотела ли почтенная аббатиса использовать то же средство, чтобы вырвать «греховное воспоминание» из сердца Агнес? Аб-

батиса была похожа на ту старуху... кто знает? Агнес мысленно поклялась никому не называть имени любимого до тех пор, пока он сам не даст на это согласия.

Аббатиса выжидала, глядя на нее, как ястреб на свою жертву.

— Ну, скажешь? — спросила она наконец с возрастающим гневом.

— Нет, — холодно ответила Агнес.

— Убирайся с глаз моих долой!

Агнес ушла, не чувствуя никакого раскаяния.

— Подожди, я отучу тебя говорить «нет»! — пробормотала аббатиса, провожая ее злобным взглядом. До Агнес еще донеслись эти слова.

С той поры Агнес не имела в монастыре ни одного спокойного дня. Тетка старалась отучить ее говорить «нет», причем действовала по определенному плану. Придирки и наказания градом сыпались на голову Агнес. Ей пришлось оставить полюбившуюся ей комнату и поселиться в простой монашеской келье; сначала один раз в неделю, затем два и три раза питаться лишь хлебом и водой, во время общих трапез принимать пищу в одиночестве на каменном полу, в то время как другие сидели за столом. К Агнес приставляли то одну, то другую монахиню, которые не давали ей покоя ни днем ни ночью, все время увещевали ее и по сто раз читали одну и ту же молитву; потом Агнес оставляли по целым неделям в одиночестве и никому не разрешали перекинуться с ней хотя бы единым словом. Только аббатиса каждую субботу вечером спрашивала: «Скажешь?» — и Агнес в конце каждой мучительной недели с неизменным упорством отвечала: «Нет».

Разгневанная аббатиса не уставала придумывать все новые виды наказаний: она приказала на ночь запираить Агнес в церкви, заставляла ее после богослужения ложиться навзничь перед лестницей, по которой проходили монахини, так что те шагали через ее тело; приказала остричь ее прекрасные волосы и надеть на нее одеяние кающейся грешницы; наконец, велела запретить ее в узкую, темную келью, где она, как тяжкая преступница, должна была спать на каменном полу, на соломе, и питаться лишь хлебом и водой, которые ей три раза в неделю подавали через узкое отверстие

в стене. Каждую субботу вечером шипящий голос злобно спрашивал через это отверстие: «Скажешь?» — и каждый раз из кельи мягкий, страдальческий, с каждым днем слабеющий голос отвечал: «Нет».

14

Осада Таллина

22 января 1577 года высланные из Таллина разведчики принесли весть, что на город наступает большое русское войско и что оно уже достигло Йыэлахкме. Бургомистры Фридрих Зандштеде и Дитрих Корбмахер велели объявить об этом народу на большом рынке и призвали население стойко оборонять город. Горожан не очень пугала предстоящая осада, так как городские стены были высоки и крепки, город кишел воинами, пушек и боевых припасов было собрано огромное количество. В замке расположился шведский губернатор, храбрый и опытный военачальник Хинрик Хорн со своим испытанным в боях отрядом; несколько дней тому назад в город прибыли также Каспар фон Мённикхузен и Иво Шенкенберг с остатками своих отрядов. Мызных воинов опять постигла неудача: русские неожиданно напали на них в Куйметса и Ууэмыйза и обратили их в бегство. Особенно тяжким был этот удар для военачальника мызных людей. Мённикхузен отдал все свои денежные средства и имущество для снаряжения войска, надеясь, что вдесятеро возместит свои расходы военной добычей, разгромив русских и подвластные им эстонские и ливонские земли. Теперь Мённикхузен был беден как церковная мышь; он потребовал возмещения убытков от шведов, но те не пожелали дать ни ему, ни другим рыцарям даже жалкой милостыни, а напротив, сами потребовали возмещения убытков, нанесенных мызными людьми шведским подданным, жившим в Харьюмаа и Ляэнемаа. Нетрудно себе представить, как это несчастье угнетало гордого Мённикхузена.

От Иво Шенкенберга в последнее время счастье тоже отвернулось. Он встретил достойного противника:

русские двинули против него отряд из крестьян Вирумаа и Ярвамаа, который вел князь Гавриил Загорский. Таким образом, здесь эстонцы воевали с эстонцами. Оба отряда были храбры и опытны в военном деле, оба хорошо знали все дороги и самые захолустные места страны, оба имели искусных военачальников, но победа все же клонилась на сторону Гавриила. Он не давал Иво передышки, преследовал его по пятам, нападал на него и днем и ночью и, наконец, заставил его бежать без оглядки из открытой местности и искать убежища в стенах Таллина. Звезда Иво закатилась, в то время как имя Гавриила Загорского гремело по всей Эстонии, наводя страх на противников. Отзвук его славы проник и в кельи монастыря Бригитты, где при упоминании его имени монахи и монахини осеняли себя крестом; не достигали эти слухи лишь того глухого уголка, где томила в заключении Агнес фон Мённикхузен.

23 января на Ласнамяги появились первые отряды русского войска. Осажденные подожгли все пригородные дома, снесли все заборы и вырубili деревья, чтобы враг во время приступа не нашел прикрытия. Русские до вечера подтягивали свои силы, и к утру Таллин со стороны суши был окружен полностью.

Все русское войско, численностью около пятидесяти тысяч человек, было разделено на пять лагерей, занимавших пространство от Ласнамяги до Черной реки. Верховным начальником русских был родственник царя князь Федор Иванович Мстиславский, его помощником и правой рукой — знаменитый военачальник Иван Селиметин-Кольцов, поклявшийся царю, что он либо возьмет Таллин, либо погибнет. На их призыв — сдать город русским без кровопролития и жить спокойно под могучей защитой царя — из Таллина ответили насмешками. У города и у шведов было в пять раз больше пушек и боевых припасов, чем у русских; было также известно, что тогдашние русские войска, грозные в бою, неискусны в ведении осады. Поэтому таллинцы полагали, что могут смело пренебречь численным превосходством противника. Люди жили беззаботно и даже устраивали празднества и свадьбы, в то время как в русских укреплениях на Тынисмяги греме-

ли пушки и первые раскаленные ядра с грохотом пробивали черепичные крыши домов.

Чтобы точно узнать численность русских и их намерения, Иво Шенкенбергу приказали со своим отрядом и частью шведской конницы произвести внезапную вылазку и захватить живыми несколько русских. Иво исполнил приказ. Темной ночью были подняты Вирусские ворота, и из них выехал отряд всадников. Они сперва продвигались медленно, по возможности держась под прикрытием развалин сгоревших домов и направляясь к лагерю русских, расположенному под Ласнамяги, на месте нынешнего Кадриорга. Шагах в двухстах от лагеря они остановились и прислушались. В лагере царила глубокая тишина, в двух-трех местах между палатками виднелся отблеск догорающих костров. Ранняя оттепель очистила землю от снега, сильный южный ветер гнал по небу черные тучи. Для внезапного нападения момент был благоприятный.

По сигналу, данному Иво, всадники сразу прищипорили коней. Когда скакавшие впереди уже преодолели низкий земляной вал, в лагере началась тревога. Русские поднялись; одни схватились за оружие и стали отбиваться от всадников, другие в замешательстве обратились в бегство, полагая, что на лагерь напало все немецко-шведское войско. Люди Иво могли бы теперь легко выполнить свою первоначальную задачу и, взяв в плен несколько русских, отступить, прежде чем остальные оправятся от неожиданности; но страсть к убийству и грабежу оказалась сильнее и придала им излишнюю смелость. Отряд Иво продвигался все дальше и дальше в глубь лагеря, и часть людей уже начала опустошать оставленные русскими палатки. Вдруг в дальнем конце лагеря, у подошвы Ласнамяги, возник новый шум; ясно был слышен радостный крик русских: «Князь Загорский! Князь Загорский!».

Гавриил со своим отрядом прибыл в тот же вечер под Таллин и стал лагерем в каменоломнях на Ласнамяги. Ночью он услышал из-под горы глухой шум и, поняв, что там происходит, тотчас же поднял людей, сел на коня и с быстротой вихря помчался со своим отрядом вниз с горы. Как молния обрушились они на врагов, которые, увидев всадников и услышав имя За-

горского, в испуге стали отступать. При тусклом свете лагерных костров Гавриилу показалось, что в одном из отступающих, человеке высокого роста и крепкого сложения, он узнал Иво Шенкенберга. Гавриил погнался за всадником, догнал его, прежде чем тот успел перескочить через земляной вал, и одним ударом меча свалил с лошади. В тот же миг Гавриил сам спрыгнул с коня и приподнял окровавленную голову убитого. Нет, это был не Иво, а простой шведский воин.

Пока Гавриил смотрел на него, ему пришла в голову странная мысль. Он быстро снял со шведа мундир, натянул его на себя, на голову надел рассеченную шляпу шведа, всю пропитанную кровью, вскочил на коня и помчался во весь опор мимо своих людей, вслед за отступающими. Он догнал их уже у городских ворот. Ворота подняли, и вслед за шведами и людьми Иво в город пробрался их враг, наводивший на них такой ужас.

Несмотря на позднее ночное время, главные улицы города были оживлены и полны движения. У Вируских ворот собралось много людей; при свете факелов они глазели на воинов, возвращающихся с окровавленными головами и, выражая им весьма мало сочувствия, едко подшучивали над ними. Уже было известно, что вместо русских пленных они привезли только следы русских ударов.

Когда Гавриил проезжал через толпу, кто-то крикнул:

— А этому новую голову приделали!

— Лицо у него так забрызгано, словно на нем с самого вечера давили клопов! — с насмешкой вставил другой.

— Ему, наверно, ударом мозга набекрень сдвинуло — скачет как бешеный! — добавил третий.

Гавриил провел рукой по лицу и почувствовал, что оно липкое; рука от прикосновения к лицу была вся в крови. Теперь только Гавриил понял, что причиной этому была окровавленная шляпа убитого шведа, понял, что его, Гавриила, принимают за раненого, и порадовался тому, что это обстоятельство делает его еще более неузнаваемым. Быстро проскакав по оживленной

улице Виру, он придержал лошадь, свернул в боковую темную улицу и стал думать, как быть дальше.

Он с радостью поднялся бы прямо на Тоомпеа и пробрался в дом Мённикхузена, но как пройти через ворота Тоомпеа, мимо шведской стражи так, чтобы она не обнаружила обмана? Гавриил знал, что начальник мызных воинов принужден был вторично бежать в Таллин, но куда девалась Агнес? Гавриил жаждал узнать, где она; побуждаемый этим желанием, он и совершил отчаянно-смелый поступок, пробравшись один в неприятельский город.

В задумчивости подъехал Гавриил к знакомому трактиру, стоявшему близ Харьюских ворот. В окнах светился огонь и слышался глухой гул голосов. Заглянув в окно, Гавриил увидел человек шесть мужчин, по-видимому, горожан из низшего сословия: они сидели при свете сальной свечи за кружками пива и оживленно беседовали. Гавриил слез с коня и постучался в дверь.

Дверь отворилась, и на пороге показался трактирщик.

— Кто там? — спросил он сонным голосом.

— Швед, — ответил Гавриил. — Нельзя ли здесь получить глоток пива и стойло для лошади?

Трактирщик не мог разглядеть пришельца, но при слове «швед» заметно оживился — он знал, что шведы большие охотники до хмельного и платят щедро.

— Подожди, подожди, я открою ворота. Но скажу заранее, что за лошадь твою я не отвечаю: в городе полно нищих, сбежавшихся из деревень, они повсюду рыщут хуже псов.

Поставив лошадь под навес, Гавриил вошел в трактир. Его появление поразило присутствующих, некоторые даже вскрикнули от испуга.

— О-хо-хо! человеке! — воскликнул трактирщик, при свете разглядев лицо гостя. — Откуда ты явился с такой головой?

— А что такое с моей головой? — полушутя спросил Гавриил.

— Тебя, видно, отчаянно поколотили, — шляпа разрублена, а лицо будто в кровь окунули.

— Не беда, таких голов вы, наверное, еще не мало увидите,— ответил Гавриил, садясь.— У русских кулаки крепкие.

— Что? Разве русские уже в городе?

— Нет, но мы побывали у них в лагере. Я еще легко отделался, едва чувствую свою дыру в голове, а другим куда хуже пришлось. Дай скорее пива, у меня страшная жажда, да и устал я порядком.

Трактирщик поставил перед гостем кружку с пенящимся пивом и спросил:

— Не хочешь ли умыться?

Гавриил залпом осушил кружку, потом ответил:

— Нет, если я с такой головой явлюсь к коменданту, он меня произведет, по меньшей мере, в вахмистры.

Теперь и горожане с любопытством придвинулись поближе и набросились на Гавриила с расспросами.

— Ты был, как видно, в том отряде, который выслали для захвата пленных?

— Да,— ответил Гавриил.

— Ну что, добыли пленных?

— Мы благодарим судьбу, что сами в плен не попали.

— Как это случилось? Расскажи!

— Что тут рассказывать? — произнес Гавриил с досадой.— Мы были неосторожны, подняли слишком сильный шум. Русские проснулись и начали отбиваться. Мы, конечно, сразу пустились наутек, а они гнались за нами до самых Вирусских ворот и чуть не ворвались вместе с нами в город.

— Ну, ну, здесь бы их встретили совсем по-другому,— хвастливо заявил один из слушателей со спесью, свойственной таллинским горожанам.— Но как они могли преследовать вас? Ведь вас послали против нижнего лагеря у Ласнамяги, там до сих пор неприятельской конницы не замечалось, а вы все, насколько мне известно, были на конях. Неужели у русских такие быстрые ноги, что они могут угнаться за лошадьми?

— В том-то вся беда — никто и не подозревал, что там есть конница. Всадники выросли у нас перед глазами словно из-под земли и начали задавать нам жару.

— Гм, странное дело! Уж не был ли там этот чертов Загорский, о котором люди Иво Шенкенберга рассказывают такие страшные вещи?

— Он-то как раз и оказался там, чтоб ему пусто было! — выругался Гавриил.

— А ты видел его своими глазами?

— Я видел его собственными глазами, а он пощупал меня рукой.

— Каков он на вид?

— Он не дал мне времени разглядеть его.

— Это он и рассек тебе шляпу?

— Это — дело рук Гавриила Загорского.

— Откуда же ты это знаешь, если ты его даже хо-рошенько не разглядел?

— Когда он напал на нас, люди Иво, указывая на него, закричали в ужасе: «Загорский, Загорский!» — и пустились от него бежать, как от привидения. Я не очень боялся, так как считал его не какой-нибудь диковинной птицей, а обыкновенным человеком; только когда он занес меч над моей головой, я увидел, что у него невероятно безобразное лицо и маленькие, дьявольски хитрые глаза.

— Неужели он в самом деле так безобразен? — недоверчиво спросил один из слушателей.

— Мне и сейчас еще тошно становится, как вспомню о нем, — подтвердил Гавриил.

— Тогда он, наверное, изменил свой облик — ведь люди Иво говорят, что у этого дьявола лицо, как у красивой девушки, и большие черные как уголь глаза. Но он, как известно, колдун и может сегодня выглядеть так, а завтра иначе, может скрыться под землю и появиться там, где его меньше всего ждут; он ведь уже один раз умер, а потом опять воскрес.

— Глупое суеверие! — сказал другой горожанин, презрительно скривив губы. — Люди Иво стараются уменьшить свой позор, потому и представляют своего врага колдуном. Но, по правде говоря, и сам Иво, и его люди уже никуда не годятся. Было время, когда их превозносили до небес, а теперь оказывается, что они ничего лучшего не умеют, как только грабить да жечь. С прошлой осени Иво ни одно дело не удалось. Раньше он чуть не лопался от гордости, считал себя вели-

ким полководцем, на своих друзей юности и смотреть не хотел, а теперь живет, как крот, зарывшись в землю, и не решается никому на глаза показаться. Не понимаю, почему захват пленных поручили именно ему; ведь можно было заранее предвидеть, что из этого ничего не выйдет.

Из горожан никто не поднял голос в защиту Иво. Трактирщик сказал:

— Люди Иво говорят, что он стал совсем другим человеком с тех пор, как дочь Мённокхузена вырвалась из его когтей.

Сердце Гавриила сильно забилося; он стал напряженно слушать. Трактирщик продолжал:

— С тех пор он стал бесноваться, как будто в него вселился сам сатана. Своему родному брату наставил синяков, старуху, всегда бывшую при нем, искалечил сапогом, а стражей избил до полусмерти за то, что те позволили увести девушку. Прежде он любил шутить, прощал небольшие провинности, терпел, когда ему дельно возражали, принимал умный совет и сам был мастер на всякие военные хитрости; но с того дня от него никто больше не слышал ни единого шутливого слова, со своими людьми он теперь обходится прямо как дьявол, а против врагов ему уже ничего не удастся сделать, хоть его отряд и увеличился. Говорят, он, как услышит имя Загорского, всякий раз бледнеет и дрожит. Одним словом, от сильной злости у него разум помутился.

— А что ж его так сильно разозлило? — спросил Гавриил невинным тоном.

— Да то, что старик Мённокхузен увез свою дочь, когда самого Иво не было в лагере. Ты об этом еще ничего не знаешь?

— Нет, я только недавно приехал в Таллин.

— Ну, так слушай: Иво спас дочь Мённокхузена от русских и при этом сам потерял свое сердце. Он берет девушку, как зеницу ока, держал ее взаперти в палатке, никому ее не показывал. Между ними, видно, было что-то серьезное, потому что, когда старый Мённокхузен об этом узнал и насильно увез девушку домой, она совсем рехнулась и перед алтарем громко крикнула «нет», когда ее хотели обвенчать с юнкером Рисбите-

ром. Дома она страшно вопила и чуть не выцарапала отцу глаза. Старый Мённикхузен не знал, что делать с сумасшедшей дочерью, и отправил ее в монастырь Бригитты, надеясь, что благочестивая и святая аббатиса Магдалена своими молитвами изгонит из нее злого духа. Да не тут-то было! Девушка стала еще злее, сыпала мерзкими словами и покушалась на жизнь аббатисы. Монастырские люди рассказывают, что аббатиса проделывала над ней разные штуки, но это ничуть не помогло. Теперь ее держат в темной келье, взаперти, как дикого зверя, и никого к ней не подпускают, чтоб злой дух не перешел из нее в другого человека.

Гавриил встал, расплатился, попросил постеречь его лошадь — ему, мол, нужно еще в городе выполнить кое-какие дела, прежде чем ехать в замок, — и вышел на улицу. У колодца он умылся и отправился бродить по улицам, прилегавшим к городским стенам, пока не обошел весь город. Сердце у него ныло. Он хотел бы тотчас же отправиться в монастырь Бригитты, но... не мог выбраться из города. Все ворота были заперты, стены высоки, внизу повсюду горели сторожевые огни, наверху шагала бдительная стража, вооруженная ружьями. Гавриил понял, что выбраться из города сегодня ночью невозможно. Он был узником, и весь город был его тюрьмой. А что будет, если он завтра случайно столкнется с людьми Иво и те его узнают? Своей чрезмерной смелостью Гавриил навлек на себя большую опасность, но он ни минуты не сожалел о своей смелости — он ведь теперь знал, где находится Агнес. Против опасности надо было пустить в ход хитрость.

Гавриил бродил часа два по пустынным улицам, потом вернулся в трактир. С удивлением заметил трактирщик, что швед, ушедший несколько часов назад с измазанным лицом, но с трезвой головой, возвратился с чистым лицом, но с хмельной головой — он шатался и распевал песни.

— Так вот какое дело было у тебя в городе! — ворчал трактирщик. — Не мог ты здесь напиться, что ли? Думал в другом месте лучшее пойло найти?

— Не сердись, хозяин! — просил швед заплетающимся языком. — Что сделано, то сделано. Но в таком виде я не могу показаться в замке — комендант

с пьяными очень строг, он велит меня избить до полусмерти. Спрячь меня куда-нибудь, чтобы я мог сутки проспать и никто меня не видел бы, а сам никому об этом не заикайся!

Во время этой длинной тирады, которая излилась из уст Гавриила далеко не так гладко, как мы здесь передаем, пьяному шведу удалось сунуть в руку трактирщику блестящий золотой кружочек и тем придать своим словам чудодейственную силу. Трактирщик тотчас же перестал брюзжать, проводил пьяного гостя в свою лучшую комнату, приготовил ему мягкую постель, сам стащил с него сапоги и вежливо пожелал ему спокойной ночи.

Гость проспал половину ночи и весь следующий день, причем сна его не тревожил грохот пушек, раздававшийся в тот день то из города, то из лагеря осаждающих. Вечером трактирщик явился его будить.

— Вставай! Может, ты тоже пойдешь бить русских?

— Бить русских? — повторил Гавриил, делая вид, будто еще не совсем проснулся, а сам в то же время напряженно слушая.

— Конечно! Сегодня ночью выйдут все: немцы, шведы, городские парни, Иво Шенкенберг со своим отрядом, а кроме того и Каспар фон Мённикхузен со своими голодными мызными вояками. Начальником на этот раз будет сам комендант Хинрих Хорн. Они собираются взять штурмом заставу на Тынисмяги, отобрать у русских пушки и повернуть против них же самих. Дует сильный северный ветер, идет снег, и это нашим людям на руку. Если дело пойдет удачно, завтра город будет свободен.

— В котором часу будет вылазка? — спросил Гавриил, зевая.

— В час ночи.

— Гм! — проворчал Гавриил. — Моя бедная голова, правда, еще гудит от вчерашнего тумана, но если все пойдут, то и мне отставать не годится. Сейчас я еще не решаюсь показаться в замке, но когда наступит время вылазки, я украдкой пристроюсь к остальным; если мне случится в бою совершить какое-нибудь геройское

дело, никто потом не станет спрашивать, где я сегодня пропадал. А коня еще не украли?

— Конь в конюшне, я его кормил чистым овсом. Отличный жеребец, нужно признаться. Откуда ты его взял?

— У меня богатые родители,— коротко ответил Гавриил. Он расспросил еще о том о сем и велел подать себе есть, причем в руку трактирщика скользнул второй золотой кружочек.

В час ночи были подняты Харьюские ворота, и шведско-немецкое войско в глубокой тишине выступило из города. Когда все вышли и ворота уже начали опускаться, прискакал еще один шведский всадник, догонявший остальных. Он еле-еле успел проскочить под опускавшимися воротами.

Снег перестал. Временами из-за разорванных туч выглядывала луна, освещая побелевшую землю. В русских укреплениях на Тынисмяги огни были потушены. На земляном валу стоял сторожевой и дремал, опершись на длинное ружье. Вдруг он выпрямился и стал прислушиваться. Со стороны города доносился неясный шум. Какая-то черная тень быстро приближалась по белеющей равнине. Воин приложил ружье к щеке и крикнул:

— Кто идет?

— Князь Загорский! — был ответ.

— Не верю. Стой, стрелять буду!

Но прежде чем часовой успел привести в исполнение свою угрозу, всадник оказался на валу. Прогремел выстрел, с головы всадника слетела шведская шляпа. Через миг Гавриил сорвал с воина шлем и надел его себе на голову; шведский мундир он уже сбросил раньше. В то же время он крикнул оторопевшему сторожевому:

— Беги вдоль палаток и кричи изо всех сил, как я: «Вставайте, русские люди, враг идет!».

И враг действительно был уже близко. Как вихрь, неся большой отряд всадников к земляному валу, а за ними бегом следовали пешие воины. Гавриил один не мог их остановить, ему пришлось, отбиваясь, отступить к заставе. Но большая часть русских уже поднялась на ноги и взялась за оружие. Завязалась жаркая рукопаш-

ная схватка. Редко слышались ружейные выстрелы, дрались большею частью мечами, копьями и топорами; в темноте, в ужасающей сумятице боя, то тут, то там русский погибал от руки русского, немец от руки немца.

Гавриил сражался в первом ряду русских, его меч бушевал среди вражеских всадников. Он искал Иво, но нигде его не находил. В одном из немецких рыцарей, который был одет в железный шлем с красными перьями и бился, как лев, впереди немецкого отряда, Гавриил, как ему показалось, узнал Мённикхузен и старался держаться от него в стороне. Но рыцарь как будто преследовал его. Напрасно Гавриил отступил к палаткам — рыцарь пробил себе дорогу между пешими воинами и стремительно обрушился на Гавриила.

— Остановись, рыцарь Мённикхузен! — сказал Гавриил по-немецки, защищаясь при этом мечом от ужасного удара. — Я не хочу твоей смерти!

— А я не хочу жить! — сказал Мённикхузен, поднимая руку для нового удара.

— Беги, рыцарь! — настойчиво продолжал Гавриил. — Ты видишь, что не можешь меня одолеть. Беги и живи на радость своей единственной дочери!

— У меня нет дочери! — гневно заскрежетал зубами Мённикхузен. — Я не вижу твоего лица, но ты, наверное, какой-нибудь предатель из наших же. Ты хочешь меня уговорить и этим спасти свою жалкую жизнь, но ты погибнешь от моей руки.

С большим трудом отбивался Гавриил от яростных ударов противника, но сам не отвечал на них. Он решил утомить рыцаря и взять его живым в плен. Но судьба решила иначе. Луна на миг показалась из-за туч. Невдалеке от сражающихся раздался выстрел. Мённикхузен пошатнулся и, словно пораженный молнией, свалился со вставшего на дыбы коня. Тотчас же соскочил с коня и Гавриил, наклонился и приподнял голову упавшего рыцаря. Мённикхузен был еще жив, но не мог произнести ни слова, кровавая пена показалась у него на губах. Ружейная пуля попала ему в грудь. Гавриил призвал двух русских воинов и велел им отнести раненого рыцаря в палатку начальника заставы князя Приемка.

Когда Гавриил возвратился оттуда и снова поспешил в бой, большая часть немцев и шведов была уже вытеснена из заставы и обращена в бегство. Последними отступали Иво Шенкенберг и четыре-пять человек из его отряда. Иво сражался храбро, с меча его текла кровь, но отступил лишь тогда, когда убедился, что исчезла последняя надежда на победу. Ружейные пули при лунном свете все чаще и чаще стали свистеть над его головой. Далеко объезжая русских, преследующих бегущего неприятеля, он по освещенной равнине поскакал к своим.

— Стой, Иво! — прогремел за его спиной голос, заставивший задрожать храбреца. Он пришпорил коня.

— Остановись, трус! — кричал Гавриил, гонясь за ним. — Тебе не уйти от меня, мой конь резвее твоего. Я всажу тебе меч в шею, если ты не остановишься.

Иво резко повернул коня и остановился.

— Что тебе от меня надо? — произнес он сквозь зубы.

— Я принес тебе привет с того света — там сегодня ждут одного из нас, — ответил Гавриил. — Готовься в дорогу, черед может оказаться за тобой, так же, как и за мной.

— Я не хочу с тобой сражаться, ты не человек, ты — призрак.

— Ты еще помнишь, как я стал призраком? — мрачно усмехнулся Гавриил. — Как было дело? Бежал я или пал от твоей руки в честном поединке, как ты сказал Агнес фон Мённикхузен?

— Откуда ты это знаешь?

— Это ведь право призраков — проникать повсюду. От имени Агнес я должен еще поблагодарить тебя за искусную ложь, которой ты развлекал ее, и за все твои постыдные проделки, которые ты называл своею любовью.

— Жалкий предатель! — крикнул вдруг Иво, бросаясь на Гавриила. — Сейчас я увижу, бессмертен ли ты!

Борьба продолжалась недолго. Страшным ударом Иво рассек железный шлем Гавриила и с ликующим криком поднял руку для смертельного удара, но в этот миг меч Гавриила пронзил его шею и свалил его на снег мертвым.

— Прощай, Ганнибал Эстони! — тихо проговорил Гавриил, смотря на лежащего. — Жаль, что такой сильный и хитроумный человек был лишен благородства души!

15

Святая женщина

В ту же ночь в ворота монастыря Бригитты кто-то сильно постучал. Только долгое время спустя, после того как стук повторился несколько раз, из узкого окошечка высунулась голова привратника и сердитый голос спросил:

— Кто там стучит?

— Гонец от рыцаря Мённикхузена, — отвечал незнакомый голос. За воротами стояла лошадь с санями и виднелась высокая мужская фигура; но все это с тру-

дом можно было различить, так как небо снова покрылось тучами и пошел густой снег.

— Пусть рыцарь Мённикхузен присылает своих гонцов днем, ночью сюда никого не впускают, — проворчал сторож, и голова его скрылась в окне. Он хотел захлопнуть ставню, но стоявший на улице человек просунул в окно свой кнут и настойчиво потребовал:

— Впустите меня немедленно! Я должен сейчас же переговорить с аббатисой.

— Приходи днем, тогда я увижу, что ты за птица.

— Это невозможно. Ты знаешь, что город осажден русскими. Мне удалось выбраться из города через Морские ворота, в то время как на другой стороне шел горячий бой; я примчался сюда по льду через залив и должен спешить обратно, пока еще валит снег и не наступил рассвет, иначе меня могут схватить на дороге.

— Какой же приказ ты привез?

— Это я могу сказать только самой аббатисе и прошу сейчас же ее разбудить.

— Еще лучше! — пробурчал сторож. — Если ты даже не хочешь сказать, что тебе надо, то убирайся прочь!

— Не навлекай беду на свою голову, старик! — воскликнул пришелец, теряя терпение. — Я начну стучать в ворота и подниму такой шум, что аббатиса сама проснется и тогда — береги свою шкуру!

И гонец тут же стал приводить в исполнение свою угрозу.

— Да подожди ты, бешеный! — выругался привратник и с шумом захлопнул окно.

Прошло почти полчаса, прежде чем звякнул засов и отворилась узенькая калитка. Двое монастырских слуг с алебардами в руках стали по обе стороны гонца и провели его через двор, вверх по лестнице, затем по длинному темному коридору в монастырскую трапезную, освещенную восковыми свечами. Там на высоком стуле восседала аббатиса Магдалена, величественная и суровая; вокруг стояло несколько монахинь. Слуги почтительно остановились у дверей, а гонец с низким поклоном предстал перед настоятельницей монастыря. Монахини не без удовольствия заметили, что гонец, одетый в простое платье мызного слуги, — молодой, красивый человек, с гордым тонким лицом и больши-

ми черными как уголь глазами. Аббатиса зорко оглядела его и спросила:

— Ты слуга моего зятя?

— Я состою на службе у рыцаря фон Мённикхузена,— ответил с поклоном гонец.

— Какие вести ты привез?

Гонец ответил не сразу, а посмотрел, как бы о чем-то сожалея, в сторону монахинь. Аббатиса движением руки велела им отойти в сторону. Тогда гонец начал тихим голосом:

— Я привез печальную весть. Рыцарь фон Мённикхузен тяжело ранен и всеми покинут. Фрейлейн Агнес — единственное сокровище, оставшееся на этом свете у моего милостивого и несчастного господина. Это сокровище он жаждет получить обратно и приказал мне увезти отсюда дочь. На дворе стоит лошадь с санными; я надеюсь под покровом темноты и снегопада благополучно пробраться в город, где нас будут ждать у Морских ворот.

— Есть ли у тебя какое-нибудь доказательство того, что ты действительно послан моим зятем? — спросила аббатиса.

Гонец сунул руку за пазуху, вынул перстень с печатью, украшенный гербом Мённикхузенов, и сказал, подавая его аббатисе:

— Это кольцо дал мне милостивый рыцарь как доказательство.

— А какого-нибудь письменного доказательства у тебя нет? — спросила аббатиса, внимательно разглядывая кольцо.

— Ведь рыцарь фон Мённикхузен тяжело ранен, он не смог ничего написать,— ответил гонец, слегка краснея.

— Когда же он был ранен?

— Во время вчерашней вылазки.

— Кольцо это мне незнакомо,— холодно сказала аббатиса.— Если у тебя нет лучшего доказательства, то я не могу доверить тебе мою племянницу.

— Высокочитимая аббатиса да будет милосердна! — настойчиво просил гонец.— Было бы тяжким несчастьем, если бы я предстал перед моим господином с пустыми руками. Когда я сказал, что рыцарь фон Мённикхузен ранен, я открыл не всю правду, так как

не хотел слишком волновать высокочтимую аббатису. Рыцарь не только тяжело ранен — он борется со смертью. Он намеренно искал смерти, после его тяжких бедствий жизнь ему опостылела. Быть может, он уже не увидит свет грядущего дня. Высокочтимую аббатису справедливо считают святой женщиной, как же она, в своем великом милосердии, может запретить дочери поспешить к смертному одру отца?

Пока гонец говорил, острый, пристальный взгляд аббатисы был прикован к его лицу.

— Ты принимаешь такое близкое участие в этом деле? — спросила она подозрительно.

— Как же мне не принимать в нем участия, если мой бедный господин при смерти и жаждет в последний раз увидеть свое любимое дитя? Да не медлит высокочтимая аббатиса, иначе будет поздно и тогда никакие сожаления не смогут помочь делу. Если высокочтимая аббатиса не знает этого кольца и не доверяет мне, пусть покажет его фрейлейн Агнес. Она наверное узнает кольцо и без сопротивления последует за мной.

— Ты так думаешь? — спросила аббатиса со странной, еле уловимой улыбкой. — Ты так хорошо знаешь фрейлейн Агнес?

Пока гонец, несколько смущенный, искал ответа, аббатиса знаком подозвала к себе одну из монахинь и что-то шепнула ей на ухо, после чего та вместе с другой монахиней вышла из зала. Посланец хотел еще что-то сказать, но аббатиса повелительным движением руки велела ему молчать. Монахини вскоре вернулись. Между ними шла Агнес фон Мённикхузен. На ней было длинное одеяние кающейся грешницы; лицо ее, со впалыми щеками и мутным взглядом, поражало своей бледностью. Свет, которого она была лишена долгое время, слепил ей глаза. При виде ее из груди гонца вырвался болезненный, гневный стон. Агнес задрожала. Взгляд ее, словно застыв, остановился на высокой фигуре гонца, кровь бросилась ей в лицо, она громко вскрикнула, пошатнулась и упала бы, если бы ее не поддерживали монахини.

— Отведите ее обратно в келью, я все видела! — сказала аббатиса, не спускавшая глаз с Агнес и гонца.

— Остановитесь! — закричал гонец, преградив дорогу монахиням. — Что вы сделали с фрейлейн Агнес?

— В этом я не обязана давать отчет слуге, — надменно и сурово заявила аббатиса. — Уведите ее!

Но гонец не давал монахиням двинуться с места.

— Раньше я должен добиться полной ясности! — крикнул он громовым голосом. — Агнес фон Мённикхузен, я спрашиваю именем вашего отца, почему на вас эти позорные одежды, почему вас держат здесь в заточении?

Прежде чем Агнес успела что-либо сказать, аббатиса громко ударила в ладоши. Дверь залы распахнулась, вошли шесть монастырских слуг, вооруженных длинными алебардами, и окружили гонца, который их даже едва ли заметил. Но тем яснее видела все это Агнес; в лице ее опять не было ни кровинки. Она с мольбой смотрела на посланца, и ее взгляд говорил: «Беги, Гавриил! Зачем ты губишь и себя, и меня?»

— Я жду ответа, — сказал Гавриил спокойно. — Кто разрешил держать вас здесь в заточении, как преступницу, фрейлейн Агнес? Неужели таково желание вашего отца?

— Я не знаю, — печально ответила Агнес. — Мой отец, видно, совсем меня покинул.

— Это неправда, он зовет вас к себе. Согласны ли вы ехать со мной к отцу? На дворе нас ждет лошадь с саними.

В глазах Агнес сверкнул, как молния, радостный блеск и тотчас же угас.

— Я с радостью поеду, если аббатиса разрешит, — сказала она тихо.

— Вы слышите, аббатиса? — воскликнул Гавриил. — Фрейлейн Агнес доверяет мне, хочет со мной ехать. Почему же вы ей запрещаете? Помните, что времени у нас мало.

— Кто ты такой, что осмеливаешься так нагло разговаривать со мною? — спросила аббатиса, сдвинув брови. — Я не верю, чтобы рыцарь фон Мённикхузен мог терпеть у себя на службе таких дерзких слуг. Как твое имя, молодой повеса?

— Мое имя тут ни при чем, — сказал Гавриил резко, так как его терпение истощилось. — Вы видите, что

фрейлейн Агнес меня знает и доверяет мне. Я в последний раз спрашиваю: согласны ли вы добром отпустить ее со мною?

— А если я не согласна, тогда что? — насмешливо спросила аббатиса.

Глаза Гавриила сверкнули гневом.

— Тогда вы сами ответите за последствия вашего произвола. Я предупреждаю вас, аббатиса: не навлекайте страшную беду на себя и на эту тихую обитель!

— Ты осмеливаешься еще угрожать мне, наглец! — побледнев от злобы, прошипела аббатиса. — Слуги, вяжите его!

Гавриил вдруг наклонился к дрожащей Агнес, шепнул ей на ухо: «Мужайся, я скоро вернусь!» — сильным ударом оттолкнул слугу, схватившего его за локоть, вырвал у него из рук алебарду и, размахивая ею над головой, закричал:

— Вы, негодяи, хотите схватить воина?

Не успели оцепеневшие от изумления слуги прийти в себя, как Гавриил исчез за дверью. Не оглядываясь, он промчался по длинному коридору, взобрался с верхней ступеньки лестницы на стену, спрыгнул оттуда с двухсаженной высоты вниз, вскочил в сани и исчез в темноте, так что высланные за ним в погоню слуги не смогли даже увидеть его.

Агнес, которую отвели обратно в келью, без сна ворочалась на своем жестком ложе. Тревога и отчаяние терзали ее сердце: она еще не знала, спасся Гавриил от своих преследователей или попал в их руки.

Спустя примерно час загремел замок в дверях кельи. Дверь отворилась, и вошла аббатиса, держа в левой руке подсвечник с горящей восковой свечой и плетъ из нескольких бечевок. По лицу аббатисы было видно, что и она не сомкнула глаз. Она плотно прикрыла за собой дверь, поставила подсвечник в нишу стены и сказала Агнес, в удивлении поднявшейся с постели:

— Так это и есть твой возлюбленный?

Вся девичья гордость, все прежнее упрямство вдруг проснулись в сердце Агнес от этого издевательства.

— Это мой жених, я с ним помолвлена, — произнесла она спокойно.

— Прекрасный жених, нельзя не признаться, — с насмешкой сказала аббатиса. — И уже помолвлены? Разумеется, с согласия и благословения твоего отца? Агнес не отвечала.

— Может быть, твой отец еще и не знает, что ему выпало такое счастье — стать тестем своего слуги или крепостного? Как он будет благодарить бога за то, что единственная дочь доставила ему такую радость! Здоровый, румяный молодчик — этот будущий зять Мённикхузена! И какой смелый, хитрый плут! Ведь он хотел просто выкрасть тебя из моих рук!

С уст аббатисы сорвался короткий, хриплый смешок.

— Быть может, ты теперь назовешь славное имя своего жениха?

Агнес продолжала молчать.

— Я с горестью вижу, что ты все еще упрямисься, — сказала с достоинством аббатиса, качая головой. — Чем ты гордишься, девушка? Все еще надеешься на отца, который своей сумасшедшей нежностью слишком избаловал тебя, вырастил себе на беду? Так слушай же: твой отец теперь жалкий нищий, которого я впредь должна буду кормить из милости. Он проклинает и бранит тебя, ибо своим непослушанием ты повергла в бедствия и себя, и его. Если бы ты согласилась выйти замуж за Рисбитера, твоему бедному отцу не пришлось бы теперь носить нищенскую суму. Несчастье и твои грехи помрачили его разум, он, может быть, даже простил бы тебя, если бы ты подошла к нему со своими хитрыми кошачьими ласками. Но это не должно случиться, иначе не стало бы никакой справедливости в мире. Каждый из вас должен в одиночку нести кару за свои грехи. Его уже наказал бог, а тебя... буду карать я. Ты теперь в полной моей власти, никакая сила не сможет вырвать тебя из моих рук.

— Что ты хочешь со мной сделать? — холодно спросила Агнес.

— Я хочу сломить твоё страшное упорство, истерзать твоё тело, очистить твою душу мучительным огнем покаяния. Сними с себя эту одежду!

Кровь бросилась в голову Агнес.

— Вспомни о том, что я не крепостная, я дочь Каспара фон Мённикхузена! — воскликнула она, сверкая глазами.

— Тем хуже, если дочь рыцаря заслуживает наказания рабыни.

— Я не позволю бить себя плетью!

— Против этого есть средство. За дверью стоят двое слуг. Если ты будешь сопротивляться, я позову их сюда.

Агнес прижала ладони к глазам.

— Ради тебя, мой единственный Гавриил, я перенешу этот позор, — прошептала она неслышно. Затем она исполнила приказание.

— Стой на месте! — воскликнула аббатиса, ликуя.

Плеть просвистела в воздухе. Сперва аббатиса была медленно, смакуя каждый удар, с тайным злорадством разглядывая каждую ранку на белой, мягкой как шелк коже, жадным взором впиваясь в каждую каплю крови, — потом все быстрее и быстрее, словно ее возбуждала и опьяняла страстная жажда пыток и крови¹.

Агнес ни разу не вскрикнула, хотя ее нежное тело горело как в огне; но со лба у нее катился холодный пот, губы дрожали и в уголках рта показалась легкая пена. Наконец аббатиса выбилась из сил.

— За что ты меня истязает? — глухо спросила Агнес.

— За то, что ты разгневала святую женщину, — прохрипела аббатиса, задыхаясь.

Агнес тихо покачала головой.

— Ты не святая, тетя, потому что ты ненавидишь меня. Я знаю также, за что ты меня ненавидишь. Когда ты была еще молодой девушкой, ты любила моего отца. Ты никогда не могла простить своей сестре, что отец любил ее больше, чем тебя. Поэтому ты пошла в монастырь — не для того, чтобы посвятить себя богу, а чтобы утешить свое раненое сердце. Ты ненавидишь меня потому, что я похожа на свою мать. Нет, тетя, ты не святая, ты грешный человек; ты не наказывала меня, а утоляла свою злобу. Да отпустит тебе бог этот грех!

¹ Читатель не должен думать, что здесь искажается история. Избиение кнутом было весьма распространенным наказанием в средневековых монастырях. Вообще истязание плоти считалось необходимым для спасения души. (Прим. авт.)

Лицо аббатисы позеленело; широко раскрыв глаза и рот, она смотрела на Агнес. Ее пересохшие губы двигались, но она долго не могла произнести ни слова.

— Да, я ненавижу тебя! — прошипела она наконец, как обозленная змея. — Я буду мучить тебя каждый день, я изуродую тебя, я медленно превращу тебя в прах. Пусть я не святая, но с тобой я буду настоящим дьяволом, так же, как твоя мать была дьяволом, разрушившим счастье моей жизни!

Сверкая глазами, с пеной у рта, скрежеща зубами, аббатиса еще раз взмахнула плетью над Агнес, в которой эта бешеная ненависть вызывала больше омерзение и жалость, чем страх. Резко повернувшись к двери, аббатиса внезапно остановилась и затряслась всем телом. В коридоре послышался сильный шум и топот быстро приближающихся тяжелых шагов. Сквозь отверстие в стене проник отблеск яркого света. Дверь кельи распахнулась, и на пороге появился Гавриил с горящим факелом в руке. Ему было довольно одного взгляда, чтобы понять, что тут произошло. В порыве гнева схватил он аббатису за тощую руку, вытащил ее в коридор и ногой захлопнул дверь кельи. В коридоре толпились воины, между ними, дрожа от страха, стояли несколько обитателей монастыря.

— Проклятая старуха, что ты сделала с этим ангелом? — прогремел Гавриил, злобно трясая аббатису.

— Пощади, будь милосерден! — простонала аббатиса, в испуге падая на колени.

— А ты к ней была милосердна? — гневно вскричал Гавриил. — Я предупреждал тебя: не накликай беду на себя и монастырь! Ты пренебрегла этим, ты яростно жаждала крови, ты стала ночью терзать свою жертву. Кайся теперь! Твоей власти конец, для монастыря Бригитты настал последний день!

Аббатиса быстро поднялась. К ней вернулась ее прежняя самоуверенность. Лицо ее было бледно, но в глазах отражалась непреклонная гордость древнего рыцарского рода.

— Кто ты, раб, что осмеливаешься так говорить с властвующей аббатисой монастыря Бригитты? — воскликнула она торжественно.

— Мое имя Гавриил Загорский.

Аббатиса еще больше побледнела и сказала, понизив голос:

— Подумайте, князь, о том, что место, где вы находитесь,— священо! Берегитесь осквернить его!

— Не может быть священным место, где властвует дьявол,— горько усмехнулся Гавриил.— Богу не угодны богатства этого монастыря, добытые обманом, накопленные потом и кровью рабов. Пусть же его сокровища достанутся храбрым воинам!

И, обращаясь к своим людям, он добавил:

— Этого дикого зверя и всех обитателей монастыря возьмите с собой в лагерь, но не посягайте на их жизнь! А это разбойничье гнездо можете разгромить до основания.

Аббатиса с мольбой простерла руки к воинам, но те, не мешкая, схватили ее и повели вместе со всем монастырским людом во двор. Гавриил остался в коридоре один. Когда все вышли, он тихонько через отверстие в стене спросил:

— Ты готова, Агнес?

И впервые через это окошко из уст Агнес долетел радостный ответ:

— Да!

Агнес больше не противилась, о нет!

Гавриил распахнул дверь кельи — и Агнес зарыдала на его груди.

— Бедное дитя, бедное дитя! — говорил Гавриил, нежно глядя волосы девушки.

— Люби меня, Гавриил, я вынесла многое ради тебя,— прошептала Агнес, тяжело дыша.

Гавриил взял ее, как ребенка, на руки, отнес в сани, закутал в теплую шубу, сел рядом и взял в руки вожжи. Они быстро понеслись к лагерю.

За их спиной слышались вопли монастырских людей, под ударами топоров трещали сундуки и шкафы, и вскоре зарево огромного пожара слилось с лучами встающей зари...

Это был последний день монастыря Бригитты.

Заключение

По дороге Гавриил осторожно подготовил Агнес к некоторым неожиданным для нее известиям. Все же велико было ее недоумение, когда на Ласнамяги сани остановились перед шатром Иво Шенкенберга.

— Иво умер, — ответил Гавриил на вопрос Агнес. — Ведь он был почти мой родственник, поэтому неудивительно, что перед смертью он завещал мне свой роскошный шатер. Теперь он принадлежит тебе. Я дарю его тебе с тем условием, чтобы все печальное, что ты в нем пережила, было предано забвению.

— Как умер Иво? — спросила Агнес.

— Он пал в честном поединке.

— От чьей руки?

— В битве он подвернулся мне под руку, дрался как лев и чуть было не отправил меня на тот свет, но... небо было против него.

Со смешанным чувством любви и уважения смотрела девушка на Гавриила, так скромно говорившего о своей победе.

— Мой отец здесь? — тихо спросила Агнес.

— Он здесь и ждет тебя, — ответил Гавриил. — Войди тихонько к нему и... будь благоразумна, Агнес! У него сейчас лейб-медик нашего военачальника. Я твердо уверен, что большого несчастья опасаться не надо. Я должен на некоторое время оставить вас, но в полдень я вернусь. Если тебе что-нибудь понадобится, то у палатки ты найдешь людей, которые ждут твоих приказаний.

Агнес молча вошла в шатер. Гавриил сел в сани и помчался обратно к монастырю Бригитты, местоположение которого указывал густой столб дыма. Через несколько часов он вернулся со своим отрядом, пленными и возами военной добычи. Пленных и часть добычи он направил к верховному начальнику, князю Мстиславскому, другую часть разделил между своими людьми. Из всех монастырских сокровищ он взял только одно, самое для него дорогое, — это была Агнес.

Мы не знаем, о чем говорили между собой отец и дочь. Когда около полудня Гавриил посетил их, Агнес сидела с заплаканными глазами у постели отца. Старый рыцарь был в полной памяти, но на лице его уже лежала тень приближающейся смерти. Сбрав последние силы, умирающий протянул руку Гавриилу и попытался ласково улыбнуться.

— Благодарю вас, князь Загорский, за ту радость, которую вы доставили мне, привезя сюда Агнес,— сказал он слабым, еле слышным голосом.— Я знаю все и всем доволен. Агнес — доброе дитя, она прощает мне мою жестокость и даже оплакивает меня. Теперь я могу умереть спокойно.

— Не думайте о смерти, рыцарь,— старался утешить его Гавриил.— Вы должны еще долго жить, на радость Агнес.

— Мой час уже близок,— ответил Мённикхузен тихо.— Знаете, князь, у вашего военачальника очень умный врач-немец. Он так же умен, как и я сам: он предсказал мне, что я не увижу завтрашнего дня. Так и я думаю. Не старайтесь, дети, напрасно успокаивать меня, я в этом не нуждаюсь. Я умираю с радостью. Какую пользу я могу еще принести? Что на этом свете еще может порадовать меня? Блеск моей военной славы померк, мое отечество — Ливонское орденовое государство — уничтожено, все мое имущество растрчено, свое единственное дитя я сделал несчастным, отдав его на истязание его злейшему врагу...

— Дорогой отец, не говори так! — сказала Агнес умоляюще, беря руку отца и обливая ее слезами.

— Это хорошо, Агнес,— прошептал Мённикхузен, улыбаясь.— Держи мою руку в своей, это даст мне силы высказать все, что у меня на душе. Да, дитя, я был к тебе очень несправедлив. Я хотел тебя насильно обвенчать с Хансом Рисбитером, но, к счастью, ты знала его лучше, чем я. О, это невыразимо низкий человек! Когда я в последний раз попросил у него взаймы денег, знаешь, что он мне ответил? — «Отправьте Агнес сейчас же ко мне, тогда я пришлю денег, иначе я не согласен!» — Он хотел у меня купить тебя за деньги. Да падут на его голову все беды земные! Если бы он тогда попался мне в руки... но к чему мне отравлять мои последние минуты воспоминаниями об этом негодяе? Ты

знала его лучше... и сама сумела сделать достойный выбор. Князь Загорский, дайте вашу руку!.. Вы твердо решили взять себе в жены Агнес фон Мённикхузен?

— Да, — ответил Гавриил, глубоко растроганный.

— Тогда я соединяю ваши руки и объявляю вас женихом и невестой. Да сопутствует вам на жизненном пути благословение умирающего! Поверь мне, князь, до сегодняшнего дня я не отдал бы тебе руки своей дочери, потому что я немецкий рыцарь и умираю врагом твоего народа! Но ты сам боролся за нее и завоевал ее. Ты умный и честный человек и не станешь презирать Агнес за то, что я, кроме имени, не мог дать ей никакого приданого. Я — нищий, но она все же дочь Каспара фон Мённикхузена и уже благодаря одному этому имени достойна стать княгиней!..

В последний раз глаза старого рыцаря блеснули безграничной родовой и сословной гордостью. Потом веки его устало сомкнулись.

Вечером Мённикхузен скончался. Князь Загорский со своим отрядом ушел из-под Таллина и прежде всего

направился в Куйметса, где бранные останки рыцаря, по его последней воле, были преданы земле на семейном кладбище. Затем князь, передав на время свой отряд под начало надежного лица, отправился с невестой в Россию, к своему отцу, который по воле царя был восстановлен в правах и получил обратно свои поместья, однако с тем условием, чтобы он никогда не появлялся в Москве. Здесь, у отца, и была отпразднована пышная свадьба Гавриила и Агнес. После свадьбы царь Иван призвал к себе молодых, принял их благосклонно, подарил новобрачной дорогое украшение, а Гавриила назначил на высокую должность при своем дворе. В Ливонии и Эстонии Гавриил больше в войне не участвовал.

Рассказать, как закончилась великая Ливонская война,— это дело истории. Мы здесь укажем только, что русским тогда не удалось взять Таллин: после семинедельной осады они вынуждены были отступить из-за недостатка боевых припасов.

Над тем, как протекала в дальнейшем жизнь Гавриила и Агнес, мы можем опустить завесу, ибо знаем, что свет безмятежного счастья и неугасимой любви пробивается и сквозь эту пелену теплым отблеском. Имя князя Загорского мы находим среди имен тех героев, что с удивительной стойкостью защищали город Псков от знаменитого польского короля Стефана Батория и тем самым спасли Московское государство от тяжких бедствий, в которые хотели его ввергнуть грозные силы объединенных врагов.

Вскоре после этого царь Иван заключил мир с польским и шведским королями, рассорившимися между собой из-за дележа остатков разрушенного орденового государства. Еще много, много лет эта несчастная страна должна была страдать от страшной опустошительной войны, в то время как Московское государство крепло и постепенно наливалось той изумительной силой, благодаря которой оно впоследствии сломило мощь Швеции и Польши и принесло изнуренным землям бывшего орденового государства мирную жизнь и процветание под его непоколебимой защитой.

ЭДУАРД БОРНХЁЭ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

Эдуард Борнхёэ является одним из выдающихся представителей эстонской литературы конца XIX века. Его лучшие произведения — исторические повести — нашли живой отклик среди читателей и пользовались популярностью не только в первые годы после их появления в печати, но и в последующие десятилетия.

Эдуард Борнхёэ (Э. Брунберг) родился 17 февраля 1862 года. Его отец, проживавший в то время в северной Эстонии, близ Раквере, служил на мызе кладовщиком. Позднее он оставил службу на мызе, в течение пяти лет работал сельским учителем и волостным писарем, затем переехал в Таллин, где нашел службу в железнодорожных мастерских.

Во время своего обучения в начальной школе и затем в Таллинском уездном училище молодой Борнхёэ проявил выдающиеся способности, особенно в словесности, рисовании и музыке. К годам обучения в уездном училище относятся первые литературные опыты Борнхёэ, часть которых была даже напечатана. По примеру Борнхёэ начал писать и его двоюродный брат, в школьные годы живший в семье Брунбергов, — Эдуард Вильде, впоследствии наиболее выдающийся представитель критического реализма в эстонской литературе.

Окончив уездное училище в 1877 году, Борнхёэ работал некоторое время в Таллине в чертежной землемера и выполнял рисунки для архитекторов и газет. В 1878 году он поступил учеником в коммерческую контору в Петербурге, откуда вскоре перешел в железнодорожную контору в Ковно (Каунас). Весной 1879 года он снова вернулся в Таллин, а в августе того же года поселился в Пыльтсамаа и стал работать помощником учителя приходской школы. Здесь Борнхёэ семнадцатилетним юношей написал свою повесть «Мститель». В 1881 году Борнхёэ отправился на Кавказ и работал там недолго учителем в Ставрополе и Тифлисе. В этом же году он побывал в Армении, Турции и Персии.

Возвратившись в 1882 году в Эстонию, Борнхёэ пробыл в течение двух лет домашним учителем в семье помещика, затем преподавал иностранные языки и музыку в семинарии. Некоторое время он работал журналистом, выполняя рисунки и карикатуры, как на родине, так и в Западной Европе, главным образом в Германии. В 1888 году он сдал экзамен на аттестат зрелости при гимназии и поступил

в Тартуский университет, с тем, чтобы изучать филологию, но должен был прервать учение из-за материальных затруднений. В 1890 году Борнхёэ служил органистом в Новгородской губернии, а в следующем году был домашним учителем в Петергофе и в Тульской губернии, где он встречался с Львом Толстым. После странствования по Западной Европе Борнхёэ в 1893 году поселился в Таллине, работал в окружном суде, сначала переводчиком, затем архивариусом. В 1898 году он совершил свое самое далекое путешествие, побывав в Турции, Палестине, Египте, Греции и Италии. С 1907 года Борнхёэ работал судьей в гор. Йыхви, с 1919 года мировым судьей в Таллине, где и умер 17 ноября 1923 года.

Формирование Борнхёэ как писателя происходило в период значительных исторических перемен в жизни эстонского народа. С развитием в Прибалтике капиталистических отношений возникло национальное движение, зародилась литература и периодическая печать, сложилась эстонская национальная культура, которая была тесно связана с борьбой против экономического и национального гнета помещиков.

С особенной силой развернулось национальное движение в 1860—1880 гг., охватив широкие народные массы. В год рождения Борнхёэ вышло первое народное издание эпоса «Калевипоэг», в котором эстонцы впервые смогли прочесть о своей былой свободе и самоотверженной борьбе с поработителями-рыцарями. Появляется ряд книг и статей авторов, писавших на эстонские исторические темы, повысился интерес к материалам исторических хроник.

Обращение представителей эстонской демократической культуры к историческому прошлому вполне понятно. Этим путем стало возможно с особенной внушительностью рассказать народу о его многовековых страданиях, о жестоком произволе угнетателей, об упорной борьбе народа за свое освобождение. Обращение писателей к исторической тематике не было бегством из настоящего в прошлое, оно было вызвано стремлением найти в исторических фактах опору для социальной борьбы в настоящем. В то же время было переведено на эстонский язык много исторических произведений, созданных писателями других народов, в том числе «Капитанская дочка» Пушкина, «Тарас Бульба» Гоголя. Эти произведения способствовали появлению в эстонской литературе исторических повестей и привлекали внимание эстонских писателей к темам народных восстаний и борьбы за свободу.

Борнхёэ был знаком с этой исторической литературой, исследовал прибалтийские хроники. Владея многими языками, он имел возможность знакомиться с литературным богатством разных народов. Хотя Борнхёэ и получил образование в немецкой школе и ему приходилось тесно соприкасаться с остзейско-немецкой средой, он уже в юные годы стремился к приобретению культурных ценностей во всех доступных ему областях.

Мощное общественное движение против пережитков феодализма было источником смелых выступлений Борнхёэ против высокомерного, гордящегося своим сословием и национальностью прибалтийского немецкого дворянства. Уже в начале своего творческого пути Борнхёэ понял антинародную сущность остзейского «особого порядка». Основной темой в его творчестве является ненависть народных масс к угнетателям и их пособникам. Он показывал, что

поработители обладают материальными богатствами, сословными привилегиями и крепкой организацией, которым порабощенный, униженный и эксплуатируемый народ может противопоставить свою стойкость, прирожденный ум, любовь к свободе и из поколения в поколение передающуюся ненависть к врагу.

Центральное место в творчестве Борнхёэ занимают его исторические повести — «Мститель» (1880), «Борьба Виллу» (1890) и «Князь Гавриил, или Последние дни монастыря Бригитты» (1893).

В повести «Мститель» и «Борьба Виллу» Борнхёэ впервые в эстонской литературе изображает народное восстание против угнетателей. Рассказав в этих произведениях о событиях 1343 года, писатель помог широким народным массам познакомиться с одной из самых героических страниц борьбы эстонцев за свою свободу.

Немецкие феодалы, осуществляя агрессивный «натиск на восток», в конце XII и начале XIII века устремились в Прибалтику. В длившейся двадцать лет упорной борьбе против превосходящих сил крестоносцев древние эстонцы защищали свою независимость, они наносили врагу тяжелые удары и с помощью союзников — русских неоднократно изгоняли его из своей страны. Но относительно лучшая военная техника захватчиков и неслыханно дикие, жестокие приемы ведения войны привели к тому, что разрозненные эстонские племена оказались не в состоянии сопротивляться врагу и подпали под иго чужеземцев. В 1219 году к немцам присоединились датчане, которые напали на эстонцев с тыла, захватив северную Эстонию. «Крестовый поход» против «диких язычников» поддерживали римский папа и германский император. В 1227 году истощенная длительной борьбой Эстония подпала под власть немецких феодалов, принесших ей, по выражению К. Маркса, «христианско-германскую скотскую культуру».

Но покоренный народ не прекратил борьбы с поработителями, изменился только ее характер. Эстонцы находились под жестоким гнетом, феодальным и колониальным. С едким сарказмом разоблачает Борнхёэ в «Мстителе» истинную сущность деятельности «носителей культуры» среди эстонского народа. Писатель приводит цитату из хроники Кельха: «Земли эстов и ливов для помещиков подобны небесам, для попов они сущий рай, для чужеземцев — золотое дно, но для крестьянина — ад».

Этот жестокий гнет встречал со стороны народа как пассивное, так и активное сопротивление, выраставшее иногда в значительные восстания. Русские и литовцы неоднократно наносили немецким захватчикам сокрушительные удары. Пользуясь этим, поднимали восстание и эстонцы, как это было, например, в 1260 году. В крупное восстание, которое можно назвать крестьянской войной, вылилось выступление эстонцев в ночь под Юрьев день 1343 года. В 1342—1343 годах велась война между Ливонским орденом и Псковским княжеством, в которой рыцари понесли ряд серьезных потерь. Это явилось благоприятным моментом для начала восстания, тем более, что орденские войска в это время были заняты осадой Изборска. Уничтожив феодальную власть во всей северной Эстонии, восставшие объединились в народную дружину численностью свыше десяти тысяч человек и приступили к осаде Таллина, в то время как другая часть восставших окружила епископский замок Хаапсалу. Сразу же после начала восстания эстонцы отправили послов в Псков,

чтобы позвать на помощь русских; с такой же просьбой восставшие обратились и к шведским властям в Финляндии. Магистр ордена немедленно прекратил военные действия против Пскова и с большим войском поспешно направился к Таллину. Чтобы выиграть время и заманить руководителей восстания в ловушку, магистр ордена вызвал их к себе в Пайде для «переговоров». Туда прибыли четверо избранных старейшин (немецкая хроника называет их королями) в сопровождении трех воинов. Но вместо переговоров совершилось заранее подготовленное убийство — послы были изрублены на куски. После этого магистр отправился со своим войском под Таллин. По дороге этому войску пришлось выдержать несколько кровавых сражений с передовыми отрядами эстонцев. Только на десятый день орденские войска подошли к Таллину, где магистр вступил в новые «переговоры» с восставшими, а затем, успев тем временем привести свое войско в боевую готовность, вероломно атаковал их. Эстонцы сражались с отчаянной храбростью; один из отрядов в числе трех тысяч человек пал до последнего воина, остальные, понеся большие потери, вынуждены были отступить.

Несколько месяцев спустя вспыхнуло восстание на Сааремаа, куда переправилось много эстонцев с материка; снова восстала и северная Эстония. С юга на немцев напали русские войска. Но, получив большое подкрепление из Пруссии, немцы в конце 1343 года вторглись в северную Эстонию. Они разоряли охваченную восстанием местность, а население зверски убивали. После упорных и жестоких сражений были уничтожены последние очаги сопротивления эстонцев на материке. Дольше всего, до 1345 года, длилось восстание на Сааремаа, но и эта героическая борьба за свободу была подавлена огнем и мечом.

В «Мстителе» Борнхёе повествует о том, как внук свободного крестьянина Янус, помня заветы своего деда Вахура, видя страдания народа, а также сам столкнувшись с жестокостью феодалов, становится организатором и одним из вождей восстания крестьян. Несмотря на поражение восстания, Тазуя своей героической смертью указывает путь в борьбе за освобождение; лучше умереть, сражаясь за свободу, чем жить в рабстве, — такова основная идея повести. В образе Мстителя (Тазуя) нашли свое воплощение лучшие качества народного вождя — мужество, любовь к страдающей родине, мудрость, благородство, преданность своему делу. Борьба с угнетателями за освобождение народа является для Тазуя высшей целью, его девиз — «Отечество превыше всего!». Он преодолевает как внешние препятствия, так и тяжелые внутренние противоречия, подчиняя свои личные чувства интересам общенародной борьбы. Тазуя стал в сознании эстонских читателей легендарным образом народного героя, символом вековой борьбы с чужеземными угнетателями.

Главным представителем стана угнетателей в повести является молодой владелец замка Лодиярве Одо фон Раупен, которому присущи характерные черты остзейского рыцарства — жестокость, чванство и грубость. С презрением и острой иронией изображены и предатели из среды эстонцев. Лодиярвеский кубьяс — лукавый и гнусный пособник угнетателей — является злейшим врагом поработченного народа.

Повесть «Мститель» — романтическое произведение, созданное на основе подлинных исторических фактов и проникнутое пафосом

народной борьбы за свободу. Чтобы ярче выразить основную идею повести, автор, не задерживаясь на незначительных событиях, сосредоточивает свое внимание лишь на главных моментах, усиливая тем самым динамичность и захватывающий драматизм произведения. Любовь Яануса к Эмилиии, принадлежащей к враждебному лагерю, придает развитию событий в повести особое внутреннее напряжение.

В одном из своих писем Борнхёэ, касаясь создания повести «Мститель», указывал, что у него было намерение, написав произведение «простым, всем понятным языком», показать народу «выросших в его собственной среде героев, такие их качества и подвиги, которые захватывали бы простого читателя (других и не было); я считал, что эти образы помогут пробудить самосознание народа, воспитать в нем чувство гордости...»

После выхода в свет «Калевипоэга», стихов Лидии Койдула, публицистики К. Р. Якобсона появление «Мстителя» имело большое значение; оно усилило в эстонской литературе демократическое направление, связанное с народным освободительным движением. Тема борьбы против угнетателей получила в повести «Мститель» исторически конкретное и поэтически яркое воплощение. Автор последовательно проводит ту мысль, что между враждебными лагерями не может быть примирения, не может быть настоящего личного счастья, пока не освобожден угнетенный народ.

Повесть вскоре приобрела исключительную популярность. Появление второго издания «Мстителя» в 1888 году (в это же время повесть была издана и на финском языке) показало автору, что его творение нужно народу и пользуется его любовью. Это послужило для писателя стимулом к дальнейшему литературному труду.

С историческими событиями 1343 года связана и вторая повесть Борнхёэ — «Борьба Виллу». Герой повести, кузнец Виллу, вначале равнодушен к страданиям своего народа и даже поддерживает дружбу с комтуром и другими представителями феодальной власти. Но в ходе событий, сам став жертвой произвола и насилия, Виллу решает принять участие в подготовке восстания. Он связывается с соседними эстонскими племенами, посещает также Новгород, Псков и Литву. Чтобы показать союзникам свою готовность к борьбе, оставшие крестьяне в Фомина день делают попытку, спрятавшись в мешках, якобы наполненных зерном, проникнуть в Вильяндиский замок и захватить его. Но в результате предательства восстание было потоплено в крови, а кузнец Виллу заживо погребен в подземелье замка, где его ожидала мучительная медленная смерть.

Вильяндиские события Фомина дня, описанные Борнхёэ, не вполне исторически достоверны; в хрониках того времени о них имеются лишь противоречивые и неясные сведения. Существует мнение, что этот эпизод является легендой, бытовавшей у нескольких народов и внесенной в хронику по политическим соображениям: немецкие хронисты пытались таким образом оправдать жестокое кровопролитие, учиненное Ливонским орденом после событий 1343 года. Это, конечно, не уменьшает значения повести Борнхёэ как литературного произведения; в нем, как и в «Мстителе», предполагаемые исторические события изображены с позиций угнетенного народа.

В течение десяти лет, отделяющих появление «Борьбы Виллу» от выхода в свет повести «Мститель», в общественной жизни Эстонии многое изменилось. Борнхёэ не мог не замечать углубляющегося кризиса национального движения, обострения социальных противоречий среди самих эстонцев. Взгляд писателя на жизнь становится более критическим, можно сказать, даже скептическим. Некоторое отражение этого можно найти и в «Борьбе Виллу». Но резкие выступления против произвола и несправедливости угнетателей имеются и в «Борьбе Виллу»; остро разоблачаются и в этом произведении жестокость, алчность и подлость феодалов.

В последней исторической повести Борнхёэ «Князь Гавриил» отображены события, происходившие во второй половине XVI века, в дни Ливонской войны. Герой повести, молодой русский князь Гавриил Загорский, по матери эстонец, в начале повести выступает как эстонский крестьянин. Впоследствии Гавриил примыкает к войскам Ивана Грозного, набирает отряд из эстонских крестьян и, став во главе их, наносит тяжелые поражения немецким помещичьим войскам, затем в составе русских войск участвует в осаде Таллина в 1577 году. После многих перипетий Гавриил освобождает свою возлюбленную, дочь рыцаря Агнес, из монастыря Бригитты, где она томила под властью жестокой аббатисы.

Борнхёэ первым из эстонских писателей дал освещение исторических событий Ливонской войны, как бы прямо полемизируя с концепциями остзейских историков. Остро высмеивается в повести остзейское дворянство, особенно в лице «рыцаря» Рисбитера. Иво Шенкенберга, которого прибалтийские историки всячески превозносили и идеализировали, Борнхёэ в своей повести показывает ничтожным, подлым человеком, настоящим атаманом разбойничьей шайки.

Герои повестей Борнхёэ — Тазуя, Виллу и Гавриил — не являются историческими лицами в прямом смысле слова; это литературные образы, созданные писателем путем художественного обобщения. При помощи этих образов он показывает исторические события и их движущие силы. «Источниками для создания исторических повестей мне служили все имеющиеся хроники Эстонии и Прибалтики, данные которых (в отношении внутренних эстонских дел — очень скудные) я использовал по своему усмотрению, — писал Борнхёэ. — Сами события, в основных чертах обрисованные немцами, исторически вполне достоверны. В более широком смысле, с эстонской точки зрения, историческими являются и главные герои, Яанус (Мститель) и Виллу, если иметь в виду, что такая широкая и всеобщая освободительная борьба (в немецком толковании — «мужицкий бунт»), какая охватила в 1343 году всю Эстонию, была бы немыслима без выдающихся личностей, которые побуждали бы народ к действию... Вымышленными они являются в том смысле, что у них нет заверенного историей свидетельства о крещении, нет исторически установленного имени и паспорта». При этом писатель замечает: «Таким историческим героем, не имеющим паспорта, но пользующимся горячей любовью народа, является и Вильгельм Телль, о котором современные ему историки ничего не говорят».

Наиболее сильным произведением Борнхёэ является, несомненно, «Мститель». В повестях «Борьба Виллу» и «Князь Гавриил», хотя они и написаны более опытной рукой, не чувствуется такой горячей

заинтересованности автора в судьбах героев, как в повести «Мститель». Чаще появляются приключенческие мотивы, искусственные приемы, рассчитанные на то, чтобы захватить и ошеломить читателя. Кроме того, и главные герои этих повестей не отличаются той цельностью характера, которая свойственна Тазуя. Герой тем сильнее и выше, чем прочнее его связь с народными массами, чем яснее мы чувствуем за ним нравственную мощь народа. В этом отношении Виллу и Гавриил не могут сравниться с Тазуя, у которого священной целью и смыслом жизни является борьба за счастье и свободу народа.

Историческая обстановка и колорит эпохи, а в еще большей степени личные взаимоотношения героев в повестях Борнхёе воссозданы в духе романтизма XIX века. Некоторые погрешности против исторической правды объясняются отчасти тем, что в то время материалов по истории Эстонии было мало, а имевшиеся источники еще не подвергались разработке. С другой стороны, автор иногда сознательно отклонялся от точного описания исторических событий, в соответствии со своим литературным замыслом.

Характерные черты писательского дарования Борнхёе — умение увлекательно рассказать о событиях, создать живую фабулу, яркие образы, искусно построить диалог. Язык писателя — сжатый и красочный; в наиболее напряженные драматические моменты повествования спокойный эпический тон автора сменяется взволнованной, проникновенной речью, захватывающей читателя силой романтического пафоса (например, описание начала восстания в повести «Мститель»). Эти творческие достижения Борнхёе означали большой шаг вперед в развитии эстонской художественной прозы.

Вслед за «Мстителем» в 80-х годах прошлого века появилось много исторических повестей; лучшие из них также были проникнуты духом протеста против социального и национального гнета. О том, насколько велико было общественное значение повестей Борнхёе и других авторов (А. Сааль, Я. Ярв и др.), свидетельствуют гнев и смутнение, которые эти книги вызвали во вражеском стане. Произведения эти подверглись резкой критике в реакционной периодической печати, власти видели в них опасную литературу, подрывающую устои законности. Губернатор Эстляндии князь Шаховской в 1892 году писал в своем докладе министру внутренних дел, что эстонские исторические рассказы «возбуждают в эстонских читателях ненависть к немцам (пасторам и помещикам)... Целью их издания является разжигание страстей народа против существующих аграрных порядков». Губернатор считал, что исторические рассказы оказали также влияние при возникновении волнений среди рабочих Нарвы и даже «породили социалистические взгляды». По приказанию Главного управления по делам печати тартускому цензору было предписано запретить издание «брошюр», описывающих освободительную борьбу прибалтийских народов против немецких поработителей. В 1899 году на основании этого же предписания был запрещен выпуск нового издания «Мстителя».

Произведения Борнхёе, написанные на современные темы и рисующие городскую жизнь конца XIX века, не имели такого значения, как его исторические повести, но в них есть много ценного. Реалистически описывая жизнь эстонской буржуазии и мещанства, взаимоотношения их с представителями дворянства, онемечение городских

эстонцев и т. д., Борнхёэ обращается к новым жизненным явлениям, вносит в эстонскую литературу новые темы.

В книге «Таллинские шуты» (1892) писатель сатирически изображает чудачества мецан, одержимых манией славы или богатства. Заслуживает внимания также книга «По тропам паломников» (1899), которая является одним из первых путевых очерков в эстонской литературе. В путевом очерке «По Волге» (1905) заметны отзвуки революционно-демократических настроений.

Борнхёэ рано отошел от литературной деятельности. По-видимому, причиной этого был внутренний идейный и творческий кризис, которого писатель не мог преодолеть. Борьба против остатков феодализма, проявлявшаяся в форме национального движения и с целями которой было так тесно связано литературное творчество Борнхёэ, выполнила свою объективную историческую задачу. Сложились новые общественные отношения, возникли новые противоречия. Борнхёэ был последним выдающимся писателем периода эстонского национального движения. Но его творчество не утратило своего значения и в течение последующих десятилетий; оно оказывало большое влияние на развитие литературы и общественной мысли. Произведения Борнхёэ благодаря заключающимся в них демократическим идеям и своему боевому духу не только помогали бороться против пережитков феодализма, но и приобрели в новых общественных условиях новое революционизирующее значение; они звали народ к борьбе против всякого угнетения. Велико было влияние повестей писателя в дни революции 1905 года (именно в это время собрание сочинений Борнхёэ появилось в массовом издании, как приложение к газете).

Трудовой народ всегда любил и ценил боевые, направленные против угнетения и социальной несправедливости произведения Борнхёэ, они сохранили свое идейное значение и в наши дни. С особенной силой это проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда «Мститель» стал для эстонских трудящихся как бы прямым призывом к борьбе против захватчиков.

Произведения Борнхёэ до сих пор выходят в Советской Эстонии крупными тиражами, что является доказательством постоянного интереса к ним. Его исторические повести неоднократно издавались и на русском языке. В 1969 году на экраны страны вышел фильм «Последняя реликвия» (сценарий Арво Вальтона), созданный по мотивам повести «Князь Гавриил».

Творчество Борнхёэ проникнуто идеей последовательной и непримиримой борьбы против угнетателей народа. Эти произведения близки советским людям, они учат нашу молодежь ненавидеть рабство и угнетение, еще являющиеся уделом многих народов мира, воспитывают мужество, стойкость и патриотизм.

Э. Нирк.

СОДЕРЖАНИЕ

МСТИТЕЛЬ

Перевод Р. Трасса 3

БОРЬБА ВИЛЛУ

Перевод Р. Трасса 99

КНЯЗЬ ГАВРИИЛ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МОНАСТЫРЯ БРИГИТТЫ

Перевод Р. Трасса, В. Федоровой, О. Каменецкой 187

Э. Нирк. Эдуард Борнхёе и его исторические повести . . . 358

Борнхёэ Э.

- Б 82 Мститель. Борьба Виллу. Князь Гавриил, или Последние дни монастыря Бригитты: Пер. с эстонского. / Посл. Э. Нирка; Ил. Б. Пашкова.— М.: Правда, 1989.—368 с., ил.

Эдуард Борнхёэ (1862—1923) — один из выдающихся представителей эстонской литературы конца XIX века. Его лучшие произведения — исторические повести — проникнуты идеей последовательной и непримиримой борьбы против угнетателей народа. В сборник вошли произведения: «Мститель», «Борьба Виллу», «Князь Гавриил, или Последние дни монастыря Бригитты».

Эдуард БОРНХЕЭ

МСТИТЕЛЬ

БОРЬБА ВИЛЛУ

КНЯЗЬ ГАВРИИЛ,
ИЛИ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МОНАСТЫРЯ БРИГИТТЫ

Редактор С. А. Суркова

Оформление художника Г. А. Раковского

Художественный редактор Т. Н. Костерина

Технический редактор Е. Н. Щукина

ИБ 1811

Сдано в набор 21 06 88 Подписано к печати 22 09 88

Формат 84 × 108¹/₁₆, Бумага книжно-журнальная

Гарнитура «Гарамонд» Печать офсетная

Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,53. Уч.-изд. л. 19,32

Тираж 400 000 экз. (3-й завод: 200 001–300 000 экз.)

Заназ № 2264. Цена 1 р. 70 и.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии имени
В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда»
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии издательства Куйбышевского обкома КПСС,
443086, г. Куйбышев, проспект Карла Маркса, 201

1 р. 70 к.

Эдуард БОРНХЕЭ

Мститель

